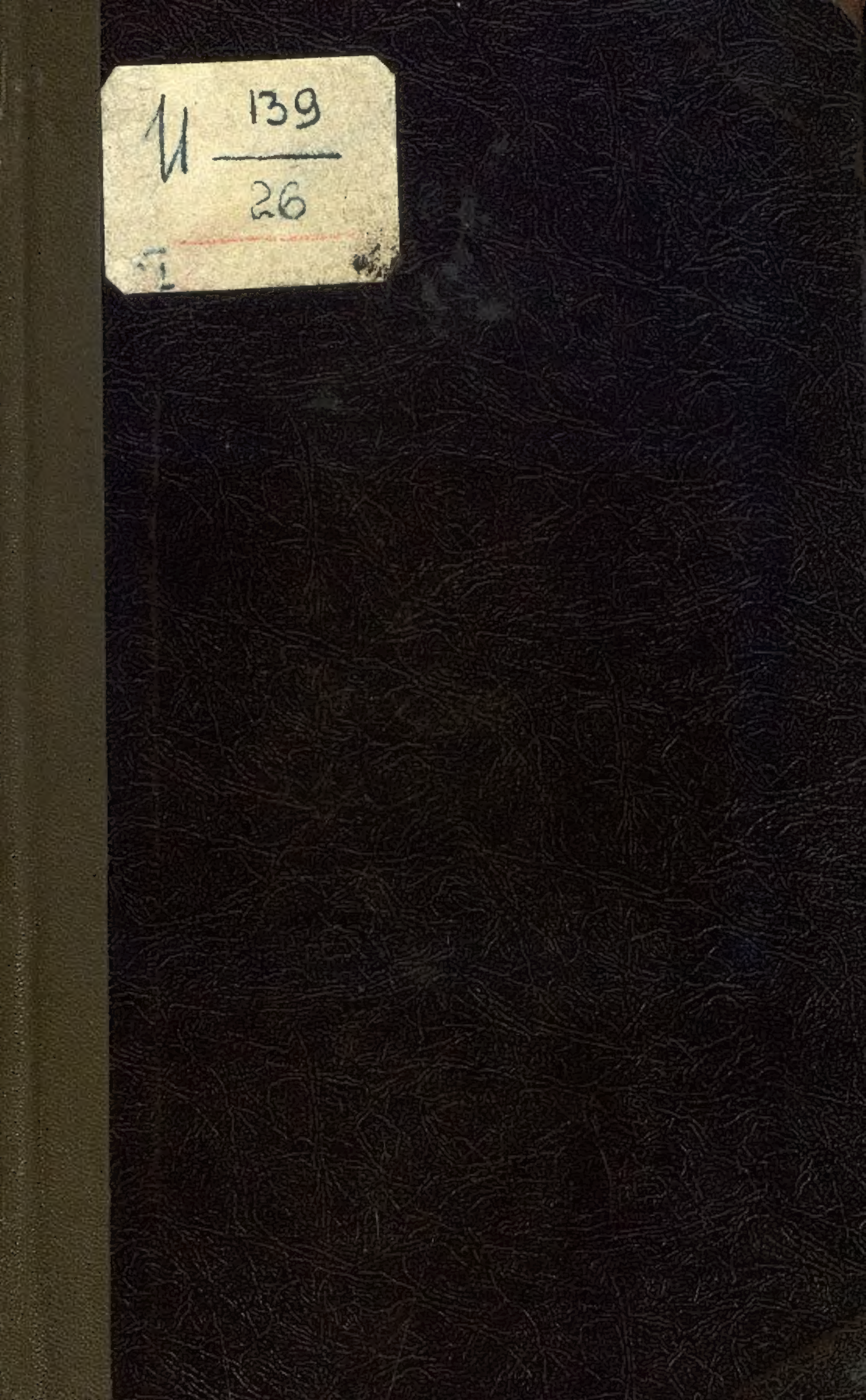
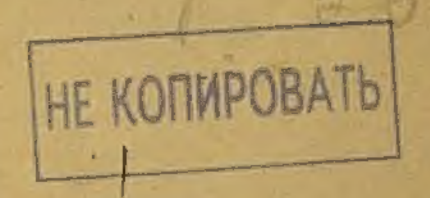

ЧЕРНОМОРЬЕ.

СБОРНИКЪ

ИЗСЛѢДОВАНІЙ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ

ЮЖНОЙ РОССІИ

Ф. Бруна,

(1852 – 1877 Г.)

ЧАСТЬ I.

ОДЕССА.
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ Г. УЛЬРИХА КРАСНЫЙ ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ ШВАРЦА № 3
1879.

ЧЕРНОМОРЬЕ.

СБОРНИКЪ

ИЗСЛѢДОВАНІЙ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ

ЮЖНОЙ РОССІИ

Ф. Бруна,

(1852—1877 Г.)

ЧАСТЬ I.

ОДЕССА.
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ Г. УЛЬРИХА, КРАСНЫЙ ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ ШВАРЦА, № 3.
1879.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго новороссійскаго университета. Ректоръ *И. А. Головкинскій.*

(Изъ XXVIII тома Записокъ Императорскаго новороссійскаго университета).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Занимавъ каѳедру всеобщей исторіи въ бывшемъ Ришельевскомъ лицеѣ въ Одессѣ съ 1832 по 1856 г., я обязанъ былъ преподавать и статистику, которой посвятилъ многіе годы. Только съ пятидесятыхъ годовъ (по случаю находки важной греко латинской надписи въ селѣ Коротномъ) сталъ я болѣе прежняго заниматься изученіемъ исторической географіи южной Россіи и съ тѣхъ поръ помѣщалъ результаты своихъ разслѣдованій въ одесскихъ и въ разныхъ другихъ, какъ русскихъ такъ и иностранныхъ періодическихъ изданіяхъ.

При затрудненіяхъ встрѣчающихся въ отыскиваніи этихъ столь разбросанныхъ статей, ко мнѣ часто обращались словесно, письменно и даже печатно съ предложеніемъ—составить сборникъ имъ. Это побудило меня переработать сказанныя статьи, дополнить ихъ и опустить въ нихъ повторенія, которыя были неизбѣжны при прежнемъ способѣ ихъ обнародыванія.

Въ двухъ частяхъ этого сборника я предполагалъ помѣстить [1]) слѣдующія статьи: 1) Островъ Тирагетовъ и гре-

[1]) Подобно нѣкоторымъ другимъ статьямъ, также касающимся исторической географіи южной Россіи, какъ то: «О странствованіяхъ царя пресвитера Іоанна» (въ V томѣ Записокъ Новор. университета) и «О Киммеріанахъ

ко-латинская надпись найденная въ селѣ Коротномъ; 2) Островъ св. Еѳерія; 3) Нѣчто о Добруджѣ; 4) Островъ Певки; 5) Къ вопросу о древней топографіи Ираклійскаго полуострова; 6) Берегъ Чернаго моря между Днѣпромъ и Днѣстромъ по морскимъ картамъ XIV и XV столѣтій; 7) Слѣды древняго рѣчнаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море; 8) Обмелѣніе Азовскаго моря; 9) Донесеніе о поѣздкѣ къ устьямъ Буга и Днѣпра въ 1862 году; 10) Судьбы мѣстности занимаемой Одессою; 11) О поселеніяхъ Итальянцевъ въ Газаріи; 12) О родствѣ Гетовъ съ Даками, сихъ послѣднихъ съ Славянами и Румыновъ съ Римлянами; 13) Опытъ соглашенія противуположныхъ мнѣній о Геродотовой Скиѳіи и смежныхъ съ ней земляхъ; 14) Матеріалы для исторіи Сугдеи; 15) Периплъ Каспійскаго моря по картамъ XIV столѣтія; 16) Черноморскіе Готы и слѣды долгаго ихъ пребыванія въ южной Россіи; 17) Восточный берегъ Чернаго моря по древнимъ периплямъ и по компасовымъ картамъ; 18) О резиденціи хановъ Золотой орды до временъ Джанибека; 19) О разныхъ названіяхъ Кіева въ прежнее время; 20) О разныхъ названіяхъ Керчи и ея окрестностей въ среднихъ вѣкахъ; 21) Нѣкоторыя историческія соображенія по поводу названія Добруджи; 22) Догадки касательно участія Русскихъ въ дѣлахъ Болгаріи въ XIII и XIV столѣтіяхъ.

Геродота и о переселеніи Кимрскаго племени» (въ VII т. Зап. Од. Общ.) въ сборникъ не войдутъ переводы путевыхъ записокъ разныхъ иностранцевъ по южной Россіи, печатанные мною съ комментаріемъ, подъ заглавіемъ: О дипломатическихъ сношеніяхъ египетскаго султана Бибарса съ золото ординскимъ ханомъ Берке (въ VI томѣ Зап. Одесск. Общ.); Путешествія Ивана Шильтбергера и т. д. (въ I т. Зап. Новор. университета); Путешествіе Гилльберта де Ланнуа по южной Россія (въ III т. Зап. Од. Общ.); Путевыя записки Эриха Ласоты и пр. (С. П. 1873); Неудачная осада Азова Турками въ 1641 г. и пр. (въ VIII т. Зап. Одесск. Общ.); Путешествіе турецкаго туриста по восточному берегу Чернаго моря (въ IX томѣ тѣхъ же записокъ); Крымскій полуостровъ около половины XVIII столѣтія (въ Новоросс. календарѣ на 1868 годъ).

Первую часть, въ которую вошли первыя 12 статей, я представилъ, по недостатку особыхъ оттисковъ и вслѣдствіе сдѣланныхъ въ нихъ измѣненій, въ рукописи подъ заглавіемъ: «Черноморье, сборникъ изслѣдованій по исторической географіи южной Россіи», конференціи С.-Петербургской Императорской Академіи Наукъ для соисканія Уваровской преміи за 1878 годъ. Благодаря лестному отзыву рецензента, г. профессора С.-Петербургскаго университета В. Г. Васильевскаго объ этой части сборника, Академія удостоила мой трудъ преміи [2]).

Въ свою очередь историко-филологическій факультетъ Имп. Новороссійскаго Университета оказалъ мнѣ содѣйствіе, рѣшивъ печатать мой сборникъ въ Запискахъ Университета.

Получивъ между тѣмъ разборъ первой части составленный г. Васильевскимъ и напечатанный въ январѣ текущаго года, я съ его согласія не упустилъ воспользоваться замѣтками его для исправленія главныхъ имъ доказанныхъ ошибокъ или промаховъ, на сколько мнѣ это позволилъ краткій срокъ времени; вмѣстѣ съ тѣмъ я старался формулировать точнѣе прежняго тѣ изъ представленныхъ мною гипотезъ, которымъ снисходительный мой рецензентъ противуставляетъ другія, въ справедливости которыхъ я еще не могъ убѣдиться.

Во второй части сборника [3]) будутъ приложены общіе къ двумъ частямъ указатели личныхъ и географическихъ

---

[2]) См. Отчетъ о двадцать-первомъ присужденіи наградъ графа Уварова. С.-П. 1878, стр. 11, 12.

[3]) Предоставляя себѣ тамъ же исправить опечатки вкравшіяся въ этотъ томъ, ограничиваюсь здѣсь просьбою, чтобы читатели благоволили сами на четвертой строкѣ 129 страницы послѣ слова «миляхъ» прибавить пропущенныя при наборѣ слова: «отъ Босагача, находившагося въ 40 миляхъ» (отъ Таны и т. д.).

именъ, а также, въ случаѣ возможности, три карты, а именно: 1) Карта Геродотовой Скиѳіи и смежныхъ съ ней земель; 2) Копія карты Чернаго моря Генуэзца Весконте (1318 г.); 3) Копія карты волжскаго бассейна и Каспійскаго моря Венеціанцевъ Пицигани (1367 года).

Ф. Брунъ.

Одесса, іюнь 1879 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

Островъ Тирагетовъ и Греко-Латинская надпись, найденная въ селѣ Коротномъ [1]).

Судя по измѣненіямъ, на нашихъ глазахъ происходившимъ въ гидрографическихъ отношеніяхъ южной Россіи, нельзя не предположить, что рѣки ея были въ древности гораздо полноводнѣе и шире, чѣмъ нынѣ. Эта замѣтка можетъ быть примѣняема въ особенности къ Днѣстру, по причинамъ, приведеннымъ г. Демолемъ въ любопытной статьѣ, помѣщенной въ № 9 Записокъ Одесскаго Общества сельскаго хозяйства за 1850 годъ. Еще до этого г. Надеждинъ, наблюдатель не менѣе тонкій, какъ отличный писатель, замѣтилъ мимоходомъ [2]), что въ старину устье Днѣстровскаго лимана было вѣроятно обширнѣе нынѣшняго и что сама рѣка въ него изливалась двумя рукавами. Дѣйствительно, на хорошей картѣ, начертанной Исленьевымъ въ 1779 году, мы встрѣчаемъ большой островъ между Паланкою и Маяками, тождественный съ островомъ, помѣщеннымъ у Пейссонеля между Бендерами и Паланкою, равно какъ и на картѣ, приложенной Сестренцевичемъ къ его «Histoire de la Tauride».

Обстоятельство, что въ XVIII столѣтіи въ этой мѣстности находился островъ, отнюдь не можетъ служить доказательствомъ, что островъ этотъ уже существовалъ 18 вѣковъ

[1]) Составлено по статьямъ автора: L'Ile des Tiragètes, въ Journal d'Odessa, 1852 №№ 26 и 27, и О мѣстоположеніи Тираса, въ Записк. Одесск. Общ. III 1853.

[2]) Одесскій Альманахъ 1840, стр. 325.

тому назадъ. Напротивъ того, мнѣ кажется, что измѣненія, послѣдовавшія въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ въ бассейнѣ нижняго Днѣстра, скорѣе свидѣтельствуютъ, что около начала нашей эры, все болотистое пространство, отдѣляющее нынѣ Маяки отъ Паланки, было покрыто водою и составляло продолженіе лимана.

Вотъ почему я не думаю, что древній островъ Тирагетовъ, о которомъ говоритъ одинъ только Плиній [3]), могъ совпадать съ этою мѣстностью, какъ старается доказать г. Беккеръ въ разсужденіи подъ заглавіемъ: «Берегъ Понта Евксинскаго» и проч. [4]). Въ пользу сего мнѣнія г. Беккеръ именно ссылается на замѣченное имъ обстоятельство, что разстояніе, отдѣляющее Маяки отъ Киліи равняется какъ разъ 130 милямъ, полагаемымъ Плиніемъ на разстояніе отъ острова Тирагетовъ до устья Дуная *Псевдостомонъ*. Но это равенство, если бы оно дѣйствительно существовало, не могло бы служить доказательствомъ въ пользу мнѣнія г. Беккера: приведенное измѣреніе Плинія началось вѣроятно въ 30 миляхъ южнѣе Киліи, такъ какъ его Псевдостомонъ соотвѣтствовалъ не Килійскому, но скорѣй Сулинскому устью. Таково по крайней мѣрѣ мнѣніе извѣстныхъ географовъ Маннерта и Укерта, которымъ слѣдуетъ Крузе въ его монографіи «De Jstri ostiis». Можетъ быть я могъ бы представить новые доводы въ пользу сего мнѣнія; но я оставлю ихъ въ сторонѣ, дабы не наскучить читателю подробностями, излишними для рѣшенія вопроса, которымъ здѣсь занимаюсь. Ибо дѣло въ томъ, что Плиній въ своемъ измѣреніи вовсе не имѣлъ въ виду островъ Тирагетовъ, но устье Тираса. Такъ поняли его географы, приводившіе его слова, напр. Низаръ и Литтре, которые переводятъ: «le Tyra, fleuve célèbre, donnant son nom à une ville qui occupe l'emplacement d'Ophiusa, *formant* une île spacieuse habitée par les Tyragètes, et *éloigné* de la bouche Pseudostomon

---

[3]) Nat. hist. IV. 26.

[4]) Записки Одесск. Общ. III 187.

du Danube de 130,000 pas.» Чтобы убѣдиться въ точности сего перевода читателю придется только его сравнить съ текстомъ классика (IV, 26) и съ другими подобными мѣстами его труда.

Правда, по его измѣренію разстояніе между Днѣстромъ и Дунаемъ выходитъ 20-ю милями значительнѣе, чѣмъ у безъименнаго автора перипла Понта Евксинскаго. Но это разногласіе происходитъ отъ того, что измѣреніе послѣдняго начинается съ устья Днѣстровскаго лимана, тогда какъ протяженіе сего лимана включено въ измѣреніе Плинія. Подобное различіе встрѣчаемъ мы между нимъ и авторомъ перипла при опредѣленіи ими протяженія берега между Днѣпромъ и Днѣстромъ, съ котораго, а не съ острова, тутъ начинается измѣреніе у Плинія: «Et a Tyra CXX millibus p. flumen Borysthenes, lacusque et gens eodem nomine etc».

Въ этомъ случаѣ Плиній только слѣдовалъ примѣру Артемидора, считающаго для того же разстоянія 300 стадій болѣе Безъименнаго, потому, какъ уже замѣтилъ г. Беккеръ, что измѣреніе его доходитъ до устья Днѣстра въ лиманъ. Что же касается большаго острова, образуемаго, по его свидѣтельству, этой рѣкою, то я охотно искалъ бы его между нею и Кучурганомъ, съ ней соединяющимся нѣсколько верстъ выше Маякъ. Съ морской стороны пространство между ними заключающееся представляется въ видѣ острова и могло казаться таковымъ очевидцамъ, свидѣтельство которыхъ сохранилось у Плинія, подобно тому какъ приписка *y-a de nogai*, которая въ этой мѣстности читается на картѣ Біанко (1436), показываетъ, что и въ глазахъ итальянскихъ моряковъ XV столѣтія полуостровъ образуемый обѣими рѣками казался настоящимъ островомъ. Таковымъ онъ впрочемъ представляется еще и теперь, когда Днѣстръ во время полноводія, выйдя, ниже Дубоссаръ, изъ крутыхъ береговъ своихъ, разливается по прилежащей долинѣ и соединяется даже съ Кучурганскимъ лиманомъ [5]).

---

[5]) Шмидтъ, Матеріалы для Геогр. и Стат. Херсонской губерніи, I, 203; ср. Григоровичъ, Записка антиквара etc. Одесса, 1874, стр. 32.

Въ этой низменности, въ верстахъ 30 ниже Тирасполя, лежитъ въ долинѣ Днѣстра село Коротное, гдѣ былъ случайно найденъ хранящійся теперь въ музеѣ Одесскаго Общества камень съ латино-греческою надписью, въ которой, къ сожалѣнію, недоставало первыхъ строкъ. Изданная впервые во 2-мъ томѣ Записокъ Общества съ дѣльными примѣчаніями г. Беккера, эта важная надпись затѣмъ была обнародована Мерклиномъ [6]), Гепценомъ [7]) и Момзеномъ [8]), съ прибавленіемъ его чтенія недостающихъ строкъ и замѣтокъ у него вызванныхъ содержаніемъ надписи. Поелику же сборникъ, въ который она имъ была помѣщена, недоступенъ для всѣхъ нашихъ читателей, то намъ казалось кстати помѣстить ее здѣсь, съ супплементомъ, составленнымъ первымъ знатокомъ римской исторіи и съ переводомъ объяснительныхъ замѣтокъ имъ къ ней прибавленныхъ:

[Exemplum epistulae ad Tertullum].

[Misimus tibi epistulam ad Heraclitum, unde intelleges, quid statuerimus de immunitate, quam Tyrani sibi concessam esse contendunt. Quam licet admittere non so-
1 leamus nisi | privile]gii auct[oritate perpensa et origine
2 immu]|nitatis inspecta, quod us[u receptum esse qua]
3 4 qua ratione videbatur, cum iusta [moderati]|one serva-
5 vimus, ut neque ipsi cons[uetudi]|ne diuturna pellerentur
6 tur et in poster[um] | decreta civium adsumendorum con-
7 sil[iis] | praesidis provinciae c(larissimi) v(iri) perpenderentu[r].

8 Exemplum epistulae ad Heraclitum.

9 10 | Quamquam Tyranorum civitas originem | dati be-
11 neficii non ostendat nec facile, quae | per errorem aut li-
12 centiam usurpata sunt, prae|scriptione temporis confirmen-
13 tur, tamen, | quoniam divi Antonini parentis nostri litte-|
14 15 ras, sed et fratrum imperatorum cogitamus, item | Antonii

---

[6]) Gerhard's archaeol. Zeitung II p. 161.

[7]) Annali del Inst. 1854 p. 67.

[8]) Corpus inscript. latin. III, 1 p. 147.

Hiberi gravissimi praesidis, quod attinet | ad ipsos Tyranos 16
quique ab iis secundum leges | eorum in numerum civium 17
adsumpti sunt, ex pri|stino more nihil mutari volumus. 18
Retineant | igitur quaqua ratione quaesitam sive possessam | 19
privilegii causam in promercalibus quoque re|bus, quas 20 21
tamen pristino more professionibus | ad discernenda muni- 22
fica mercimoniorum eden|das esse meminerint Sed cum 23
Illyrici fructum | per ambitionem deminui non oporteat, 24
sciant | eos, qui posthac fuerint adsumpti, fructum | im- 25 26
munitatis ita demum habituros, si eos legatus | et amicus 27
noster v(ir) c(larissimus) iure civitatis dignos esse de|cre- 28
to pronuntiaverit. Quos credimus satis a|bundequae sibi 29
consultum, si grati fuerint, exi|stimaturos, quod origine 30
beneficii non quaasi|ta dignos honore cives fieri prae- 31
ceperimus.

| Ὀουίνιος Τέρτυλλος ἄρχουσι βουλῇ δή|μῳ Τυρανῶν 32 33
χαίρειν | Ἀντίγραφον τῶν θείων γραμμάτων πεμ|φθέντων μοι 34 35
ὑπὸ τῶν κυρίων ἡμῶν ἀνει|κήτων καὶ εὐτυχεστάτων αὐτοκρατό- 36
ρων | τούτοις μου τοῖς γράμμασιν προέταξα δ|πως γνόντες τὴν 37 38
θείαν εἰς ὑμᾶς μεγαλο|δωρίαν τῇ μεγάλῃ αὐτῶν τύχῃ εὐχα- 39
ριστή|σητε Ἐρρῶσθαι ὑμᾶς καὶ εὐτυχεῖν πολ|λοῖς ἔτεσιν εὔχομαι 40 41

Ἀπεδόθη πρὸ | ιγ' καλανδῶν Μαρτίων Ἀηνεῶνος η' | 42
Ἀνεστάθη ἐπὶ Μουκιανοῦ καὶ Φαβιανοῦ | ὑπάτων, ἐν τῷ εμρ 43 44
ἔτει | ἀρχῆς Π. Αἰλίου Καλπουρνίου. 45

«Президентъ, писавшій эту грамоту, Л. Овиній Тертуллъ, императорскій легатъ Нижней Мизіи въ царствованіе Севера и Каракаллы, уже извѣстенъ какъ по монетамъ съ именемъ его на императорскихъ монетахъ лежащаго при Іатрѣ и значущаго при Истрѣ Никополиса, (Borghesi dec. XV, 8 opp. 2 p. 224), такъ и по нѣкоторымъ рескриптамъ (Dig. 38, 17, 1, 3; 49, 15, 9; Cod. Iust. 8, 51, 1). То же мѣсто прежде занималъ Антоній Гиберъ (v. 15), можетъ быть тождественный съ консуломъ того же имени, 133 года.

«Тертуллъ препровождаетъ Тиранамъ грамоту касательно ихъ льготъ, посланную ему императорами Северомъ и Кара-

каллою (34 sq.), отъ которой сохранился лишь только конецъ; вполнѣ же сохранилась другая грамота, копія которой также была получена Тертулломъ, написанная о томъ же дѣлѣ императорами какому то Гераклиту, который тогда, кажется, завѣдывалъ доходами Иллирикума и быть можетъ занималъ должность императорскаго прокуратора въ этой провинціи. Что область Тиранская входила въ составъ не Дакіи, но Мизіи, видно также изъ Птолемея (3, 8, 10), по которому Дакія съ восточной стороны граничитъ съ рѣкою Гіеразомъ (Серетъ); нынѣшняя же Бессарабія и все побережье такимъ образомъ отъ ней отдѣляется, что Тира лежитъ въ Мизіи, тогда какъ Ольвія находится уже внѣ этой провинціи, въ Сарматіи. Это подтверждается какъ мѣстомъ у Діона (68, 12), гдѣ говорится, что Децебалъ требовалъ отъ Траяна уступки края до Истра, такъ и тѣмъ обстоятельствомъ, какъ замѣтилъ Боргезе, что монеты Тирановъ начинаются съ Веспасіана (см. перечень Mém de la Soc. d'arch. de S-P. в. 3, 1849 p. 192), при которомъ: еще не было провинціи Дакіи. Монеты же императорскія, подобно Ольвійскимъ, которыя только начинаются съ Септиміемъ Северомъ (Köhne Musée Kotschubey, 1 p. 83 sq.) оканчиваются Северомъ Александромъ. Кажется поэтому, что задунайская часть Нижней Мизіи была уступлена варварамъ при императорѣ Максиминѣ (см. vita Maximini et Balb. c. 16 sub his pugnatum a Carpis contra Moesos fuit et—exidium eo tempore—Histricae civitatis), не много ранѣе уступки всей провинціи Дакіи при Галліенѣ. Когда именно область Тирановъ была превращена въ провинцію, мы узнаемъ изъ самаго декрета (42, sq), гдѣ читается, что 201 г. п. Р. Х. соотвѣтствовалъ 145 году эры Тирановъ, которая по этому началась съ 56 или 57 года по Р. Х., когда императоромъ былъ Неронъ. Ибо не легатомъ отмѣченъ день полученія грамоты, но день этотъ, равно какъ и годъ, въ которомъ она была выставлена, отмѣчены начальникомъ города (т. е. П. Эліемъ Кальпурніемъ, упомянутымъ въ концѣ). Боргези (ср. annali del Inst. 1839 p. 157) справедливо замѣтилъ, что въ тоже вре-

мя Ти. Плавцій Сильванъ былъ легатомъ Мизіи и предѣлы этой провинціи простеръ до Херсониса, какъ явствуетъ изъ извѣстнаго надгробія (Orelli 750) leg. pro praet. Moesiae, in qua plura quam centum mill (ia) ex numero Trasdanuvianor(um) ad praestanda tributa cum conjugib (us) ac liberis et principib (us) aut regibus suis transduxit... pacem provinciae et confirmavit et protulit. Если же мы узнаемъ изъ нашей надписи, что даже въ III столѣтіи у Тирановъ не былъ въ употребленіи римскій календарь, но ихъ собственный, заимствованный ими, подобно Ольвіополитянамъ, у Милезійцевъ (отъ которыхъ взято названіе мѣсяца Lenaeon, см. Ahrens, mus. Rhen. nov. vol. 17 p 329 sq), то это обстоятельство легко объясняется; ибо, какъ замѣтилъ Мерклинъ, городъ Тира былъ, подобно другимъ городамъ сего берега, колоніею Милета. По мнѣнію хронологовъ милезійскій мѣсяцъ Ленеонъ соотвѣтствовалъ аѳинскому Гамеліонъ и совпадалъ бы съ Январемъ Юліанскаго календаря, если бы только можно было ручаться за достовѣрность вывода изъ сравненія луннаго года съ солнечнымъ. Вопросъ, почему именно у Тирановъ 8 день Ленеона 201 г. по Р. Х. соотвѣтствовалъ 17 Февраля Юліанскаго года, можетъ быть только рѣшенъ, когда будетъ извѣстно съ какого дня начинался годъ у Тирановъ. Остается сказать нѣсколько словъ о содержаніи надписи. Самъ Тертуллъ пишетъ, что онъ своему письму предпоставилъ (v. 37 προέταξα) копіи императорскихъ грамотъ: поэтому не сомнѣваюсь, что начало надписи гласило такъ, какъ мною выше было замѣчено. Всѣмъ извѣстно, что значитъ Illyricum (v. 23), ср. Appian. Illyr 6: (Ῥωμαῖοι) τὸ τέλος τῶν ἐθνῶν ἀπὸ ἀνίσχοντος Ἴστρου μέχρι τῆς Ποντικῆς θαλάσσης ὑφ' ἓν ἐκμισθοῦσι καὶ Ἰλλυρικὸν τέλος προσαγορεύουσιν. Льгота, о которой идетъ рѣчь, заключалась въ томъ, что Тиранскіе граждане, хотя и должны были заявлять слѣдуемые имъ изъ таможни товары, но освобождались отъ платежа податей, и то не только за товары ими покупаемые для собственнаго потребленія, но и за такіе, которые назначались для продажи. Изъ надписи нельзя заключить

относились ли эти двѣ льготы къ лицамъ или къ мѣсту, или другими словами, долженствовали ли Тирапы ими пользоваться въ цѣломъ Иллирикумѣ, или только, что вѣроятнѣе, въ портѣ Тирасскомъ. Хотя Тирапы основывали эту привилегію скорѣй на обыкновеніи, чѣмъ на законѣ, тѣмъ не менѣе императоры благоволили ее утвердить, съ тѣмъ однако, чтобы, въ интересахъ казны, въ послѣдствіи тѣ только лица могли пользоваться этою привилегіею, которыхъ легатъ призналъ бы достойными права гражданства; ибо изъ v. 31 явствуетъ, что тѣ, которыхъ президентъ считалъ бы недостойными, должны были лишиться не только льготы, но и права гражданства».

Эти замѣтки были уже напечатаны, но не обнародованы, когда г. Моммзену было доставлено извлеченіе на французскомъ языкѣ изъ статьи, мною помѣщенной въ 3 т. Записокъ Одесск. Общ. ист. и древн. подъ заглавіемъ: «О мѣстоположеніи Тираса». Это побудило г. Моммзена къ прежде имъ сказанному о нашей надписи прибавить еще нѣсколько подробностей во 2-й части 3 тома его Сборника.

Между прочимъ онъ тутъ помѣстилъ отрывокъ моего письма, который да позволено будетъ здѣсь представить въ переводѣ: «Село Коротное лежитъ въ долинѣ Днѣстра, въ двухъ верстахъ отъ лѣваго берега этой рѣки. Въ полъ версты выше села курганъ незначительной величины, въ ста шагахъ отъ плавней, образуемыхъ рѣкою. Въ нѣсколькихъ шагахъ за этимъ курганомъ слѣдуетъ другое, еще гораздо меньшее возвышеніе, медленно поднимающееся надъ почвою, совершенно ровною въ окрестностяхъ. Подъ поверхностью этого втораго возвышенія найденъ былъ нашъ памятникъ племянникомъ прежняго сельскаго старосты Петрова, когда онъ, паша землю, наткнулся плугомъ на верхнюю часть самаго памятника. По единогласному свидѣтельству Петрова, его племянника и другихъ поселянъ, участвовавшихъ при дальнѣйшемъ вскрытіи памятника, послѣдній не лежалъ, но стоялъ на пьедесталѣ, который мнѣ показали на дворѣ Петрова, откуда, по моему распоряженію, былъ онъ доставленъ въ Одессу. Этотъ пьедесталъ сдѣланъ изъ ра-

ковистаго известняка, вышиною въ 6 вершковъ, длиною въ 1 аршинъ 6 вершковъ, шириною въ 1 аршинъ. Въ немъ есть углубленіе, въ $4^1/_2$ вершка, длиною въ 1 аршинъ и шириною въ 3 вершка. Подъ пьедесталомъ, во время открытія, по словамъ Петрова, ничего не было найдено, кромѣ горсти угля, который онъ разсыпалъ, находя, что этотъ уголь ничѣмъ не различался отъ нынѣшняго древеснаго угля».

Затѣмъ г. Моммзенъ, допуская, что вмѣсто словъ u(su receptum esse), слѣдуетъ читать со мною: usurp(atum esse), продолжаетъ отъ себя, (p. 1009), что я изъ приведенныхъ данныхъ вывелъ справедливое заключеніе, что памятникъ былъ воздвигнутъ, не въ Аккерманѣ, какъ полагалъ г. Беккеръ, но на мѣстѣ его находки.

«Прибавлю, говоритъ онъ, что памятникомъ этимъ означалась граница; это явствуетъ изъ разныхъ соображеній и въ особенности изъ найденнаго подъ нимъ угля; ср. Augustinus de civ. dei, 21, 4, 2: in carbonibus .. tanta firmitas, ut nullo umore corrumpantur, nulla aetate vincantur, usque adeo, ut eos substernere soleant qui limites figunt ad convincendum litigatorem, quisquis post quantalibet tempora extiterit fixumque lapidem limitem non esse contenderit; сравн. также Siculus Flaccus p. 141, Lachm. Оказывается по этому, что и льготы, дарованныя Тиранамъ далѣе не простирались, подобно тому, какъ камни поставленные въ окрестностяхъ города Рима при императорѣ Маркѣ propter controversias, quae inter mercatores et mancipes ortae erant, ut finem demonstrarent vectigali.... exigundo (ср. м. зам. въ Зап. Сакс. Общ. 1850, 309)».

Послѣ вышесказаннаго о мѣстоположеніи села Коротнаго читатели можетъ быть согласятся со мною, что «Островъ Тирагетовъ» входилъ въ составъ владѣній Тирановъ, хотя названіе тамошняго ихъ пограничнаго пункта намъ не передано Плиніемъ. Если же такъ, то я полагалъ бы, что туземное названіе этой мѣстности было *Офіуса* и что послѣ водворенія Милезійцевъ въ *Никоніумъ*, ихъ потомки легко могли утвер-

диться на островѣ, омываемомъ рѣкою, представляющей удобное плаваніе для ихъ судовъ. Геродотъ по крайней мѣрѣ въ мѣстахъ, покинутыхъ Неврами ради змѣй, которыя и теперь водятся въ плавняхъ Днѣстровскихъ, не знаетъ Тирагетовъ Страбона и Плинія, тогда какъ этотъ народъ могъ быть смѣсью «Тиритовъ» Геродота и Гетовъ, которые еще при царѣ своемъ Беребистѣ простерли свое оружіе даже до Ольвіи. Уже по сокрушеніи ихъ могущества греческіе обитатели острова могли переселиться на противоположный берегъ рѣки и новое свое поселеніе также называть Офіусою. По присоединеніи его къ римскимъ владѣніямъ, онъ уже не означался этимъ именемъ, но просто назывался Тирасомъ или городомъ Тирановъ, содѣлавшись центромъ ихъ владѣній. Въ пользу изложеннаго здѣсь мнѣнія можетъ служить слѣдующее, правда, не совсѣмъ ясное мѣсто изъ сочиненія Страбона (VII, 3, 16). Сказавъ, что при устьѣ Тираса стояли башня Неоптолема и мѣстечко Гермонаксъ, онъ продолжаетъ: плавающему вверхъ по рѣкѣ представляются, въ 140 стадіяхъ, два города: съ правой стороны Никонія, съ лѣвой Офіуса; но прибрежные жители упоминаютъ также о городѣ въ 120 стадіяхъ вверхъ по рѣкѣ. Я вполнѣ согласенъ съ Гроскурдомъ [9]), что Страбонъ тутъ не передаетъ намъ другую (болѣе точную) мѣру разстоянія Никоніи или же Офіусы отъ устья рѣки, но говоритъ о третьемъ городѣ, лежащемъ, *не ниже* ихъ, какъ думаетъ нѣмецкій переводчикъ, но въ 120 стадіяхъ выше, т. е. около того мѣста, гдѣ былъ найденъ памятникъ. Съ этимъ взглядомъ можно согласовать, почему у Птолемея городъ Ophiussa помѣщается въ 20 минутахъ къ сѣверу отъ города Тира, да еще на противоположномъ, т. е. лѣвомъ берегу рѣки. Наконецъ мы имѣли бы нѣкоторое право думать, что Валерій Флаккъ имѣлъ въ виду окрестности села Коротнаго, когда восклицаетъ:

«Linquitur abruptus pelago Tyra, linquitur et mons
Ambenus et gelidis pollens Ophiusa venenis.

---

[9]) Strab. Erdbeschr. I, 538 пр. 1.

Тутъ уже явно рѣчь идетъ скорѣе объ островѣ Тирагетовъ, чѣмъ объ окрестностяхъ Аккермана. Если же въ ямбической поэмѣ приписанной Скимну Хіосскому [10]), Офіуса Скиласка и Страбона означается *однимъ* только именемъ рѣки, то эту замѣтку къ нему едва ли не отнесъ Holstenius со словъ безъименнаго автора Перипла Понта Евксинскаго, который не могъ пройти молчаніемъ городъ Тирасъ и въ то же время могъ не знать, что онъ прежде назывался Офіуса. Правда, еще до формальнаго присоединенія сего города къ римскимъ владѣніемъ, его перестали называть Офіусою; по крайней мѣрѣ Mela, какъ напомнилъ мнѣ снисходительный мой рецензентъ, знаетъ этотъ городъ лишь по имени рѣки; но за то осторожное выраженіе Плинія, что городъ, названный по рѣкѣ Tyra, находился тамъ «ubi antea Ophiusa dicebatur», заставляетъ меня подозрѣвать, что ученый авторъ Hist. naturalis имѣлъ свѣдѣнія, хотя не ясныя, о существованіи нѣкогда древнѣйшей Офіусы, совпадавшей съ безъименнымъ городомъ Страбона или Офіуссою Птолемея.

---

[10]) Müller, Geogr. Gr. Min. I, 229; ср. 418.

II.

Островъ Св. Еѳерія[1]).

Небольшой островъ Березань, лежащій противъ лимана, называемаго по имени его Березанскимъ, невольно обращаетъ на себя вниманіе въѣзжающихъ съ моря въ Днѣпровскій лиманъ. Круто поднимаясь надъ уровнемъ моря, этотъ островъ замѣчателенъ не только своимъ мѣстоположеніемъ, но и въ отношеніи историческомъ: въ немъ представляется взорамъ путешественниковъ «островъ Св. Еѳерія», къ которому, по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, приставали древніе Руссы, въ своемъ плаваніи изъ Кіева въ Константинополь[2]).

Не знаю, на какомъ основаніи авторъ «Изслѣдованій о городахъ Русскихъ», могъ смѣшать этотъ островъ съ островомъ Хортицкимъ, возлѣ пороговъ Днѣпровскихъ[3]). По крайней мѣрѣ, Багрянородный ясно говоритъ, что островъ Св. Еѳерія находился предъ устьемъ Днѣпровскаго лимана. Здѣсь именно его искали Байеръ, Пейссоннель и Шлецеръ, которые всѣ потому только не упоминаютъ объ имени Березани, что это имя имъ не было извѣстно[4]). Поелику же предъ устьемъ Днѣпра другихъ острововъ нѣтъ, кромѣ Березани, названнаго древними

---

[1]) Изъ Новороссійскаго Календаря на 1854 годъ.

[2]) Constan. Porphyrog. De adm. imp. 9.

[3]) Журналъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ, 1844, VII, стр. 252.

[4]) Comment. Academ. Sc. Imp. Petrop. IX, tab. XVI. Шлецеръ, Несторъ, Русс. лѣтописи, С.-П. 1816, III, стр. 161. Peyssonnel, Observations historiques etc. Par. 1765, стр. 145.

островомъ Борисоеномъ [5]), то и не подлежитъ сомнѣнію, что онъ именно названъ императоромъ островомъ Св. Ееерія. Хотя тождество сего острова съ Березанью дѣйствительно было признано Карамзинымъ, Лербергомъ и многими другими изслѣдователями, тѣмъ не менѣе, сколько мнѣ кажется, никто донынѣ не касался вопроса, почему именно этотъ островъ получилъ то имя, подъ которымъ онъ былъ извѣстенъ греческому императору? Желая дать поводъ къ рѣшенію сего вопроса я почитаю неизлишнимъ представить на обсужденіе критиковъ мнѣніе, что древній островъ Борисѳенъ новое свое имя получилъ по одному изъ семи Священномучениковъ, епископствовавшихъ въ Херсонѣ и утвердившихъ тамъ своими подвигами христіанскую вѣру—епископа Херсонскаго Св. Ееерія, который, заболѣвъ на обратномъ пути изъ Константинополя въ свою епархію, преставился на островѣ *Аасъ*, гдѣ надъ гробницею его былъ поставленъ памятникъ.

Свѣдѣнія о Св. Ееерiѣ заимствуемъ мы изъ источника, коего историческая важность и превосходство предъ западными Acta Sanctorum признаваемы были еще Шлецеромъ [6]),—изъ житія сего Святаго, помѣщеннаго въ книгѣ Житій Святыхъ Св. Димитрія Ростовскаго (подъ 7 марта) и взятаго, какъ свидѣтельствуетъ приписка на полѣ «изъ рукописныхъ греческихъ».

Приводимъ собственныя слова житія:

«И видѣвъ Ееерій Святый въ Херсонѣ лютость и ярость невѣрнаго народа, непопущающаго нимало Христіаномъ распространятися въ градѣ, иде въ Византію къ Царю Константину жаловашеся на нечестивый Херсонскій народъ, утѣсняющій Христіановъ. Царь же даде свое повелѣніе да свободно и невозбранно Христіане въ Херсонѣ обитаютъ и своя на Божіе славословіе соборы да творятъ явѣ невозбранно; всиже противляющіися имъ да изгонимы будутъ изъ града. Съ таковымъ по·

---

[5]) Ukert, Geogr. der Griechen und Römer, Weimar, 846, III, 2, p. 450.
[6]) Несторъ, II, стр. 566.

велѣніемъ царскимъ Святый Еѳерій въ Херсонъ возвратився, обвесели Христово стадо зѣло, невѣрніи же печальни быша и смущени. И сооруживъ Епископъ во градѣ церковъ Христіаномъ, и вся добрѣ устроивъ, паки къ Царю иде воздати благодареніе о благодѣяніи того. Возвращаяся же впаде въ недугъ и по случаю во островъ Аасъ приплывъ, временному житію своему конецъ, вѣчныя же жизни прія начало. Идѣже погребше его вѣрніи, поставиша на гробѣ его столпъ и древеса высокія тамо израстоша, показающая издалеча гробъ Святаго» [7]).

Обстоятельства, изложенныя въ этомъ повѣствованіи, приводятъ насъ, прежде всего, къ заключенію, что островъ, носившій въ послѣдствіи имя Св. Еѳерія, былъ тотъ самый, который принялъ въ нѣдра свои земные останки святителя. Не было другаго Св. Еѳерія, который могъ бы сообщить свое имя острову Березани.

Вообще въ числѣ дѣятелей здѣшняго края упоминается еще одинъ сего имени, Епископъ Херсонскій Еѳерій II, присутствовавшій на второмъ Вселенскомъ Соборѣ (381), между подписями дѣяній коего читаемъ: Еѳерій Терсонскій, вмѣсто Херсонскій [8]). Но островъ, упоминаемый Константиномъ Багрянороднымъ, носилъ имя Святаго Еѳерія, несомнѣнно того самого, коего пастырство, какъ мы выше видѣли, прославлено было началомъ законной терпимости христіанства въ Херсонѣ и подвигами святости, изъясняющими благоговѣніе современниковъ и потомства къ мѣсту его кончины. Какому острову могли мореходцы присвоить имя Св. Еѳерія, какъ не тому, на которомъ издалека видѣли они осѣненную высокими деревьями гробницу Святаго; особенно если припомнить, что островъ, носившій это имя и, по указанію Багрянороднаго, находившійся при устьѣ Днѣпра, въ древности былъ необитаемъ [9]), и обык-

---

[7]) Книга Житій Святыхъ; III, л. 45; на об. Кіевъ, 815.
[8]) Макарій, Ист. Христіанства въ Россіи, С.-П. 846, стр. 64.
[9]) Arriani Periplus Ponti Euxini, 20; Anonymi Periplus, 13.

новенно означался лишь однимъ только именемъ, подъ которымъ тогда знали сказанную рѣку.

Путь плаванія Св. Ееерія, описываемый въ житіи его, совершенно согласуется съ мѣстомъ, назначаемымъ Константиномъ для острова Св. Ееерія. Если, какъ должно полагать, мореплаватели этого времени, на пути изъ Царьграда въ Херсонъ, держались западнаго берега Понта, то Святитель долженъ былъ проходить мимо устья Днѣпра, при коемъ находился островъ, по указанію Багрянороднаго. Тѣмъ же путемъ, какъ видно изъ сказанія того же Житія Святыхъ, слѣдовалъ и преемникъ Св. Ееерія, Св. Капитонъ, въ плаваніи своемъ изъ Херсона въ Царьградъ: ибо повѣствуется о немъ, что корабль его бурею привержен былъ къ устью Днѣпра и тамъ нашлись люди невѣрные и безбожные, которые, захвативши всѣхъ на кораблѣ бывшихъ, и разбивши все, «самого Архіерея Божія Капитона въ водѣ потопили» [10]). Такимъ образомъ сіи Святители, преемственно одинъ послѣ другаго епископствовавшіе въ Херсонѣ, преставились въ мѣстахъ, вѣроятно близкихъ одно къ другому, около устьевъ Днѣпра. Это то безъ сомнѣнія и ввело въ ошибку Болландистовъ, смѣшивающихъ обстоятельства смерти обоихъ, столь отчетливо изложенныя въ нашей книгѣ житій Святыхъ. Въ Acta Sanctorum говорится о Св. Ееepiѣ: «Dum rursus B. Aetherius Byzantiam profectus esset, ut gratias Imperatori ageret, in reditu opressus ab impiis inque flumen Danapris projectus, ita martyrii cursum peregit [11]).

До сихъ поръ всѣ обстоятельства, заимствованныя нами изъ вышеприведеннаго житія Св. Ееерія совпадаютъ съ географическимъ указаніемъ Багрянороднаго. Но вотъ жизнеописатель Святаго опредѣляетъ мѣсто преставленія его еще точнѣе, приводя собственное имя острова—Аасъ.

Имя это могло уже принадлежать острову въ то время,

[10]) Книга Жит. Святыхъ, III, л. 46.
[11]) Acta Sanctorum, I Martii, p. 639—42.

когда къ нему присталъ Св. Еѳерій, или же могло служить для означенія этого острова въ эпоху составленія хроники, изъ которой Св. Димитрій Ростовскій заимствовалъ житіе Св. Еѳерія: оно могло быть дано ему въ замѣнъ прежняго народомъ иновѣрнымъ, иноплеменнымъ; когда вліяніе Византіи на нашемъ берегу Понта кончилось, памятники христіанства были разрушены, благочестивыя преданія забыты.

Во всякомъ случаѣ попытаемся изслѣдовать, нѣтъ ли въ словѣ Аасъ указанія или намека на островъ Березань, котораго тождество съ островомъ Св. Еѳерія Константина, учеными вообще признанное, получило бы въ семъ случаѣ новое доказательство, независимое отъ топографическихъ соображеній. Обращаемся прямо къ острову Березани, потому что на всемъ пути Святителя изъ Константинополя въ Херсонъ могли встрѣтиться ему только два острова, къ которымъ бы онъ могъ удобно пристать, или съ которыхъ памятникъ надгробный, ему воздвигнутый, могъ быть видѣнъ въ значительномъ разстояніи, именно: Змѣиный островъ и Березань. Первый, извѣстный въ древности подъ названіемъ Левки, въ послѣдствіи сталъ уже называться Фидониси, т. е. Змѣиный островъ, въ турецкомъ переводѣ: Иланъ-Адасси [12]). Не представляя никакого сближенія съ опредѣляемою нами мѣстностью, онъ не могъ быть принимаемъ нами въ соображеніе.

Березань называется Турками Бюрюкъ-Юзенъ-Ада, т. е. островъ волчьей рѣки, и, вѣроятно, отсюда извѣстенъ въ простомъ народѣ подъ названіемъ Ада—островъ [13]). Судя по мѣстности, равно какъ и по созвучію именъ, должно думать, что Турки подъ названіемъ Бюрюкъ, или собственно Бюрю—Юзенъ или волчьей рѣки, могли только имѣть въ виду или Березань или древній Борисѳенъ, который впрочемъ у нихъ обыкновенно означается подъ названіемъ Ози. По мнѣнію Гаммера, это имя перешло къ Днѣпру отъ Узовъ или Половцевъ,

---

[12]) Лоція Чернаго моря, Николаевъ, 1851, стр. 431.

[13]) Ibid. стр. 30.

обитавшихъ нѣкогда при его берегахъ. Шафарикъ же полагаетъ, что турецкія племена въ насмѣшку примѣнили къ Днѣпру названіе Узу, Узи, Ози, Озу, Іоза — и что по сему самому Днѣпровскій лиманъ получилъ названіе Озолимна [14]), о которой упоминаетъ Анна Комнина, слова которой здѣсь слѣдуютъ въ русскомъ переводѣ Венелина [15]).

«Сіе озеро, именуемое нами Озолимною, весьма обширно и величиною своею не уступаетъ ни одному изъ описанныхъ географами. Оно лежитъ посреди ста холмовъ (Ἑκατὸν βουνοί), и впадаютъ въ оное величайшія и прекраснѣйшія рѣки. Въ южной своей части принимаетъ оно много великихъ и сильно нагруженныхъ судовъ: безъ сомнѣнія это доказываетъ глубину онаго».

«Впрочемъ имя Озолимны, знающимъ греческій языкъ, покажется происходящимъ отъ какого то непріятнаго запаху, выходящаго изъ озера; но это несправедливо, ибо имя это происходитъ отъ Униската (Гунискаго) войска, собиравшагося и стоявшаго на берегахъ сего озера. Извѣстно же что тѣхъ, коихъ мы называемъ Гуннами, простой нашъ народъ называетъ Узами: отсюда, думаю, родилось Οὐζολίμνη, т. е. озеро Узовъ или Узовское; въ послѣдствіи буква υ вытерта изъ сего слова, которое въ нынѣшнемъ составѣ мы уже видѣли. Если же кто спроситъ о времени происхожденія сего имени, то едва ли можно найти въ древнихъ исторіяхъ извѣстія о нашествіи Гунновъ на сію страну; но это случилось въ царствованіе Алексія. Тогда Гунискій народъ, при большемъ волненіи, съ оружіемъ прибылъ въ упомянутое мѣсто, коему далъ новое названіе».

Сознавая, что Цесаревна весьма умно и естественно объяснила значеніе слова Озолимны, Венелинъ тѣмъ не менѣе старается доказать, что оно есть ничто иное, какъ греческій переводъ славянскаго слова «Солное озеро», и что подъ этимъ

---

[14]) Schafarik, Slavische Alterthümer, Lpzg, 1842, 1, p. 502.

[15]) Венелинъ, О Солномъ озерѣ Гальмирисъ, въ Чтеніяхъ Московск. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1847, № 6, стр. 19—46.

озеромъ должно разумѣть извѣстное Плинію озеро Halmyris, названное нынѣ Рассейнъ или Рамзинъ, и которое соединяется съ Чернымъ моремъ посредствомъ южнаго, или т. н. Портицкаго гирла Дуная.

Для подтвержденія сего мнѣнія, онъ ссылается на слѣдующее мѣсто изъ Кедрина (къ 1049 году): «Пацинаки поселились между Гемомъ, Дунаемъ и моремъ, на мѣстахъ, имѣющихъ овраги, луга, разнаго рода лѣсъ, воду и пастбища, именуемыхъ жителями Ста холмами (Ἑκατὸν βουνοί)», или пожалуй Ста-горами, какъ переводитъ Венелинъ съ Шафарикомъ [16]).

Показавъ, что число Сто не можетъ быть здѣсь выраженіемъ опредѣленной сотни, Венелинъ находитъ, что Кедринъ долженъ былъ имѣть въ виду Бабадагскую область, близъ озера Рассейнъ, а потому заключаетъ, что оно соотвѣтствовало Озолимнѣ, которая, по свидѣтельству Анны Алексѣевны, также находилась въ сосѣдствѣ ста холмовъ или Сто-горья. Однако, если взять во вниманіе, что эта Озолимна находилась не посреди, но выше ста холмовъ [17]), что подъ прекрасными и судоходными рѣками Цесаревна не могла разумѣть полуизсохшіе притоки южнаго гирла Дуная—но только Бугъ и Днѣпръ; наконецъ, что греческія суда въ это время часто приставали къ Олешью [18]), нынѣ Алешки, на южной сторонѣ Днѣпровскаго лимана—то оказывается, что этотъ именно лиманъ, а не озеро Гальмирисъ или Рассейнъ, долженъ былъ соотвѣтствовать *Озолимнѣ*, о которой говоритъ Цесаревна. По сему самому читатели согласятся, можетъ быть, съ моимъ предположеніемъ, что сюда именно, въ окрестностяхъ нашихъ «Стомогилъ», или развалинъ Ольвіи [19]), спаслись вѣроятно Печенѣги послѣ пораженія имъ нанесеннаго Половцами, въ 1088 году, при Ста-холмахъ или сѣверной части Добруджи, отку-

---

[16]) Ibid. стр. 21.

[17]) Annae Comn. Alex. VII, 5: *κεῖται δε τῶν Ἑκατὸν βουνῶν ὕπερθεν.*

[18]) Воскр. лѣтопись II, стр. 69; ср. Повѣствованіе о Россіи, Москва, 838, стр. 180, пр. 1117.

[19]) Журн. Мин. Внутреннихъ дѣлъ, 1844, VII, стр. 222.

да вскорѣ спустя сами Половцы, по причинѣ недостатка припасовъ, принуждены были перебраться за Дунай къ своимъ кочевьямъ при нижнемъ Днѣпрѣ, гдѣ прежде ихъ кочевали Узы, впервые вторгавшіеся въ Грецію еще въ 1068 году и которыхъ часто смѣшиваютъ съ Половцами или Куманами.

Еще Карамзинъ [20]) показалъ неосновательность этого мнѣнія, впервые высказаннаго Байеромъ, и въ то же время, съ свойственною ему прозорливостью, узналъ въ Узахъ Византійцевъ Торковъ нашихъ лѣтописей. Во всякомъ случаѣ, наши предки могли означать Узовъ подъ именемъ Торковъ, потому что они, по происхожденію своему, были Турки, подобно Половцамъ и Печенѣгамъ, отъ которыхъ сами отличались подъ названіемъ Узовъ, т. е. свободныхъ [21]). Поелику же это названіе они не могли принять безъ основанія, то и оказывается что Греки, коимъ Торки сдѣлались извѣстными подъ собственнымъ ихъ названіемъ «Узовъ», имѣли полное право сказать, что они были благороднѣе Печенѣговъ [22]). Мнѣніе Карамзина еще подтверждается тѣмъ, что Эдризи называетъ постоянно Половцевъ Куманами, а не Узами, тогда какъ это названіе у него означаетъ обитателей собственнаго Туркестана. Что подъ вышедшими оттуда Узами, о коихъ говоритъ Анна Комнина, должно разумѣть скорѣе Торковъ, нежели Половцевъ, покажетъ наконецъ сравненіе слѣдующихъ свидѣтельствъ. По Раймунду-де-Ажиль, крестоносцы застали въ Диррахіумѣ, въ 1096 году, служившихъ въ войскѣ Алексія: Гузовъ, Фанаковъ, (Пацинаковъ) и Комановъ; по другому же автору (Albertus Aquensis), тамъ находились въ 1110 году: Туркопулы, Пиценаріи и Команиты [23]).

Впрочемъ, рѣка Днѣпръ означалась гораздо прежде временъ императора Алексія, подъ вышеприведеннымъ названіемъ

---

[20]) Ист. Государ. Росс. I, прим. 90 и 11, прим. 112.

[21]) Neumann, die Vœlker d. südl. Russlands etc. Lpzg, 1847, p. 128.

[22]) I. Curopalatae Hist. (Cedreni Hist. Compendium ed Bonn. II, p. 654).

[23]) Suhm, Abhandlung v. d. Uzen (Scherer, Des h. Nestors älteste Jahrbücher d. R. Gesch. Lpzg, 1774, p. 288).

Іоза; оно уже встрѣчается у Моисея Хоренскаго, который, впрочемъ, по ошибкѣ, часто дѣлаемой, въ этомъ случаѣ смѣшиваетъ Днѣпръ съ Дунаемъ, если только слово Данувій находилось въ собственной его рукописи, въ чемъ можно сомнѣваться [24]). Сказанное имя Іоза не слишкомъ различествуетъ отъ татарскаго слова Юзенъ—рѣка, если оставить безъ вниманія букву н, которою оно оканчивается. Подобный пропускъ въ этомъ случаѣ оправдался бы тѣмъ, что нынѣ еще въ иныхъ діалектахъ монгольскаго языка рѣка или вода называется Узунъ, Угунъ, Усунъ, въ другихъ же—Усу [25]). И такъ оказалось бы, что Борисоенъ татарское свое названіе могъ получить ни въ насмѣшку, ни отъ Узовъ, но подобно Волгѣ или Итилю, равно какъ и другимъ большимъ рѣкамъ, коихъ имена, по справедливому замѣчанію Клапрота, суть ничто иное какъ нарицательныя слова, означающія рѣку, т. е. рѣку par excellence, на какомъ либо языкѣ [26]). Въ пользу сего мнѣнія могло бы наконецъ служить то обстоятельство, что въ итальянскихъ картахъ XV столѣтія Днѣпръ называется lozo, lusen и пр., т. е. l'Ozo, l'Usen, тогда какъ у Абульфеды названіе этой рѣки гласитъ Azzou, явно по ошибкѣ вмѣсто Ozzou или Ouzzou, подобно тому, какъ крѣпость Узу-кале, построенная Турками при устьѣ Днѣпровскаго лимана, въ устахъ нашихъ предковъ превратилась въ Очаковъ или Ачаковъ.

Предположеніе мое, если бы оно было допущено, могло бы также послужить для объясненія неразгаданнаго до нынѣ слова Ἀτελκούζου, подъ которымъ Константинъ Багрянородный разумѣлъ названіе области, изъ коей Мадьяры были изгнаны Печенѣгами въ исходѣ IX столѣтія. Эта область была въ связи съ другими, названными по рѣкамъ ихъ орошавшимъ, а именно: Барухъ, Куву, Труллъ, Брутъ и Серетъ [27]). Въ двухъ

[24]) Moses Chorenens., Geogr. ed Lond. p. 345; cp. Neumann, l. c. 129, прим. 32.

[25]) Klaproth, Asia polyglotta, Par. 1831, p. 278—283.

[26]) Idem Reise in d. Kaukasus. I, 67.

[27]) Constan. Porph. De admin. imp. c. 38.

послѣднихъ, всякій легко узнаетъ рѣки Прутъ и Серетъ. По сему самому нѣкоторые изслѣдователи, полагая, что и рѣка Труллъ должна была соотвѣтствовать какой нибудь изъ рѣкъ Молдавіи или Валахіи—искали ее въ Яломицѣ и др. [28]). Другіе, съ большимъ, какъ мнѣ кажется, правомъ, думаютъ, что Труллъ совпадаетъ съ Днѣстромъ, нынѣ еще извѣстнымъ Туркамъ подъ именемъ Турлу [29]). Касательно Баруха и Куву ученые также расходятся въ мнѣніяхъ: ибо между тѣмъ какъ иные увѣрены въ невозможности открыть теперь, какія рѣки имѣлъ въ виду императоръ подъ сказанными словами [30]), другіе надѣялись открыть ихъ значеніе, примѣняя ихъ къ Марошу и Алутѣ, или же къ Дембовицѣ и т. д. [31]). Еще другіе изслѣдователи, къ коимъ я охотно присоединился бы, думаютъ, что Куву и Барухъ соотвѣтствовали, если не Бугу и Днѣпру то по крайней мѣрѣ лиманамъ этихъ двухъ рѣкъ [32]). Въ самомъ дѣлѣ кажется, что императоръ рѣки Куву и Барухъ помѣщаетъ къ сѣверовостоку отъ Трулла, и что, такимъ образомъ, рѣка Куву могла совпадать съ Куфисомъ, находящимся по свидѣтельству того же императора, въ сосѣдствѣ съ рѣкою Богу [33]), и изливавшимся, по свидѣтельству Θеофана [34]), въ заливъ Некропилы. Если бы было доказано, что рѣка Куву дѣйствительно находилась къ востоку отъ Днѣстра, то ничто уже не мѣшало бы принять слово Барухъ за синонимъ лимана Бюрю-Юзена или Борисѳена.

Какъ бы то ни было, однако всѣ изслѣдователи въ томъ согласны, что Днѣпръ протекалъ по области Ἀτελκούζου, которую императоръ, въ другомъ мѣстѣ, также называетъ Ἐτέλ-

[28]) Comm. Ac. Sc. Petrop. IX. p. 410; Чтенія Моск. Общ. Истор. и Древн. Росс. 1846, 1. Смѣсь, стр. 14.

[29]) Thunmann, Untersuchungen über d. Gesch. d. oestl. eur. Völker, Leipzig, 1774, 1 стр. 145.

[30]) Engel, Gesch. d. Ungr. Reichs IV, 2, стр. 94.

[31]) Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн. Рос. l. c.

[32]) Thunmann, l. c. cf. стр. 101.

[33]) Constant. Porph. l. c. 42.

[34]) Theoph. Chron. ed. Bonn. I, стр. 670.

καὶ Κουζού[35]). По сему самому Лербергъ[36]) думаетъ, что императоръ собственно хотѣлъ писать 'Ετὲλ καὶ Οὐζού, и что второе κ или καὶ было только прибавлено неутомимымъ писцемъ. Поелику же этотъ писецъ, по небрежности, можетъ быть и не прибавилъ этого втораго καὶ, но переставилъ слово это съ одного мѣста на другое, то позволено будетъ думать, что въ текстѣ императора первоначально было сказано: καὶ 'Ατελ (или 'Ετὲλ) καὶ Οὐζού. Такъ какъ онъ же прибавляетъ, что область эта получила названіе свое «a fluvio interlabente», то можно будетъ заключить, что рѣка, о которой онъ говоритъ, означалась двумя названіями: Этель и Узу, и что по сему самому область, орошаемая этою рѣкою, была называема однимъ народомъ, напр. Мадьярами, или соединенными съ ними хазарскими Кабарами, Этель; другимъ же, напр. Печенѣгами—Узу.

Если бы изложенное здѣсь мнѣніе показалось слишкомъ смѣлымъ, то пришлось бы возвратиться къ мнѣнію Фесслера, что Мадьяры перенесли родное имя недавно покинутой ими Волги на другую огромную рѣку, за которой поселились и новое свое жилище называли Atel или Etel-Köz, пространство при Атели. Но такъ какъ эта рѣка ихъ отдѣляла отъ Печенѣговъ, то ясно, что византійскій императоръ подъ ней разумѣлъ не Дунай, какъ полагалъ Фесслеръ, и по его примѣру Гильфердингъ[37]), но Днѣпръ.

Въ свою очередь Tzetzes[38]), сказавъ, что слово βερζίτικον, будучи происхожденія варварскаго, служило въ простонародномъ нарѣчіи для означенія тарпха или соленой рыбы, доставляемой съ береговъ Окса, прибавляетъ, что эта рѣка орошала Сугдею, населенную Хазарами и хорошо извѣстную Херсонцамъ.

Поелику Сугдея явно здѣсь означала Крымъ, то на пер-

---

[35]) Const. Porp. l. c. c. 40.

[36]) Untersuchungen zur Erläuterung d. ält. Gesch. Russl. St.-P. 1816, стр. 424.

[37]) Собр. соч. I, 87. пр. 3.

[38]) Chil. XI, v 95 sq.

вый взглядъ кажется, что авторъ Хиліадъ подъ рѣкою Оксъ разумѣлъ Керченскій проливъ съ Азовскимъ моремъ, которое, со времепъ Страбона, часто принимали за продолженіе Танаиса и столь же часто смѣшивали съ Аральскимъ озеромъ, также названнымъ Оксомъ, подобно рѣкѣ орошавшей другую Согдіану. При томъ мы узпаемъ отъ императора Константина, что въ его время ловля берзетикона преимущественно производилась въ Хоракулѣ, т. е. Карагулѣ или сѣверномъ рукавѣ Кубани, изливающемся въ Азовское море.

Но такъ какъ изъ другаго мѣста поэмы, гдѣ Цецесъ говоритъ, что Меотида, по изобилію рыбъ, называлась Карбалыкъ, видно что древнее названіе Азовскаго моря ему было извѣстно, то нельзя не согласиться, что Кёлеръ вѣроятно попалъ на истинный слѣдъ, когда полагалъ, что имя Оксъ здѣсь означало какую нибудь рѣчку въ сосѣдствѣ Буга и Днѣпра, или скорѣй, одну изъ этихъ рѣкъ, «parce que», какъ онъ выражается, «la barbarie des temps confondait tous les noms dans la bouche de l'ignorance».

Въ пользу мнѣнія, что Цецесъ говоритъ о Бугѣ, служило бы не только сходство именъ Оксъ и Аксу, но еще и то обстоятельсво, что подъ послѣднимъ названіемъ легко могло быть подразумѣваемо, кромѣ главнаго русла Буга, еще Берзанскій лиманъ, явно тождественный съ рѣкою Аспросъ Константина и съ Бѣлобережьемъ, откуда, по свидѣтельству Нестора, рыба вывозилась въ Константинополь и подъ именемъ котораго знали эту мѣстность еще въ XIV столѣтіи, судя по имени «bargarese», отмѣченному тутъ же на компасовыхъ картахъ.

При всемъ томъ мнѣ кажется, что Цецесъ имѣлъ въ виду не Бугъ, но Днѣпръ, который имъ названъ Оксомъ по турецкому его имени Узу.

Обвинить въ этомъ случаѣ греческаго поэта въ неточности не слѣдовало и потому, что даже Гаммеръ [39]) почиталъ себя въ правѣ примѣнить одно и тоже названіе къ Джигану и

[39]) Gesch. der Gold. Horde, 316.

Днѣпру, когда говоритъ, что владѣнія хановъ Золотой Орды простирались отъ восточнаго Окса до западнаго.

Въ этихъ же мѣстахъ должна была находиться и рѣка *Юзагъ*, о которой сказано въ древнемъ, если не подлинномъ, отвѣтѣ Хазарскаго царя на извѣстное письмо Рабби Хаздай-бень-Исаака, министра испанскаго калифа Абдъ-алъ-Рамана III.

«Къ западу отъ насъ» (говоритъ здѣсь владѣтель земель, лежащихъ между Волгою и Дономъ) «обитаетъ тринадцать народовъ до моря Константинскаго (Чернаго), откуда сѣверная граница простирается до рѣки Юзагъ (Іозгъ, Іозагъ). Здѣсь обитаютъ они въ степяхъ, кочуя до границъ Гигріевъ или Гагріевъ [40]).» Подъ послѣднимъ словомъ авторъ письма не могъ разумѣть Индію, какъ пишетъ корреспондентъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, г. Гартензонъ [41]), но Венгрію, поелику упомянутымъ тринадцати народамъ явно соотвѣтсвовали тринадцать ордъ или колѣнъ Печенѣговъ, которые, по Кедрину [42]), кочевали между Дунаемъ и Борисѳеномъ. Посему самому и приведенная рѣка Юзагъ не могла быть Волга, какъ полагаетъ Сумъ [43]), но тотъ же Борисѳенъ, тѣмъ болѣе, что турецкое названіе этой рѣки могло быть легко превращено авторомъ письма въ Юзагъ или Іозагъ. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что названіе Узу или Ози легко могло перейти отъ рѣки къ острову, лежащему при ея устьѣ, точно такъ, какъ это случилось въ древности съ именемъ Днѣпра [44]). Мнѣніе здѣсь выставленное сильно поколебаетъ г. Васильевскій (Разборъ etc. p. 9) замѣткою, что въ древнѣйшихъ пока извѣстныхъ источникахъ островъ называется не Аасъ, но Алсосъ или еще того вѣрнѣе Алосъ. Но если такъ,

---

[40]) Cosri, Hamburg. 1838 ad. fin. cf. d'Ohsson, Des peuples du Caucase. Par. 1828, p. 209 и Сборникъ истор. и стат. свѣдѣній о Росс., Москва, 1845, стр. 189, прим. 8.

[41]) Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древ. Росс. 1847, VI, 3, стр. 6.

[42]) Cedreni Hist. Comp. II, p. 581, 82.

[43]) Историч. разсужденіе о Хозарахъ, соч. Сума, М. 1846, стр. 44.

[44]) Forbiger, Hbuch d. alten Geogr. II 1116.

то придется допустить, что съ точностью еще не опредѣлено, какъ гласило названіе острова, къ которому присталъ Св. Ееерій. Во всякомъ случаѣ это названіе не имѣетъ ничего общаго съ позднѣйшимъ названіемъ сего острова, которое читается въ донесеніи Даніила Адашева къ царю Іоанну Грозному. Такъ какъ онъ пишетъ, что, по взятіи непріятельскихъ кораблей при Очаковѣ, благополучно прибылъ на островъ *Озибекъ*, то нельзя не согласиться съ Арцибышевымъ, что онъ могъ только имѣть въ виду островъ находившійся противъ Кинбурна и Очакова [45]), т. е. нашъ островъ Березань.

Подобно тому какъ въ турецкомъ имени крѣпости Ози или Узу-кале, превращенномъ Русскими въ Очаковъ, въ первой части имени острова Озибекъ, лежащаго предъ устьемъ Днѣпра, слышется турецкое названіе сей рѣки, которая могла быть названа Аасъ народомъ Угрскаго или Финскаго племени сюда переселившимся. Имѣя въ виду что у сродственныхъ Мадьярамъ Остяковъ рѣка Обь называется Аасъ, намъ кажется, что названіе это легко могло быть примѣнено первыми къ Днѣпру, если бы даже никогда не было переведено отъ рѣки къ острову.

Въ наше время островъ Березань былъ посѣщаемъ нѣсколькими археологами, въ томъ числѣ академикомъ Кёлеромъ, который нашелъ на немъ разные слѣды древнихъ построекъ. Тотъ же ученый, въ знаменитомъ своемъ «Mémoire sur les îles et la course d'Achille», изложилъ, какъ извѣстно, мнѣніе, что сказанные остатки древности должны были принадлежать къ храму Ахиллеса, нѣкогда, какъ полагалъ Кёлеръ, на островѣ существовавшему. Но какъ этотъ храмъ можетъ быть существовалъ въ одномъ только воображеніи Кёлера, какъ я старался доказать это въ другой статейкѣ [46]), то и могу думать, что сказанныя развалины могли также, по крайней мѣрѣ отчасти, принадлежать къ памятнику Св. Ееерія.

---

[45]) Повѣствованіе о Россіи, II, к. 4, прим. 1704.

[46]) О мѣстоположеніи Тираса, въ Запискахъ Одесскаго Общ. Ист. и Древ. 111. cf. Mommsen, C I. L., III, 2. стр. 1010,

Выше нами было замѣчено, что, по свидѣтельству императора Константина, островъ Св. Еѳерія былъ однимъ изъ пунктовъ, гдѣ русскіе моряки останавливались нѣсколько дней въ своемъ плаваніи къ Царьграду. Такъ какъ сказанный пунктъ находился въ сосѣдствѣ съ греческими владѣніями въ Крыму, то дипломаты Восточной имперіи безъ сомнѣнія должны были опасаться намѣреній храбрыхъ викинговъ, въ томъ случаѣ, когда бы пребываніе ихъ на островѣ было слишкомъ продолжительнымъ. Одно уже это обстоятельство заставляетъ думать, что островъ сей долженъ былъ принадлежать къ тѣмъ мѣстностямъ, на которыхъ, по одной статьѣ договора Игоря съ Греками, запрещалось Руссамъ проводить зиму: «въ устьѣ Днѣпра, Бельбережи ни у Святаго Ельферія». [47]).

Соглашаясь съ справедливостью сего положенія, Шлёцеръ и Лербергъ выводятъ изъ него тѣмъ не менѣе различные результаты.

Шлёцеръ, какъ извѣстно, рѣшительно говоритъ, что здѣсь слово Ельферій надобно поправить, нисколько не сомнѣваясь, Константиновымъ Св. Еѳерій. Знаменитый критикъ приписываетъ эту ошибку писцамъ, которые можетъ быть очень знали Ельферіеву церковь, пристань и палаты въ Царьградѣ, но не такъ то Еѳеріевъ островъ въ странѣ, сдѣлавшейся для нихъ неизвѣстною [48]).

Напротивъ того Лербергъ думаетъ, что въ договорѣ именно говорится о сказанной церкви и пристани въ южной части Константинополя, и что островъ Св. Еѳерія уже подразумѣваемъ былъ въ мѣстности, означенной въ договорѣ устьемъ Днѣпра [49]). Пока намъ только остается выбирать одно изъ этихъ противоположныхъ мнѣній, надобно будетъ согласиться, что мнѣніе Шлёцера должно быть признано гораздо болѣе правдоподобнымъ. Дѣйствительно оно и принято всѣми изслѣдователями, которые до нынѣ писали о договорѣ Игоровомъ, тогда

[47]) Полное собр. русскихъ лѣтоп. I, стр. 22.
[48]) Шлёцеръ, Несторъ, III, 3, стр. 161.
[49]) Lehrberg, Untersuchungen etc. p. 449.

какъ мнѣніе Лерберга ими обыкновенно, кажется, почитаемо было не заслуживающимъ опроверженія. При всемъ томъ, или лучше, по сей именно причинѣ я постараюсь сдѣлать это здѣсь. Для сего предварительно приведу тѣ доводы, коими этотъ почтенный мужъ старался подкрѣпить свою тезу.

Въ пользу своего мнѣнія, Лербергъ преимущественно ссылается на замѣчаніе Константина Багрянороднаго, что Руссы изъ Днѣпра отправлялись не только въ Царьградъ, но также и въ Черную Болгарію, Хазарію и Сирію [50]).

«Отъ Русскихъ гостей, говоритъ онъ, которыхъ наконецъ рѣшились впустить въ настоящую гавань, лежащую на сѣверной сторонѣ Царяграда, и принимать у св. Мамы, отъ нихъ въ Царѣградѣ, (гдѣ договоръ заключенъ), были довольно безопасны, ежели только не позволяли имъ тамъ зимовать; отъ тѣхъ Руссовъ, которые ходили въ Хазарію, ограждались тѣмъ, что не давали имъ зимовать ни въ устьѣ Днѣпра (лиманѣ), ни у Херсони [51]); но отъ тѣхъ которые ходили въ Сирію, которые по меньшей мѣрѣ уже съ 902 года нашли дорогу въ Критъ (Mem. pop. II, 972), а съ 935 въ Ломбардію (Mem. pop. 972, 973), отъ сихъ и самый Царьградъ могъ опять подвергнуться какой-нибудь опасности, если бы они на возвратномъ пути подъ какимъ нибудь предлогомъ пришли не въ настоящую гавань (объ этомъ и помышлять нельзя было), а въ спокойныя бухты на южной и югозападной сторонахъ города. Въ этомъ мѣстѣ Царяграда была церковь св. Елеѵферія близъ Ксеролофа или седьмаго изъ Цареградскихъ холмовъ, а не на самомъ холмѣ, какъ поставлено въ Бандуріевомъ чертежѣ. Ежели церковь эта стояла недалеко отъ морскаго берега, то могла очень легко обозначить, можетъ статься, Феодосіевскую гавань, которой Петръ Гиллиусъ и Дюканжъ

---

[50]) Const. Porph. De adm. imp. 42.

[51]) Лербергъ здѣсь говоритъ о Херсонѣ, потому что въ этомъ мѣстѣ отыскивалъ Бѣлобережье. Мнѣніе сіе опровергаетъ г. Чертковъ, хотя въ свою очередь ошибается, полагая, что Бѣлобережье находилось на островѣ Левки (см. мою статью: О Килійскомъ устьѣ Дуная, Одесса, 1853).

дѣйствительно придаютъ названіе Елеѵферской..... И въ этой гавани также запрещалось зимовать каждому изъ Варяговъ, чтобы Греки не имѣли уже никакого отъ нихъ страха» [52]).

Напрасно однакожъ Лербергъ въ этомъ мѣстѣ не различаетъ Руссовъ, служившихъ въ греческомъ флотѣ и отправленныхъ своимъ начальствомъ въ Ломбардію или на островъ Критъ, [53]) отъ земляковъ ихъ, которые по собственнымъ дѣламъ посѣщали Черную Болгарію, Хазарію и Сирію, если только это послѣднее слово дѣйствительно находилось въ текстѣ Багрянороднаго, въ чемъ однакожъ можно будетъ усомниться. Еще Гиббонъ подозрѣвалъ въ этомъ мѣстѣ ошибку писца, хотя въ свою очередь едвали не ошибается, полагая, что императоръ въ приведенномъ мѣстѣ хотѣлъ говорить о Сваніи или нынѣшней Сванетіи на Кавказѣ [54]). По мнѣнію же г. Савельева, [55]) упоминаемая императоромъ Сирія не есть азіятская Сирія, а финская Сюрья, Syriä, синонимъ Перми, куда Руссы могли ходить черезъ Булгаръ,—или же Ширвань (Συρίαν вмѣсто Σίρυαν), который ограбленъ былъ ими въ 912—13 году, и близъ береговъ котораго одинъ островъ въ X вѣкѣ сохранялъ, въ память ихъ пребыванія, названіе Русскаго.

Не зная, какою изъ этихъ двухъ странъ Гиббонъ согласился бы замѣнить Сванію, я сожалѣю, что ему не пришло на мысль предложить, вмѣсто послѣдняго слова, читать Зихію (Ζίχια), которая, по Константину же, лежала возлѣ Хазаріи при устьѣ Кубани [56]). По крайней мѣрѣ Лербергъ въ этомъ случаѣ вѣроятно не сказалъ бы, что англійскій историкъ не умѣлъ пользоваться сочиненіемъ Штриттера [57]), въ которомъ, между про-

---

[52]) Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней Русской Исторіи, перевелъ Языковъ, С. П. 1819, стр. 377, 8.

[53]) Const. Porph. De cerim II, 44.

[54]) Gibbon, Hist. de la décadence et de la chute de l'empire romain trad. p. Guizot. Par. 1812, XI, p. 80, прим. 1.

[55]) Мухаммед. Нумиз. въ отношеніяхъ къ Русск. Ист., С. П. 1847, стр CXLV.

[56]) De adm. imp. 42.

[57]) Lehrberg, Unters. стр. 450.

чимъ, помѣщенъ переводъ замѣчанія Константина, что Печенѣги провожали греческихъ пословъ изъ Херсона въ Русь, Хазарію и Зихію [58]). Что страна сія въ тѣ же времена также была посѣщаема Руссами, явствуетъ изъ свидѣтельства восточныхъ писателей о вышеупомянутомъ походѣ ихъ по Дону и Волгѣ въ Каспійское море въ 912—13 году [59]). Такимъ образомъ императоръ имѣлъ бы полное право сказать, что они посѣщали Черную Болгарію, Хазарію и Зихію. Разумѣется, что въ этомъ случаѣ Черную Болгарію нельзя принять за Дунайскую, какъ полагалъ Лербергъ, но за ту Болгарію, которая лежала при Волгѣ. Мнѣніе это, уже допущенное Френомъ [60]), признано затѣмъ единственно возможнымъ д'Оссономъ [61]), Шафарикомъ [62]) и Савельевымъ [63]). Дѣйствительно оно подтверждается другимъ мѣстомъ изъ сочиненія Багрянороднаго, гдѣ сказано, что обитатели Черной Болгаріи могли дѣлать нападенія на Хазарію [64]). По крайней мѣрѣ всякій согласится, что Волжскіе Болгары гораздо удобнѣе могли нападать на сосѣдственныхъ имъ Хазаръ, нежели обитатели нынѣшней Болгаріи, изъ которой можно было проникнуть въ Хазарію, пробравшись предварительно чрезъ степное пространство между Дунаемъ и Дономъ, гдѣ въ это время находились кочевья Печенѣговъ. Если даже положить, что Болгары Дунайскіе могли безъ труда проходить чрезъ ихъ владѣнія, то нельзя думать, чтобы они захотѣли на это рѣшиться, потому что они въ X вѣкѣ довольно были заняты борьбою съ своими сосѣдями. Другое чувство должно было въ это самое время преобладать у Волжскихъ Болгаръ, у коихъ ученіе лже-пророка окончательно утвердилось въ 922 году [65]). Подобно всѣмъ по-

58) Stritter, Mem. pop. III, p. 573, I 803; cf. Const. Porph. l. c. 6.

59) D'Ohsson, Des peuples du Caucase, Par. 1828, p. 106.

60) Drei Münzen d. Wolga-Bulgaren, въ Mém. de l'Ac. Imp. des Sciences de S.-Pb. VI, Serie, 1, p. 192.

61) Des peuples du Caucase, p. 213.

62) Slav Alt. II, стр. 81.

63) Мухамед. Нумиз. 1. с.

64) De adm. imp. c. 13.

65) Fraehn, l. c. стр. 186.

вообращеннымъ приверженцамъ ислама, они должны были стараться о распространеніи своего ученія, съ тѣмъ большимъ усердіемъ, что они по свидѣтельству Рубруквиса, еще въ XIII столѣтіи, были: de très méchans mahométans et plus opiniâtres en leur loi, que tous les autres [66]). При такихъ обстоятельствахъ нельзя удивляться, если этотъ народъ, который могъ дѣлать нападенія на Хазарію, казался также опаснымъ для сосѣдственныхъ съ этою страною Греческихъ владѣній въ Крыму. Не подлежитъ также сомнѣнію, что въ подобномъ случаѣ Византійское правительство, слѣдуя своей обыкновенной политикѣ, старалось бы противупоставить Чернымъ Болгарамъ какой-либо другой народъ, который оказался бы къ тому способнымъ. Дѣйствительно мы узнаемъ изъ договора, заключеннаго великимъ княземъ Игоремъ съ Византійскимъ дворомъ, въ 945 году, что Руссы обязались защищать страну Корсунскую, т. е. греческія владѣнія въ Крыму, противъ Черныхъ Болгаръ [67]). Безъ сомнѣнія, этотъ народъ, подобно Чернымъ Болгарамъ Константина Багрянороднаго, обиталъ при Волгѣ, а не при Дунаѣ, какъ думалъ Карамзинъ [68]) и какъ еще нынѣ утверждаютъ нѣкоторые изъ нашихъ историковъ [69]).

---

[66]) Rubruquis, ap. Bergeron, p. 40.

[67]) Полное собр. русск. лѣтоп. 1, стр. 22.

[68]) Исторія государства Россійскаго 1 стр. 94.

[69]) Повѣствованіе о Россіи, 1. XI, Соловьевъ, Ист. Россіи съ древнѣйшихъ временъ I, стр. 114.

III.

Нѣчто о Добруджѣ [1]).

Съ переходомъ нашихъ войскъ чрезъ Дунай, взоры всей Европы обратились на древнюю Мизію — классическую почву войнъ Римлянъ, и невольно всякій вспомнитъ теперь о подвигахъ ихъ непобѣдимыхъ легіоновъ. Не удивительно поэтому, что журналы сообщаютъ своимъ читателямъ болѣе или менѣе подробныя описанія той части нынѣшней Болгаріи, которая обыкновенно означается подъ именемъ *Добруджи*, тогда какъ къ ней въ римскомъ періодѣ примѣняли названіе *Малой Скиѳіи*. Впрочемъ ни Геродотъ, ни Ѳукидидъ ничего не говорятъ о существованіи Скиѳовъ въ этихъ мѣстахъ; только Страбонъ упоминаетъ о пребываніи ихъ на южной сторонѣ Дуная.

При новомъ раздѣленіи римской имперіи Діоклеціаномъ, область эта въ административномъ отношеніи была отдѣлена отъ Нижней Мизіи и подъ названіемъ провинціи *Скиѳіи* вошла въ составъ діэцезы Ѳракійской, которая въ свою очередь была поставлена подъ вѣдомство префекта praetorio Orientis.

Безъ сомнѣнія, въ свое время, мы будемъ имѣть возможность судить о большей или меньшей достовѣрности и точности описаній помѣщенныхъ въ журналахъ, сравнивъ ихъ съ свидѣтельствомъ очевидцевъ, столь необходимымъ для рѣшенія географическихъ вопросовъ. По крайней мѣрѣ мы увѣрены, что,

---

[1]) Статья эта была помѣщена въ Одесск. Вѣстникѣ № 45, 1854 года; къ ней прибавлены отрывки изъ изслѣдованія подъ заглавіемъ «О Килійскомъ устьѣ Дуная», Одесса, 1853.

по исполненіи храбрыми воинами нашими славнаго порученія, на нихъ возложеннаго, явятся между ними и такіе, которые возьмутся за перо, чтобы изобразить поприще своихъ дѣяній, или дѣяній своихъ собратій по оружію. Между тѣмъ, мы представимъ здѣсь нѣсколько географическихъ и археологическихъ замѣтокъ, въ надеждѣ, что лица, которыя будутъ имѣть случай сличить ихъ съ мѣстностью, въ послѣдствіи почтутъ ихъ, быть можетъ, достойными подтвержденія или исправленія.

Въ одномъ нѣмецкомъ журналѣ мы встрѣтили слѣдующія подробности о Добруджѣ, заключающей въ себѣ, по тому журналу, около 200 кв. миль. Въ этой области нѣтъ ни лѣсовъ, ни кустарниковъ; плоскія возвышенности покрыты высокою, пожелтѣвшею отъ дѣйствія солнца, травою, и рѣдко встрѣчаются небольшія деревни; въ безводныхъ долинахъ этихъ степей только колодцы доставляютъ жителямъ воду. Населеніе немноrимъ превышаетъ 20,000 душъ. Но за то здѣсь водятся въ изобиліи разнаго рода птицы и четвероногія. «Ни въ какомъ другомъ мѣстѣ», говоритъ прусскій офицеръ, посѣщавшій Добруджу въ Ноябрѣ 1837 года, — «мнѣ не случалось видѣть столько орловъ и такой величины; они столь мало пугливы, что мы могли почти ловить ихъ руками, и какъ бы съ досадою оставляли они на минуту свои сѣдалища на вѣковыхъ курганахъ. Стаи куропатокъ съ шумомъ поднимались изъ подъ копытъ нашихъ лошадей, изъ сухой травы, гдѣ парилъ надъ ними ястребъ. Большія стаи дрохвъ съ трудомъ поднимались съ земли, при нашемъ къ нимъ приближеніи, между тѣмъ какъ длинныя стаи журавлей и дикихъ гусей прорѣзывали воздухъ. Въ прудахъ у Дуная виднѣлись буйволы, по самую почти морду въ водѣ, а дикія собаки, похожія на волковъ, бродили по полямъ. Мы прошли мимо острова, образуемаго протокомъ Дуная, гдѣ паслись кобылицы; когда мы приблизились къ нимъ, онѣ заржали, и стадо жеребятъ кинулось въ рѣку, чтобы переплыть на другую сторону. Испуганныя утки полетѣли изъ камыша, а множество дикихъ лебедей, тяжелымъ полетомъ, описывали рядъ круговъ надъ зеркальною поверхностью рѣки. Од-

нимъ словомъ, намъ показалось, что мы имѣли предъ собою картину Эвердинга или Рэйсделя. Ниже, по Дунаю, страна становится интереснѣе: острова покрыты вербовыми рощами, рукава рѣки походятъ на озера; наконецъ низменности расширяются, образуя, на протяженіи 70 верстъ, море, покрытое тростникомъ, въ которомъ тамъ и сямъ плаваютъ большія суда. Едва только видѣнъ съ другой стороны высокій и бѣлый берегъ Бессарабіи».

Если это изображеніе дѣйствительно вѣрно въ общихъ чертахъ, то въ немъ тѣмъ не менѣе недостаетъ одной характеристической черты физіономіи Добруджи.

«Между Базарджикомъ, или Камчикомъ и Бабадагомъ, говоритъ Венелинъ, — простираются безлѣсныя и почти безводныя степи, коихъ равнина мѣстами только пересѣкается небольшими углубленіями, имѣющими видъ лѣсныхъ логовищъ, а въ самомъ дѣлѣ большею частью сухими. На этомъ пространствѣ нѣтъ ни лѣсовъ, ни холмовъ, тѣмъ менѣе горъ. Страна слыла Добрицею. Только съ Траянова вала (между Черноводою, на Дунаѣ, и Кюстенджи, при Черномъ морѣ) поверхность начинаетъ холмиться; но горы и лѣсъ встрѣчаются только на цѣпи горъ Бабадагскихъ, Мачинскихъ, Шакчинскихъ и Тульчинскихъ.... Такъ называемая Бабадагская область, окружаемая вышеупомянутыми горами, покрытыми лѣсомъ, имѣя чистую прохладную воду и плодородныя, хорошо орошенныя, поля, составляетъ пріятную противоположность со степями Добрицкими, т. е. лежащими по ту сторону вала» [2]).

Эти замѣтки Венелина совершенно согласны съ слѣдующими мѣстами изъ извѣстнаго сочиненія Буэ [3]) «Къ С. отъ Балканскихъ горъ пролегаютъ одни сплошныя возвышенности, далеко уступающія первымъ въ высотѣ. Затѣмъ слѣдуютъ другія, еще болѣе низкія, до самой долины Дуная. Постепенно

---

[1]) О Соляномъ озерѣ Halmyris, въ Чт. М. Общ. Ист. и Др., 1847, VI, стр. 21.

[2]) La Turquie d'Europe I, стр. 96—8.

понижаясь къ С. В. до окрестностей Расовы и Кюстенджи, онѣ только къ С. возвышаются и наконецъ образуютъ группы возвышенностей, между Бабадагомъ, Мачиномъ и Тульчею. При низкомъ уровнѣ окрестностей, онѣ даже имѣютъ видъ горъ и достигаютъ, по Вернелю [4]), высоты отъ 700—800 футовъ».

«Этотъ небольшой хребетъ между Бабадагомъ и Мачиномъ любопытенъ своею отдѣльностью и объясняетъ, почему Дунай долженъ былъ повернуть къ С. для достиженія моря.... Къ Ю. отъ Бабадага узкая полоса земли между Черпымъ моремъ и Дунаемъ, до окрестностей Мангаліи и Каинарджи, покрыта одними только низкими холмами. Между Расовою и Кюстенджи небольшія озера еще болѣе съуживаютъ эту полосу, изъ чего, впрочемъ, не слѣдуетъ, будто бы Дунай въ этихъ мѣстахъ былъ въ связи съ моремъ, по крайней мѣрѣ во времена историческія; что подобная связь не могла существовать — достаточно явствуетъ изъ отсутствія малѣйшей дельты возлѣ Кюстенджи».

Физическія выгоды, представляемыя этою частью Добруджи, легко объясняютъ, почему предпріимчивые Эллины рано начали въ ней селиться. Еще въ VII-мъ и VI-мъ столѣтіяхъ до Р. Х. Милезійцы основали, при ея берегахъ, разныя колоніи, изъ которыхъ особенно замѣчателенъ *Томи* или *Томисъ*, не только потому, что онъ пережилъ своихъ сосѣдей, но еще и по той причинѣ, что стѣны его заключали въ себѣ великаго поэта въ злосчастіи, и что посему самому къ нему можетъ быть примѣненъ стихъ Гёте о пребываніи Тассо въ Феррарѣ.
«Die Stätte, die ein guter Mensch betrat, Ist eingeweiht».

Вопросъ, гдѣ именно находилось мѣсто ссылки Овидія, въ настоящее время рѣшенъ окончательно большимъ числомъ латинскихъ надписей, открытыхъ въ деревнѣ Анадолкой, въ двухъ верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Кюстенджи. Впрочемъ, Томи, какъ видно изъ того, что о немъ говоритъ Овидій, въ его время еще не могъ имѣть притязанія на почетное прозвище «Метрополіи Понта», которое читается на монетахъ сего

---

[4]) Bull. de la S. Géol. de Fr. VIII, p. 148.

города временъ Антониновъ. За то нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Беккера [5]), что онъ былъ членомъ союза 5-ти городовъ, упомянутаго въ надписи сего періода, найденной въ Варнѣ [6]). Другимъ членомъ сего союза былъ, по мнѣнію едва ли не ошибочному Беккера, городъ *Каллатисъ*, который долженъ былъ находиться, судя по измѣреніямъ Страбона и безъименнаго автора Понта Евксинскаго, на морскомъ берегу, къ югу отъ деревни Мангаліи, pangala итальянскихъ картъ.

Въ слѣдующемъ въ нихъ имени *laxeluzo*, *lazilucho* и пр. я не смѣю видѣть портъ del'Asilo у Пеголотти, приведеннаго Васильевскимъ [7]), такъ какъ этотъ Asilo вѣроятно Анхіалъ. Странно только, почему хлѣбъ, вывозимый изъ Asilo, подходилъ къ буджакскому, и почему по видимому отличался отъ хлѣба, добываемаго съ окрестностей Варны, Бургаса, у нижней Камчіи и около Сизополя. Во всякомъ случаѣ загадочный lazilucho, или *маленькій* Анхіалъ, находился подлѣ мыса Шаблеръ и совпадалъ слѣдовательно съ портомъ *Каронъ*, т. е. Карійцевъ Безъименнаго, тогда какъ слѣдующій за тѣмъ мысъ, который у нихъ называется Tetrisias, Tirisis или просто Acra, въ компасовыхъ картахъ уже является подъ нынѣшнимъ его названіемъ *Каліакра*, за которымъ въ нихъ слѣдуетъ *gavarna* или cavarna, древній *Bizone*. Г. Heyd [8]) напрасно смѣшиваетъ *Каліакру съ Каварною*, которую въ свою очередь не долженъ былъ искать въ деревнѣ Экернѣ, (717) близъ Балчика, совпадавшемъ, какъ по имени, такъ и по мѣстоположенію, съ древнимъ городомъ *Cruni* или *Dionysopolis*, равно какъ и съ городомъ carbona компасовыхъ картъ, *καρβουνᾶς* Византійцевъ [9]). Безъименный примѣняетъ къ этому городу еще названіе Matiopolis, ошибочно вмѣсто *Марціанополь*, по близости сего города, развалины котораго сохранились при деревнѣ Девно, къ

---

[5]) Матеріалы для ист. древн. г. Томи и пр. 15.
[6]) Bockh. C. J. G. II, № 2056, c.
[7]) Русско-Визант. Отрывки, IV, въ Ж. М. Н. Просв. 1876 стр. 416.
[8]) Zeitschr. für die ges. Staatswiss. XVIII. 715.
[9]) Acta Patriarch. Const. ed. Miklosich et Müller, I. 244.

западу отъ Діонисополя. Въ 200 стадіяхъ отъ послѣдняго Безъименный ставитъ милезійскую колонію *Одиссосъ*, которую обыкновенно отождествляютъ, по своему мѣстоположенію, съ нынѣшнею Варною, преимущественно на основаніи найденной тамъ греко-латинской надписи, по которой городъ Одисситовъ былъ снабженъ новымъ водопроводомъ [10]). Но если взять во вниманіе, что разстояніе между Варною и мысомъ Акра составляетъ около 28 морскихъ миль, тогда какъ сумма промежуточныхъ разстояній между этимъ мысомъ и Одиссосомъ доходитъ, по авторамъ периплов, до 340 стадій или 34 миль, то нельзя не считать весьма правдоподобнымъ мнѣніе Тетбу [11]), что Одиссосъ не занималъ мѣста Варны на самомъ берегу моря, но долженъ былъ лежать въ четырехъ верстахъ далѣе къ западу при лиманѣ Девно, который, будучи нынѣ связанъ съ моремъ посредствомъ неглубокаго русла, въ старину составлялъ безспорно продолженіе варнскаго залива. Въ пользу своего мнѣнія Тетбу ссылается еще на огромное количество монетъ, въ особенности Одиссоса, которыя открываются въ этой мѣстности, тогда какъ пьедесталъ знаменитой надписи, знакомящей насъ съ именемъ городскаго главы и управляющаго дѣлами Понтійскаго Пятиградія, могъ, вмѣстѣ съ другими памятниками, быть доставленъ въ Варну для построекъ, какъ это бываетъ всегда, когда, новый городъ возникаетъ въ близости развалинъ древнѣйшаго. Подобное могло случиться легко и съ вышеприведенной двухъязычной надписью. Подпорою мнѣнія Тетбу служитъ наконецъ то обстоятельство, что византійскіе писатели всегда различаютъ Одиссосъ отъ Варны [12]) и въ тоже время допускаютъ, что они находились въ близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго, Odyssos prope Varnam [13]). Изложенное здѣсь мнѣніе ничего не теряетъ отъ своей силы, хотя въ среднихъ

---

[10]) Mommsen, Corp. Inscr. Lat. III, I. n. 762.
[11]) Taitbout de Marigny, Hydrogr. de la mer Noire. Trieste, 1856 стр. 31.
[12]) Mostras, Dict. géogr. de l'empire ottoman, S.-P. 1873, стр. 177.
[13]) Nicephori Breviar. ed. Bonn. 40.

вѣкахъ одиссоская эпархія была переименована въ варнскую [14]); хотя египетскій посолъ, отправившійся въ 1263 году изъ Варны въ Судакъ, могъ примѣнить къ первому изъ этихъ городовъ названіе Дексейта [15]) и хотя въ 1463 году предполагали послать субсидіи Грекамъ противъ Турокъ ad locum varne aut a lo discos, т. е. l'Odissos [16]).

Обыкновенно сюда же помѣщаютъ и городъ *Констанцію*, мимо котораго проѣзжали Русскіе или, правильнѣе, Росы, въ своемъ плаваніи отъ устьевъ Дуная до Варны, по свидѣтельству императора Константина [17]). Но едвали багрянородный авторъ тутъ не говоритъ о городѣ *Констанціанѣ* Прокопія и Іерокла, городѣ, который не только названіемъ, но и мѣстоположеніемъ своимъ, совпадетъ съ Кюстенджи, costanza приведенныхъ картъ. Утверждая, что здѣсь именно лежалъ древній Томи, Кипертъ [18]) вѣроятно не обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что изъ развалинъ сего города въ деревнѣ Анадолькой камни легко могли быть доставляемы для укрѣпленія близлежащей Констанціаны, минуемой Росами по выѣзду изъ рѣки Селины, т. е. Сулинскаго гирла, до котораго предварительно добирались съ извѣстнаго еще Плинію острова Конопонъ Псевдостомономъ, Паракладіономъ Константина. Вѣроятно варяжскіе и русскіе купцы были бы радушно встрѣчаемы обитавшими въ этихъ мѣстахъ Готами [19]), что едвали случилось бы въ южной части Добруджи, гдѣ тогда еще преобладали тѣ изъ Болгаръ, которые еще не ославянились [20]). Во всякомъ случаѣ Констанціана не находилась подлѣ Одиссоса, потому что, по Іероклу, послѣдній городъ принадлежалъ къ Мизіи, тогда какъ Констанціана упомянута имъ и Прокопіемъ въ числѣ городовъ Скиѳіи.

---

[14]) Parthey, Hierocl. Synecdemus и пр., 1866 стр. 147.

[15]) Makrizi, Hist des Sultans mam., trad. par Quatremère. I, 1 стр. 215.

[16]) Atti Tauro ligure VII, 241.

[17]) De adm. imp. ed. Bonn. стр. 79.

[18]) Mommsen, C. I. L. III, 2 стр. 997.

[19]) Васильевскій, Русск.-Визант. отрывки въ Ж. М. Н. Проев. 1876 стр. 409

[20]) Иречекъ, Ист. Болгаръ, русск. перев. Одесса 1878 стр. 161.

Подобно Бёку, Беккеръ къ приведенному пятиградію причисляетъ городъ *Истросъ*, мѣстоположеніе котораго до нынѣ не опредѣлено съ точностью; кажется однако, что онъ находился при мысѣ Кара-бурунъ, къ юго-востоку отъ деревни Гамапджи, гдѣ сохранились слѣды древняго эллинскаго города и который отдѣленъ отъ Кюстенджи разстояніемъ, полагаемымъ древними авторами между Томи и Истросомъ [21]).

Остальными двумя членами пятиградія Gardner [22]), согласно съ Бёкомъ, считаетъ *Месемврію и Аполлонію* и старается доказать, что всѣ пять были еще связаны съ Ольвіею, Тирасомъ, Каллатисомъ, Діонисополемъ, Марціанополемъ и Визіею монетнымъ союзомъ, съ одинаковымъ для всѣхъ мѣриломъ цѣнностей.

Кромѣ приморскихъ городовъ нынѣшняя Добруджа заключала въ себѣ въ древности многіе другіе, преимущественно на Дунаѣ. Укажемъ здѣсь на главные изъ нихъ, съ означеніемъ ихъ мѣстоположенія, уже не подлежащаго сомнѣнію, благодаря памятникамъ, открытымъ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій:

Эгиссусъ, по Овидію Aegisos, по Прокопію Aegistus, по географу Равеннскому Aegypsum, близъ нынѣшней Тульчи, гдѣ Сулинское гирло отдѣляется отъ устья Священнаго и гдѣ посему самому Персами былъ наведенъ мостъ надъ Дунаемъ, по свидѣтельству Геродота (IV, 89) «τοῦ ποταμοῦ τὸν αὐχένα, ἐκ τοῦ σχίζεται τὰ στόματα τοῦ Ἴστρου, ἐζεύγνυε». По Itiner. Anton.) Эгиссусъ отдѣленъ былъ 43 милями отъ «Долины Домиціана», отстоявшей отъ города Томи въ 87 миляхъ: итакъ долина эта должна была находиться близъ города Бабадага и совпадать съ большой низменностью (20 верстъ) «prolongement du lac Razelm» [23]).

Новіодунумъ (въ 35 римскихъ миляхъ выше Эгиссуса), тамъ гдѣ Дунай начинаетъ развѣтвляться, слѣдовательно близъ Исакчи или Шакчи, противъ деревни Карталъ, гдѣ лѣтъ

---

[21]) Peters, Grundlinien der Geogr. der Dobrudscha, 1869.

[22]) A monetary league on the Euxine sea, 1876. стр. 4.

[23]) Allard, La Bulgarie orientale, P. (1864) стр. 102.

сорокъ тому назадъ были найдены обломки латинской надписи, случайно туда попавшей съ праваго берега, какъ уже было замѣчено Моммзеномъ [24]), хотя ему не было извѣстно, что, вмѣстѣ съ этими обломками былъ найденъ г. Мурзакевичемъ [25]) еще одинъ съ замѣчательною рѣзбою. Этотъ кусокъ, $1^1/_2$ аршина длины и $^3/_4$ ширины, имѣетъ на себѣ правильный и красивый рисунокъ Аполлона и Діаны, занимающихся звѣриною охотою. Что этотъ по крайней мѣрѣ памятникъ былъ воздвигнутъ въ Новіодунумѣ явствуетъ изъ двухъ другихъ надписей затѣмъ найденныхъ «in ruinis castri Romani inter Isaktscham et Tultscham [26]) и посвященныхъ богинѣ охоты. Существовавъ уже во время Птолемея, Новіодунумъ вѣроятно, подобно столь многимъ другимъ городамъ, былъ построенъ стоявшими тамъ римскими воинами и названіемъ своимъ обязанъ тому обстоятельству, что между ними было много Кельтовъ. Въ послѣдствіи въ этомъ городѣ находилась главная квартира легіона I Jovia. По Аммiану (XXVII, 5) здѣсь именно былъ наведенъ мостъ надъ Дунаемъ въ 369 году предъ походомъ императора Валента противъ Готовъ, и я согласенъ съ Форбигеромъ [27]), что Іорнандъ имѣлъ въ виду этотъ самый городъ, когда говоритъ, что южная граница земли Славянъ пролегала «a civitate Novietunense et lacu qui appellatur Mursianus usque ad Danastrum и что это озеро находилось на западной границѣ Скиѳіи, «ubi Hister oritur» т. е. гдѣ эта рѣка стала носить названіе Истръ, тогда какъ выше называлась Данувій [28]). Изъ одного мѣста у Прокопія (De B. Gott. ed. Bonn. II. 592) явствуетъ, что Менке [29]) напрасно передвигаетъ жилища Славянъ съ окрестностей Исакчи до Систова и что Іорданисъ (Get. V) подъ своимъ «lacus

[24]) C. I. L. III, 1 стр. 146

[25]) Записки Одесск. Общ. Ист. I, стр. 627.

[26]) C. I. L. III, 2 №№ 6160 и 6161.

[27]) Handbuch der alten Geogr. III, стр. 1098.

[28]) Roesler, Zeitpunkt der slav. Ansiedl. an der untern Donau, въ S. B. d. K Akad. d. Wiss. LXXIII, стр. 87. Сравн. Ptolem. III. 10.

[29]) Erläut. Vorbem. zum Hand-Atlas, 1871 стр. 2.

Mursianus» могъ только разумѣть Плиніево озеро Halmyris, нынѣ извѣстное подъ названіемъ Рамзинъ, Расельмъ, и проч. и при которомъ находилось исправленное Юстиніаномъ castellum Almyris «in extrema Scythia situm» (Proc. ed. Bonn. III стр. 293).

Въ этихъ мѣстахъ, а не въ окрестностяхъ Систова, г. Perrot [30]) долженъ былъ искать упомянутый въ надписи, найденной въ Кюстенджи, Флавійскій Новгородъ «Φλάβια νέα πόλις», тѣмъ болѣе, что всѣ обстоятельства, имъ приведенныя въ пользу своего мнѣнія, что тутъ говорится о городѣ «Novae» предвѣстникѣ Систова, безъ всякой натяжки примѣняются къ Новіодунуму.

Уже по близости сего города отъ Томи, онъ могъ скорѣй чѣмъ Novae, находиться съ Метрополіею Понта въ коммерческихъ и политическихъ сношеніяхъ и могъ быть основанъ, столь же хорошо, какъ Novae, при Флавіяхъ, а именно во время войны Домиціана съ *Сарматами*, которыми былъ при немъ уничтоженъ цѣлый легіонъ, вѣроятно V Alaudae [31]). Наконецъ упомянутый въ этой надписи «οἶκος ναυκλήρων», приличнѣе было помѣстить въ дельту Дуная, нежели при устьѣ Янтры, такъ какъ городъ «Flaviana» гдѣ стояли «milites nauclarii» лежалъ не въ Мизіи, но въ провинціи Скиѳіи, тогда уже отдѣленной отъ первой [32]), и что эти воины состояли вѣроятно подъ вѣдомствомъ главнаго начальника легіона I Iovia, подобно префектамъ другихъ отрядовъ въ Новіодунумѣ же и Эгиссусѣ, равно какъ и эскадры musculorum scythicorum въ устьяхъ Дуная [33]).

Поэтому мы можетъ быть не слишкомъ удаляемся отъ истины, отыскивая слѣды Флавіаны въ вышеприведенныхъ развалинахъ римскаго замка между Исакчею и Тульчею. Въ

[30]) Revue archéologique, Nouvelle Série, XXVIII, стр. 26.

[31]) Marquardt, Handbuch der Röm. Alterthümer, Leipzig 1853 III, 2 стр. 355.

[32]) Notitia Dignitatum etc. ed. Seeck. стр. 87 срав. Seeck, Die Zeit des Vegetius, въ Берл. журн. Hermes XI, 73.

[33]) Marquardt l. c. 408 ср. Not. Dign. стр. 88.

этихъ мѣстахъ мы встрѣчаемъ у Птолемея неразгаданныя имена Νουκράουνον и Σιτιδεντα.

Но если такъ, то я полагалъ бы, что Новіодунумъ съ Флавіаною былъ именно тотъ городъ, присоединеніемъ котораго къ понтійскому *Пятиградію* эта конфедерація превратилась въ Шестиградіе, упомянутое въ греческой надписи, помѣщенной въ константинопольскомъ журналѣ Φιλολογικὸς Σύλλογος за 1871 годъ т. IV р. 105 № 4 и обязательно мнѣ сообщенной г. Вулодимосомъ, директоромъ коммерческой греческой школы въ нашемъ городѣ [34]).

[34]) Я считаю прямымъ своимъ долгомъ показать здѣсь, почему именно этотъ достойный представитель эллинизма въ древней Скиѳіи, напечатавшій въ Одессѣ въ 1875 году дѣльное сочиненіе подъ заглавіемъ «*Δοκίμιον περὶ τοῦ ἰδιωτικοῦ βίου τῶν ἀρχαίων Ἑλλήνων, τόμος Α'*», считаетъ неосновательнымъ мнѣнія г. Perrot (l. c. p. 24) касательно значенія эпитета «*εὐώνυμος*», который примѣненъ къ Понту вмѣсто *εὔξεινος* въ двухъ надписяхъ обнародованныхъ Миллингеномъ (*Φιλ. Συλλ.* l. IV p. 105—8) и еще прежде Куманудисомъ (въ аѳинскомъ журналѣ *Νέα Πανδώρα*, т. XIX р. 81 — 85), который ограничивается замѣчаніемъ, что примѣненіе эпитета *εὐώνυμος* къ гостепріимному Понту ему показалось новымъ. Сознаваясь, что и онъ не встрѣчалъ подобнаго примѣра, ни у древнихъ авторовъ, ни въ надписяхъ, г. Perrot продолжаетъ: «C'est selon toute apparence, l'invention pretentieuse d'un bel esprit local, qui a voulu montrer qu'il connaissait l'origine et le sens d'*Εὔξεινος* de cette épithète donnée par antiphrase à cette mer redoutée des marins; la chose a réussi et est devenue à la mode». Въ свою очередь Миллингенъ (р. 106) колеблется между этимъ мнѣніемъ и другимъ, не ясно имъ высказаннымъ. Упомянувъ, что древніе Греки, во избѣжаніе употребленія роковыхъ словъ, перемѣнили названіе Понта «*ἄξεινος* въ *εὔξεινος*», онъ прибавляетъ, что выраженіе *εὐώνυμος* не замѣняетъ послѣднее слово по подобному же эвфемизму; но что этотъ эпитетъ означаетъ здѣсь прямо «лѣвую сторону», такъ какъ берегъ, къ которому онъ примѣняется, находясь влѣво для входящаго въ Черное море изъ Пропонтиды, названіемъ *εὐώνυμος* отличается отъ *провинціи* Понта собственно, подраздѣленной Римлянами на Pontus Galaticus, Pontus Polemoniacus и Pontus Cappadocius.

«Но» говоритъ г. Вулодимосъ, «дѣло въ томъ, что вовсе не для отличія отъ этой провинціи берегъ названъ *лѣвымъ*, но въ противоположность правому, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ Страбона: *Εἰς δὴ τὸν Εὔξεινον πόντον εἰσπλέουσιν ἐκ τῆς Προποντίδος ἐν ἀριστερᾷ μὲν τὰ προσεχῆ τῷ Βυζαντίῳ κεῖται, Θρακῶν δ'ἐστί· καλεῖται δὲ τὰ Ἀριστερὰ τοῦ Πόντου· ἐν δεξιᾷ δὲ τὰ προσεχῆ Χαλκηδόνι* (XII. 3 § 2 сравн. I, 4 § 16, VI, 7, § 1; IX 5 § 10. XI 2 § 5 и 14; XIV, 4, 29). Всякій же, знакомый хоть немного съ греческимъ языкомъ, знаетъ, что прилагательныя имена *ἀριστερὸς* и *εὐώνυμος* тождественны по своему значенію и что оба по эвфемизму значатъ *σκαιός*, *лѣвый*».

Вотъ транскрипція этой надписи, о которой г. Васильевскій [35]) желалъ узнать мое мнѣніе.

Ἀγαθ]ῇ τύχῃ.
Τ]ὸν Ποντάρχην καὶ ἄρ[ξαν-
τ]α τῆς Ἑξαπό[λ]εως
τὸν] υἱὸν τοῦ Πόντου καὶ
π]ρῶτον ἀγωνοθέτην
θεοῦ Ἀντινόου Τ. Φλα-
ούιον Ποσειδώνιον
υἱὸν Φαίδρου τοῦ Ποντάρ-
χου καὶ υἱοῦ τῆς πόλε-
ως: Φυλὴ Ἀργαδέων
τὸν ἑαυτῆς προστάτην.

«Въ добрый часъ

Понтарха и управляющаго Шестиградіемъ, сына Понта и перваго учредителя игръ бога Антиноя, Т. Флавія Посидонія, сына Федра Понтарха и сына города. Колѣно Аргадеевъ своего покровителя».

Издатель и комментаторъ надписи Миллингенъ (l. c. 106) между прочимъ заключаетъ изъ ней, что граждане города Томи, желая, подобно другимъ городамъ, снискать благосклонность императора Адріана, учредили публичныя игры въ честь его любимца Антиноя, причисленнаго къ богамъ особымъ декретомъ. Если же, какъ справедливо замѣчаетъ Миллингенъ, титулъ «управляющій дѣлами Шестиградія» тогда уже не имѣлъ существеннаго значенія, но только формальное и почетное въ своемъ примѣненіи къ римскимъ властямъ, то спрашивается, не былъ ли этотъ титулъ отмѣченъ въ надписи потому, что въ учрежденіи игръ участвовали Аргадеи, переселившіеся изъ Томи въ городъ, никогда не принадлежавшій къ Понтійскому пятиградію. Въ этомъ случаѣ я осмѣлился бы спросить далѣе, нельзя ли тутъ подъ шестымъ членомъ конфедераціи разумѣть новый городъ Флавіевъ.

---

[35]) Разборъ сочиненія Ф. К. Бруна: Черноморье и проч. С. П, 1879 стр. 12

Если же оказалось бы, что въ Понтійскомъ союзѣ участвовали шесть городовъ еще до утвержденія власти Римлянъ надъ Нижнею Мизіею, то я полагалъ бы, что шестымъ членомъ сего союза былъ, не Каллантисъ, какъ думаетъ Миллингенъ, но скорѣй или Ольвія или Тирасъ, такъ какъ оба эти города, находясь также въ дружескихъ сношеніяхъ съ членами Пятиградія, подобно имъ, участвовали въ жертвоприношеніяхъ храму Ахиллеса на островѣ Левки, судя по автономнымъ ихъ монетамъ, тамъ найденнымъ, а теперь хранящимся въ Музеѣ Одесскаго Общества.

Диногетія, въ самомъ углу образуемомъ Дунаемъ тамъ, гдѣ онъ обращается круто на востокъ, насупротивъ устья Гіераза, нынѣ Серетъ, между Браилою и Галацомъ, гдѣ сохранились развалины.

Аррубіумъ или Арубіумъ, около нынѣшняго Мачина.

Тросмисъ или Трёсмисъ, извѣстный еще Овидію, въ послѣдствіи весьма важный городъ, близъ мѣстечка Иглица, какъ видно изъ большаго числа надписей, тамъ найденныхъ.

Капидава, по Маннерту, Черновода, съ чѣмъ согласенъ Моммзенъ.

Аксіополь, на томъ мѣстѣ, гдѣ Дунай поворачиваетъ на сѣверъ, стало быть близъ Расовы.

Дуросторумъ, по Птолемею и Notitia dignitatum; по другимъ Доростолонъ, затѣмъ Дристра, нынѣ Силистрія.

Трансмариска, крѣпость упомянутая также впервые Птолемеемъ, около нынѣшняго Туртукая (Туракапъ).

Новы (Novae) недалеко отъ Систова, мѣсто стоянки Легіона I Italica.

Никополисъ, построенный Траяномъ, нынѣ Никюбъ на Янтрѣ между Систовомъ и Терновомъ. Онъ еще существовалъ въ VII столѣтіи и кромѣ имени не имѣетъ ничего общаго съ нынѣшнимъ Никополемъ при устьѣ Осмы въ Дунай, построеннымъ неизвѣстно кѣмъ и когда. Знаемъ только, что до 1396 года онъ уже былъ сильно укрѣпленъ и что онъ существовалъ по крайней мѣрѣ въ 1352 году. Въ этомъ я убѣдился по-

письму болгарскаго царя Іоанна Александра къ дожу венеціанскому Андрею Дандоло. Рукописный итальянскій переводъ этой грамоты хранится въ Венеціи въ Museo Correr[36]), откуда мнѣ посчастливилось получить копію, свидѣтельствующую, что письмо было подписано царемъ 18 октября 1352 года, въ *Никополѣ*.

Прочіе изъ приведенныхъ городовъ по большей части возникли только въ «золотомъ вѣкѣ» Римской имперіи, къ которому также относилась бы постройка вышеупомянутаго вала или стѣны, если бы можно было ручаться за то, что имя «лучшаго» изъ римскихъ императоровъ не было къ ней примѣнено въ позднѣйшія времена.

Въ этомъ случаѣ стѣна скорѣе могла быть построена однимъ изъ предшественниковъ Траяна, а именно Домиціаномъ, при которомъ Римляне, безъ сомнѣнія, имѣли бы въ ней болѣе надобности, нежели въ царствованіе побѣдителя Даковъ. Какъ бы то ни было, эта двойная, въ иныхъ мѣстахъ даже тройная, стѣна (Valla Romana), по словамъ приведеннаго выше журналиста, повсюду еще сохранилась въ высотѣ отъ 8-ми до 10 футовъ; съ наружной стороны вырытъ ровъ; съ внутренней лежатъ большіе, обсѣченные камни, образовавшіе, кажется, высокую стѣну. Западная часть сего укрѣпленія имѣетъ предъ собою озера и болотистую долину Карасу, въ родѣ рва крѣпости; къ востоку же отъ деревни Бурлыкъ, валъ внѣшній переходитъ за долину и вообще построенъ безъ обращенія вниманія на мѣстныя особенности; внутренній, т. е. южный валъ, идетъ, не въ одинаковомъ разстояніи, отъ 100 до 200 футовъ, за первымъ. За нимъ, въ извѣстныхъ взаимныхъ разстояніяхъ, видны слѣды римскихъ становъ, имѣющихъ среднимъ числомъ 300 шаговъ въ квадратѣ; форма и входы ихъ узнаются совершенно ясно еще и нынѣ.

Въ странѣ, по обѣимъ сторонамъ этого вала лежащей, Славяне обитаютъ съ давнихъ временъ, хотя и нельзя опредѣ-

---

[36]) Савваитовъ, Путеш. Новгор. Арх. Антонія. С.-П. 1872, стр. 173.

лить эпохи, когда именно они переселились сюда. По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, они составляли населеніе сего края еще до утвержденія надъ нимъ владычества Римлянъ; по мнѣнію же другихъ, они сюда перешли только послѣ нашествія Гунновъ на прежнюю ихъ родину. Достовѣрно извѣстно, что угорскіе Болгары, въ 679 году, при занятіи края между Дунаемъ и Балканомъ, застали тамъ семь славянскихъ племенъ, которыя ими были покорены и соединены въ одно политическое тѣло, названное по ихъ имени *Болгаріею*, хотя сами Болгары въ теченіе 2 или 3 столѣтій ославянились. Ибо, какъ справедливо замѣчаетъ Иречекъ [37]) «Název statni rozhodoval nad názvem narodnim».

---

[37]) Dějiny Národa Bulharského 1876 стр. 112.

IV.

Островъ Певки[1]).

Въ числѣ острововъ, образуемыхъ устьями Дуная, болѣе другихъ славенъ былъ въ древности островъ Певки. По свидѣтельству Помпонія Мелы [2]), онъ былъ самый большой и извѣстнѣйшій изъ шести острововъ, находящихся въ дельтѣ Дуная. По другимъ авторамъ, островъ Певки, имѣя видъ треугольника, величиною своею не уступалъ Родосу, которому, въ свою очередь, Страбонъ приписываетъ въ окружности до 920 стадій. По тому же автору [3]), большой островъ Певки лежалъ возлѣ устьевъ Истра; другіе меньшіе острова находились отчасти выше, отчасти въ сторонѣ моря. «Ибо,—говоритъ онъ,—Истръ изливается въ Понтъ Евксинскій семью устьями, изъ коихъ самое большое есть южное или такъ называемое Священное устье; вверхъ по оному, въ 120-и стадіяхъ, находится островъ Певки», при нижней части котораго Дарій построилъ мостъ: могъ же онъ быть построенъ и при верхней части острова (ἧς κατὰ τὸ κάτω μέρος ἐποίησε τὸ ζεῦγμα Δαρεῖος δύναιτο δ'ἂν ζευχθῆναι καὶ κατὰ τὸ ἄνω).

Изъ этихъ словъ Страбона Укертъ [4]) выводитъ заключеніе, что, по взгляду великаго географа, Истръ, идущій съ запада, долженствовалъ омывать берега острова, а затѣмъ, снова соединившись въ 120-и стадіяхъ отъ моря,—образовать прочія устья болѣе къ востоку. «Въ противномъ случаѣ», за-

---

[1]) Изъ Одесскаго Вѣстника №№ 90 и 91, 1851 года.

[2]) Pomp. Mela, II, 7.

[3]) Strabo, VII, 3, § 15.

[4]) Ukert, Geogr. d. Gr. und R. III, 1 стр. 164.

мѣчаетъ Укертъ «Персамъ пришлось бы переправиться еще чрезъ прочіе рукава Дуная», что безъ сомнѣнія имъ не могло придти въ голову. Что они дѣйствительно не переправлялись чрезъ прочіе[5]) рукава явствуетъ притомъ, какъ изъ приведеннаго выше свидѣтельства Геродота, что мостъ былъ построенъ въѣзжавшими въ дунайскую дельту моряками, такъ изъ того обстоятельства, что персидскій флотъ поднялся до этого пункта только послѣ двухдневнаго плаванія вверхъ по рѣкѣ, стало быть на протяженіе, которое по разнымъ причинамъ, легко могло соотвѣтствовать 120 стадіямъ Страбона. Съ взглядомъ его касательно мѣстоположенія острова можно согласовать тѣ подробности, которыя мы о немъ встрѣчаемъ у Плинія[6]). Сказавъ, что «Hister» изливался въ море шестью рукавами, онъ продолжаетъ: «Primum ostium Peuces, mox ipsa Peuce insula, in qua proximus alveus (названіе пропущено) appellatus XIX p. magna palude sorbetur; ex eodem alveo et super Histropolin lacus gignitur LXIII passuum ambitu, Halmyrin vocant; secundum ostium Naracustoma appellatur» и т. д. Такъ какъ устье, которое Плиній означаетъ названіемъ острова имъ омываемаго, совпадало съ Священнымъ устьемъ Страбона или нынѣшнимъ устьемъ св. Георгія, тогда какъ большое озеро Гальмирисъ явно тожественно съ озеромъ нынѣ названнымъ Рамзинъ или Разельмъ и лежащимъ на *южной* сторонѣ рукава св. Георгія, то и Плиніево «большое болото», смежное съ островомъ, не могло не находиться на этой его сторонѣ, и слѣдовательно должно было соотвѣтствовать, если не окрестностямъ протока Дунавецъ, который, отдѣлившись отъ Георгіевскаго рукава, теряется въ озерѣ Рамзинъ, то балкѣ («depression de terrain»), отстоящей въ 60 верстахъ отъ Кюстенджи и отдѣляющей южную степную часть Добруджи отъ гористой Бабадагской области[7]).

[5]) Groskurd, Strabons Erdbeschreibung I, стр. 537.
[6]) Naturalis historia, recens. D. Detlefsen, Berol. 1866 стр. 182.
[7]) Allard, La Bulgarie etc. стр. 103.

Всѣ приведенныя обстоятельства заставляютъ меня думать, что Крузе [8]) не ошибается, полагая, что древній островъ Певки соотвѣтствовалъ сѣверовосточной части нынѣшняго полуострова Бабадагскаго, т. е. гористой полосѣ земли, заключенной между Бабадагомъ, Исакчею, Тульчею и мысомъ Бештепе. Что эта полоса могла дѣйствительно имѣть въ древности видъ острова, не подлежало бы никакому сомнѣнію, если-бы подтвердилось приведенное г. Крузе свидѣтельство извѣстнаго барона Гаммера, что упомянутая полоса нынѣ еще отдѣляется отъ западной части полуострова песчанымъ, покрытымъ лѣсомъ логовищемъ, которое въ древности легко могло быть русломъ потока, т. е. верхней части южнаго рукава Дуная. Въ этомъ случаѣ мы еще болѣе убѣдились бы, что здѣсь долженъ былъ находиться именно островъ Певки, если обратимъ вниманіе на то, что о немъ говорятъ Арріанъ и Птолемей.

Извѣстно, что первый изъ нихъ упоминаетъ объ островѣ, при описаніи похода Александра Македонскаго противъ Трибалловъ и Гетовъ (1, 2—4). Но какъ подробности сего описанія можетъ быть не сохранились въ памяти читателя, то мнѣ кажется неизлишнимъ представить здѣсь отрывокъ, для насъ особенно интересный, изъ труда знаменитѣйшаго изъ историковъ Александра:

«Послѣ трехдневнаго перехода отъ береговъ Лигина (рѣки, касательно которой ученые до нынѣ еще не могли согласиться), Македонскій царь достигъ, съ войскомъ своимъ, до южнаго берега Дуная, гдѣ его уже ожидали корабли, прибывшіе изъ Византіи; они тотчасъ были нагружены стрѣлками и тяжелою пѣхотою, для нападенія на островъ *Певки*, куда спаслись Ѳраки, равно какъ и царь Трибалловъ, Сирмъ, съ частью своего войска, отправивши туда же предварительно женщинъ и дѣтей. Однако островъ былъ хорошо обороняемъ, берега его были слишкомъ высоки, число судовъ было недостаточное, такъ что Александръ рѣшился призвать обратно свои

[8]) Kruse, de Istri ostiis, стр. 53.

корабли и напасть на Гетовъ съ противуположнаго берега: если только онъ, по ихъ усмиреніи, былъ бы обладателемъ обоихъ береговъ рѣки, то и островъ не могъ бы болѣе ему противиться. Геты, числомъ около 4,000 конницы и болѣе 10,000 пѣхоты, взяли позицію на сѣверномъ берегу Дуная, предъ худо построеннымъ городомъ, лежавшимъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега рѣки; они полагали, что царь, у котораго не было довольно кораблей для совершенія высадки на островъ, повелитъ построить мостъ изъ судовъ, и тѣмъ доставитъ имъ время и случай для нападенія. Александръ ихъ предупредилъ: это было около половины Іюня; поля въ окрестностяхъ гетскаго города были покрыты хлѣбомъ, довольно высокимъ въ колосьяхъ, чтобы скрыть предъ глазами непріятеля пристающихъ къ берегу воиновъ; надлежало только побѣдить Гетовъ внезапнымъ нападеніемъ; но какъ корабли византійскіе не могли вмѣщать въ себѣ достаточнаго количества воиновъ, то собраны были изъ окрестностей многія мелкія лодки, коими пользовались туземцы, когда ловили рыбу въ рѣкѣ, когда производили разбои или же когда посѣщали своихъ сосѣдей; кромѣ того, кожи, служившія Македонянамъ вмѣсто палатокъ, набиты были сѣномъ и крѣпко связаны; затѣмъ, пользуясь ночною темнотою, 1,500 всадниковъ и 4,000 человѣкъ пѣхоты, подъ личнымъ начальствомъ царя, переправились чрезъ рѣку, и, будучи прикрыты обширнымъ полемъ съ хлѣбомъ, высадились подъ городомъ. При наступленіи зари они двинулись впередъ поперегъ поля; впереди шла пѣхота, которой велѣно было пригнуть внизъ хлѣбъ длинными копьями, и тогда только остановиться, когда дойдутъ до необработаннаго поля. Тамъ конница, дотолѣ слѣдовавшая за пѣхотою, выставилась на правомъ флангѣ подъ начальствомъ царя, между тѣмъ какъ на лѣвомъ флангѣ, примыкаясь къ рѣкѣ, выступила впередъ фаланга, образуя длинную линію и находясь подъ начальствомъ Никанора. Геты, устрашенные чрезвычайною смѣлостью царя, который съ такою легкостью пробрался чрезъ величайшую изъ рѣкъ въ теченіе одной ночи, спѣшили броситься въ городъ, не будучи въ со-

стоянія противустоять, ни натиску конницы, ни силѣ фаланги; видя, что непріятель ихъ преслѣдуетъ, они бѣжали далѣе внутрь, въ степь, взявъ съ собою столько женъ и дѣтей, сколько лошади могли нести. Царь вошелъ въ городъ, разрушилъ его, отправилъ добычу въ Македонію съ Филиппомъ и Мелеагромъ, и принесъ жертвы возлѣ самаго берега Дуная, въ благодарность Юпитеру, Геркулесу и богу рѣки. Александръ не имѣлъ намѣренія раздвинуть предѣлы своего могущества до обширныхъ степей, простирающихся къ сѣверу отъ Дуная; съ тѣхъ поръ какъ Геты узнали на опытѣ могущество Македонянъ, широкая рѣка составляла надежную границу; въ сосѣдствѣ же не было другаго народа, отъ котораго можно было ожидать сопротивленія. Означивъ сказанными жертвоприношеніями предѣлъ своихъ предпріятій къ сѣверу, царь Македонскій въ тотъ же день возвратился въ станъ свой за рѣкою— изъ похода, который не стоилъ ему ни одного человѣка. Вслѣдъ за предпріятіемъ, столь же удачнымъ, какъ и быстрымъ, свободные народы, обитавшіе при Дунаѣ, спѣшили покориться царю; посольства прибыли отъ различныхъ племенъ съ данью своего края, и просили мира и дружбы, которые имъ были дарованы съ радушіемъ. Даже царь Трибалловъ, Сирмъ, который понялъ, что ему нельзя будетъ удержаться на островѣ Дуная, покорился, и былъ, по Діодору (XVII, 17), принятъ союзникомъ, съ тѣмъ, чтобы онъ доставлялъ впередъ контингентъ свой къ македонскому войску».

Дройсенъ, въ своей прекрасной Исторіи Александра (стр. 70), высказалъ сомнѣніе на счетъ тождества острова, на которомъ царь Трибалловъ искалъ убѣжища, съ нашимъ островомъ Певки, полагая, что историки Александра собственно говорятъ объ островѣ, который лежалъ гораздо выше на Дунаѣ, и что они ошибкою означаютъ его именемъ того острова сей рѣки, который имъ былъ извѣстенъ болѣе всѣхъ другихъ.

Мнѣніе сіе нѣмецкій ученый старается подкрѣпить слѣдующими размышленіями: «Едвали Трибаллы могли бы спастись болѣе чѣмъ на 50 миль отъ своихъ границъ, и то въ

направленіи, менѣе отдаленномъ отъ непріятеля. Какимъ образомъ Арріанъ могъ бы пройти молчаніемъ многочисленные рукава Дуная, если бы борьба происходила при островѣ Певки, въ ихъ сосѣдствѣ находившемся? Даже не доставало бы времени для этихъ переходовъ: въ концѣ Іюля Александръ уже стоялъ подъ Пелліономъ, т. е. въ 150 миляхъ отъ устьевъ Дуная, между тѣмъ какъ онъ только весною выступилъ въ походъ изъ Амфиполя, отстоявшаго отъ Певки въ 100 миляхъ, въ прямомъ направленіи».

Всѣ эти обстоятельства кажутся мнѣ, однако, недостаточно важными, чтобы заставить меня согласиться съ мнѣніемъ автора, что историки Александра по ошибкѣ только упоминаютъ объ островѣ Певки, тѣмъ болѣе, что и Страбонъ говоритъ о неудачномъ походѣ Македонянъ противъ острова того же имени, не сомнѣваясь въ тождествѣ его съ тѣмъ островомъ Певки, возлѣ котораго Дарій I переправился чрезъ Дунай, и который явно находился при устьяхъ этой рѣки. При томъ я не понимаю, почему Александръ, который въ столь короткое время образовалъ всемірное владычество свое, не могъ совершить приведенныхъ переходовъ отъ Амфиполя до нижняго Дуная и оттуда назадъ до Пелліона въ теченіе трехъ или четырехъ мѣсяцевъ, т. е. отъ начала весны до конца Іюля. Гораздо менѣе правдоподобнымъ кажется мнѣ предположеніе Дройсена, что корабли византійскіе, которые уже стояли на якорѣ возлѣ острова Певки, когда Александръ прибылъ къ берегу Дуная, могли бы уже, до того времени, подняться вверхъ по рѣкѣ на значительное разстояніе, что надлежало бы допустить, если бы дѣло здѣсь дѣйствительно касалось острова, лежащаго гораздо выше, нежели настоящій островъ Певки. Что же касается стратегической важности устьевъ Дуная, то Арріанъ, который въ другомъ мѣстѣ (V, 4) говоритъ, что ихъ было пять и что они были не глубоки, могъ въ этомъ случаѣ оставить ихъ безъ вниманія, если островъ дѣйствительно находился въ предположенномъ нами мѣстѣ, въ окрестностяхъ Тульчи, т. е. не много выше, а не въ самой нынѣшней дѣльтѣ Дуная.

Въ этомъ случаѣ и объяснилось бы почему Арріанъ могъ сказать, что берега острова были круты. Таковы, по крайней мѣрѣ были бы берега острова, который соотвѣтствовалъ бы сѣверо-восточной оконечности Добруджи или Бабадагской области. Здѣсь при томъ Сирмъ съ своимъ народомъ и съ Ѳраками удобно могъ помѣститься и найдти средства для продовольствія большаго количества народа; напротивъ того, острова, лежащіе выше по Дунаю не представляли бы необходимыхъ къ тому условій, между тѣмъ какъ всѣ острова, входящіе въ составъ нынѣшней дельты Дуная, мало возвышаются надъ уровнемъ моря, а посему самому ни одинъ изъ нихъ не могъ въ древности имѣть крутыхъ береговъ. Если же островъ, который со славою противустоялъ величайшему полководцу древняго міра, дѣйствительно находился въ предположенномъ нами мѣстѣ, то и городъ Гетовъ, разрушенный Александромъ, долженъ былъ находиться въ небольшомъ оттуда разстояніи на противуположномъ, т. е. сѣверномъ берегу Дуная. Вотъ почему можно допустить предположеніе, что сказанный городъ находился въ окрестностяхъ колоніи Карталъ, лежащей между Измаиломъ и Рени, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ самаго берега рѣки. Древніе гробницы и другіе памятники съ латинскими надписями, донынѣ сохранившимися, ясно свидѣтельствуютъ, что въ этихъ мѣстахъ существовало нѣкогда римское поселеніе [9]), которое однако не мѣшаетъ намъ предположить, что здѣсь именно находились передъ тѣмъ жилища Гетовъ.

Пора однакожъ возвратиться къ нашему острову, обращаясь къ даннымъ болѣе положительнымъ, которыя намъ доставляетъ Птолемей. Упомянувъ, что островъ Певки былъ образуемъ южнымъ рукавомъ Дуная, авторъ этотъ не входилъ въ подробности касательно мѣстныхъ его особенностей. Вѣрный своей системѣ, онъ ограничивается опредѣленіемъ астрономическаго положенія острова, равно какъ и различныхъ

---

[9]) Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей 1 стр. 627. ср. выше стр.

устьевъ Дуная. Безъ сомнѣнія данныя эти далеко не точны; тѣмъ не менѣе они не могутъ быть оставлены безъ вниманія, если дѣло идетъ не объ опредѣленіи дѣйствительной широты и долготы Дунайской дельты, но, какъ въ настоящемъ случаѣ, только о томъ, чтобы означить, хотя приблизительно, относительное разстояніе различныхъ ея частей другъ отъ друга. Сравнивая, съ этой точки зрѣнія, цифры Птолемея, нельзя будетъ не согласиться, что онѣ представляютъ новыя доказательства въ пользу мнѣнія, по которому островъ Певки не доходилъ до морскаго берега, находясь въ тоже время, въ меньшемъ разстояніи отъ южнаго устья Дуная, нежели отъ всѣхъ прочихъ устьевъ этой рѣки. Ибо тогда какъ, по его свидѣтельству, островъ Певки лежалъ подъ гр. 55° 20′ долг. и 46° 30′ шир., онъ же опредѣляетъ мѣстоположеніе устьевъ, а именно:

Священное или Певки подъ	56° 10′	долг.	46° 15′	ш.
Ипаракіонъ (Нараку) . . .	56° 10′	»	46° 20′	»
Калонъ	56° 15′	»	46° 30′	»
Псевдостома	56° 15′	»	46° 40′	»
Биреонъ	56° 20′	»	46° 50′	»
Ѳіагола или Псилонъ . . .	56° 15′	»	47° —	»

Со временъ Птолемея важныя физическія измѣненія долженствовали происходить въ видѣ и объемѣ нашей дельты, потому что она ежедневно еще измѣняется, такъ сказать, въ нашихъ глазахъ. Посему то было бы несправедливо обвинять его въ неточности, хотя настоящее число рукавовъ Дуная и взаимное ихъ разстояніе не совсѣмъ согласуется съ изображеніемъ, которое онъ намъ оставилъ о дельтѣ Дуная. Напротивъ того, это изображеніе скорѣе могло бы служить доказательствомъ, что въ его время теченіе этой рѣки было извѣстно по опыту, что впрочемъ не было-бы удивительнымъ при важности, которую она постоянно имѣла для Римлянъ, съ тѣхъ поръ, какъ они простерли свое владычество до ея береговъ.

Такъ еще при Августѣ Элій Катъ перевелъ 5 миріадъ (50.000) Гетовъ изъ-за Дуная въ Ѳракію, и въ тѣ же вре-

мена Римляне боролись съ Бастарнами, которые обитали близъ устьевъ Дуная и къ числу коихъ принадлежали Певкины (Strabo, l. c.). За тѣмъ Тиб. Плавцій Сильванъ Эліанъ, въ свою очередь, перемѣстилъ многія тысячи Задунайцевъ на южный берегъ рѣки, остановилъ набѣги Сарматовъ и наблюдалъ за Бастарнами, Роксоланами и Скиѳами нашихъ степей[10]). Еще при Домиціанѣ причисляли къ труднѣйшимъ подвигамъ[12]):

Aut Rheni populos, aut nigrae littora Thules,
Aut Istrum servare latus, metuendave portae
Limina Caspiacae.

Покореніе Траяномъ Дакіи обезпечило на время владычество Римлянъ надъ обоими берегами Дуная, и владычество это отчасти продолжалось и послѣ того, когда, «возстановитель имперіи», уступилъ варварамъ завоеванія «лучшаго» изъ своихъ предшественниковъ. Неудивительно по этому, почему на монетахъ римскихъ, равно какъ и на памятникахъ надгробныхъ, воздвигнутыхъ Иллирійскими легіонами въ послѣднія времена имперіи, столь часто встрѣчаются слова: Salus provinciarum, salus rei publicae, Danubius.

По мѣрѣ того, какъ эта рѣка переставала служить оплотомъ противъ нашествій варваровъ на римскія провинціи, островъ Певки долженъ былъ лишиться того интереса, который дотолѣ имѣлъ для римскихъ писателей. Тѣ изъ нихъ, которые еще упоминаютъ о немъ, выражаются такъ сбивчиво, что видимое ихъ противорѣчіе не можетъ опровергать мнѣніе касательно его положенія, основанное на свидѣтельствѣ приведенныхъ нами авторовъ первыхъ двухъ вѣковъ имперіи.

Такъ напр., Амміанъ Марцеллинъ (XXII, 8) думаетъ, что островъ Певки находился между устьями того-же имени и Наракономъ, и что онъ доходилъ до моря. Между тѣмъ его же слова «prominet insula Peuce» заставляютъ догадываться, что онъ все-таки хотѣлъ говорить объ островѣ, который

[10]) Orelli C. I. L. 750.
[11]) Stat. Silv. IV, 4, 61.

не доходя до самаго морскаго берега, оканчивался мысомъ Бештепе, издалека еще замѣтнымъ мореплавателямъ.

Въ свою очередь эпитоматоръ Страбона (ed. Huds. p. 56) подъ именемъ Певки разумѣетъ весь треугольникъ между самымъ южнымъ и самымъ сѣвернымъ рукавами Дуная; линію же въ 300 стадій ихъ отдѣляющую считаетъ основаніемъ сего треугольника. Нельзя однакожъ согласовать съ этимъ взглядомъ замѣтку того-же автора (p. 86), что островъ Певки лежалъ въ 500 стадіяхъ отъ острова Левки. Напротивъ того кажется, что авторъ здѣсь имѣлъ въ виду тотъ островъ Певки, который находился въ 120 стадіяхъ отъ морскаго берега, отстоявшаго въ древности въ 400 стадіяхъ отъ острова Левки, по свидѣтельству безъименнаго автора Перипла Понта Евксинскаго. Правда, въ этомъ периплѣ также сказано, что островъ Певки лежалъ между устьями Дуная и между моремъ, но въ этомъ случаѣ авторъ, какъ это дѣлаетъ часто, передалъ намъ только буквально слова Скимна Хіосскаго, поэта, жившаго въ 1-мъ столѣтіи до нашей эры.

Подобнымъ почти образомъ выражаются греческіе писатели, которые гораздо прежде Скимна, упоминали объ островѣ Певки, какъ напр. Эратосѳенъ и Аполлоній изъ Родоса; послѣдній только прибавляетъ (IV, 310), что островъ находился между устьями Дуная: Наракосъ и Калонъ. Сравнивъ между собою всѣ приведенныя свидѣтельства должно думать, что *имя* Певки принималось то въ обширномъ, то въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, подобно тому, какъ и при Нилѣ различали большую и малую дельту. По всей вѣроятности разумѣли первоначально всю дельту Дуная подъ именемъ Певки, которое потомъ уже, когда устья Дуная дѣлались болѣе извѣстными въ слѣдствіе завоеваній Македонянъ, примѣнялось исключительно къ главному, знаменитѣйшему изъ шести острововъ [12]). Въ послѣдствіи, когда, съ распаденіемъ римской имперіи, варварскіе народы утвердились въ Нижней Мизіи, пи-

[12]) Pomp. Mela II, 7.

сатели, для коихъ островъ Певки уже не имѣлъ прежняго своего значенія, снова смѣшивали неопредѣленныя о немъ мнѣнія древнѣйшихъ съ понятіемъ болѣе точнымъ Страбона, Мелы, Плинія и Птолемея. Подобная погрѣшность со стороны авторовъ послѣднихъ временъ Римской имперіи и среднихъ вѣковъ, могла отчасти быть слѣдствіемъ того обстоятельства, что поэты первыхъ двухъ вѣковъ имперіи также держались древнѣйшаго мнѣнія на счетъ острова Певки, безъ сомнѣнія потому, что оно своею неопредѣленностью болѣе имъ нравилось, нежели результаты изслѣдованій современныхъ имъ географовъ и историковъ. Во всякомъ случаѣ свидѣтельство сихъ послѣднихъ остается въ своей силѣ, хотя нашъ островъ ими представленъ въ иномъ видѣ, нежели въ каковомъ онъ могъ показаться воображенію Лукана, когда онъ, изображая стекающихся воиновъ, говоритъ: (III, v. 100.

Deseritur. . . . . barbara Cone
Sarmaticas ubi perdit aquas, sparsamque profundo
Multifidi Peucen unum caput adluit Istri.

Или Стація, когда онъ спрашиваетъ (Silv. V. 2, 136).

. . . . An te septenus habebit
Ister? et undoso circumflua conjuge Peuce?

Или же наконецъ Валерія Флакка, который говоритъ, (VIII, 293).

. . . . ostia donec
Danubii viridemque vident ante ostia Peucen.

Тотъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ своей поэмы о походѣ Аргонавтовъ (VIII, 217, 256), разсказываетъ, что островъ Певки такъ былъ названъ по имени Сарматской нимфы, которая тщетно старалась укрыться отъ страсти Истра въ близлежащей пещерѣ. Но такъ какъ еще, по Гомеру (Hymn. ad Aphrod. 257), вмѣстѣ съ нимфами произрастали въ горахъ высокія сосны, то ясно, что и Валерій Флаккъ здѣсь только хотѣлъ намъ дать перифразу весьма правдоподобнаго мнѣнія другихъ авторовъ, что островъ былъ названъ Певки, по множеству сосенъ (πεύκη) на немъ произроставшихъ. Обстоятельство сіе можетъ служить къ большему подтвержденію мнѣнія,

что островъ Певки находился въ предполагаемомъ нами мѣстѣ, т. е. выше острововъ настоящей дельты Дуная, наконхъ по очереди его донынѣ искали. Во всякомъ случаѣ всѣ они такъ низки, что въ древности на нихъ едва ли могли произрастать сосны, по крайней мѣрѣ, столь же мало, какъ эти деревья и нынѣ тамъ вѣроятно встрѣчаются. Напротивъ того, вершины горъ Бабадагскихъ нѣкогда могли быть покрыты сосновыми лѣсами, слѣды коихъ, быть можетъ, донынѣ сохранились. Рѣшеніе сего вопроса, равно какъ и другихъ, коихъ мы касались въ настоящей статьѣ, мы предоставляемъ лицамъ, которымъ представится случай сличить ихъ съ мѣстностью.

V.

Къ вопросу о древней топографіи Ираклійскаго полуострова[1]).

Въ двухъ верстахъ къ западу отъ Севастополя, возникшаго на мѣстѣ татарской деревни Ахтіаръ и вполнѣ уже заслужившаго славное имя свое, данное ему великою императрицею, находился прежде городъ, которому также суждено было быть поприщемъ событія не менѣе важнаго для Россіи. Городъ этотъ, основанный въ глубокой древности выходцами мегарійской колоніи Ираклеи, по полуострову, на которомъ они поселились, былъ просто названъ *Херсонисомъ*, чѣмъ и объясняется имя *Херсонъ*, присвоенное ему въ послѣдствіе Византійцами. Въ нашихъ лѣтописяхъ имя сіе превратилось въ *Корсунь*; восточные писатели даютъ ему названіе *Сарыкерманъ*, а нѣкоторые изъ позднѣйшихъ *Топе-тарканъ*. Развалины Херсониса, сохранившіяся столько вѣковъ, вѣроятно теперь такъ перемѣшались съ новыми развалинами, по случаю осады Севастополя, что объясненіе ихъ сопряжено будетъ съ непреодолимыми трудностями [2]). По свидѣтельству Страбона, городъ находился на

---

[1]) Извлечено изъ статей, напечатанныхъ въ Новороссійскомъ календарѣ на 1856—9; и помѣщенныхъ также въ Journal d'Odessa, 1857 года.

[2]) Опасеніе, мною высказанное лѣтъ 25 тому назадъ, къ счастію не осуществилось, какъ читатели усмотрятъ изъ результатовъ раскопокъ, къ которымъ И. Одесское Общество Исторіи и Древностей три года тому назадъ могло приступить въ этой мѣстности, благодаря иниціативѣ и благосклонному содѣйствію почетнаго члена Общества Министра Просвѣщенія графа А. Д. Толстаго. См. Отчетъ Общества за 1878 г. Одесса, 1879 и статью В. П. Юргевича (Эллинскія и латинскія надписи, найденныя въ Херсонисѣ) въ находящемся въ ечати XI томѣ Записокъ Общества.

разстоянии около 100 стадий отъ мыса, названнаго *Парѳеніонъ*, по храму божественной дѣвы, который стоялъ на немъ. По разстоянію этого мыса отъ города можно заключить, что Страбонъ здѣсь имѣлъ въ виду, не мысъ Херсонисъ, какъ полагалъ еще Муравьевъ, а за нимъ г. Аркасъ,—но мысъ Св. Георгія или Феолентъ, гдѣ находится обрывъ скалы, выдавшейся въ море, на подобіе пристани и образующій родъ воротъ, чрезъ которыя можно проѣзжать на лодкѣ, послѣ чего, какъ выражается Палласъ, «der immer niedriger sinkende Schiefer sich bald unter der See verbirgt».—Въ развалинахъ, сохранившихся въ этой мѣстности еще Палласъ [3]) подозрѣвалъ остатки храма, о которомъ говоритъ Страбонъ, а именно узналъ ихъ въ зданіи, которое знаменитый Санктъ-Петербургскій академикъ замѣтилъ подъ самымъ мысомъ.

«Оно состояло», говоритъ онъ, «изъ двухъ квадратовъ, стѣны которыхъ были направлены ко всѣмъ сторонамъ свѣта. Сѣверный квадратъ, равномѣрно въ 33 фута, поднимался надъ холмообразнымъ основаніемъ. Онъ имѣлъ, кажется, при юго-западной оконечности, одинъ только выходъ къ морю; съ прочихъ же сторонъ фундаментъ зданія окруженъ рядомъ огромныхъ, грубо обтесанныхъ каменныхъ плитъ. Въ срединѣ квадрата, хотя немного ближе къ сѣверной стѣнѣ, лежалъ кубическій камень верхнею площадью не поднимающійся надъ почвою, который я велѣлъ поднять, послѣ чего оказалось, что земля подъ нимъ была довольна рыхлая. Около него въ открытомъ на сѣверной сторонѣ квадратѣ были кладены въ землѣ плоскіе камни посредственной величины, которые могли составлять ступень, если только на среднемъ камнѣ стоялъ алтарь или статуя богини. Южный квадратъ, ближайшій къ морю, но примыкающій также къ первому, продолговатому, имѣя на восточной и западной сторонѣ 47 футовъ, на другой же только 35, тогда какъ внутреннее его пространство значительно глубже поверхности перваго. Кажется, онъ имѣлъ выходъ къ

---

[3]) Pallas Bemerkungen auf einer Reise durch die südl. Statth etc. II 63.

морю на юго-восточномъ углѣ и другой на сѣверо-западномъ; состоитъ онъ также изъ продолговатыхъ большихъ плитъ, въ верхнемъ ряду кладенныхъ иногда на крестъ, но по большей части по длинѣ стѣнъ. Кладка, какъ во всѣхъ этихъ весьма древнихъ постройкахъ, очень груба и рыхла, безъ извести или глины, но за то тамъ и сямъ снабжена маленькими камешками для заборки плитъ. Камень построекъ есть обыкновенный известякъ мѣстныхъ пластовъ содержащихъ обломки раковинъ и оолитовыя зерна. На обращенной къ морю сторонѣ кладены плоскіе обтесанные камни, въ видѣ мощенной дороги и этотъ рядъ камней въ прямомъ направленіи продолжается послѣ небольшаго промежутка вдоль другаго квадрата. Еще видѣнъ фундаментъ стѣны, начинающійся въ 19 футовъ отъ юго-восточнаго угла меньшаго квадрата, и продолжающійся въ прямой линіи къ юго-востоку, послѣ чего снова въ прямой линіи обращается къ юго-западу и примыкаетъ къ юго-восточному углу продолговатаго квадрата, образуя какъ бы родъ приддворья»... По словамъ старожиловъ здѣсь видны были прежде пьедесталы нѣсколькихъ колонъ.

Въ этомъ-же мѣстѣ долженъ былъ находиться и *храмъ Ифигеніи*, о которомъ говорятъ Геродотъ и Эврипидъ, если держаться мнѣнія, что эта безсмертная дѣва, которую часто смѣшивали съ Діаною, была та самая, о которой говоритъ Страбонъ. Безъ сомнѣнія, это мнѣніе заслуживаетъ преимущество предъ мнѣніемъ Бларамберга, который тщетно старался доказать, что кромѣ храма на мысѣ Пароеніонъ, былъ еще другой, у подошвы Аю-дага, возлѣ деревни Партенитъ. Мнѣнія касательно существованія двухъ храмовъ придерживается и г. Беккеръ, стараясь доказать, что храмъ, о которомъ говоритъ Страбонъ, находился при мысѣ Херсонисъ, хотя и признаетъ, что храмъ Ифигеніи находился при мысѣ Феолентѣ.

Въ окрестностяхъ Херсониса были извѣстны Страбону еще другіе пункты, мѣстоположеніе которыхъ до нынѣ не удалось опредѣлить съ точностію. Сюда принадлежатъ приведен-

ная выше крѣпость *Евпаторіонъ*, гавань *Ктенусъ*, *соляное озеро и древнѣйшій Херсонисъ*, который впрочемъ, во время Страбона, уже былъ въ развалинахъ. Обыкновенно относятъ къ нимъ открытые и описанные Палласомъ остатки древнихъ стѣнъ и зданій на западной оконечности Ираклійскаго полуострова, гдѣ, посему полагаютъ, и находился древній Херсонисъ. Но такъ какъ изъ словъ Страбона слѣдуетъ, что этотъ городъ лежалъ между мысомъ Парѳеніонъ и гаванью Символовъ или нынѣшней Балаклавы, то позволено будетъ думать, что онъ находился на южномъ берегу, а именно къ востоку отъ Георгіевскаго монастыря, подлѣ мыса Аія-бурунъ, какъ по тому, что и здѣсь, по свидѣльству новѣйшихъ изслѣдователей, сохранились слѣды древнихъ стѣнъ и зданій, такъ и потому, что это есть единственный пунктъ берега, куда мореплаватели могутъ какъ-нибудь приставать, даже при сильномъ восточномъ вѣтрѣ. Впрочемъ невыгодное положеніе города могло именно быть главною причиною, побудившею ихъ рано отыскивать другой пунктъ для торговыхъ своихъ сношеній съ метрополіею. Не смотря на свою близость отъ мѣста, гдѣ по моему мнѣнію, первоначально поселились Ираклійцы, гавань Символовъ, или знаковъ, не могла имъ служить для предположенной цѣли, потому что они здѣсь слишкомъ подвергались бы нападеніямъ дикихъ Тавровъ. Меньшей гораздо опасности подвергались бы Херсониситы, еслибы, укрѣпивши предварительно перешекъ между сказанною гаванью узкоустою и Ктенусомъ или оконечностью южной бухты, они устроили свои купеческія конторы на томъ мѣстѣ, которое означалось въ послѣдствіи именемъ Херсониса или Ираклеи Херсонисской. Городъ этотъ однако долженъ былъ означаться другимъ именемъ, пока древнѣйшее поселеніе Ираклійцевъ въ Херсонисѣ не было разрушено варварами. Дѣйствительно, мы узнаемъ отъ Плинія, что младшее поселеніе первоначально называлось *Megarice*, и мы вправѣ думать, что это именно поселеніе имѣлъ въ виду и Скилаксъ когда говоритъ, что въ Таврическомъ (Ираклійскомъ) Херсонисѣ, кромѣ города сего имени, былъ еще другой городъ, ко-

торый онъ просто называетъ пристанью. Посему самому кажется, что древнѣйшее поселеніе Ираклійцевъ находилось на мѣстѣ неудобномъ для пристани, т. е. скорѣй при мысѣ Аія-бурунѣ, чѣмъ при Камышевой бухтѣ. Можетъ быть мнѣ скажутъ, что Греки слишкомъ хорошо понимали морское дѣло и свои выгоды, чтобы не поселиться, съ перваго разу, при той изъ этихъ двухъ мѣстностей, которая во многихъ отношеніяхъ долженствовала бы оказаться болѣе для нихъ удобною. На подобное возраженіе мнѣ оставалось бы только отвѣтить, что матеріальныя выгоды, въ этомъ случаѣ, могли быть легко оставлены въ сторонѣ, послику поселеніе было основано по повеленію жрецовъ, которые могли быть въ сношеніяхъ съ своими собратіями въ Тавридѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ могли не слишкомъ заботиться о благосостояніи своихъ свѣтскихъ соотечественниковъ. Если положить, что послѣдніе, по прибытіи своемъ въ Тавриду, встрѣтили радушный пріемъ у служителей богини Делійской, то можно объяснить себѣ и смыслъ преданія, по которому городъ Cherrone былъ основанъ Діаною (Mela II, 1, 3), а равно и двоякій смыслъ изреченія оракула, побудившаго Ираклійцевъ отправиться въ путь въ сопровожденіи Делійцевъ. Такъ какъ одинъ только авторъ поэмы, обыкновенно приписываемой Скимну Хіосскому, упоминаетъ объ этомъ обстоятельствѣ, и такъ какъ сказанный поэтъ могъ соблюдать правила грамматическія не съ такою точностію, какъ Стефанъ Византійскій (Δήλιον, τὸ ἐθνικὸν Δηλιεύς), то позволено будетъ думать, что упомянутые имъ Делійцы прибыли въ Ираклею, не съ острова Делоса, но изъ Деліона, гавани Танагрійцевъ (Paus. V, 26), въ Віотіи. Эта гавань, въ которой находился храмъ Аполлона, была въ сосѣдствѣ гавани Авлидской, гдѣ было святилище, посвященное, какъ гласило преданіе, Діанѣ Агамемнономъ, вѣроятно, на томъ самомъ мѣстѣ, откуда дочь его отправилась въ Тавриду. Слѣдуя ея примѣру, Делійцы не могли не имѣть влеченія селиться въ тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ нѣкогда обитала Ифигенія, и гдѣ она праздновала свиданіе съ братомъ

своимъ [4]). Что древній городъ Херсонисъ дѣйствительно былъ основанъ вблизи храма, это явствуетъ наконецъ изъ вышеупомянутой поэмы, по крайней мѣрѣ настолько, сколько можно судить о ней по отрывкамъ, которые намъ сохранилъ непоименованный авторъ Перипла Понта Евксинскаго.

Если же храмъ этотъ, какъ должно думать, находился возлѣ мыса Фіолентъ, то вышеупомянутыя развалины при мысѣ Аія-бурунѣ могли относиться къ древнѣйшему городу Херсонису, тѣмъ болѣе, что нельзя не согласиться съ г. Беккеромъ, что эти загадочные памятники древности, отъ объясненія которыхъ г. Нейманъ отказывается, не могли принадлежать какому-нибудь храму или сельскому заведенію богатаго Херсонисита, какъ думалъ г. Дюбуа, проходившій молчаніемъ то обстоятельство, что здѣсь то именно, при мысѣ Аія-бурунѣ, есть единственный пунктъ берега, гдѣ моряки могутъ найти убѣжище, даже при сильномъ восточномъ вѣтрѣ [5]).

Вотъ оставленное намъ Палласомъ описаніе этихъ развалинъ, изъ которыхъ, въ настоящее время, многое, безъ сомнѣнія, вовсе уже не существуетъ. По крайней мѣрѣ г. Беккеръ, посѣтившій эту мѣстность въ 1852 году, уже не засталъ всего того, что видѣлъ еще Палласъ, и съ тѣхъ поръ сыновья Марса вѣроятно помогали Сатурну разрушить остальное. «Къ востоку отъ Георгіевскаго монастыря и при крутомъ мысѣ Аія-бурунѣ», говоритъ Палласъ, «находится, на западной сторонѣ сего мыса, уголъ берега между двумя глубокими и короткими оврагами; одинъ изъ овраговъ отдѣляетъ уголъ, коего обращенная къ морю сторона покрыта высячими скалами, отъ самаго мыса Аія-буруна. Площадь сего угла, не многимъ превышающая 11 сажень въ ширину и 15 въ длину, закрыта стѣною въ сажень толщины, и сначала имѣетъ

[4]) Мнѣ пріятно было видѣть, что съ этою гипотезою, казавшейся слишкомъ смѣлою моимъ товарищамъ лѣтъ 25 тому назадъ, теперь готовъ согласиться проф. Юргевичъ (Эллинскія и латинскія надписи, найденныя въ Херсонисѣ, стр. 6), столь компетентный въ вопросахъ сего рода судья.

[5]) Taitbout de Marigny, Hydrographie de la mer Noire, p. 131.

въ прямой линіи къ Ю. Ю. В. 7 сажень, а затѣмъ, направленная тупымъ угломъ къ Ю. В., достигаетъ послѣ 4 сажень большаго оврага, гдѣ кажется, стояла башня въ четыре аршина въ квадратѣ. На западной сторонѣ замѣтны только основанія стѣны, построенной на протяженіи 5 сажень въ правомъ углѣ отъ большой стѣны къ меньшему оврагу, вдоль по крутому его спуску, а отъ остальныхъ стѣнъ одни только нижніе большіе четыреугольные камни лежатъ на своемъ мѣстѣ. Въ углѣ, образуемомъ сѣверною и западною стѣнами, находится, внутри площади, строеніе въ 18 аршинъ въ квадратѣ; съ двухъ его сторонъ, обращенныхъ къ стѣнамъ, видны еще нижніе камни, съ другихъ сторонъ одни только фундаменты. На сѣверной сторонѣ положены внутри, вдоль стѣны, широкіе камни, въ родѣ ступеней. Болѣе ничего незамѣтно внутри площади, и въ меньшій оврагъ упало недавно нѣсколько большихъ массъ висячей скалы. Трудно угадать, что это было за зданіе. Оно кажется не могло быть укрѣпленіемъ, по причинѣ недостатка воды». Послѣднее обстоятельство, говоря вообще, безъ сомнѣнія, очень важное, въ настоящемъ случаѣ ничего не доказываетъ, потому что прекрасная ключевая вода находится при близкомъ Георгіевскомъ монастырѣ, и потому что этотъ ключь, лежащій въ тылу Херсониситовъ, въ этомъ мѣстѣ укрѣпившихся, не легко могъ у нихъ быть отрѣзанъ. «Опасность грозила имъ», какъ справедливо замѣчаетъ г. Беккеръ, «только съ востока, но противъ этой опасности стѣны въ сажень ширины и башня, построенная къ Ю. В., служили надежнѣйшимъ оплотомъ». Безъ сомнѣнія, Херсониситы въ особенности тогда нуждались бы въ этомъ оплотѣ, если бы дѣйствительно поселились первоначально на западной его сторонѣ въ сосѣдствѣ храма, почему нельзя не сожалѣть, что Палласъ не обратилъ вниманія на развалины, находящіяся между храмомъ и оплотомъ, которыя, въ его время, вѣроятно, были значительнѣе чѣмъ тогда, когда были открыты г. Дюбуа. «Терраса монастыря», говоритъ послѣдній, «находится въ связи съ другою подобною, на которой я открылъ остатки древняго зданія въ 76 футовъ

длины и 70 ширины, съ крѣпкими стѣнами, подобно господскимъ домамъ Херсониситовъ; по величина зданія доказываетъ, что оно имѣло другое назначеніе, и, судя по постороннимъ постройкамъ, мнѣ хотѣлось бы въ немъ узнать развалины храма».

«Entre ces trois points, le rocher (гдѣ описанныя Палласомъ развалины къ востоку отъ монастыря) продолжаетъ онъ [6]), le monastère et cette ruine il devaity avoir selon toute probabilité un temple ou plusieurs temples du culte de la déesse Taure et d'Iphigénie».

Подобному зданію не могли принадлежать, по его мнѣнію, развалины на мысѣ Фіолентъ, или Феленкъ, которыя Палласъ отнесъ къ храму божественной дѣвы Страбона, тогда какъ Дюбуа въ этихъ развалинахъ хотѣлъ видѣть остатки сельскаго жилища съ пристройками, лѣстницами, дворомъ и проч.

«Но», какъ справедливо замѣчаетъ Нейманъ [7]) «den Steinkubus mit der ihn umgebenden Steinstufe in dem gleichseitigen Viereck lässt er unerklärt», при томъ нельзя допустить, говоритъ Нейманъ далѣе, что при храмѣ недоставало пристроекъ, лѣстницы, двора и проч.; при разстояніи отъ города служители храма должны были имѣть особыя жилья недалеко отъ святилища. Такъ полагалъ и Эврипидъ [8]), который, какъ я заключаю изъ нѣкоторыхъ иначе странныхъ обстоятельствъ, изображалъ поприще своей драмы не только по своей фантазіи, но на основаніи какихъ то положительныхъ данныхъ; онъ упоминаетъ жилища жрецовъ и ступени, ведущія къ храму».

Прибавимъ къ этому, что, считая храмъ Ифигеніи тождественнымъ съ храмомъ упомянутымъ Страбономъ, Дюбуа не долженъ былъ перемѣстить первый отъ мыса Фіолентъ къ Георгіевскому монастырю, отстоявшему отъ города Херсониса гораздо далѣе ста стадій, тогда какъ они какъ разъ соотвѣтствуютъ разстоянію между нимъ и мысомъ Фіолентъ.

---

[6]) Dubois de Montpéreux, Voyage autour du Caucase, VI p. 199.

[7]) Neumann, die Hellenen im Skythenlande, 432.

[8]) Iphig. in Taur. v. 106, sqq.

Ошибочность взгляда Дюбуа признана также г. Беккеромъ, который посему случаю замѣчаетъ: «Столь массивныя постройки были бы вовсе неприличны храму. Въ нихъ только тамъ нуждались, гдѣ надлежало защищаться, а потому онѣ на маломъ Херсонисѣ встрѣчаются только на протяженіи между Балаклавою и Южною бухтою, равно какъ и на хуторѣ Сергѣевскихъ наслѣдниковъ (при Камышевой бухтѣ). Странно, что Дюбуа, обыкновенно столь предусмотрительный, не обратилъ вниманія на эту аналогію въ изслѣдуемыхъ имъ зданіяхъ, и что онъ во всѣхъ нихъ полагалъ найдти сельскія жилища древнихъ Херсониситовъ. Нейманъ, который самъ никогда не былъ на Ираклійскомъ полуостровѣ, но только по описаніямъ другихъ могъ пріобрѣсть знакомство въ подробностяхъ, не отклоняется въ этомъ пунктѣ отъ Дюбуа; но я вполнѣ увѣренъ, что если бы Нейманъ самъ видѣлъ упомянутыя массы камней, то думалъ бы иначе и, быть можетъ, сталъ бы на моей сторонѣ». Раздѣляя убѣжденіе почтеннаго друга моего, я вмѣстѣ съ тѣмъ надѣюсь, что онъ, въ свою очередь, допуститъ возможность, что сказанныя укрѣпленія на южномъ берегу принадлежали къ древнѣйшему Херсонису, и что посему самому стѣны и зданія, открытыя Палласомъ у Камышевой бухты, были построены не прежде, но послѣ той эпохи, когда Херсониситы перенесли свои жилища къ Карантинной бухтѣ. По крайней мѣрѣ, я не усомнился бы въ томъ, что Корсунцы по мѣрѣ процвѣтанія новаго города своего, должны были проникнуть далѣе и на западъ, до самой оконечности полуострова, если бы даже не могъ сослаться, въ пользу сего мнѣнія, на остатки церкви и другіе памятники, открытые княземъ Барятинскимъ, въ 1845 году, въ имѣніи Крузе, и относящіеся къ X вѣку нашей эры.

Что же касается Евпаторіона, то, по примѣру Тунмана, крѣпость сію обыкновенно ищутъ возлѣ позднѣйшаго Инкермана или пещернаго города. Кажется однакожъ, что сказанная крѣпость заложена была Діофантомъ на мѣстѣ самаго Севастополя, или въ ближайшемъ его сосѣдствѣ, потому что полководецъ Митридата заложилъ ее на мысѣ, отстоявшемъ отъ Хер-

сониса на 15 только стадій, т. е. отъ 2 до 3 верстъ, и что она стояла при заливѣ, который былъ обращенъ къ городу. При томъ слѣды солянаго озера, которое находилось выше крѣпости, также откроются вѣроятно скорѣе къ западу отъ Южной бухты, нежели при устьѣ Черной рѣчки, которая въ древности безъ сомнѣнія была полноводнѣе, чѣмъ нынѣ. Обстоятельство сіе не помѣшало бы думать, что и гавань Ктенусъ могла удобнѣе помѣститься при одной изъ балокъ, составляющихъ продолженіе той же Южной бухты, нежели при Инкерманѣ, какъ обыкновенно думаютъ. Въ этомъ случаѣ оказалось бы возможнымъ согласовать между собою и съ дѣйствительностью показаніе Страбона, что гавань Ктенусъ находилась въ такомъ же разстояніи отъ Херсониса, какъ отъ гавани Символовъ, и что перешеекъ, который пролегалъ между послѣднею гаванью и Ктенусомъ, имѣлъ въ протяженіи 40 стадій, т. е. былъ гораздо короче разстоянія между Балаклавою и Инкерманомъ. Изложенное здѣсь мнѣніе о мѣстоположеніи Ктенуса и Евпаторіона подтверждается результатомъ, къ которому приходитъ г. Беккеръ касательно сихъ вопросовъ, въ приведенномъ выше разсужденіи своемъ. Сколько это для меня пріятно, столько же сожалѣю, что не могу раздѣлить его мнѣнія, будто бы Страбонъ имѣлъ въ виду Севастопольскій рейдъ, когда говорилъ, что вьѣзжающему (изъ Каркинитскаго залива) представляется въ лѣво: πολίχνη καὶ ἄλλος λιμήν. Даже въ томъ весьма невѣроятномъ случаѣ, что эти слова дѣйствительно находились въ рукописи великаго географа, я скорѣе полагалъ бы, что онъ подъ городкомъ разумѣлъ *Калосъ лименъ* безъименнаго автора перипла, и что этотъ городокъ лежалъ къ С. В. отъ Акмечета при Сарибулатской косѣ; наконецъ, я полагалъ бы, что другая гавань Страбонова могла соотвѣтствовать нынѣшней Ахмечетской бухтѣ. Возвращаясь къ Инкерману, я замѣчу, что полуразваленные камни и башни, здѣсь сохранившіеся, указываютъ намъ мѣсто, гдѣ находился городъ *Каламита*, принадлежавшій въ концѣ среднихъ вѣковъ греческимъ владѣтелямъ Готіи, и по которому на картахъ сего времени севастопольскій

рейдъ называется golfo de calamita, тогда какъ Турки его означали подъ названіемъ «залива Феленкъ-бурунскаго», то есть мыса Генуэзскаго [9]).

При выгодномъ мѣстоположеніи Инкермана въ отношеніи стратегическомъ, легко могло статься, что тутъ именно находилась одна изъ трехъ крѣпостей, построенныхъ, по свидѣтельству Страбона, тавро-скиѳскимъ царемъ Скилуромъ и его сыновьями, по случаю ихъ войны съ Херсониситами. По этому, мнѣ кажется, что г. Беккеръ, отыскивая въ Инкерманѣ крѣпость *Неаполь*, ближе къ истинѣ, чѣмъ другіе изслѣдователи, которые, по примѣру Бларамберга, помѣщаютъ эту крѣпость въ Симферополь. Ученые болѣе расходятся въ мнѣніяхъ касательно мѣстоположенія второй Скилуровой крѣпости, т. е. *Хавона*, которую Бларамбергъ искалъ въ Отузѣ или портѣ Скиѳо-тавровъ Безъименнаго. По мнѣнію же Беккера крѣпость Хавонъ, перемѣщаемая Кёппеномъ изъ Отуза въ Каффу, откуда Дюбуа, въ свою очередь переноситъ ее въ Мангупъ, должна была находиться между Инкерманомъ и Балаклавою близъ деревни Кадикой, гдѣ еще Палласъ (1793) и Муравьевъ-Апостолъ (1820) застали основанія древнихъ стѣнъ и башенъ, отъ которыхъ теперь, къ сожалѣнію, не осталось слѣдовъ.

Касательно третьей крѣпости всѣ приведенные ученые согласны съ мнѣніемъ Палласа (60), что она не только занимала мѣсто самой Балаклавы, но что въ этомъ имени слышатъ даже отголосокъ названія древней крѣпости, т. е. *Палакіона*. Если же взять въ соображеніе съ какимъ успѣхомъ уже Генуэзцы занимались рыбною ловлею [10]) въ портѣ Символовъ или Чембало, то нельзя не согласиться съ Броневскимъ, который гораздо проще произвелъ настоящее имя сего порта отъ турецкаго слова «балыкъ», рыба. Въ пользу сего мнѣнія можетъ еще служить то обстоятельство, что въ дѣлахъ Крымскихъ,

---

[9]) См. мои Notices etc. sur la Gazarie, въ Mém. de l'Ac. Imp. des Sc. de S.-P. VII S. 1866, t. X № 9 p. 69.

[10]) Зап. Одесск. Общ. Ист. т. V.

еще подъ 1585 годомъ, равно какъ и въ другихъ современныхъ источникахъ, городъ называется Балыклей. Наконецъ имя это придается разнымъ другимъ мѣстностямъ, напримѣръ на Волгѣ, гдѣ Турки и Татары, безъ сомнѣнія, занимались рыбною ловлею, но которыя уже ни въ какомъ случаѣ не могли быть обязаны своимъ названіемъ Тавро-скиескому принцу Палакосу. За то я не отрицаю, что крѣпость, названная по его имени, должна была находиться гдѣ то въ окрестностяхъ Балаклавы, такъ какъ она явно тождественна съ «Taurorum civitas Placia», которая находилась, по Плинію, въ недальномъ разстояніи отъ гавани Символовъ.

VI.

Берегъ Чернаго моря, между Днѣпромъ и Днѣстромъ, по морскимъ картамъ XIV-го и XV-го столѣтій[1]).

Тогда какъ намъ достовѣрно извѣстно, гдѣ именно находились главныя изъ поселеній, коими берега Понта были усѣяны въ древности, свѣдѣнія наши весьма недостаточны касательно береговыхъ пунктовъ, болѣе или менѣе обратившихъ на себя вниманіе мореходцевъ въ періодѣ, въ которомъ морскія державы Италіи, повсюду состязавшіяся о торговомъ наслѣдствѣ древнихъ Эллиновъ, возвратили Черному морю прежнее его значеніе въ коммерческомъ отношеніи. Географическія извѣстія, переданныя намъ писателями сего времени о Понтійскомъ сѣверѣ, отнюдь не могутъ быть сравниваемы съ обильными и точными о немъ свѣдѣніями, коими мы обязаны Геродоту и Страбону. Вмѣсто этихъ классиковъ, главными свидѣтелями являются странствующіе монахи и купеческіе агенты; но донесенія ихъ столь скудны и отрывисты, что въ немногихъ только случаяхъ они намъ могутъ служить для пополненія или объясненія тѣхъ данныхъ топографическихъ, которыя намъ представляютъ современныя карты, составленныя для мореходцевъ, и къ счастію сохранившіяся. Карты эти однако, при всей своей важности, приблизительно только позволяютъ намъ судить о мѣстностяхъ, къ коимъ относятся отмѣченныя

[1]) Составлено по статьямъ, напечатаннымъ впервые въ Bulletin С. Пб. Акад. Наукъ за 1858 годъ, подъ заглавіемъ: Les diverses dénominations de l'ancienne Hylée и Le littoral de la mer Noire entre le Dnièpre et le Dniestre etc. Затѣмъ русскій переводъ обѣихъ статей былъ помѣщенъ въ IV т. Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн.

въ нихъ имена. Имена эти не занимаютъ одного и того же мѣста въ различныхъ картахъ, которыя иногда не согласны между собою касательно порядка, въ которомъ одно имя слѣдуетъ за другимъ. Къ тому еще присоединяется, что приведенныя карты не указываютъ взаимнаго разстоянія между различными береговыми пунктами, подобно перипламъ Арріана и непоименованнаго автора, измѣренія коихъ, при помощи нѣсколькихъ мѣстностей, не подлежащихъ сомнѣнію, облегчаютъ правильное помѣщеніе прочихъ именъ, встрѣчающихся въ ихъ периплахъ. Карты же, здѣсь разсматриваемыя, наконецъ еще различествуютъ между собою въ правописаніи многихъ именъ, и тѣмъ утруждаютъ ихъ сличеніе съ мѣстностью. Подобныя неразгаданныя имена поражаютъ насъ чаще всего на сѣверномъ берегу Чернаго моря, со включеніемъ всего прибрежья моря Азовскаго. Ибо между тѣмъ какъ въ числѣ именъ, отмѣченныхъ по берегамъ западномъ, южномъ и восточномъ, мы узнаемъ много старыхъ знакомыхъ, хотя они являются въ видѣ болѣе или менѣе искаженномъ, мы на сѣверномъ берегу встрѣчаемъ имена, по большей части для насъ новыя и до нынѣ необъясненныя. Объясненіе-же ихъ вело бы безъ сомнѣнія къ точнѣйшему опредѣленію самихъ мѣстностей, къ коимъ они относились, не говоря о другихъ выводахъ, относительно особенностей здѣшняго края и его обитателей къ концу среднихъ вѣковъ. Желая подать поводъ къ рѣшенію сихъ вопросовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не слишкомъ употребить во зло терпѣніе читателей, я ограничусь здѣсь опытомъ объяснить значеніе тѣхъ только именъ, которыя имѣютъ для насъ ближайшій мѣстный интересъ. Предоставляя себѣ разбирать въ другомъ мѣстѣ имена, отмѣченныя по берегамъ Азовскаго моря и на Таврическомъ полуостровѣ, я въ настоящей статьѣ намѣренъ коснуться морскаго берега по обѣимъ сторонамъ нашего города между Днѣстромъ и Днѣпромъ.

Приступая къ дѣлу, я прежде всего считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о картахъ, коими я пользовал-

ся при составленіи своего труда, и въ числѣ коихъ есть такія, которыя доселѣ мало были извѣстны публикѣ.

1. Карта 1318 года, начертанная Генуэзцемъ Петромъ Весконте. Она входитъ въ составъ атласа in 8°, хранящагося въ императорской библіотекѣ въ Вѣнѣ, и получаетъ особенную важность отъ того, что есть наидревнѣйшая изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ средневѣковыхъ картъ Чернаго моря, составленныхъ Италіянцами. Fac-simile этой карты помѣщенъ въ атласѣ виконта Сантарема; уменьшенную же на $^2/_3$ копію можно видѣть въ атласѣ Гоммера де Гелль. Номенклатура карты Весконте обнародована, вмѣстѣ съ сравнительнымъ спискомъ именъ разныхъ другихъ картъ, между прочимъ, въ «Mémoire sur un nouveau périple du Pont Euxin» графа Ивана Потоцкаго; въ русскомъ переводѣ сего Mémoire, изданномъ Спасскимъ, и въ составленномъ Копитаромъ «Periplus Ponti Euxini octuplus», снова изданномъ Тафеломъ [2]).

2. Карта 1351 года, хранящаяся въ библіотекѣ Лаврентинской во Флоренціи, и въ первый разъ изданная въ 1856 году генераломъ графомъ Серристори [3]), который, по разнымъ признакамъ, не сомнѣвается въ томъ, что и она была начертана какимъ-то Генуэзцемъ. По давности своей она слѣдуетъ непосредственно послѣ карты Весконте и отличается отъ нея, равно какъ и отъ другихъ позднѣйшихъ картъ, разными особенностями, такъ что нельзя не поблагодарить почтеннаго генерала за то, что онъ ее сдѣлалъ доступною для насъ. Кажется, что карта эта входитъ въ Tabulae nauticae 1351 года, приведенныя на 53 стр. соч. подъ загл.: Ueber Erdkunde und Karten des Mittelalters. Von H. Wuttke (изъ Serapeum Неймана) Leipzig, 1853.

3. Карта 1367 года, составленная Венеціанцами Францискомъ и Доминикомъ Пицигани, и хранящаяся въ библіотекѣ

---

²) Const. Porphyr. De prov. regni Byzantini. Lib. sec. Europa. Tüb 1846 стр. 38—41.

³) Illustrazione di una carta del mar Nero del MCCCLI. Firenze, 1856.

Пармской. По Лелевелю (Géographie du M. A. II, p. 35), она отличается отъ другихъ современныхъ картъ какъ своимъ размѣромъ, такъ и тщательнымъ и изящнымъ исполненіемъ. Списокъ именъ, въ ней отмѣченныхъ, помѣщенъ въ приведенномъ Periplus octuplus по копіи, находящейся въ Вѣнѣ; копія 1845 года, имѣется также въ Парижѣ; другая копія прислана была, въ 1820 году, эрцгерцогинею Маріею Луизою графу Н. П. Румянцову и нынѣ находится въ его музеумѣ. Сама-же карта была издана Жомаромъ (Jomard, Les mon. de la géogr. № 2).

4. Одна изъ шести картъ такъ называемаго атласа Каталанскаго 1375 года. Онъ хранится въ Парижской библіотекѣ, былъ тамъ открытъ Валкенэромъ около 1804 года, и только сорокъ лѣтъ спустя изданъ съ объясненіями Бюшономъ и Тастю въ XIV томѣ «Mémoires et extraits de la bibliothèque royale etc.». Одесское Общество Исторіи и Древностей получило стараніемъ своего секретаря недавно изъ Парижа fac-simile всѣхъ картъ этого атласа; копію также можно найдти, хотя въ уменьшенномъ видѣ, въ атласахъ Гоммера де Гелль и Лелевеля.

5. Карта 1408 года, начертанная въ Венеціи Николаемъ Паскваллини. Она хранится въ Вѣнѣ и мнѣ извѣстна по одному только Periplus octuplus.

6. Карта Біанко 1436 года. Благодаря содѣйствію г. австрійскаго консула, Одесское Общество Исторіи и Древностей пріобрѣло недавно fac-simile этой карты изъ Венеціи, гдѣ она хранится въ библіотекѣ св. Марка. Изъ отношенія вицедиректора этой библіотеки на имя консула видно, что приведенная карта есть вторая въ атласѣ Венеціанца Андрея Біанко, состоящемъ изъ 10-ти картъ, изъ коихъ три только, а именно 1, 5 и 9 были изданы Формалеони. По Лелевелю (l. c. стр. 104) копія атласа Біанко, снятая еще при его жизни Генуэзцемъ Парето, въ 1456 году, находится въ Парижѣ. Должно думать, что эта копія атласа принята Гоммеромъ де Гелль за венеціанскій оригиналъ, когда онъ говоритъ о

картѣ Чернаго моря, перевезенной будто-бы изъ Венеціи въ Парижъ, и которую онъ, по какому то недоумѣнію, относитъ къ XIII столѣтію. Быть можетъ ошибка его произошла отъ того, что онъ также имѣлъ подъ рукою хранящуюся въ Парижской библіотекѣ карту, гравированную въ 1791 г. Өеодоромъ Віеро и на которой находится слѣдующая приписка: Carte maritime de la mer Noire, levée par les Venisiens dans le XIII siècle et dont l'original se trouve à la bibliothèque de St. Marc à Venise.

По крайней мѣрѣ эта карта, которая недавно была послана въ даръ Одесскому Обществу со стороны Парижской библіотеки, благодаря посредничеству г. французскаго консула, есть ничто иное какъ копія карты Біанко, и таковою оказывается также мнимая карта XIII столѣтія, помѣщенная въ атласѣ Гоммера де Гелль. Эту Парижскую копію имѣлъ вѣроятно въ виду и Примоде́ (Commerce de la mer Noire au Moyen-âge), когда говоритъ, что, при составленіи своего перипла онъ пользовался, между прочимъ, венеціанскою картою XIII стотѣтія, изданіе которой онъ, едва-ли не ошибочно, приписываетъ Формалеони. Ибо хотя на первый взглядъ и кажется, что этотъ авторъ, издавшій дѣйствительно нѣсколько картъ изъ атласа Біанко, легко могъ быть издателемъ разсматриваемой здѣсь карты сего атласа, тѣмъ болѣе, что и она, по всей вѣроятности, была гравирована въ его родинѣ Венеціи, но за то нельзя допустить предположенія, будто бы Формалеони сдѣлалъ французскую приписку къ издаваемой имъ картѣ, а еще менѣе, будто-бы этотъ добросовѣстный ученый отнесъ къ XIII столѣтію карту изъ извѣстнаго атласа XV-го вѣка.

Посему самому кажется, что въ настоящемъ видѣ своемъ эта карта была издана не самымъ Формалеони, но Гененомъ, который въ Венеціи же обнародовалъ, въ 1788 году, французскій переводъ сочиненія италіянскаго историка. Портуланъ, составленный по нашей мнимой картѣ XIII столѣтія, г. Спасскій присовокупилъ къ вышеупомянутому переводу мемуара Потоцкаго, увлеченный авторитетомъ Н. Н. Мур-

закевича, приложившаго къ своей «Исторіи Генуэзскихъ поселеній въ Крыму» копію съ карты Біанко, съ указаніемъ, что обнародованная имъ копія снята съ Венеціанской карты XIII столѣтія, хранящейся въ библіотекѣ св. Марка.

7. Карта Граціоза Бенинказы 1480 года. Она хранится въ Вѣнѣ и мнѣ извѣстна только по приведеннымъ периплам Потоцкаго и Копитара. Кромѣ вѣнской карты, начертанной Бенинказою въ Анконѣ, есть другія имъ же составленныя въ Венеціи, а именно: два атласа 1466 и 1467 годовъ въ Парижѣ, третій же 1471 г. въ Венеціи, въ библіотекѣ св. Михаила де Мурано. Всѣ эти атласы мнѣ были недоступны, такъ что я не могъ сравнивать вѣнскую карту съ ними.

8. Карта Фредуція 1497 года. Она была издана въ первый разъ графомъ Потоцкимъ, открывшимъ ее въ библіотекѣ Вольфенбюттельской. По надписи на картѣ видно, что ее чертилъ графъ Hotomanus Fredutius изъ Анконы. По копіи Потоцкаго она затѣмъ была перепечатана его переводчикомъ Спасскимъ, равно какъ и Чертковымъ при его разсужденіи о Бѣлобережьѣ, и въ атласѣ Лелевеля, хотя здѣсь въ уменьшенномъ видѣ[4]).

Переходя теперь къ сличенію съ мѣстностью этихъ восьми картъ, для различенія коихъ послужатъ мнѣ тѣже числа, подъ которыми онѣ были только что приведены, я замѣчу предварительно, что береговой край между Днѣпромъ и Днѣстромъ ясно обозначенъ на всѣхъ картахъ, хотя въ нихъ недостаетъ настоящихъ именъ этихъ рѣкъ. Вмѣсто имени Днѣп-

[4]) Статья эта была уже напечатана, когда мнѣ сдѣлалась извѣстна карта морей Чернаго и Азовскаго или 8-я карта атласа, принадлежащаго г. Таммаръ Луксоро и впервые изданнаго въ V томѣ «Atti della Società Ligure di Storia Patria» (Genova 1869). Въ томъ же томѣ г. Десимони помѣстилъ объясненіе номенклатуры этого атласа, начертаннаго также Генуэзцемъ и относящагося къ началу XIV столѣтія. Особенности номенклатуры восьмой карты указаны мною въ статейкѣ, помѣщенной въ VIII томѣ Записокъ Одесск. Общ., а затѣмъ также (на французскомъ языкѣ) въ «Giornale Ligustico», 1874 p. 312—363. Въ слѣдующемъ году явились въ томъ же журналѣ еще двѣ статьи г. Десимони о другихъ морскихъ картахъ, начертанныхъ или хранящихся въ Генуѣ.

ра поставлено на 1-й картѣ flum de ellexe; на 2-й flm. luxoni; на 3-й fl. erese; на 4-й fl. lussom; на 5-й lellexe; на 6-й flm. loco; на 7-й erexe и на 8-й flm luxoni.

Что во первыхъ касается именъ fl. de ellexe, lellexe, erese и erexe, то они явно даны были Днѣпру по городу Олешье, часто упоминаемому русскими лѣтописцами XII и XIII столѣтій и явно совпадавшему съ городомъ *Алеска*, лежавшимъ, по Эдриси [5]) при устьѣ Днѣпра, стало быть на мѣстѣ или близъ нынѣшнихъ Алешекъ. По остроумной догадкѣ Надеждина [6]), портовой городъ Олешье такъ былъ названъ по изобилію лѣса растущаго въ его окрестностяхъ. Но такъ какъ самъ Надеждинъ замѣтилъ, что между деревьями и теперь еще растущими въ этой мѣстности, преобладаетъ ольха, то правильнѣе было производить названіе нынѣшнихъ Алешекъ отъ слова «олешье» [7]), чѣмъ отъ «славяно-русскаго Олѣшья (мѣста подлѣснаго или около лѣснаго)». Понятно что Итальянцы, произнося по своему имя города, и рѣку, при которой онъ лежалъ, стали называть fl. de ellexe, elise, lerexo или flumen Ilicis [8]). Столь же легко объясняется, почему таже рѣка въ нѣкоторыхъ картахъ названа lozo, luxoni или lussom. Уже было замѣчено (Островъ св. Еѳерія стр. 22), что въ этихъ именахъ нельзя было не узнать турецкое названіе Днѣпра.

Подобнымъ образомъ рѣка, начертанная на 1, 3, 7 и 8-й картахъ безъ означенія имени, но зато названная на 2-й flm turllo; на 4-й flum tuilo; на 5-й flum tarllo и на 6-й flum tarlo—должна была соотвѣтствовать Днѣстру, который былъ уже извѣстенъ императору Константину Багрянородному *подъ именемъ Труллъ*, и который нынѣ еще Турками называется Турла, какъ и назывался во времена Абуль-феды [9]).

Ему былъ уже извѣстенъ также лежащій при устьѣ Днѣстровскаго лимана городъ *Аккерманъ* подъ настоящимъ его

[5]) Géogr. d'Edrisi, перев. Jaubert, II 398.

[6]) Геродотова Скиѳія, въ Зап. Одесск. Общества, 1, стр. 51.

[7]) Даль, Толк. Словарь, s. v. Ольха.

[8]) См. Atti della Società ligure di Storia patria, V, 247.

[9]) Фр. переводъ Reinaud; P. 1848, II p. 317.

названіемъ, которое впрочемъ есть ничто иное, какъ турецкій переводъ нашего слова Бѣлгородъ. На разсматриваемыхъ нами здѣсь картахъ городъ этотъ названъ «*maurocastron*» (съ варіантами: moncastro, morucastro, mocastro), явно по примѣру Грековъ, не безъ причины примѣнившихъ къ бѣлому городу, извѣстному еще Константину Багрянородному, названіе «чернаго».

Вмѣсто слова içera, которое, на 5-й картѣ, слѣдуетъ за именемъ Днѣстра и въ которомъ, быть можетъ, скрывается турецкое слово «джезире», полуостровъ или островъ, мы находимъ на 6 картѣ—*y^a nogai*, отмѣченное при устьѣ рѣки въ лиманъ, и относящееся, вѣроятно къ полуострову между нимъ и Кучурганомъ (см. выше: Островъ Тирагетовъ и проч. стр 3). Примѣненное къ этой мѣстности имя напоминаетъ «окаяннаго» Ногая русскихъ лѣтописей, образовавшаго независимое царство на сѣверномъ берегу Чернаго моря въ 1271 году. Хотя это царство вскорѣ рушилось, тѣмъ не менѣе кажется, что съ этого времени означали обитавшихъ тогда уже между Днѣстромъ и Днѣпромъ Іедисанскихъ и Джамбулукскихъ Татаръ подъ именемъ Ногайцевъ, почему нельзя не усомниться въ справедливости мнѣнія Клапрота [10]), будто бы Ногайцы до XVII вѣка не выходили изъ своихъ кочевьевъ къ С. В. отъ Каспійскаго моря между Тоболемъ и Яйкомъ. За именемъ y^a nogai слѣдуетъ на 6-й же картѣ слово saraticia или setaticia, какъ оно написано на прочихъ картахъ. Въ невозможности объяснить это слово иначе, я полагалъ бы, что оно есть ничто другое, какъ искаженіе Броніовіева Beribonium sive Collum lupinum, явно соотвѣтствующее какъ по имени, такъ и по мѣстоположенію, долинѣ нынѣшняго Барабоя, при которомъ и должно было находиться отмѣченное на картахъ sera или setaticia.

Далѣе къ С. В., а именно въ окрестностяхъ Одессы, всѣ карты представляютъ одно и тоже имя, которое написано на 1-й картѣ: la ginestra; на 2-й zinestra; на 3-й cine-

[10]) Potocki, Voyage dans les steppes et. Par. 1829; II p. 128.

stra; на 4-й zinestra; на 5-й zinestra; на 6-й lo zinestra; на 7-й la ginestra; на 8-й langistra.

Въ окрестностяхъ теперешней Дофиновки, гдѣ обыкновенно помѣщаютъ упомянутыя Безъименнымъ Скопулы или скалы, отмѣчено на 5-й картѣ mauro nero. На 6-й картѣ это имя превращено въ maro nero; на прочихъ же вовсе не отмѣчено.

За тѣмъ слѣдуетъ при устьѣ Тилигульскаго лимана: на 1-й картѣ flor de lisso; на 2-й fice (flor?) de lix; на 3-й flor de lise; на 4-й flor de lis; на 5-й flor del lix; на 6, 7 и 8-й flor de lix. Далѣе помѣщено при устьѣ Березанскаго лимана: на 1-й картѣ barbarese; на 2-й barbareixe на 3-й barbarese; на 4-й barbarexe; на 5-й barbareça; на 6-й barbarese; на 7 и 8 й barbarexe.

Наконецъ являются, въ окрестностяхъ Очакова, еще два имени, хотя не на всѣхъ картахъ и не въ одинаковомъ порядкѣ, а именно: на 3-й porto de luco, превращенное на 4-й въ porte de lovo; на 7-й въ porto de bo и на 8-й въ porto de bos. Вмѣсто сего имени стоитъ на 5-й картѣ grotte de tono, котораго недостаетъ на первыхъ четырехъ картахъ; на 6-й оно поставлено выше по рѣкѣ; на 7-й и 8-й grotte de tonni отмѣчены между нею и Березанью, на морскомъ берегу.

Изъ всѣхъ приведенныхъ здѣсь именъ одно только имя flor de lis, которое съ малыми варіантами, встрѣчается во всѣхъ картахъ, не требуетъ объясненія. Напрасно покойный Тетбу де Мариньи[11]) хотѣлъ насъ увѣрить, что это имя могло быть искаженное временемъ имя гавани Одиссосъ или Одессусъ, упомянутый Плиніемъ, Птолемеемъ, Арріаномъ и безъименнымъ авторомъ перипла Понта Евксинскаго, и который дѣйствительно долженъ былъ находиться при устьѣ Тилигульскаго лимана. Названіе, данное этой мѣстности, явно не могло имѣть другаго значенія кромѣ цвѣтущихъ лилій.

---

[11]) Hydrographie de la mer Noire p. 71.

Въ настоящее время эти цвѣты не растутъ сами собою на сѣверномъ берегу Чернаго моря, а потому едвали входили въ составъ здѣшней флоры въ то время, когда начали сюда пріѣзжать Италіянцы. За то они не могли не встрѣчать въ нашемъ краю много другихъ растеній, и въ этомъ числѣ ирисы, поелику они, нынѣ еще, при менѣе выгодныхъ климатическихъ условіяхъ, въ изобиліи растутъ въ нашихъ степяхъ. Подобно тому, какъ эти цвѣты (Schwert-lilie по нѣмецки) простымъ народомъ причисляются къ лиліямъ, берегъ при устьѣ Тилигульскаго лимана, по растущимъ въ этой мѣстности ирисамъ, легко могъ быть названъ flor de lis несвѣдующими въ ботаникѣ моряками Италіи, если они, какъ должно думать, различные пункты однообразнаго берега нашего означали по предметамъ, которые на каждомъ изъ нихъ въ особенности бросались имъ въ глаза Что къ таковымъ предметамъ могли принадлежать произведенія царства растительнаго, тому служатъ доказательствомъ названія, данныя, въ разныя времена, многимъ другимъ мѣстностямъ. Такъ, на примѣръ, окрестности Алешекъ, гдѣ нынѣ сохранились болѣе или менѣе густыя купы разнаго рода деревьевъ, во времена Геродота назывались просто Гилееіо, или лѣснымъ краемъ. Подобнымъ образомъ островъ при устьѣ Дуная еще въ глубокой древности былъ названъ Певки, безъ сомнѣнія по растущимъ на немъ соснамъ (см. выше статью VI). Затѣмъ другой островъ, предъ устьемъ Кубани, получилъ названіе Pteleae отъ вязовъ, коими изобиловалъ, подобно тому какъ мысъ Суукъ-су на восточномъ берегу Чернаго моря, италіянскими моряками явно былъ названъ, не cavo de Russi, какъ предлагаетъ читать г. Чертковъ, но cavo de bux или busso потому, что они въ этой мѣстности видѣли много самшитовъ или пумпасовъ, подобно тѣмъ деревьямъ «in modo de bussi, ma multo maggiori», которыя Контарини видѣлъ въ Мингреліи въ 1474 году, и которыя русскій его переводчикъ (II, 33) превращаетъ въ родъ бука. У Берлерона сказано правильнѣе [12])

[12]) Voyage de Contarini, col. 16.

de très beaux arbres à peu près semblables au Bouïs, si ce n'est qu'ils sont plus hauts. О самшитахъ, составляющихъ и нынѣ еще важный предметъ вывоза изъ закавказскаго края, упоминаютъ Палласъ, Гюльденштедтъ и Нордманъ, который доноситъ Академіи [13]): «Die ganze Strecke von Poti bis Nicolai ist ein ungeheurer Wald von Buxus sempervirens, der die Luft mit seinem Gestanke verpestet». По лѣсу другаго рода было наконецъ именуемо мѣсто Бозагацъ, два раза упомянутое Барбаро и находившееся выше Таны на Дону. Незнаю, почему г. Семеновъ пропустилъ въ своемъ переводѣ поставленныя въ текстѣ послѣ имени Bosagaz слова: «che viene a dire legno berettin», тогда какъ эти слова явно означали лѣсъ дикаго цвѣта.

Также могло случиться, и это мнѣ кажется болѣе правдоподобнымъ, что въ настоящемъ случаѣ моряки подъ лиліями разумѣли не ирисы, но тюльпаны. Эти цвѣты, родиною коихъ почитается Таврическій полуостровъ, и которые Поляками называются турецкими лиліями, въ настоящее время еще составляютъ особенную принадлежность берега при устьѣ Тилигула, такъ что путешественникъ по неволѣ тамъ останавливается, чтобы ими любоваться. Безъ сомнѣнія эта мѣстность была также усѣяна подобнаго рода цвѣтами въ то время, когда къ ней впервые пристали Италіянцы, которые тѣмъ болѣе должны были восхищаться этимъ зрѣлищемъ, что оно для нихъ было совершенно новымъ. По сему самому покажется весьма естественнымъ, что они, для различенія этой мѣстности отъ другихъ береговыхъ пунктовъ, означали ее по сказаннымъ цвѣтамъ, которые, подобно Полякамъ, называли лиліями, а не тюльпанами, потому что не знали сего имени, явно принятаго западными народами гораздо позже отъ Турокъ, наименовавшихъ это растеніе по сходству съ турбаномъ, который у нихъ собственно называется тулбанъ или тульбендъ. Въ Германіи, по крайней мѣрѣ, тульпаны были неизвѣстны до половины

---

[13]) Bull. sc. de l'Ac. de S.-Pétersb. № 6 col. 93.

XVI столѣтія; первый цвѣлъ въ 1559 г. въ Аугсбургѣ, куда былъ доставленъ съ востока извѣстнымъ имперскимъ посланникомъ, барономъ Буэбекомъ, которому западные народы также обязаны разведеніемъ Syringa или Lilak.

Обстоятельство, что одинъ изъ береговыхъ пунктовъ, къ которымъ приставали моряки въ здѣшнемъ краю, ими былъ наименованъ по растеніямъ, которыя они тамъ встрѣчали, допускаетъ предположеніе, что и другіе пункты могли быть названы по такого же рода причинѣ, особенно если нѣтъ возможности объяснить иначе именъ, данныхъ этимъ мѣстностямъ на картахъ.

Къ таковымъ загадочнымъ именамъ должно быть отнесено имя *ginestra*, отмѣченное на всѣхъ картахъ, съ малыми только варіянтами, въ окрестностяхъ нынѣшней Одессы. По крайней мѣрѣ я не могу согласиться съ мнѣніемъ Потоцкаго, будто бы вмѣсто ginestra или zinestra надлежало собственно писать sinestra, и что подъ этимъ именемъ подразумѣваемъ былъ лѣвый берегъ Днѣстра. Во всякомъ случаѣ ученый графъ тутъ совершенно произвольно превращаетъ букву z въ s, между тѣмъ какъ у Дюканжа могъ читать подъ словомъ Zinestra: ginesta, Italis ginestra, gall. genêt. Столь же мало могу я раздѣлить убѣжденіе Лелевеля касательно тождества именъ genistra и Днѣстръ, хотя онъ, въ пользу сего мнѣнія, прибавляетъ къ выпискѣ (Portulan général p. 12): La carte de Bleuw (1646) prit Ginestra directement pour un Dniestre doublé, parcequ'elle place au délà de Ginestra, qu'elle trace comme rivière, Cecicon, qui n'est que Kotchubey, situé à l'embouchure du Dniéstre, sur l'emplacement où l'on voit aujourd'hui Ovidiopol. Поелику же портъ Кочубейскій, т. е. Гаджибейскій, находился не при Днѣстровскомъ, но при Гаджибейскомъ лиманѣ, то изъ карты Блёва развѣ только надлежало заключить, что отмѣченная въ ней между обѣими лиманами рѣка Ginestra должна была соотвѣтствовать нынѣшнему Куяльнику, близъ Одессы. Не болѣе обоихъ польскихъ географовъ удалось покойному Тетбу объяснить значеніе имени

Ginestra, коего окончаніе ему напоминало древнюю гавань Истріанъ, и которое могло, по его мнѣнію, означать портъ, который оставался на лѣвой сторонѣ (la sinestra) у моряковъ, когда они отправлялись далѣе берегомъ къ Днѣпру.

Не могу наконецъ согласиться и съ мнѣніемъ г. Мурзакевича [14]) будто бы langystra (langistra?) ничто иное, какъ испорченное Италіянцами имя Danystra, которымъ они правильнѣе означали бы рѣку Днѣстръ.

По крайней мѣрѣ слѣдуетъ только сравнить карту Фредуція съ древнѣйшими картами, чтобы убѣдиться въ томъ, что langistra есть позднѣйшая форма имени la ginestra или zinestra, и что оно означало, пободно имъ, скорѣй лиманъ Куяльницкій, или Гаджибейскій, нежели Днѣстръ, коего теченіе означено на картахъ болѣе къ западу, съ припискою турецкаго его имени Турлу.

Вообще мнѣ кажется, что г. секретарь не обратилъ надлежащаго вниманія на мѣсто, занимаемое на картахъ тѣми именами, которыя онъ считалъ возможнымъ опредѣлить по большему или меньшему ихъ сходству съ прежними. Если даже согласиться, что италіянскіе картографы, изъ фанатизма или по невѣжеству, могли представлять древнія наименованія въ видѣ болѣе или менѣе искаженномъ, то нельзя не быть увѣреннымъ, что они должны были стараться опредѣлить съ возможною точностію различные береговые пункты на картахъ, коими должны были руководствоваться моряки. Вотъ почему не могу согласиться съ мнѣніемъ г. секретаря касательно тождества имени города Анхіалъ съ именемъ avichio, отмѣченнымъ на картѣ Фредуція около Портицкаго устья Дуная, и означающимъ ту самую мѣстность, которая на древнѣйшихъ картахъ названа straviq, stravico, straubyo, stravico и stravicho. Предоставляя другимъ объяснить значеніе сего имени, замѣчу только, что оно на италіянскомъ языкѣ могло означать предмѣстье, stra-vico (extra vicum); но что оно скорѣй происхож-

[14]) См. Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др. IV стр. 241 и 242.

денія славянскаго, подобно другимъ именамъ, отмѣченнымъ на разсматриваемыхъ здѣсь картахъ въ его сосѣдствѣ, какъ то: proslaviça, zanavarda и др. По созвучію первое походитъ на италіянское слово stravizzo или stravizio (пиршество), напоминающее, въ свою очередь, болгарское угощеніе: здравица [15]) а еще болѣе—страву, или пиршество, праздпуемое Гуннами на гробѣ Аттилы [16]) и которымъ, безъ сомнѣнія, неоднократно встрѣчаемы были моряки, приставшіе къ берегамъ Добруджи.

Во всякомъ случаѣ Стравико скорѣе совпадалъ съ городомъ *Прѣславцомъ*, чѣмъ съ Анхіаломъ, т. е. съ нынѣшнимъ Ахіоло, лежащимъ гораздо болѣе къ югу, между Бургасомъ и Месемвріею. Такъ какъ два послѣдніе имена явно соотвѣтствуютъ отмѣченнымъ на италіянскихъ картахъ именамъ poro и mesember, то и поставленное между ними имя axello (lassillo, lasello, lasidio, axillo, asilo и lassillo) не могло не соотвѣтствовать древнему Анхіалу, еслибы даже не походило ближе на его имя, нежели Стравико или, пожалуй, avichio.

Далѣе г. секретарь имя calamita, отмѣченное на картахъ при устьѣ рѣчки Альмы, производитъ отъ названія κλίματα, означавшаго, по Константину Багрянородному, греческія владѣнія въ Крыму. Но такъ какъ изъ свидѣтельства Барбаро явствуетъ, что Италіянцы подъ именемъ calamita разумѣли не области, но городъ портовой, то сходство этихъ двухъ именъ еще не можетъ служить доказательствомъ въ пользу мнѣнія, будто бы Италіянцы, по какой бы то ни было причинѣ, ошибочно намъ передали имя города, тѣмъ болѣе что это имя не лишено смысла и на греческомъ языкѣ.

При такихъ обстоятельствахъ я почитаю себя въ правѣ спросить, не было ли дано названіе ginestra окрестностямъ нынѣшней Одессы италіянскими моряками потому, что они, приставая здѣсь къ берегу, нашли его обросшимъ дрокомъ, т. е. растеніемъ, которое, какъ было выше замѣчено, и нынѣ еще по италіянски называется ginestra или zinestra. Кро-

---

[15]) Ducange, Gl. gr. V. Σδράβιτσα.

[16]) Iorn. De Getar. r. g. XLIX.

мѣ совершеннаго тождества именъ, въ пользу изложеннаго здѣсь мнѣнія могло бы послужить и то, что это растеніе, изъ котораго въ старину изготовляли сѣти, канаты и т. п., нынѣ еще дико растетъ въ нашихъ степяхъ, а тѣмъ болѣе могло быть найдено въ изобиліи въ окрестностяхъ Одессы въ то время, когда ихъ начали посѣщать италіанскіе моряки и рыбаки. Впрочемъ я не отрицаю, что эта мѣстность могла быть названа италіанскимъ названіемъ дрока, вовсе не по этому растенію, но по какой нибудь другой причинѣ. Такъ напр. имя ginestra могло быть примѣнено къ берегамъ Куяльника, по растенію, которое и нынѣ еще здѣсь встрѣчается въ изобиліи, и на первый взглядъ такъ близко походитъ на дрокъ, что легко могло быть смѣшано съ нимъ людьми, незнакомыми съ системами ботаники. Подъ этимъ растеніемъ я разумѣю особенную, весьма часто у насъ попадающуюся, породу Antirrhinium, не безъ причины названную A. genistafolium.

Подобныя трудности, каковыя сопряжены съ объясненіемъ имени ginestra, представляетъ имя *mauro-nero*, занимающее на картѣ Пасквалини мѣсто около нынѣшней Дофиновки, и превращенное на картѣ Біанко въ *mauro-mero*, тогда какъ оно вовсе не встрѣчается на прочихъ картахъ. Если-же имѣть въ виду, что Италіянцы познакомились съ Чернымъ моремъ при посредничествѣ Византійцевъ, и что они продолжали означать разные пункты берега тѣми же именами, подъ коими они были извѣстны послѣднимъ, то можно допустить мнѣніе, что къ таковымъ именамъ принадлежало и mauro-nero. Поелику же это слово по гречески могло имѣть значеніе Черноводы, то казалось бы, что оно первоначально означало Аджалыкскій лиманъ, при которомъ лежитъ Дофиновка, и который подобно другимъ лиманамъ нашимъ, въ старину, безъ сомнѣнія, былъ въ связи съ моремъ. Нельзя сказать, почему этотъ именно лиманъ могъ быть названъ Чернымъ; но достойно примѣчанія, что имя mauro-nero совпадало-бы, въ этомъ случаѣ не только по своему мѣстоположенію, но и по значенію, съ именемъ Карія (кара по турецки, черный), находившимся, по

Эдриси, на берегу Чернаго моря, ровно въ срединѣ между устьями Днѣстра и Днѣпра.

Съ другой стороны нельзя не обратить вниманія и на то, что въ древнѣйшихъ картахъ mauro-nero вовсе не встрѣчается, въ позднѣйшихъ же отмѣчено въ срединѣ между именами ginestra и flor de lis, которыя явно не греческаго происхожденія. По этому нельзя отрицать возможности, что и отмѣченное на картахъ италіянскихъ maure-nero или mero ничего не имѣло общаго съ греческими словами, кромѣ одного только случайнаго созвучія. Въ этомъ случаѣ, за который я впрочемъ не ручаюсь, я предложилъ бы вопросъ: не была-ли эта мѣстность названа mauro-nero, по растущимъ тамъ въ изобиліи ежевикамъ? Эти ягоды называются по италіянски mora prugnola, mora del rogo; но за то мы у Дюканжа читаемъ подъ словомъ Mauria: rubus est, fructum nigrum ferens, quem vulgo Mure sauvage appellamus.

Зная, сколь шатки основанія гипотезы здѣсь представленной, и опасаясь подобной неудачи, еслибы я выступилъ съ новымъ мнѣніемъ относительно значенія имени *barbarese*, я предпочитаю согласиться съ Лелевелемъ, что это имя, которое на всѣхъ картахъ отмѣчено въ окрестностяхъ Березанскаго лимана, образовалось изъ сего же имени, хотя оно въ искаженномъ видѣ своемъ, болѣе походитъ на Несторово Бѣлобережье, которое и находилось здѣсь, по мнѣнію Вагнера, Шлёцера и Штриттера, и которое, кромѣ прибрежья Буга или Бѣлой рѣки, находившейся, по свидѣтельству императора Константина Багрянороднаго, въ небольшомъ разстояніи отъ Днѣпра, и помѣщаемой, при хорошей погодѣ, русскими моряками по выѣздѣ съ острова Березани.

Столь-же легко Генуэзцы, въ устахъ которыхъ нерѣдко буква л замѣнялась буквою р, неизвѣстное имъ слово Бѣлобережье могли превратить въ Борбарезе или Барбарезе, если бы даже при этомъ вовсе не думали о растеніи, которое встрѣчается въ окрестностяхъ Березани, по италіянски называемое berberi, а по русски барбарисъ или кислый терпъ. Нами уже

было замѣчено [17]), что имя Березань, которое явно перешло къ лиману отъ острова, предъ нимъ лежащаго, собственно гласило Бюрюзенъ, и что островъ получилъ это имя по Днѣпру подобно тому, какъ по сей же рѣкѣ его въ древности означали подъ именемъ Борисоенъ. Кромѣ сего небольшаго острова, извѣстнаго какъ Нестору, такъ и Константину, подъ именемъ острова св. Еѳерія [18]), разсматриваемыя здѣсь карты ставятъ большой островъ при устьѣ Днѣпра, или даже это устье изображаютъ въ видѣ дельты, состоящей изъ нѣсколькихъ острововъ. Безъ сомнѣнія эти острова соотвѣтствовали полуостровамъ, образуемымъ лиманами Березанскимъ, Бугскимъ и Днѣпровскимъ, и казавшимися настоящими островами чужестранцамъ, въѣзжавшимъ съ моря въ эти лиманы. Даже нельзя сказать утвердительно, что они тогда еще не могли быть дѣйствительно таковыми, или что Несторъ не имѣлъ никакого основанія сказать, что Днѣпръ изливался въ Русское море «треми жерелы». По крайней мѣрѣ бассейнъ Березанскій представляетъ весьма рѣзкіе слѣды непосредственнаго сообщенія, если не прямо съ нынѣшнимъ Днѣпромъ, то уже несомнѣнно съ теперешнимъ Бугомъ. Такъ напр. верховья рѣчки Сасыка, образующей западную вѣтвь лимана Березанскаго, подходятъ къ боковымъ балкамъ Чичиклея, притока Буга, не дальше какъ версты на двѣ, въ окрестностяхъ хутора Мартыновки. Вотъ почему эта мѣстность представлена въ видѣ острова даже на морскихъ картахъ, начертанныхъ во время гораздо позднѣйшее. Такъ на картѣ Витсена, 1715 года, поставленъ здѣсь большой островъ Саселикъ-ададуръ, омываемый устьями рѣкъ Osi и Aksu «alias wit-water», т. е. Днѣпра и Буга. Лелевель убѣжденъ въ томъ, что настоящее имя послѣдней рѣки подало поводъ Итальянцамъ именовать гавань, которая на иныхъ картахъ названа porte do bovo, или de bo. и полагаетъ, что эта гавань находилась около мыса Станиславова,

---

[17]) См. выше островъ св. Еѳерія.

[18]) Тамъ-же.

образуемаго сліяніемъ лимановъ Буга и Днѣпра. Но такъ какъ этотъ мнимый Бугскій портъ отмѣченъ на картахъ при самомъ устьѣ Днѣпровскаго лимана, то мнѣ кажется правильнѣе отыскивать его въ Очаковѣ, тѣмъ болѣе, что онъ, по всей вѣроятности, подобно послѣднему, имя свое получилъ по рѣкѣ Узу или Ози. Ибо между тѣмъ какъ обѣ древнѣйшія карты вовсе неупоминаютъ о портѣ въ этихъ мѣстахъ, онъ на слѣдующей за ними по времени, и своею добросовѣстностью удивившей самаго Лелевеля, картѣ братьевъ Пицигани, названъ *porto de loco*, т. е. именемъ, которое столь же легко могло быть ими поставлено вмѣсто porto de l'Osi, какъ въ свою очередь, могло быть превращено на Каталанской картѣ въ porto de lovo, а на другихъ въ porto de bos, de bo, de bovo. Отмѣченное на всѣхъ картахъ въ сосѣдствѣ сего порта grotte de tono заставляетъ думать, что Италіянцы въ этой мѣстности занимались ловлею тунцевъ, подъ которыми они легко могли здѣсь подразумѣвать молодыя или меньшія рыбы сей породы или т. н. пеламиды, если даже между словами pelamen и tunina ничего не было общаго, кромѣ года, подъ которымъ они упомянуты у Дюканжа [19]) въ слѣдующихъ ссылкахъ: Iacobus Aurias in Annal. Genuens lib. 10 ad annum 1285: Quum autem esset in Sardinia in portu Orestani, cepit unam navem Gaetanorum caseo et *pelamini* oneratam; и затѣмъ Ann. Genuens. ad annum 1285 apud Muratori, tom VI col. 590: Invenit in mari Tolariae navem unam Venotorum onustam caseo et *tunini*. Извѣстно, что ловля пеламидъ, которая еще нынѣ успѣшно производится на Черномъ морѣ, составляла въ древности одну изъ главныхъ вѣтвей рыбнаго промысла, и что этотъ промыслъ былъ особенно выгоденъ для тѣхъ изъ понтійскихъ городовъ, возлѣ которыхъ находились соляныя озера и варницы, поелику соленая рыба была нѣкогда главною пищею массы народа въ Греціи, между тѣмъ какъ искусно приготовленный τάριχος предпочитаемъ былъ всякому другому кушанью

---

[19]) Glosse. Lat. и пр.

гастрономами древности. Для всей Греціи понтійскій сѣверъ имѣлъ въ семъ отношеніи такое же значеніе, каковое имѣла южная Испанія для Рима.

Типы на монетахъ Ольвійскихъ ясно свидѣтельствуютъ, какое участіе принимало въ этомъ промыслѣ знаменитое торжище Борисѳенитовъ, между тѣмъ какъ огромное количество разнаго рода древностей, найденныхъ и постоянно открывающихся при селѣ Порутино, показываютъ какой степени достигли богатство и величіе этого предвѣстника нашей Одессы. Безъ сомнѣнія, развалины Ольвіи не ускользнули отъ вниманія Генуэзцевъ, ибо здѣсь могли они найти въ нѣдрахъ земли сокровища не менѣе значительныя, чѣмъ были тѣ, которыя побудили ихъ соперниковъ производить раскопку кургановъ на Дону, какъ это свидѣтельствуетъ Барбаро. Впрочемъ, нельзя сказать утвердительно, что приведенныя «гротты» находились въ урочищѣ Стомогилъ, какъ потому, что положеніе первыхъ не точно отмѣчено на картахъ, такъ и по той причинѣ, что рыбная ловля производилась при многихъ другихъ пунктахъ берега, быть можетъ по сей именно причинѣ названнаго Золотымъ, если этотъ эпитетъ, упомянутый Константиномъ Багрянороднымъ, не имѣлъ одинаковаго значенія съ Бѣлобережьемъ нашего лѣтописца, находившимся въ небольшомъ разстояніи отъ Золотаго берега, или даже къ нему принадлежавшимъ. Извѣстно, что до сихъ поръ не удалось опредѣлить съ точностью, что именно преподобный Несторъ разумѣлъ подъ Бѣлобережьемъ, и гдѣ оно должно быть поставлено на картѣ. Въ разсужденіи своемъ «О Бѣлобережьѣ и пр.» г. Чертковъ показалъ, что оно не могло быть близъ Севастополя, какъ полагалъ ученый Лербергъ, и въ то же время старался доказать, что оно совпадало съ островомъ Фидониси или Левки. Причины, по которымъ я не могъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ, я изложилъ въ статьѣ, «О Килійскомъ устьѣ», гдѣ съ Венелинымъ я искалъ тогда Бѣлобережье. Нынѣ же возвращаюсь къ выше приведенному мнѣнію нѣмецкихъ ученыхъ, помѣстившихъ Бѣлобережье при лиманѣ Березанскомъ.

Если же, несмотря на доводы, которыми я пытался подкрѣпить это мнѣніе, оно будетъ признано неосновательнымъ, то я предложилъ бы вопросъ: не находилось ли Бѣлобережье при заливѣ Перекопскомъ или Акмечетскомъ, посѣщаемомъ еще въ древности рыболовами херсонскими, а въ Норманскомъ періодѣ нашими предками, поелику на позднѣйшихъ картахъ здѣсь мы встрѣчаемъ имена Варанголимена и *Россофаръ*, или правильнѣе кажется, *таръ*.

По крайней мѣрѣ на картѣ Бенинказы то самое мѣсто означено именемъ tar parvo, которое на прочихъ картахъ названо *rossofar*, между тѣмъ какъ отмѣченное въ нихъ же имя Варанголимена совпадаетъ съ именемъ tar magno у Бенинказы. При томъ имена tar magno и tar parvo встрѣчаются у него еще на восточномъ берегу Азовскаго моря, тогда какъ на древнѣйшихъ картахъ здѣсь только поставлено lo tar. Судя по мѣсту, которое оно занимаетъ на картахъ, оно должно было находиться гдѣ то около залива Ейскаго, а по сему самому могло соотвѣтствовать мысу извѣстному въ древности подъ именемъ Большаго Ромбита, гдѣ, по свидѣтельству Страбона, производилась ловля рыбъ, годныхъ для соленія, и къ числу коихъ явно принадлежали камбулы, по гречески ῥόμβος. Въ среднихъ вѣкахъ Греки не переставали заниматься этимъ промысломъ на берегахъ Меотиды, пока ихъ не замѣнили Италіянцы, которые, по примѣру первыхъ, отсюда вывозили соленую и сушеную рыбу и икру. Поелику же на греческомъ языкѣ рыба соленая называется тарихосъ, а мѣсто для сушенія ταρσός или ταῤῥός, то легко могло статься, что по одному изъ этихъ словъ и произошло названіе мѣстности lo tar, равно какъ и наше слово тарань, означающее породу рыбы, которая нынѣ еще ловится въ огромномъ количествѣ въ окрестностяхъ Ейска.

Гораздо прежде Меотиды, сѣверный берегъ Чернаго моря сдѣлался доступнымъ Славянамъ, непомѣшавшимъ херсонскимъ Грекамъ заниматься, подобно своимъ предкамъ, рыбною ловлею въ устьѣ «Днѣпра и Бѣлобережья». Для Византійцевъ

этотъ береговой край казался даже столь важнымъ, что они старались по возможности устранить отъ него Русовъ, и что быть можетъ, по его имени, соленая рыба, доставляемая изъ Чернаго моря въ Царьградъ, тамъ называлась βερζίτικον. Такъ, по крайней мѣрѣ, я себѣ объясняю видимое несогласіе въ показаніяхъ императора Константина и поэта Цецеса,[20]) изъ коихъ первый, въ одномъ изъ своихъ сочиненій, говоритъ о берзитиконѣ, коего ловля производилась тогда не въ Танаисѣ, какъ переводитъ Кёлеръ, но въ Хоракулѣ, изливавшимся въ Азовское море, не въ очень большомъ разстояніи отъ Танаиса. и называвшимся вѣроятно собственно Карагулъ, Черновода.

Если я не ошибаюсь, то этотъ Карагулъ или Хоракулъ былъ ничто другое, какъ Черная протока, или сѣверный рукавъ Кубани, около устья которой и находился малый Ромбитъ Страбона. Тогда какъ отмѣченное на картѣ Бенинказы lar parvo мы должны искать въ значительномъ разстояніи къ сѣверу отъ этого мыса, мы узнаемъ изъ генуэзскихъ грамотъ [21]), что въ его сосѣдствѣ находился замокъ «Bagtair», отмѣченный также на картахъ 1408 и 1436 годовъ (bagtari, bagtary).

Гораздо труднѣе угадать значеніе именъ, которыя на всѣхъ картахъ слѣдуютъ за именемъ Днѣпра, т. е. на лѣвомъ берегу его лимана; 1) pidea, lapidea, pydea; 2) cavo de zagori на картѣ Весконте, тогда какъ на другихъ читается просто zacori, zagori; 3) meganicho на картѣ Біанко, megatiche на картѣ Бенинказы и другихъ Въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ картъ первое изъ этихъ трехъ именъ отмѣчено краснымъ шрифтомъ, подобно разнымъ другимъ именамъ, которыя явно были важнѣе прочихъ, въ ихъ сосѣдствѣ отмѣченныхъ. По сему самому можно заключить, что мѣстность, именуемая на картахъ pidea или Pidea, обратила на себя особенное вни-

---

[20]) См. выше: Остр. св. Еѳеріи.

[21]) Atti della Soc. Lig. etc. V, 185.

нанiе мореходцевъ. Что послѣднiе подъ этимъ названiемъ могли разумѣть не только поселенiе или особый береговой пунктъ, но и цѣлую область, явствуетъ изъ того, что въ картахъ ихъ отмѣчены краснымъ шрифтомъ имена не только главныхъ городовъ, но разныхъ странъ, Куманiи, Газарiи, Зихiи. Должно думать, что подобно этимъ именамъ, слово *pidea* перешло къ Италiянцамъ отъ Византiйцевъ. Таково и мнѣнiе Лелевеля, который впрочемъ явно ошибается въ своей попыткѣ объяснить значенiе сего слова. Упомянувъ (Portulan général, p. 12) что имя Pidea встрѣчается на всѣхъ разсматриваемыхъ имъ картахъ, онъ продолжаетъ: «partout place importante, ancien Calas (Calos) limen ou port scythique à l'embouchure de la rivière Kalantezhak; accompagné très souvent du mot suivant Megatiche, Megatico, Magatico, Metatcho, Megariche (Bapt. genuens. 1515), Mangoco etc. Jean Potocki remarque que la lecture Megariche est meilleure et plus correcte; que le Calos-limen scythique, comme colonie grecque, avait le surnom de Mégarique. Ainsi Pidea était mégarique, παιδεία μεγαρική, jeune établissement mégarique, dont l'appellation, divisée dans les épigraphes des portulans, donna origine à deux positions des cartes éditées».

Съ намѣренiемъ я привелъ собственныя слова Лелевеля, чтобы показать сколь шатки основанiя «юнаго поселенiя мегарiйскаго», возникшаго подъ его перомъ, въ Гилеѣ. Въ самомъ дѣлѣ не трудно усмотрѣть, что это мнимое поселенiе обязано своимъ существованiемъ соображенiямъ Потоцкаго, ни на чемъ не основаннымъ. Такъ ученый графъ къ имени Pidea присоединяетъ здѣсь, совершенно произвольно, другое слово, отмѣченное въ болѣе или менѣе значительномъ разстоянiи отъ перваго, а на картѣ Бiанко даже на южной сторонѣ Тендровской косы, за мысомъ «zagori» или zaguori (Егорлицкiй кутъ?). Если бы эта карта была извѣстна графу, то онъ, вѣроятно, согласился бы съ нами въ ошибочности чтенiя «megariche». Но этимъ онъ еще не прiобрѣлъ-бы права читать, по примѣру позднѣйшихъ картографовъ, Megariche, вмѣсто того, чтобы

держаться чтенія Бенинказы, т. е. megaticho, въ которомъ слышатся греческія слова μέγα и τεῖχος, большая стѣна.

Во всякомъ случаѣ сильное укрѣпленіе не было бы неумѣстнымъ въ окрестностяхъ Олешья для охраненія города, служившаго мѣстомъ склада греческихъ и другихъ товаровъ, отъ участи неоднократно его постигшей, какъ напр. въ 1074 году, когда онъ ночью былъ разграбленъ безъудѣльнымъ княземъ Давидомъ Игоревичемъ, или же въ 1160 году, когда имъ овладѣли Берладники, занимавшіеся разбоями на Черномъ морѣ. Слѣды подобныхъ укрѣпленій могли еще быть замѣтны, когда при нижнемъ Днѣпрѣ водворились Генуэзцы, которые въ свою очередь, какъ видно изъ ихъ грамотъ [22]), укрѣпились на берегахъ этой рѣки. Въ сосѣдствѣ ихъ замковъ могли находиться мирныя поселенія; но едвали одно изъ нихъ называлось Мегарійскимъ, если бы даже древнее названіе города Херсониситовъ когда либо служило прозвищемъ принадлежавшаго имъ города Калосъ-лиминъ. Во всякомъ случаѣ имена, отмѣченныя на картахъ въ окрестностяхъ Алешекъ, не имѣли ничего общаго съ этимъ городомъ, поелику измѣреніе Безъименнаго ясно свидѣтельствуетъ, что онъ находился на южной сторонѣ Акмечетскаго залива. Сюда по этому польскіе географы должны были помѣстить свое Мегарійское поселеніе, тѣмъ болѣе, что они тутъ именно встрѣчали бы на древнѣйшей изъ разсматриваемыхъ ими картъ «Calolimena».

Что подобно сему имени и наше днѣпровское Pidea происхожденія греческаго, становится мнѣ вѣроятнымъ еще по той причинѣ, что слово это на итальянскомъ языкѣ не имѣетъ значенія, тогда какъ оно по гречески могло именно означать страну, покрытую извѣстнаго рода лѣсомъ.

По крайней мѣрѣ на греческомъ языкѣ слово πῆδος или πᾶδος, отъ котораго могло быть произведено наше pidea, значитъ лѣсъ, изъ котораго изготовляются весла, и который, по инымъ, такъ былъ названъ потому, что сосна Галлами была

---

[21]) Atti della Soc. L. и пр. V стр. 248.

названа padus, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ Плинія.: quonium circa fontem (Padi) arbor multa sit picea, quales gallice vocantur padi, hoc nomen accepisse.

Подпорою мнѣнія, что подобно рѣкѣ Эридану, лѣсная страна Геродота могла быть переименована по соснамъ, и теперь еще въ ней попадающимся, можетъ служить замѣтка Стефана Византійскаго, что Гилея также называлась 'Αβική. Названіе это напоминаетъ намъ латинское слово abies, ель Безъ сомнѣнія это дерево едвали могло произрастать въ окрестностяхъ Алешекъ; но за то мы узнаемъ отъ Дюканжа (Gloss. Graec.) что слово abies, перешедши къ Римлянамъ отъ сицилійскихъ Грековъ, осталось въ употребленіи у Византійцевъ и служило у нихъ для означенія не только ели, но также сосны.

Во всякомъ случаѣ мнѣ кажется, что лѣсная страна *Abice* скорѣй могла получить названіе по этимъ деревьямъ, нежели, какъ обыкновенно думаютъ, по Абіамъ, упомянутымъ Страбономъ при описаніи Скиѳіи, поелику онъ ясно говоритъ что они не имѣли постоянныхъ жилищъ. Если-же, какъ должно думать, этотъ великій географъ подъ скиѳскими Абіами разумѣлъ не особый народъ, но людей безъ всякой собственности (Habelose, какъ переводитъ Гросскурдъ), то это обстоятельство служило бы скорѣй къ подтвержденію, чѣмъ къ опроверженію мнѣнія, что это прилагательное имя не имѣло ничего общаго съ переданнымъ намъ Стефаномъ синонимомъ Гилеи, кромѣ случайнаго созвучія.

Что же касается позднѣйшаго названія страны Абики, то секретарь общества (см. выше) хочетъ насъ увѣрить, что оно есть ничто иное, какъ греческое слово Η'ΥΛΕΑ ('ΥΛΑΙΑ, по Геродоту), превращенное неграмотными Италіянцами въ ничего незначущее ΠΥΛΕΑ.

Но самъ онъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, что еще въ византійскомъ періодѣ древнія географическія имена замѣнялись новыми и что послѣднія были потомъ уже приняты Италіянцами. Подобные примѣры представляютъ намъ еще Ар-

дабда и Кафа, Адара, Таматарха и Матраха, вытѣснившіе древнѣйшія имена: Θеодосія, Дромосъ Ахиллесовъ, *Корокондаме* и Томи и пр. Почему же Италіянцы только по ошибкѣ писали бы «pidea» вмѣсто прежняго имени, имъ можетъ вовсе уже неизвѣстнаго, съ измѣненіемъ притомъ всѣхъ буквъ его и съ прибавленіемъ къ нему въ началѣ греческаго члена ἡ, принятаго ими ошибочно за букву П.

Если даже допустить возможность подобнаго невѣжества со стороны нѣкоторыхъ изъ числа западныхъ картографовъ, то этимъ не объяснилось бы какимъ образомъ одна и таже ошибка могла удержаться въ теченіе столѣтій во всѣхъ намъ доступныхъ картахъ генуэзкихъ, венеціанскихъ и другихъ, столь различествующихъ между собою въ частностяхъ, что уже не могли быть составлены по одному и тому же источнику.

При томъ спрашивается, неужели никому изъ художниковъ, трудившихся надъ черченіемъ гидрографическихъ картъ, не приходила мысль трудъ свой предварительно сообщить для исправленія морякамъ, которые безъ сомнѣнія не оставили бы въ окрестностяхъ Алешекъ непонятное для нихъ имя pidea, если бы эта мѣстность греческимъ ихъ товарищамъ была еще извѣстна подъ древнимъ своимъ названіемъ. Соображая всѣ эти обстоятельства, я почитаю себя въ правѣ оставаться при своемъ мнѣніи, что лѣсная страна Геродота въ послѣдствіи означалась подъ именемъ Abice и Pidea по соснамъ, исключительно произраставшимъ въ *южной* части Гилеи, т. е. въ извѣстномъ разстояніи отъ долины Днѣпра, изобиловавшей деревьями другихъ породъ.

Да позволено мнѣ будетъ пользоваться настоящимъ случаемъ, дабы обратить вниманіе читателей на слѣдующія слова автора основательно изучившаго мѣстныя особенности Херсонской губерніи. Замѣтивъ, что значительную часть основы долины нижняго Днѣпра составляетъ погребенный лѣсъ, г. Шмидтъ [23]) продолжаетъ: «Нѣкоторые остатки этихъ деревьевъ, попадаю-

---

[23]) Матеріялы для геогр. и стат. Херсонской губ. С. П. 1863, стр. 127.

щіеся въ руслѣ рѣки, свидѣтельствуютъ, что въ настоящее время, вѣроятно, отъ частой вырубки, лѣсъ не достигаетъ того развитія, какое имѣлъ прежде».

Пусть геологи и ботаники рѣшатъ, были ли эти деревья занесены въ окрестности Алешекъ теченіемъ рѣки, или же произраставши въ этой мѣстности, были затѣмъ затоплены, вслѣдствіе или опусканія почвы или непостоянства теченія Днѣпра, «почти каждый годъ образующаго новые и подмывающаго старые острова» [23]). Въ случаѣ произрастанія деревьевъ на мѣстѣ, желательно было бы узнать, изъ какихъ породъ деревьевъ состоялъ этотъ лѣсъ и попадаются ли между ними хвойныя деревья и какія именно?

От рѣшенія этихъ вопросовъ зависитъ точнѣйшее опредѣленіе мѣстоположенія и характера «лѣсной стороны» Геродота.

---

[23]) Исторія о Казакахъ Зопорожскихъ, Одесса 1852, стр. 65.

VII.

Слѣды древняго рѣчнаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море [1]).

Французскій инженеръ Бопланъ, показавъ, въ извѣстномъ трудѣ своемъ объ Украйнѣ, какимъ образомъ Запорожцы возвращались въ войсковую Скарбницу изъ отважныхъ походовъ своихъ по Черному морю, между прочимъ продолжаетъ: «есть еще другая дорога для возвращенія въ Запорожье—чрезъ проливъ, отдѣляющій Тамань отъ Керчи, по Донскому лиману и по рѣкѣ Міусу. Здѣсь они плывутъ вверхъ по *Міусу* покуда можно, а далѣе отъ сей рѣки до *Тачаводы* (Taczawoda) около мили идутъ волокомъ: Тачавода впадаетъ въ *Самару*. Самара же изливается въ Днѣпръ выше Кайдака. Казаки рѣдко избираютъ сей путь, по отдаленности его отъ Запорожья; Правда, они отправляются сею дорогою и на поиски, но только тогда, когда флотъ ихъ состоитъ изъ 20 или 25 челновъ. или когда Турки совершенно преграждаютъ имъ устье Днѣпровское» [2]). Выше авторомъ было сказано, что эти челны [3])

---

[1]) Впервые напечатано въ V томѣ Записокъ Од. Общ. Ист. и Древностей (1862).

[2]) Описаніе Украйны, сочиненіе Боплана, переводъ съ франц. С.-П. 1832. стр. 67; сравн. Beauplan, Description d'Ukranie. Rouen 1660, p. 55 и 57.

[3]) Такъ передаетъ намъ русскій переводчикъ сочиненія Боплана французское basteaux, вѣроятно потому, что по приведенному имъ (стр. 153) «Описанію Дона» адмирала Крейса, подобныя суда такъ называемы были Донскими казаками; но, кажется, что Запорожцы ихъ называли или дубами или лодками.

имѣли въ длину 60 футовъ, въ ширину отъ 10 до 12, а въ глубину 12. Каждая лодка была вооружена 4-мя или 6-ю фалконетами и помѣщала въ себѣ, кромѣ аммуниціи и припасовъ, отъ 50 до 70 казаковъ, въ томъ числѣ отъ 20 до 30 гребцовъ.

Безъ сомнѣнія въ наше время плаванье подобными лодками было бы весьма затруднительнымъ какъ на Міусѣ, такъ и на Самарѣ; но это еще не доказываетъ, что они представляли препятствія для судоходства во времена Боплана. Ибо признано, по причинамъ, изложеніе коихъ было бы здѣсь излишнимъ, что масса воды постепенно уменьшалась въ нашихъ степныхъ рѣкахъ и рѣчкахъ. Посему самому мы не въ правѣ усомниться въ истинѣ факта, переданнаго намъ знаменитымъ описателемъ Украйны. Слѣдуетъ только допустить, что онъ по какому нибудь недоумѣнію, превратилъ Волчью-воду въ Тача-воду. Ибо, между тѣмъ какъ подобной рѣки или рѣчки вовсе нѣтъ въ здѣшнемъ краю, главный притокъ Самары Волчья-вода беретъ свое начало въ степи въ небольшомъ разстояніи отъ верхняго теченія Кринки или Крымки, изливающейся въ Міусъ.

Верховья Волчьей еще ближе подходятъ къ вершинѣ *Кальміуса* и эту именно рѣчку Бопланъ здѣсь смѣшалъ съ выше имъ упомянутымъ Міусомъ, какъ справедливо замѣтилъ г. Майковъ [4]). Современникъ Боплана Эвлія-эфенди [5]) и наши лѣтописцы, говоря о Міусѣ, также имѣли въ виду, не нынѣшній, но сосѣдственный ему Кальміусъ.

Если же всѣ эти рѣки были судоходны назадъ тому двѣсти лѣтъ, то можно допустить предположеніе, что суда добирались до настоящихъ ихъ источниковъ въ эпоху, отстоящую отъ насъ на столько же тысячелѣтій, т. е. во времена Геродота. Даже не было бы не возможнымъ, чтобы нѣкоторыя изъ этихъ рѣкъ, отдѣляющіяся нынѣ незначительною водораздѣльною чертою, тогда почти смѣшивались во время полново-

---

[4]) Замѣтки по геогр. древн. Россіи, 1874 стр. 24 пр. 2.

[5]) Narrative of travels, transl. by Hammer, 1850. II стр. 57—67.

дія, какъ это нынѣ еще бываетъ съ двумя Манычами, изъ которыхъ одинъ изливается въ Каспійское море, а другой—въ Азовское [6]).

Должно думать, что извѣстіе о водяномъ сообщеніи, существовавшемъ въ древности между Днѣпромъ, Азовскимъ моремъ и Перекопскимъ заливомъ, сохранилось до временъ Константина Багрянороднаго. Такъ по крайней мѣрѣ я себѣ объясняю слѣдующее мѣсто, извлеченное изъ его сочиненія объ управленіи имперіи: «къ сѣверу отъ Меотійскаго озера протекаетъ Днѣпръ, изъ котораго Росы отправляются въ Черную Болгарію, Хазарію и Сирію; этотъ заливъ Меотиды простирается до Некропилъ, которыя отстоятъ отъ Днѣпра около четырехъ миль, и тамъ съ нимъ (т. е. съ заливомъ) соединяются, гдѣ древніе переправлялись въ море посредствомъ канала, проведеннаго поперекъ Херсона, областей и земли Воспора; но засыпанный дѣйствіемъ времени онъ превращенъ въ густой лѣсъ и представляетъ двѣ только дороги, чрезъ которыя Печенѣги отправляются въ Херсонъ, Воспоръ и области [7])».

Жаль, что императоръ въ этомъ мѣстѣ, вообще довольно темномъ, не говоритъ, какимъ путемъ Росы изъ Днѣпра отправлялись въ Черную Болгарію, Хазарію и Сирію или скорѣй Зихію, или же Ширванъ, о которомъ, какъ думалъ Савельевъ [8]), здѣсь вѣроятно хотѣлъ говорить Багрянородный лѣтописецъ. Дѣйствительно Росы X вѣка, въ своихъ походахъ въ Каспійское море, приставали къ берегамъ Ширвана, между тѣмъ какъ Сирія находилась далеко отъ пути въ Черную Болгарію, если, что не подлежитъ сомнѣнію, императоръ говоритъ о странѣ, въ которой обитали Болгары волжскіе, а не дунайскіе [9]). Во всякомъ случаѣ Росы, возвращаясь во своя-

[6]) Reclus, La méditerranée caspienne et le canal des steppes, въ Revue des Deux Mondes, 1 Août 1861, p. 616.

[7]) Const. Porphyr. De adm. imp. ed. Bonn. стр. 180.

[8]) Мугаммет. Нумизматика стр. CXLV.

[9]) См. выше: Островъ св. Еѳерія.

си съ береговъ Волги, не имѣли надобности входить въ Черное море; ибо они могли перенести свои лодки изъ Волги въ Донъ, плавать внизъ по сей рѣкѣ въ Азовское море, и затѣмъ могли доплывать въ Кіевъ тѣмъ же путемъ, которымъ въ послѣдствіи Запорожцы возвращались въ свою Скарбницу. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что Росы, если даже отправлялись въ Черное море внизъ по Днѣпру, могли въ случаѣ надобности, совершать обратный путь, подобно казакамъ, чрезъ Азовское море, Кальміусомъ и Самарою. Подобная надобность могла заставить Игоря, приступившаго къ Царьграду съ безчисленными ладьями, возвратиться едвали съ десятью къ Воспору Киммерійскому, какъ мы это узнаемъ изъ отвѣта Іоанна Цимисхія на гордыя требованія Святослава [10]). Безъ сомнѣнія Игорь, уходя къ проливу Керченскому съ Воспора Ѳракійскаго, впалъ бы изъ Сциллы въ Харибду, если бы прибрежье Азовскаго моря ему не было доступнымъ. Что оно дѣйствительно таковымъ было, явствуетъ изъ того обстоятельства, что великому князю тогда уже были подвластны Угличи, обитавшіе на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ углѣ, образуемомъ нижнимъ теченіемъ сей рѣки и западнымъ берегомъ Азовскаго моря. Въ пользу мнѣнія, что здѣсь именно находились жилища Угличей я могъ бы, по примѣру Карамзина [11]), сказать что они, вѣроятно, были такъ названы по рѣкѣ Углъ, и что этимъ именемъ прежде означалась рѣка Орель, впадающая въ Днѣпръ съ лѣвой стороны, не много выше Самары. Но такъ какъ позволено будетъ усомниться, съ Надеждинымъ [12]) въ тождествѣ рѣки Орель съ Угломъ или Ерелью лѣтописца, то я приведу другія свидѣтельства, которыя покажутъ, что Угличи нѣкогда обитали на западномъ берегу Азовскаго моря, извѣстномъ нашимъ предкамъ подъ названіемъ Лукоморья. Далека отъ меня мысль, будто-бы это слово не употреблялось ими въ значе-

---

[10]) Leonis Diaconi Hist. ed. Bonn. pag. 106.

[11]) Ист. Госуд. Росс. I, примѣч. 362.

[12]) О мѣстоположеніи древняго города Пересѣчина, въ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн. Т. I. стр. 248.

нiи болѣе обширномъ, для означенiя прибрежья другихъ морей и заливовъ. Такъ напр. нельзя опредѣлить съ точностью какое именно прибрежье имѣли въ виду сподвижники Олеговичей, когда они, исполненные надеждъ послѣ удачнаго начала похода своего противъ Половцевъ, говорили: станемъ преслѣдовать ихъ за Донъ, «оже ны будетъ ту побѣда, идемъ по нихъ и луку моря, гдѣ же не ходили ни дѣди наши, а возьмемъ до конца свою славу и честь [13])». Не имѣя надобности перебираться чрезъ Донъ, чтобы дойти до западнаго берега Азовскаго моря, русскiе воины могли здѣсь намѣкать на восточный его берегъ, или даже на Каспiйское море, какъ думалъ Лербергъ [14]). Впрочемъ имъ, по правиламъ военнаго искуства, могло показаться естественнымъ подумать сначала о безоруженiи Донскихъ Половцевъ, а потомъ уже обратиться противъ Лукоморскихъ, дабы первые не могли подать пособiя послѣднимъ, такъ что они подъ Лукоморьемъ все-таки могли разумѣть здѣсь западный берегъ Азовскаго моря, нѣкогда принадлежавшiй Русскимъ, но тогда уже недоступный для нихъ. Что таково было значенiе словъ «гдѣ же не ходили дѣди наши» явствуетъ изъ слѣдующихъ стиховъ, гдѣ поэтъ, описывая тотъ же самый походъ, восклицаетъ: «Дивъ кличетъ връху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Влъзѣ, и поморiю, и по-Сулiю и Сурожу и Корсуню, и тебѣ Тьмутораканьскiй блъванъ» [15]). Причисленiе по-Сулья къ землямъ незнаемымъ (изъ коихъ поморье могло именно означать наше Лукоморье) прямо показываетъ, какъ справедливо замѣтилъ г. Бѣляевъ [16]), что пѣвецъ не могъ здѣсь имѣть въ виду земель вовсе неизвѣстныхъ, незнакомыхъ Русскимъ, но утраченныя ими, ибо по-Сулье только къ концу XII вѣка было совершенно оторг-

---

[13]) Полное собр. русскихъ лѣтописей, I, стр. 168.

[14]) Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Gesch. Russlands. S. P., 1816 стр. 45.

[15]) Русск. Истор. Сборникъ, III стр. 110.

[16]) О сѣверномъ берегѣ Чернаго моря и прилежащихъ къ нему степяхъ и пр. въ Зап. Од. Общ. Ист. и Др., III стр. 35.

нуто отъ Руси. Около того же времени часть Половцевъ является въ лѣтописяхъ подъ именемъ Лукоморскихъ, которые явно кочевали между нижнимъ Днѣпромъ и Азовскимъ моремъ [17]). Тамъ же должны были находиться кочевья тѣхъ Половцевъ, которые были преслѣдуемы Монголами, въ 1223 году, по Дону и въ Лукоморье, гдѣ и погибли, между тѣмъ какъ другіе искали убѣжище за Днѣпромъ, т. е. на правой его сторонѣ [18]). Лукоморье, изъ котораго, по словамъ поэта, Святославъ «поганаго Кобяка,.. отъ желѣзныхъ плъковъ Половецкихъ, яко вихръ выторже» [19]), должно было находиться въ сихъ же мѣстахъ, потому что по свидѣтельству лѣтописцевъ, сказанный князь половецкій былъ дѣйствительно плѣненъ Святославомъ Кіевскимъ въ 1183 году въ Углѣ, котораго достигли Русскіе, переправившись на лѣвый берегъ Днѣпра, въ значительномъ разстояніи ниже Кіева [20]). При тождествѣ сего Угла съ Лукоморьемъ нельзя не согласиться съ мнѣніемъ г. Соловьева [21]), что эти два слова употреблялись прежде въ одинаковомъ значеніи, чѣмъ и объясняется, почему имена Угличи и Улучи могли означать одинъ и тотъ же народъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ дана возможность согласовать противуположныя мнѣнія Шафарика и Надеждина касательно настоящаго имени сего народа. Ибо хотя оба признаютъ тождество именъ Уличи, Улучи и Угличи, авторъ «Славянскихъ древностей» вмѣстѣ съ тѣмъ полагаетъ, что единственно правильное имя сего народа есть Уличи, а всѣ прочіе варіанты суть описки [22]). Въ свою очередь Надеждинъ старается всѣми силами доказать, что настоящее имя есть не другое какъ Угли-

---

[17]) Ср. Повѣствованіе о Россіи. Москва, 1838, I стран. 252, прим. 1569.

[18]) Ibid. стр. 315. Сравн. Зап. Одесск. Общ. III, стр. 43.

[19]) Русск. Истор. Сборникъ, III стр. 116.

[20]) Полное собр. русск. лѣт. II стр. 128.

[21]) Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, С. П. 1854, стр. VII.

[22]) Slawische Alterthümer. Deutsch v. M. Aehrenfeldt. Lpz. 1844. II p. 130 seq.

чи[23]). Настойчивость его въ этомъ случаѣ вѣроятно произошла отъ того, что онъ желалъ перемѣстить этотъ народъ изъ Азовскаго лукоморья въ Буджакъ, на томъ основаніи, что это имя южной Бессарабіи есть ничто другое, какъ турецкій переводъ нашего слова уголъ; что оно Греками легко могло быть превращено въ Ὄγγλος, и что такъ именно называлась на языкѣ туземцевъ южная часть Бессарабіи уже въ то время, когда туда переселились Волжскіе Болгары. Если же этотъ край былъ родиною и Угличей нашихъ лѣтописцевъ, то они должны были быть сосѣдями Тиверцевъ, жилища которыхъ дѣйствительно доходили до Буджака, гдѣ предъ ними обитали Тервинги (Вестготы), по коимъ тѣмъ скорѣе могли быть названы, что въ нѣкоторыхъ спискахъ вмѣсто Тиверцевъ стоитъ Тервици[24]).

Дѣйствительно, Надеждинъ утверждаетъ, что возлѣ нихъ обитали Угличи еще до временъ Рюрика, въ полной увѣренности, что, изъ множества варіантовъ имени народа, упомянутаго Несторомъ предъ Тиверцами, при исчисленіи Славянъ издревле въ Россіи обитавшихъ, Улучи или Улицы заслуживаютъ преимущество предъ Лутичами или Лучанами. Въ пользу своего мнѣнія онъ ссылается на другое мѣсто лѣтописи, гдѣ сказано, что Олегъ воевалъ съ Угличами и Тиверцами[25]). Не смотря на этотъ параллелизмъ, не ускользнувшій отъ зоркаго глаза Шлецера[26]), Карамзинъ[27]) предпочелъ въ первомъ изъ приведенныхъ мѣстъ лѣтописи чтеніе Лутичи, вѣроятно потому, что онъ Угличей, съ которыми имѣлъ рать Олегъ, принялъ за Суличей[28]), хотя безъ основанія, какъ показалъ Надеждинъ[29]). Чтоже касается Лутичей исторіографа,

---

[23]) Записки Общества I стр. 252.
[24]) Schafarik l. l. стр. 133. ср. П. С. Р. Л. I стр. 4.
[25]) Полн Собр. Р. Лѣт. I стр. 15.
[26]) Несторъ Шлецеровъ, II стр. 271.
[27]) Истор. Госуд. Росс. I прим. 70.
[28]) Ibid. прим 301 и 362.
[29]) Зап. Общ. I стр. 247.

то они могли совпадать съ Лучанами, отысканными, по его примѣру [30]), Лелевелемъ [31]) около Луцка на Волыни, гдѣ они могли быть сосѣдями Тиверцевъ съ сѣверной стороны. Если же допустить, съ большимъ, кажется, правомъ, что Несторъ здѣсь столь же мало хотѣлъ говорить о Лучанахъ, какъ выше о Суличахъ, и что, по сему самому, въ обоихъ случаяхъ рѣчь идетъ объ Улучахъ или Угличахъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы жилища ихъ находились въ бессарабскомъ углѣ По крайней мѣрѣ эти Угличи по всей вѣроятности были тождественны съ тѣми, съ которыми боролся Аскольдъ вмѣстѣ съ Древлянами [32]), и которые по сему самому скорѣе могли обитать при нижнемъ Днѣпрѣ, чѣмъ при Дунаѣ, что не помѣшало бы имъ быть, подобно Лучанамъ, сосѣдами Тиверцевъ, потому что послѣдніе занимали, кромѣ Буджака, все прибрежье Чернаго моря до устья Буга и Днѣпра, или, какъ прибавляетъ Несторъ, страну, названную Греками «Великою Скиѳіею».

Во всякомъ случаѣ Угличи, покоренные Игоремъ и тождественные, по всей вѣроятности съ тѣми, которыхъ не могъ покорить его отецъ, не могли быть встрѣчены Русскими въ южной Бессарабіи, потому что Никоновская лѣтопись прямо говоритъ, что «бѣша сѣдяща Угличи по Днѣпру внизъ» [33]). Уже по взятіи главнаго ихъ города Пересѣченя, лежавшаго на востокъ отъ Днѣпра, они избрали себѣ новыя жилища между сказанною рѣкою или, правильнѣе, между Бугомъ и Днѣстромъ какъ показалъ г. Ламбинъ [34]).

Въ этомъ случаѣ имя ихъ легко могло быть перенесено на рѣку Ингулъ, которая называлась можетъ быть прежде Ангулъ, потому что, по книгѣ Большему чертежу, Ингулецъ былъ названъ Ангулецъ или маленькій Ингулъ, хотя онъ величиною превышаетъ старшаго брата [35]). При томъ нѣтъ со-

---

[30]) Истор. Госуд. Росс. I прим. 70.

[31]) Géographie du Moyen-âge. Bruxelles, 1852. T. III и IV pag. 55.

[32]) Истор. Госуд. Росс. I прим. 289.

[33]) Никон. лѣт. т. I стр. 41.

[34]) См. отчетъ о XIV присужденіи наградъ графа Уварова.

[35]) Книга Большему Чертежу. С. П. 1838 стр. 102.

мнѣнія, что императоръ Константинъ имѣлъ въ виду этотъ притокъ Буга, когда говоритъ о рѣкѣ, названной имъ Συγγούλ, потому что переписчики заставили его повторить букву σ, которою оканчивается предыдущее слово [36]).

Если же новыя жилища Угличей доходили къ востоку до Днѣпра, то переселеніе ихъ на правый его берегъ было можетъ быть въ связи съ удаленіемъ Дулебовъ изъ прежнихъ ихъ жилищъ при Бугѣ. По крайней мѣрѣ имя сего народа со временъ Олега уже не встрѣчается въ нашихъ лѣтописяхъ, но зато снова является на западѣ, именно въ Богеміи [37]). Правда, по Нестору, мѣсто ихъ у насъ заняли Волыняне [38]). Но такъ какъ послѣ сего имени слѣдуетъ у него вышеупомянутое загадочное мѣсто: а Улучи, Тиверьцы, присѣдяху къ Дунаеви и проч., то мнѣ позволено будетъ, съ перемѣною одной только буквы *а* на *и*, читать это мѣсто слѣдующимъ образомъ: Дулеби живяху по Бугу, гдѣ нынѣ Волыняне *и* Улучи; Тиверьцы присѣдяху къ Дунаеви и проч.

Но куда бы ни дѣвались Угличи по взятіи Пересѣченя, древняя ихъ родина между Днѣпромъ и Азовскимъ моремъ долго еще спустя означалась прежнимъ своимъ именемъ. Ибо, судя по ссылкамъ, которыя я нахожу у Тунмана [39]), край этотъ еще былъ извѣстенъ автору «Исторіи Тамерлана» подъ именемъ Ungul, и даже Витсену подъ именемъ Onkul.

Доказательствомъ, что этотъ край принадлежалъ Русскимъ при Игорѣ, могъ бы, въ случаѣ надобности, служить еще договоръ его съ Греками 945-го года, а именно статья, которою русскій князь обязывается не допускать Черныхъ Болгаръ дѣлать нападеніе на Корсунскія земли [40]). Полагая, что здѣсь говорится о Болгарахъ Дунайскихъ, г. Бѣляевъ [41]) заключаетъ,

---

[36]) De admin. imp. cap. 42.
[37]) Lelewel, Geogr. du M. âge; III и IV стр. 37.
[38]) Полн. Собр. Р. Л. I стр. 4.
[39]) Büsching, Erdbeschr. IV стр. 367.
[40]) Полн. Собр. Р. Л. I стр. 21.
[41]) Зап. Общества, т. III, стр. 6.

что Русы тогда уже должны были стоять твердою ногою на Черноморскомъ берегу на западъ отъ Днѣпра; но такъ какъ Черные Болгары Нестора, подобно тѣмъ, которые, по свидѣтельству императора Константина, могли нападать на земли Хазаровъ, обитали не при Дунаѣ, но при Волгѣ [42]), между тѣмъ какъ жилища зависящихъ отъ послѣднихъ Буртасовъ доходили даже до Дона [43]), то можно было бы заключить съ большимъ правомъ изъ сказанной статьи, что Русы тогда владѣли западнымъ берегомъ Азовскаго моря, чрезъ который пролегала дорога Волжскихъ Болгаръ ко владѣніямъ Грековъ и Хазаровъ въ Крыму.

Правда, въ это время Печенѣги уже развели свои кочевья въ степяхъ, лежащихъ между Дономъ и Дунаемъ. Ошибочно было бы однако думать, что это обстоятельство могло помѣшать Русскимъ добираться до Азовскаго прибрежья, ибо они продолжали посѣщать по прежнему сѣверный берегъ Чернаго моря на западъ отъ Днѣпра, хотя по свидѣтельству императора Константина [44]), на западной сторонѣ сей рѣки кочевали столько же колѣнъ Печенѣжскихъ, какъ на восточной, между тѣмъ какъ въ числѣ послѣднихъ находилось одно только изъ трехъ колѣнъ Канкаровъ, отличавшихся отъ прочихъ Печенѣговъ своимъ мужествомъ и значеніемъ. Два другія, названныя Эртимъ и Гила, обитали на западной сторонѣ Днѣпра. Сосѣдями перваго изъ нихъ были находившіеся подъ властью Русскихъ славянскіе народы Ультиновъ, Дервлениновъ и Лензениновъ, въ коихъ нельзя не узнать Улучей, Древлянъ и Лучанъ. Ни одинъ изъ нихъ не могъ обитать въ южной Бессарабіи, потому что императоръ говоритъ, что сосѣдями Печенѣговъ съ южной стороны были Болгары и Венгры, или Турки, какъ ихъ называли Византійцы. Итакъ намъ представляется еще свидѣтельство, что въ Буджакѣ тогда уже не

---

[42]) См. выше стран. 32.

[43]) Mordtmann, Das Buch der Laender von... Isztachri. Hamburg, 1845 стр. 106, 107.

[44]) De administr. imp. cap. 37.

обитали ни Угличи, ни Лутичи; что между сими двумя народами помѣщались Древляне; что Лутичи дѣйствительно могли обитать въ окрестностяхъ Луцка, и наконецъ, что Угличами могли быть тѣ, которые послѣ паденія Пересѣченя, переселились съ береговъ Орели въ страну, орошаемую Ингуломъ и Ингульцемъ.

Даже послѣ ихъ удаленія изъ Лукоморья Русскіе тамъ еще имѣли, если не подданныхъ, то по крайней мѣрѣ надежныхъ союзниковъ въ Торкахъ и Берендеяхъ, имена коихъ напоминаютъ намъ рѣки Торъ и Берда, и которые, во всякомъ случаѣ, обитали между Дономъ и нижнимъ Днѣпромъ [45]).

Что дѣйствительно появленіе Печенѣговъ въ прибрежьи, заключенномъ между этими рѣками, не преградило Русскимъ путь къ Азовскому морю, явствуетъ также изъ показаній современныхъ арабскихъ писателей. Такъ напр. Масуди, жившій около половины X-го вѣка, увѣренъ (part de l'idée, какъ выражается французскій переводчикъ Абуль-Феды), что Русы преимущественно обитали (étaient confinés) возлѣ Меотійскаго озера [46]). Этому повидимому противурѣчитъ слѣдующая замѣтка Масуди, переведенная г. Ламанскимъ [47]) съ англійскаго перевода его же сочиненія «Золотые луга»: «Отъ рѣки Хазарской въ верхнемъ ея теченіи отдѣляется одинъ рукавъ, впадающій въ узкій заливъ моря Понта, каковое есть море Русское; такъ какъ ни одинъ народъ, исключая Русскихъ, не плаваетъ на этомъ морѣ». Но если взять во вниманіе, что Масуди не могъ не знать, что въ его время, кромѣ русскихъ судовъ на Черномъ морѣ плавали еще другія, а именно византійскія, то позволено будетъ спросить: не заставляетъ ли одинъ изъ переводчиковъ сказать арабскаго автора, что Черное море называлось Русскимъ, тогда какъ онъ собственно хотѣлъ

[45]) Карамзинъ, Ист. Госуд. Росс. I прим. 437.

[46]) Reinaud, Géographie d'Aboulféda, trad. de l'arabe en français. Par. 1848. I pag. CCXCV.

[47]) О Славянахъ въ Малой Азіи, и пр. С. П. 1859 стр. 78.

примѣнить этотъ эпитетъ къ узкому заливу имъ самимъ нѣсколько строкъ ниже названному моремъ, т. е. къ Меотидѣ.

Въ свою очередь географъ Шемсъ-еддинъ изъ Дамаска, предъ описаніемъ грабежей, производимыхъ Русами на Черномъ морѣ, выражается слѣдующимъ образомъ: «они живутъ на островахъ Меотійскаго озера и ходятъ на судахъ воевать Хазарскую землю. Ходятъ туда для разбоевъ и другимъ каналомъ (рукавомъ рѣки или моря), впадающимъ въ Хазарское море» [48]. Шемсъ-еддинъ, говоритъ г. Рено [49]), умеръ въ 727 (1327) году на семьдесятъ третьемъ году (лунномъ) отъ роду Затѣмъ г. Рено прибавляетъ въ выноскѣ, что сочиненіе Шемсъ-еддина (Чудеса земель и морей) находится въ Парижской библіотекѣ и что на экземплярахъ Лейденскомъ и С.-Петербургскомъ годы отмѣчены неправильно: «г. Френъ и другіе ученые, говорившіе объ этомъ твореніи, заставляютъ жить автора слишкомъ поздно, двумя столѣтіями».

Этотъ упрекъ, заслуженный Доссономъ [50]) и Лелевелемъ [51]), напрасно отнесенъ къ знаменитому нашему оріенталисту, ибо хотя онъ, въ своемъ Ибнъ-Фозланѣ, говоритъ (стр. 42) о хроникѣ Абдулъ-Аббаса Ахмеда-Димешки, писавшемъ не около 1599 года, какъ онъ думаетъ, поелику Абдулъ-Аббасъ скончался 1332 [52]), по вмѣстѣ съ тѣмъ не сомнѣвается, что авторъ приведенной космографіи Шемсъ-еддинъ изъ Дамаска или Димешки (стр. 189) жилъ въ началѣ XIV столѣтія нашей эры. Выше (стр. 143) Френъ доказываетъ, что Шемсъ-еддинъ Димешки сообщаетъ извѣстія, почерпнутыя изъ сочиненій гораздо древнѣйшихъ авторовъ.

Къ таковымъ извѣстіямъ принадлежитъ безспорно только что мною приведенное, гдѣ явно говорится о походахъ, пред-

---

[48]) Fraehn., Ibn-Foszlan's und anderer Araber Berichte, стр. 29.

[49]) Reinaud. I стр. CLI.

[50]) Des peuples du Caucase стр. XIII.

[51]) Géographie du M. âge III, IV, стр. 51; впрочемъ сравн. т. I 144, note 302.

[52]) Reinaud, Aboulféda 1, CLI.

принятыхъ Русами X-го столѣтія въ Каспійское море. Можетъ быть мнѣ скажутъ, что Русы, если у нихъ были суда на Азовскомъ морѣ, могли бы оттуда вверхъ по Дону, и внизъ по Волгѣ отправляться въ Каспійское море, и не имѣли бы надобности проплывать предварительно чрезъ Керченскій проливъ. Между тѣмъ, скажутъ далѣе, должно думать, что они такъ поступили въ 913 году, судя потому, какъ Карамзинъ [53]), Френъ [54]) и Доссонъ [55]) поняли смыслъ того, что Масуди намъ передалъ о сказанномъ походѣ Русовъ.

На это возраженіе я могъ бы отвѣчать тѣмъ, что Улучи тогда еще не были покорены Игоремъ; или же, что Масуди, не касаясь вопроса откуда прибылъ русскій флотъ ко входу въ Азовское море, говоритъ лишь о плаваніи его вверхъ по Дону, если только французскіе переводчики «Золотыхъ луговъ» [56]) имѣли право сказать, что арабскій авторъ выражался слѣдующимъ образомъ о сказанномъ походѣ: «Послѣ 300-го года около 500 кораблей явились при входѣ канала Нитаса, имѣющаго сообщеніе съ моремъ Каспійскимъ. Русы встрѣтили тутъ [57]) военный постъ Хазарскій, стоящій тамъ, чтобы удерживать непріятелей, приходящихъ въ эту страну или водою или сухимъ путемъ. Дѣйствительно, кочующіе Турки, названные Гузами, проводятъ зиму въ этихъ мѣстахъ и переходятъ чрезъ рѣку по льду съ своими лошадьми и проникаютъ въ землю Хазаръ. Иногда самъ царь хазарскій отправляется, чтобы ихъ отражать. Лѣтомъ же, напротивъ того, страна не въ опасности, потому что этотъ проходъ не доступенъ для непріятелей. Дошедши до входа въ каналъ, гдѣ находилась хазарская

---

[53]) Ист. Госуд. Росс. I, стр. 95.

[54]) Ibn-Foszlan's etc. Berichte p. 245.

[55]) Des peuples du Caucase pag. 105.

[56]) Maçoudi, Les prairies d'or, trad. p. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, II, 18.

[57]) Т. е. при Керченскомъ проливѣ, см. Григорьевъ, Россія и Азія р. 7. Но Погодинъ и по его примѣру Дорнъ (Каспій, IX) думаетъ, что тутъ рѣчь идетъ о Саркелѣ.

стража, Русы послали къ царю и требовали дозволенія плыть поперегъ его владѣній, войти въ большую хазарскую рѣку и по ней въ Каспійское море; въ замѣнъ они предлагали уступить ему половину добычи. Получивъ одобрительный отвѣтъ царя, они вошли въ каналъ, проникли въ рукавъ рѣки и поднялись вверхъ по немъ (т. е. по Дону) до главной рѣки (jusqu'au fleuve lui même, т. е Волга): плавая внизъ по ней, они прошли мимо города Итиля и проникли наконецъ въ Каспійское море».

Впрочемъ Русы, не имѣя даже флота на Азовскомъ морѣ, могли туда легко придти изъ Днѣпра, Самарою и Кальміусомъ, на судахъ, подобно тому какъ Запорожцы въ послѣдствіи плавали симъ путемъ. Хотя Русамъ пришлось бы, въ этомъ случаѣ, переносить также суда свои изъ Волчьей въ Кальміусъ, но это неудобство было бы незначительнымъ въ сравненіе съ препятствіями, которыя, при плаваніи внизъ по Днѣпру, имъ представляли Пороги, какъ намъ извѣстно изъ свидѣтельства императора Константина [58]). Такъ какъ Русы, или скорѣе Варяги, которые отправились, въ 944 году, съ устьевъ Дуная, чтобы поселиться на Каспійскомъ прибрежьѣ [59]), уже преодолѣли эти препятствія, то они, безъ сомнѣнія, должны были проплыть по Черному морю, до своего перехода въ Азовское. Я даже полагалъ бы, что они, вмѣсто того, чтобы оттуда пуститься далѣе Дономъ и Волгою, дошедши до устья Дона, отправились далѣе Манычемъ и Кумою. Такимъ образомъ, къ нимъ и къ сподвижникамъ ихъ изъ Славянъ, по крайней мѣрѣ, могли легко присоединиться Аланы и Лазги [60]), которые были ихъ товарищами въ этомъ походѣ. Доказательства, что сообщеніе рѣчное между морями Каспійскимъ и Азовскимъ было извѣстно въ древности, можно найти въ статьѣ Бергстрасера, столь же интересной для историка, какъ для го-

[58]) De adm. imp. ed. Bonn. c. 9, стр. 75—77.

[59]) Ученыя Записки Имп. Ак. наукъ т. II р. 794 (ст. т. Куник).

[60]) Григорьевъ, О древн. пох. Русовъ на Вост. въ Ж. М. Н. Просвѣщ ч. V, стр. 250.

сударственнаго человѣка [61]). Далѣе авторъ также приводитъ свидѣтельства заимствованныя имъ изъ сочиненія Костомарова о С. Разинѣ, по которымъ можно убѣдиться, что Донскіе казаки, принявшіе участіе въ бунтѣ, тѣмъ-же самымъ путемъ достигли Каспійскаго моря. Ясно поэтому, что этотъ путь также существовалъ въ X-мъ столѣтіи, и что тогдашніе Русы или Росы не оставили бы, при удобномъ случаѣ, имъ воспользоваться.

Что же касается похода, предпринятаго, по Ибнъ-Гаукалю [62]), Русами въ 969 году, то они не имѣли надобности проѣзжать ни по Черному, ни по Азовскому морямъ: ибо они явились въ Каспійскомъ морѣ уже по разрушеніи ими Болгара, куда вѣроятно прибыли, плывя внизъ по Окѣ и по Волгѣ. Даже въ такомъ случаѣ, еслибы арабскій писатель ошибся въ годѣ и хотѣлъ говорить о походѣ предпринятомъ Святославомъ въ 965 году противъ Хазаръ, наши Викинги должны были слѣдовать симъ-же путемъ потому, что хазарскій царь былъ пораженъ Святославомъ послѣ покоренія симъ послѣднимъ Вятичей, обитавшихъ при Окѣ [63]). Допуская тождество этихъ двухъ походовъ, отнесенныхъ къ 965 и 969 годамъ, можно бы также думать, что Арцыбышевъ [64]) не ошибся, утверждая, что Бѣлавежа, которая тогда взята была Святославомъ, была столица Хазаръ Итиль, а не крѣпостца Саркель на Дону, какъ обыкновенно думаютъ. Въ пользу сего мнѣнія могло бы служить и то обстоятельство, что еще въ 1117 году Владиміръ Мономахъ принялъ въ Россіи Бѣловежцевъ [65]), и что послѣдніе, если только были Хазары, скорѣе могли къ намъ переселиться изъ главнаго города государства, тогда еще существовавшаго, чѣмъ изъ погра-

---

61) Die Ponto-Caspische Niederung und die Gegend zwischen dem azowschen und caspischen Meere, въ Allg. Zeitung, 1861 № 264, Ausserordentl. Beilage.

62) Cp. Fraehn, Ibn-Foszlan's etc. Berichte, pag 64—67.

63) Карамзинъ, I т. I прим. 386.

64) Повѣствованіе о Россіи. Т. 1 кн. 1 стр. 34, прим. 147.

65) Карамзинъ, изд. Эйнерл. II стр. 90.

ничной крѣпости, взятой, а по Татищеву [66]) даже раззоренной Святославомъ.

Какъ бы то ни было, послѣдній изъ своего похода противъ Хазаръ легко могъ возвратиться въ Кіевъ, внизъ по Дону въ Азовское море и оттуда Кальміусомъ и Самарою. Ибо, въ этомъ случаѣ, встрѣтилъ бы онъ на пути своемъ Ясовъ и Касоговъ, съ которыми боролся до возвращенія въ Кіевъ по взятіи Бѣловежи. По крайней мѣрѣ жилища Alaновъ, явно тождественныхъ съ Ясами нашихъ лѣтописей, еще гораздо позже доходили до Дона, куда они, по древнимъ преданіямъ и по грузинской хроникѣ, переселились съ высотъ Кавказа [67]). Что же касается Касоговъ, то они были, вѣроятно, тождественны съ обывателями Касахіи, лежавшей, по императору Константину [68]), въ сосѣдствѣ Аланіи и города Таматархи на островѣ Тамани. На томъ основаніи, что этотъ городъ, или наша Тмуторокань, данъ былъ Владиміромъ Святымъ въ удѣлъ сыну своему Мстиславу, полагаютъ обыкновенно, что онъ долженъ былъ принадлежать Россіи со временъ Святослава. Такъ какъ послѣдній, въ этомъ случаѣ, легко могъ столкнуться съ Касахами императора Константина, то мы имѣли бы еще свидѣтельство въ пользу мнѣнія касательно ихъ тождества съ Касогами Нестора. Можно однако допустить предположеніе, что Тмуторокань была присоединена къ Россіи не Святославомъ, но сыномъ его, основываясь на томъ, что Владиміръ раздѣлилъ владѣнія свои между сыновьями уже по возвращеніи своемъ изъ Крыма. Изъ современнаго свидѣтельства, отысканнаго Газомъ [69]), мы узнаемъ, что равноапостольный князь тамъ недовольствовался покореніемъ Херсона, но еще овладѣлъ 10-ю другими городами и 50-ю деревнями. Такъ какъ Несторъ могъ имѣть свои причины обойти этотъ

[66]) Исторія Россіи, т. II, стр. 220; сравн. П. С. Р. Лѣтоп. II, стр. 29.

[67]) Note sur l'identité des Ossètes avec les Alains, p. Klaproth, въ Potocki, Voyage dans les steps d'Astrakhan etc. Par. 1829 т. II, pag. 330.

[68]) De adm. imp. c. 425, pag. 181.

[69]) Leonis Diac. Historia, ed. Bonn. p. 502.

фактъ молчаніемъ, то позволено будетъ спросить: не принадлежала ли Тмуторокань къ числу городовъ, завоеванныхъ новообращеннымъ княземъ? Въ случаѣ одобрительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, я спросилъ бы далѣе: не могъ ли Святославъ встрѣтить родичей Касоговъ при Кальміусѣ, когда, по взятію Бѣловежи возвратился въ Кіевъ? Спѣшу представить причины, побудившія меня затронуть здѣсь этотъ смѣлый вопросъ.

Константинъ Багрянородный свидѣтельствуетъ [70]), что часть Кабаровъ, одного изъ колѣнъ хазарскихъ, принуждена была бросить прежнія жилища свои вслѣдствіе несчастной для ней междоусобной войны. Изгнанные Кабары искали убѣжище у Мадьяровъ, обитавшихъ тогда на западномъ берегу Азовскаго моря [71]) и вмѣстѣ съ ними переселившихся въ область Этелькузу, такъ названную по протекавшей въ ней рѣкѣ, въ которой нельзя не узнать Днѣпръ [72]). Изъ этой области оба народа немного спустя отправились далѣе на западъ и окончательно поселились въ Паннонія. Но почему часть переселившихся къ нимъ прежде Кабаровъ не моглабы оставаться въ прежнихъ своихъ жилищахъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, подобно тому, какъ тамъ удержались нѣкоторые изъ мадьярскихъ ихъ товарищей, на языкѣ которыхъ ихъ имя напоминаетъ намъ нашихъ Бродниковъ (vagabonds по мадьярски kobors, Sayous, 19). Если же имѣть въ виду, что земля Черкесовъ Кавказскихъ нынѣ еще называется Кабардою и что у нихъ еще во время Гаджи-Хальфы было 11 кабковъ или князей, изъ коихъ одинъ назывался также Кабарда [73]), то возникаетъ вопросъ: не изъ этого ли колѣна были Черкесы, которые гораздо прежде являются въ странѣ, гдѣ кочевали Кабары Константина Багрянороднаго? Такъ напр. Абдулъ-Гази [74]), говоря о пораженіи, нанесенномъ Русскимъ при Кал-

[70]) De adm. imp. c. 39, стр. 171.

[71]) Sayous, Les origines etc. des Hongrois, 10.

[72]) См. выше «Остр. св. Ееерія».

[73]) Березинъ, Нашествіе Батыя на Россію въ Ж. М. Н. Просв. 1855, Май, стр. 101.

[74]) Арцыбышевъ, 1. 1. кн. II стр. 318, прим. 2000.

кѣ въ 1223 году, замѣчаетъ, что это сраженіе произошло въ землѣ Черкасъ, и еще столѣтіемъ прежде лѣтописцы неоднократно упоминаютъ о Черкесахъ, жилища коихъ должны были находиться въ тѣхъ же мѣстахъ. Правда, что подъ этимъ именемъ подразумѣваются и Черные Клобуки или Каракалпаки [75]). Но такъ какъ къ симъ послѣднимъ причислялись Печенѣги, Торки и Берендѣи, обитавшіе на восточной сторонѣ нижняго Днѣпра, то мы имѣли бы новое доказательство, что въ ихъ сосѣдствѣ находились Черкесы. Намъ пришлось бы только къ нимъ примѣнить слѣдующія слова Березина [76]): «Нынѣшніе Каракалпаки, обитающіе по высотамъ Устъ-юрта, прибрежью Азовскаго моря (Аральскаго озера?) и въ Волжскомъ низовьѣ, разсказываютъ о своемъ происхожденіи слѣдующимъ образомъ: мы Каракалпаки; жили мы въ Бухарской степи, кочевали съ Карсаками (такъ называютъ въ волжскомъ низовьѣ Киргизовъ) Китайскими, и сами стали Карсаками Каракалпакскаго рода. Въ этихъ словахъ заключается общая исторія Тюркскихъ и Монгольскимъ племенъ, въ смѣшеніи утрачивающихъ свое родовое названіе и принимающихъ чужое; такимъ образомъ и Каракалпаки, жившіе у Черкесовъ, назывались Черкесами».

Уже д'Авзакъ указалъ [77]) на странность неожиданныхъ отношеній между Черкесами и Киргизами. Только что приведенныя слова Березина показываютъ между ними еще то сходство, что каждый изъ этихъ народовъ передалъ свое имя Каракалпакамъ.

Что же касается позднѣйшихъ Черкасовъ Азовскихъ, то они безъ сомнѣнія были въ близкихъ сношеніяхъ съ такъ называемыми Бродниками, въ коихъ Арцыбышевъ [78]) угадалъ предковъ Донскихъ казаковъ. По крайней мѣрѣ мы узнаемъ

[75]) Карамзинъ, l. l. кн. II, прим. 218.
[76]) Въ приведенной статьѣ стр. 106.
[77]) Relation des Mongoles, par. J. Plan du Carpin, P. 1844.
[78]) Повѣствованіе о Россіи, I стр. 102 прим. 666.

изъ лѣтописей, (въ коихъ въ первый разъ говорится о Бродникахъ подъ 1147 годомъ, какъ о союзникахъ Святослава Олеговича), что Русскіе съ ними встрѣтились въ 1223-мъ году предъ сраженіемъ при Калкѣ[79]), стало быть въ землѣ Черкасовъ Абуль-Гази, откуда вскорѣ спустя многіе изъ нихъ, вмѣстѣ съ Половцами, перебрались къ Дунаю. Это явствуетъ, какъ недавно доказалъ г. Успенскій[80]), изъ слѣдующаго отрывка изъ письма венгерскаго короля Белы къ папѣ Иннокентію IV, 1254-го года. «Cum regnum Hungarie per pestem Tartharorum pro majori parte in solitudinem sit redactum, et quasi ovile sepibus sit diversis infidelium generibus circumseptum, utpote Ruthenorum, Brodnicorum a parte orientis; Bulgarorum et Boznensium hereticorum a parte meridiei etc.»[81]).

Еще въ 1227-мъ году папа Григорій IX поручилъ архіепископу Гранскому заботиться о распространеніи христіанства «in Cumania et Brodnic, terra illa vicina de cujus gentis conversione speratur»[82]), тогда какъ начальникъ нашихъ Бродниковъ Плоскиня цѣловалъ крестъ еще въ 1223-мъ году осажденному князю Мстиславу Кіевскому съ товарищами, даровать имъ свободу за выкупъ[83]). Хотя Плоскиня потомъ измѣнилъ своей клятвѣ, тѣмъ не менѣе видно, что онъ уже былъ христіаниномъ, разумѣется только для формы. Поелику же православіе должно было имѣть и искреннихъ послѣдователей, между его подданными, между тѣмъ какъ намѣстники св. Петра, въ своей нетерпимости, могли почитать «невѣрными» всѣхъ акатоликовъ, то нѣтъ причины усомниться въ родствѣ нашихъ Бродниковъ съ тѣми, которыхъ папы старались принять въ лоно римской церкви, тѣмъ болѣе что на основа-

---

[79]) Ibid. прим. 2017.

[80]) Образованіе втораго Болгарскаго царства. Одесса, 1879 стр. 035 съ слѣд.

[81]) Theiner, Vetera Monumenta historiam Hungariae illustrantia. Romae 1859, I, стр. 230.

[82]) Ibid. стр. 86.

[83]) Арцыбышевъ въ прив. соч. прим. 2017.

ніи свидѣтельства странствовавшаго монаха Рубруквиса[84]), между первыми находилось тогда уже много Русскихъ.

Къ русскимъ или по крайней мѣрѣ уже обрусѣвшимъ Бродникамъ могутъ быть отнесены казаки, поселившіеся въ Ахматовыхъ слободахъ, въ области Курской, а потомъ бѣжавшіе оттуда къ баскаку Ахмату въ Каневъ, въ сосѣдствѣ коего они основали, въ 1282-мъ году, городъ Черкасскъ на Днѣпрѣ. По мнѣнію Карамзина[85]) это извѣстіе есть смѣлая выдумка Татищева и Болтина; но мнѣ кажется, что ошибка ихъ состоитъ развѣ въ томъ, что они Азовскихъ Черкесовъ приняли за Черкесовъ Пятигорскихъ. Первые по крайней мѣрѣ могли весьма легко быть переселены въ Курскъ Ахматомъ, другомъ Ногая, который, бывъ прежде воеводою ханскимъ, тогда уже единовластно господствовалъ отъ степей Слободской Украйны и Екатеринославской губерніи до береговъ Чернаго моря[86]), успѣвши склонить на свою сторону туземцевъ: Алановъ, Зиховъ (Черкесовъ), Готовъ и Русскихъ[87]).

Потомками тѣхъ же Бродниковъ были вѣроятно Черкесы, съ которыми боролся Барбаро въ трехъ миляхъ отъ Таны[88]), равно какъ и Азовскіе казаки, о коихъ упоминается еще подъ 1499-мъ годомъ, какъ о союзникахъ хана Крымскаго[89]), и на коихъ еще въ 1516-мъ году жаловался царь Василій Іоанновичъ султану, ихъ верховному владѣтелю[90]). Вскорѣ однако казаки, болѣе и болѣе смѣшавшись съ обитавшими въ ихъ сосѣдствѣ съ давнихъ поръ Русскими, переходятъ подъ власть Россіи, строятъ крѣпости на Дону, въ томъ числѣ другой Черкасскъ[91]) и превращаются, наконецъ въ Донскихъ казаковъ. Признавая тождество сихъ послѣднихъ съ прежними ка-

---

[84]) Recueil de Voyages et de Mémoires de la Société de Géographie de Paris, T. IV, p. 242; ср. Карамзинъ, Ист. Г. Р. Т. II; прим. 302.

[85]) Ibid T. IV, прим. 167.

[86]) Ibid. стр. 79.

[87]) G. Pachymeris Hist., V, 4.

[88]) Библіотека иностр. писат. о Россіи С. П. 1836, т. I, 1 стр. 29.

[89]) Карамзинъ l. l. VI, прим. 495.

[90]) Ibid. VII. прим. 136.

[91]) Ibid, VIII, прим. 253.

заками Азовскими, Карамзинъ[92]) думаетъ, что послѣдніе были бѣглецами Россійскими, но доставивъ себѣ женъ изъ земли Черкесской, могли сими браками сообщить дѣтямъ нѣчто азіатское въ наружности. Но для объясненія азіатскаго характера, отличающаго позднѣйшихъ Донскихъ казаковъ отъ другихъ Русскихъ, мнѣ кажется естественнѣе допустить, что первые не сочетались съ Черкешенками, недоступными для нихъ въ своихъ горахъ, но смѣшались съ Черкесами Азовскими, съ которыми ихъ соединялъ удобный водяной путь, и въ послѣдствіи ими неоднократно избираемый для выѣздовъ на морскіе поиски. Ибо устье Дона, такъ какъ и Днѣпровскій лиманъ, охранялось турецкою стражею, а въ добавокъ къ тому близъ Азова чрезъ рѣку протянуты были цѣпи. Удальцы, поднявшись вверхъ по Донцу, переводили челны свои на Міусъ и сею рѣкою выходили въ море[93]).

Къ востоку отъ этой рѣки, въ окрестностяхъ нынѣшняго Таганрога, морскія карты XIV-го и XV-го столѣтій ставятъ имя *cabardi*. Это имя, напомнившее графу Потоцкому[94]) Кабаровъ Константина Порфиророднаго, придаетъ еще болѣе вѣса мнѣнію, что послѣдніе были Черкесы. Дѣйствительно, императоръ, не опредѣляя мѣстности, откуда переселились его Кабары, не мѣшаетъ намъ предположить, что они пришли изъ Кабарды на Кавказѣ, или же съ береговъ рѣки Кабарды въ Крыму, куда, по древнему преданію, предки князей Кабардинскихъ переселились изъ Аравіи[95]). Достовѣрно можно сказать, что и нынѣ еще въ Крыму видны развалины замка, названнаго Черкесъ-Кермень, между тѣмъ какъ область, заключенная между рѣками Качею и Бельбекомъ, верхнее теченіе коего названо Кабарда, извѣстна была еще недавно подъ именемъ Черкесъ-ташъ, или равниною Черкесовъ[96]). Область эта, по-

---

[92]) Ibid. VIII, стр. 86.

[93]) Бопланъ, Опис. Украины, стр. 154.

[94]) Voyage dans les steps d'Astrakhan; II, стр. 367.

[95]) Ibid. I, стр. 155; ср. Defrémery, Fragments de géogr. et d'historiens arabes et persans inédits, Paris, 1849, стр. 233.

[96]) Potocki, l. l. I, стр. 158, прим. Клапрота.

добно землѣ Черкесовъ кавказскихъ, была подвластна Хазарамъ въ то время, когда Кабары переселились на западный берегъ Азовскаго моря, между тѣмъ какъ земляки ихъ оставались въ прежнихъ своихъ жилищахъ, гдѣ они легко могли столкнуться съ Мстиславомъ Владиміровичемъ.

Въ пользу мнѣнія, что Касоги или Черкесы, съ которыми онъ боролся, принадлежали къ колѣну Кабаровъ, могло-бы служить то обстоятельство, что извѣстный бояринъ *Хабаръ* Симскій велъ свой родъ отъ Редеди, князя Касоговъ, побѣжденнаго княземъ Тмутороканскимъ [97]).

Но, скажутъ мнѣ вѣроятно, императоръ Константинъ прямо говоритъ, что Кабары не только были подвластны Хазарамъ, но что они сами были Хазары. На это возраженіе я могъ бы отвѣчать, спрашивая въ свою очередь: развѣ Черкесы не могли принадлежать къ числу колѣнъ хазарскихъ? Для оправданія сего вопроса я сказалъ бы, что ученые донынѣ расходятся въ мнѣніяхъ касательно происхожденія Хазаръ, но что, во всякомъ случаѣ, различали между ними въ X-мъ вѣкѣ два рода: одни, названные Кара-Джуръ (Хазары) были цвѣта столь смуглаго, что казались черными; другіе были бѣлы, прекрасны и стройны [98]). Если положить, что послѣдніе были Черкесы, то объяснилось бы, почему хазарскіе цари, до перенесенія своей столицы въ городъ Итиль на Волгѣ, имѣли свою резиденцію въ Беленджерѣ, лежавшемъ, какъ думаютъ, между Волгою и Кавказомъ, при входѣ въ ущелье, на сѣверной сторонѣ сихъ горъ [99]). Также объяснилось бы, на какомъ основаніи Гаджи-Хальфа [100]) могъ сказать, что нѣкоторые обычаи Черкесовъ сходны были съ еврейскими, и что ихъ самихъ считали потомками трехъ колѣнъ Израильтянъ, поселившихся въ ихъ странѣ. Наконецъ мы узнали бы причину, почему у казаковъ могло сохраниться

[97]) Карамз. l. l. VII, прим. 224.

[98]) Mordtmann, l. l. стр. 105.

[99]) Reinaud, Géographie d'Aboulféda II, p. 326, примѣч. 2.

[100]) См. привед. статью Березина, въ Ж. М. Н. П., Май, 1855, стр. 100.

преданіе, что они прежде назывались Хазарами[101]), тогда какъ не подлежитъ сомнѣнію, что они обязаны, если не происхожденіемъ, то по крайней мѣрѣ именемъ, Черкесамъ, коихъ нынѣ еще Осетинцы и Мингрельцы называютъ Казаками[102]), и въ коихъ нельзя не узнать потомковъ обитателей Касахіи императора Константина, Кешеховъ арабскихъ писателей и Касоговъ Нестора.

Утвердившись въ сосѣдствѣ сихъ послѣднихъ, Русскіе еще гораздо болѣе прежняго должны были дорожить Азовскимъ моремъ, представлявшимъ имъ гораздо кратчайшій и удобнѣйшій путь изъ Тмуторокани въ Кіевъ, нежели Черное море съ Днѣпромъ. Если-же, въ суровое зимнее время, оба моря были недоступны для нашихъ предковъ, то они все еще могли сообщаться съ дальнею своею колоніею посредствомъ Арабатской стрѣлки, которую имѣлъ въ виду раввинъ Петахія, когда онъ, въ описаніи своего путешествія изъ Кіева въ Хазарію (въ 1175-мъ году), говоритъ, что за Днѣпромъ путь его пролегалъ между двумя озерами или морями, изъ коихъ одно (Гнилое море или Сивашъ) далеко распространяло мефитическій запахъ, который даже могъ причинить внезапную смерть, если вѣтеръ дулъ съ этого озера[103]).

Обстоятельство, пугавшее странствующаго еврея, безъ сомнѣнія, не могло мѣшать Русскимъ слѣдовать симъ же путемъ въ случаѣ надобности. Такая едва-ли не представлялась для Мстислава, когда онъ, въ 1023-мъ году, отправился изъ Тмуторокани противъ Ярослава съ *Хазарами и Касогами*, составлявшими вѣроятно его конницу. Должно думать по этому, что она выступила въ походъ по Арабатской стрѣлкѣ, и что князь охотнѣе довѣрялъ ладьи съ своею дружиною Азовскому морю, нежели Черному, чтобы не раздѣлять свои силы. Извѣстно, что вслѣдствіе договора Городецкаго, заключеннаго между обоими братьями въ 1025-мъ году, Тмуторокан-

---

[101]) Маркевичъ, Ист. Малороссіи, М. 1842, IV 316, сравн. Ист. о Казакахъ Запорожскихъ. Одесса, 1832 стр. 3.

[102]) D'Ohsson, Des peuples du Caucase. p. 185.

[103]) Lelewel, Géogr. du Moyen-âge, III и IV, 202.

ская область осталась въ связи съ Черниговскимъ княжествомъ, лежавшимъ на восточной сторонѣ Днѣпра. Посему самому не удивительно, что звеномъ соединившимъ область съ княжествомъ, было не Черное море, но Азовское, съ тѣмъ только различіемъ противъ прежняго, что туда Русскимъ удобнѣе было отправляться уже не Самарою и Кальміусомъ, но внизъ по Донцу до того мѣста, гдѣ изъ него въ послѣдствіи Донскіе казаки переносили свои ладьи на Міусъ, какъ выше было замѣчено. На то, что дѣйствительно этимъ путемъ нѣкогда отправлялись въ Тмуторокань, намѣкаютъ слѣдующія слова поэта, столь изящно описавшаго злосчастный походъ Сѣверскихъ князей внизъ по Донцу: «Се бо два сокола слетѣша съ отня стола злата, поискати града Тмутороканя» [104]).

Подобно сему граду, лежавшій на противуположной сторонѣ пролива городъ Корчевъ, или нынѣшняя Керчь, принадлежалъ, вѣроятно, къ числу городовъ Тавриды, присоединенныхъ къ Россіи Владиміромъ Великимъ. Въ противномъ случаѣ царица Анна не отправилась бы моремъ изъ Херсона въ Корчевъ, какъ сказано въ легендѣ, въ которой, по весьма правдоподобному мнѣнію г. Куника [105]), имя супруги равноапостольнаго князя соединено ошибочно съ описаніемъ чуда, совершившагося въ Амастридѣ и перенесеннаго также ошибочно въ Крымъ. Что городъ Керчь дѣйствительно принадлежалъ Русскимъ въ 1068-мъ году, тому служитъ доказательствомъ извѣстная надпись на мраморномъ камнѣ, найденномъ въ 1792 году въ Тамани: «въ лѣто 6576, индикта 6, Глѣбъ князь мѣрилъ море по леду отъ Тмутороканя до Крчева 10,000 и 4,000 сажень» [106]). Впрочемъ кажется, что Русскіе еще владѣли первымъ городомъ, когда у нихъ уже была отнята Керчь (Половцами). Ибо мы узнаемъ отъ Эдриси, что Матрахи, явно соотвѣтствовавшая нашей Тмуторокани, отстояла въ двадцать миль (арабскихъ) отъ устья

[104]) Русск. Историч. Сборникъ, III стр. 117.

[105]) Die Berufung der Schwedischen Rodsen, II, 343 seq.

[106]) Буткова, Изсл. о Тмуторокани, въ извѣстіяхъ Археолог. Общества. II, стр. 280.

Русской рѣки и что ея жители весьма храбрые постоянно воевали съ жителями Русскаго города, лежавшаго въ 27-ми миляхъ отъ Матрахи, при устьѣ Русской рѣки [107]). Ясно, что Эдриси здѣсь подъ устьемъ Русской рѣки разумѣлъ Керченскій проливъ, а не устье Дона въ Азовское море, какъ полагаетъ французскій переводчикъ Абуль-Феды, а по сему самому ошибочно перемѣщаетъ Русскій городъ Эдриси изъ Керчи въ Азовъ [108]).

Мнѣніе это г. Гейдъ, въ прекрасной статьѣ о колоніяхъ итальянскихъ въ Византійской имперіи [109]), надѣялся утвердить тѣмъ, что на морскихъ картахъ XIV столѣтія отмѣчено въ окрестностяхъ нынѣшняго Азова: casal de rossi. Ибо это селеніе, будучи основано, по свидѣтельству Рубруквиса, русскими людьми по приказанію Батыя и Сартака [110]), не можетъ служить доказательствомъ, что на томъ-же самомъ мѣстѣ находился Русскій городъ Эдриси, признанный г. Гейдомъ тождественнымъ съ городомъ Россія (rossia), къ которому (равно какъ и къ Матерхи) Генуэзцы обязались не приставать по договору, заключенному съ Греками въ 1170-мъ году.

Справедливость требуетъ здѣсь замѣтить, что г. Гейдъ [111]) теперь уже отказывается отъ прежде имъ признаннаго тождества «русской» деревни Рубриквиса съ «casal de Rossi» италь-

---

[107]) Jaubert. Géographie d'Edrisi. Par. 1836, II стр. 401. Здѣсь переводчикъ, послѣ словъ: De Rossia à la ville de Bouter, 20 milles, прибавляетъ отъ себя: Notre auteur ajoute, sans doute par erreur, qu'il a déjà été question de ce lieu ainsi que du précédent. Но здѣсь ошибается не авторъ, но его переводчикъ, потому что самъ, на стр. 395, говоритъ отъ имени перваго: De Soldadia à Boutra. 20 milles; de Boutra à l'embouchure du fleuve de Russie 20 milles. De cette embouchure à Matrakha, 20 milles. Растояніе Матрахи дѣйствительно долженствовало быть меньше отъ устья Русской рѣки, нежели отъ города, лежавшаго на противоположной сторонѣ сего устья.

[108]) Reinaud, Géogr. d'Aboulféda, II, 320 примѣч. 3.

[109]) Die Anfänge der italienischen Handelscolonien im byzantinischen Reich, въ Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft. Tübingen, 1858 XIV, 695.

[110]) Recueil de Voyages et de Mémoires, IV. pag. 249: In illo loco (выше дельты Дона) fecerunt Baatu et Sartach fieri quoddam casale de Rutenis in ripa orientali. qui transferunt nuncios et mercatores cum naviculis.

[111]) Heyd, Gesch. des Levanthandels im M. A, 1879 стр. 228.

янскихъ картъ и въ тоже время готовъ допустить, что въ своемъ декретѣ 1170 года императоръ Манулъ подъ словомъ «Ῥωσία» вовсе не разумѣлъ городъ, но страну, «Land der Russen». Въ предположенное же мною тождество города Russia арабскаго географа съ Керчью онъ не хочетъ вѣрить, на томъ основаніи, что городъ этотъ, принадлежавшій явно, вопреки мнѣнію Гейда, Русскимъ въ XI вѣкѣ (см. выше стр. 197), никогда не означался ихъ именемъ ни прежде, ни послѣ временъ Эдриси, и что послѣдній только по какому нибудь недоумѣнію примѣнилъ къ окрестностямъ Керчи названіе *Русской рѣки*, устьемъ которой онъ дѣйствительно считалъ Керченскій проливъ.

Кажется однако, что не одинъ только Эдриси къ лежащему на западной сторонѣ Воспора Киммерійскаго городу примѣнилъ названіе Русскаго. По крайней мѣрѣ достопочтенный библіотекарь Штутгартскій мнѣ позволитъ искать на мѣстѣ древняго Пантикапеона тотъ Русскій городъ, который, по Ибнъ-Саиду, лежалъ къ западу отъ озера Тумы или Терми, какъ его называетъ Эдриси. Не сомнѣваясь, что подъ этими именами разумѣется одно и тоже озеро, французскій переводчикъ Абульфеды считаетъ его, подобно Лелевелю [112]), за вымыселъ восточной фантазіи, не подозрѣвая, что въ обоихъ именахъ скрывается итальянское названіе Азовскаго моря: lago di Tana, какъ еще предполагалъ Френъ [113]). Согласно съ этимъ названіемъ Рубруквисъ (l. l. стр. 216) могъ сказать: Cassaria cingitur ad orientem mari Tanais, а не Maritandis или Maricandis, какъ думаетъ д'Авзакъ. Что дѣйствительно озеро Терми должно было совпадать съ лиманомъ Танаиса, явствуетъ между прочимъ изъ того, что первое, по Эдриси [114]) имѣло въ длину 300 миль при ширинѣ 100 миль, и что такова именно была величина Меотійскаго озера, по измѣренію Масуди [115]). Правда, по словамъ Ибнъ-Саида, озеро Тума

[112]) Géographie du Moyen âge, III и IV стр. 183; Géogr. d'Aboulféda II, стр. 289.

[113]) Ibn-Foszlans und and. Araber Berichte, стр. 31, прим. 2.

[114]) Jaubert, Géogr, d'Edrisi, II, стр. 405.

[115]) Reinaud, Géogr. d'Aboulféda, I p. CCLXXXVII.

вышло бы въ двое болѣе; но эта разница не заставляетъ меня усомниться въ тождествѣ того озера съ Азовскимъ моремъ, подобно тому какъ оно не мѣшало помянутымъ ученымъ видѣть въ первомъ озеро Терми Эдриси. Вѣроятно ихъ къ тому побудило замѣченное ими сходство подробностей, сообщенныхъ Эдриси касательно острова, находящагося въ озерѣ Терми, съ тѣми, которыя Ибнъ-Саидъ относитъ къ острову же, омываемому озеромъ Тума.

Вотъ что говоритъ Эдриси: «Множество рѣкъ вытекаютъ изъ горъ (въ Россіи) и теряются въ озерѣ Терми, весьма значительномъ, среди котораго есть высокая гора, въ которой водятся дикія животныя, называемыя фебръ. Большая часть сего озера зависитъ, съ восточной стороны, отъ Команіи» [116]).

Въ свою очередь Ибнъ-Саидъ выражается слѣдующимъ образомъ: «Въ серединѣ озера (Тумы) есть островъ Бебръ, имѣющій около 150-ти миль въ длину и 70-ти въ ширину. Тамъ на высокой горѣ находится замокъ Манія (Мангупъ?). Нѣкогда онъ служилъ хранилищемъ для сокровищъ султана Туманіевъ. Нынѣ-же въ немъ хранятся сокровища преемниковъ Берке. Островъ этотъ названъ Бебръ, по барсамъ, которые тамъ водятся. Это животное, похожее на льва, силою и... походитъ на леопарда. Говорятъ, что барсъ происходитъ изъ ихъ смѣшенія. Озеро Тума принимаетъ множество рѣкъ; по Бейгеки ихъ число доходитъ до ста» [117]).

Подобно Френу [118]), Лелевель [119]) убѣжденъ въ томъ, что имя фебръ, или бебръ, заимствовано отъ Славянъ и означаетъ здѣсь бобра. Но оба знаменитые оріенталисты не догадываются, на какой горѣ или на какомъ островѣ это животное было отыскано арабскими географами. Если-же имѣть въ виду, что ихъ соотечественники однимъ и тѣмъ-же словомъ (джезира) означаютъ островъ и полуостровъ, то можно сказать положи-

---

[116]) Jaubert, l. l II стр. 434.
[117]) Reinaud, l. l. II стр. 322.
[118]) Ibn-Foszlans Berichte etc. стр. 57.
[119]) Géogr. du M. âge, III и IV стр. 183.

тельно, что они здѣсь говорятъ о полуостровѣ Таврическомъ, гдѣ на горахъ нынѣ еще встрѣчаются дикія козы и гдѣ въ старину, скорѣй могли водиться бобры, чѣмъ львы и барсы, о коихъ разсказываетъ Ибнъ-Саидъ, которому въ этомъ случаѣ г. Рено напрасно довѣряетъ на томъ основаніи, что царскій тигръ нынѣ еще попадается въ Сибири.

Что дѣйствительно съ горою Ибнъ-Саида, равно какъ и съ островомъ Эдриси, соединяются понятія, хотя не ясныя, о Крымѣ, въ томъ убѣждаетъ меня еще болѣе то, что оба писателя вовсе не упоминаютъ объ этомъ краѣ въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій, между тѣмъ какъ на картѣ Эдриси нѣтъ вовсе другихъ слѣдовъ Азовскаго моря и Крыма, такъ что имена разныхъ мѣстностей южнаго его берега въ ней отмѣчены прямо на сѣверномъ берегу Чернаго моря, до самаго устья Русской рѣки.

Если-же Эдриси устьемъ сей рѣки считалъ Керченскій проливъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, будто бы верхняя часть ея должна была непрѣменно совпадать съ Дономъ, какъ обыкновенно думаютъ. Лелевель въ своемъ сочиненіи не отклоняется отъ сего мнѣнія, но тѣмъ не менѣе въ портуланѣ[120]) произносится въ пользу тождества Русской рѣки Эдриси съ Міусомъ.

Что по воззрѣніямъ арабскаго географа верхняя часть Русской рѣки не могла совпадать съ Дономъ, видно изъ того, что онъ, подобно другимъ арабскимъ авторамъ, считалъ Донъ западнымъ рукавомъ Волги или Итиля.

Подъ Русскою же рѣкою онъ долженъ былъ разумѣть уже не Міусъ, но Кальміусъ, такъ какъ другъ Рожера Сицилійскаго легко могъ получить отъ нормандійскихъ его сподвижниковъ обстоятельныя свѣдѣнія о пути, которымъ родичи ихъ предковъ отправлялись изъ Кіева въ Азовское море. Кажется, что по сей именно причинѣ это море, которое Эдриси, по

[120]) Atlas de la Géogr. du M. âge.

другимъ источникамъ, превращаетъ въ озеро Терми, въ одномъ мѣстѣ его сочиненія названо Русскимъ моремъ. Ибо не къ Черному, но къ Азовскому морю относится его замѣтка, что растояніе между Русскимъ моремъ и Трапезунтомъ составляло пять дней пути, равняющимся 500 арабскимъ милямъ, или около 800 нашихъ верстъ[121]). По симъ же причинамъ, замѣчаніе его, что Днѣпръ протекалъ къ востоку отъ озера Терми, заставляетъ думать, что онъ рукавомъ Днѣпра считалъ Кальміусъ, или Русскую рѣку, которую также, вѣроятно, имѣлъ въ виду Ибнъ-Саидъ, когда говоритъ, что Днѣпръ протекалъ чрезъ озеро Тума[122]).

Можетъ быть подобныя же понятія побудили Нестора сказать, что Днѣпръ изливался тремя устьями въ Русское море[123]), подъ которымъ онъ разумѣлъ не только море Черное, но также Азовское, вовсе имъ не упомянутое отдѣльно. До сказанныхъ трехъ устьевъ доходили можетъ быть извѣстные по лѣтописямъ водяные пути: греческій, соляный и залозный[124]). Никто не сомнѣвается въ томъ, что «греческій путь», подробно описанный еще Несторомъ, велъ изъ Кіева внизъ по Днѣпру до устья сей рѣки и потомъ далѣе Чернымъ моремъ въ Грецію. Но за то ученые наши различнымъ образомъ стараются объяснить значеніе словъ «соляный и залозный», или «солоны и залозы», какъ читается въ иныхъ спискахъ. По мнѣнію Карамзина Солоны и Залозы были мѣста по Днѣпру на югъ отъ Кіева[125]). Арцыбышевъ напротивъ того, полагая что «залозами» ошибочно названы суда, приплывшія изъ за-Олешья, думаетъ, что «солоны» значатъ барки съ солью, приходившія изъ крымскихъ солончаковъ, куда по приведенному имъ свидѣтельству Рубруквиса ѣздили за солью отвсюду изъ Россіи[126]).

---

[121]) Jaubert, etc. II, 394.

[122]) Reinaud, l. l. 288 прим. 2.

[123]) Полн. Собр. Р. Лѣт. I стр. 3.

[124]) Ibid. II. стр. 97.

[125]) И. Г. Р. II. прим. 419.

[126]) Повѣств. о Россіи, II, прим. 1146.

«Пріѣзжаютъ», продолжаетъ посланникъ Святаго Людовика, «не только сухимъ путемъ, но на судахъ»[127]). Но покуда не докажутъ, что у Русскихъ были тогда особаго рода барки, названныя солонами, мнѣ кажется проще держаться мнѣнія, что путь этотъ названъ солянымъ потому, что велъ къ солончакамъ, откуда Русскіе брали соль, и къ которымъ могли принадлежать не только Перекопскія, или такъ называемыя *Внѣшнія* соляныя озера, но и лежащія *внѣ* Таврическаго полустрова Геническія и Бердянскія. Нельзя будетъ отрицать, что кратчайшій путь, которымъ лодки съ солью могли быть отправляемы изъ этихъ озеръ въ Русь, пролегалъ чрезъ Молочну, а оттуда волокомъ въ Московку, притокъ Днѣпра, вышедшій, по Мышецкому, изъ степи близъ Молочныхъ водъ[128]). Но такъ какъ симъ путемъ Русскіе всетаки не миновали-бы Пороговъ, то мнѣ кажется, что соляный путь велъ изъ сказанныхъ озеръ въ Кальміусъ, а оттуда *волокомъ* по долинамъ его притока Солоной и другой рѣчки того-же имени, изливающейся въ Волчью-воду[129]).

Чтоже касается третьяго пути, то онъ, по мнѣнію, впервые высказанному г. Ламанскимъ[130]), велъ на Кавказъ, между тѣмъ какъ г. Соловьевъ[131]), отвергая вышеприведенное мнѣніе Арцыбышева, подобно Карамзину, ищетъ «залозы» при нижнемъ Днѣпрѣ. По его мнѣнію это слово, или залозы, означало покрытый тростникомъ или лозами берегъ сей рѣки, гдѣ Русскіе ловили рыбу и потомъ въ извѣстное время поднимались съ нею вверхъ по Днѣпру; «иначе», замѣчаетъ онъ, «трудно будетъ отыскать еще какой-нибудь третій путь по Днѣпру, кромѣ торговаго греческаго и потомъ солянаго изъ Крыму». Но почему же этотъ путь непремѣнно долженъ былъ пролегать *весь* по Днѣпру и не могъ вести изъ него въ ка-

---

[127]) Recueil de Voyages etc. IV, 219.

[128]) Ист. о Казакахъ Запор. стр. 60.

[129]) Зап. Одесск. Общ. III стр. 291 и IV стр. 360.

[130]) О Славянахъ въ Малой Азіи и проч. стр. 68 прим 1.

[131]) Ист. Росс. съ древн. вр. I прим. 312.

кую-либо другую рѣку, напр. въ Бѣлозерку[132]) и оттуда волокомъ въ Каланчакъ, изливающійся въ Перекопскій заливъ, гдѣ Русскіе столь же хорошо могли заниматься рыбною ловлею, какъ у покрытаго тростникомъ или лозами берега Днѣпра. Отмѣченныя на итальянскихъ картахъ имена Варанголимена и Россофаръ[133]) свидѣтельствуютъ, что заливъ этотъ былъ посѣщаемъ Варягороссами, между тѣмъ какъ путь, которымъ они туда отправлялись узнается изъ имени isola rossa, которое на тѣхъ же картахъ носитъ нынѣшній островъ Карабай, лежащій предъ устьемъ Каланчака. Залознымъ путь этотъ могъ быть названъ потому, что пролегалъ за лозами долины Днѣпра.

Мнѣніе здѣсь изложенное не покажется слишкомъ смѣлымъ, если взять во вниманіе, что на генуэзской картѣ 1447 года[134]) Днѣпръ изображенъ еще изливающимся однимъ рукавомъ въ Черное море, а другимъ въ Азовское, тогда какъ въ другихъ картахъ XIV и XV столѣтій на западномъ берегу сего моря читается приписка: rosso или fl. rosso. По мнѣнію графа Потоцкаго[135]), это имя означало рѣку Кальміусъ, вмѣсто котораго всѣ почти новѣйшіе изслѣдователи (Тетбу de Мариньи, Чертковъ, Лелевель, Де-ла-Примодэ и др.) ставятъ Міусъ. Но такъ какъ никто изъ нихъ не говоритъ о причинахъ, побудившихъ ихъ отклониться отъ мнѣнія ученаго графа, между тѣмъ какъ нельзя безусловно положиться на точность средневѣковыхъ картъ, то намъ позволено будетъ держаться мнѣнія графа, тѣмъ болѣе, что fl. rosso Итальянцевъ, вѣроятно, совпадалъ съ Русскою рѣкою Эдриси, признаваемою нами тождественною съ Кальміусомъ.

Къ востоку отъ fl. rosso слѣдуетъ на картѣ 1408 года «passiuci», превращенное на картѣ 1436 года въ pasque; за

---

132) См. Мышецкій, Ист. о Казак. Запор.

133) См. выше: Берегъ Чернаго моря и пр.

134) Nachtrag zum VI und VII J. B. des Vereins für Erdkunde zu Dresden; ср. Lelewel, Epilogue etc

135) Mém. sur un nouveau périple du P. E., въ Voyage dans les steps d'Astrakhan, изд. Клапрота, II, 367.

тѣмъ слѣдуетъ на всѣхъ картахъ имена рарасоmi или рарocomo, lo cachi, съ варіантами: lo chichi и locaq и pallastra или palastra. По свидѣтельству Барбаро[138]) мѣстность означавшаяся послѣднимъ названіемъ находилась въ 120 миляхъ отъ Таны или Азова, вверхъ по Дону, стало быть въ окрестностяхъ Стараго Черкасска, гдѣ по мнѣнію Карамзина (VII, 139; изд. Эйнерлинга) долженъ былъ находиться и Герберштейновъ городъ Ахасъ.

Если же направимся къ западу отъ Стараго Черкасска въ прямомъ протяженіи 120-ти миль (итальянскихъ), то дойдемъ до окрестностей Маріуполя, въ сосѣдствѣ котораго до нынѣ сохранились развалины, означающіе, какъ думаютъ, мѣсто гдѣ находился нѣкогда казацкій городъ Домаха или Адамаха[139]). По картѣ Риччи Цаннони здѣсь же находился въ послѣдствіи городъ Бѣлосарай, по которому и близлежащая коса была названа Бѣлосарайскою.

По свидѣтельству Тетбу[140]) коса эта нынѣ еще извѣстна итальянскимъ и греческимъ морякамъ подъ названіемъ Болестра, явно тождественнымъ съ именемъ palastra прежнихъ морскихъ картъ, чѣмъ и доказывается, что имя сіе есть ничто иное, какъ исковерканное иностранными моряками туземное названіе Бѣлосарайской косы.

Если-же, какъ должно думать, въ отмѣченномъ между косою и рѣкою «locachi» намъ представлялось бы имя города, то подтвердилось бы мнѣніе Ламанскаго[141]), что Френъ ошибся, полагая будто-бы Ибнъ-Батута имѣлъ въ виду городъ *Окакъ* или Укекъ на Волгѣ, когда говоритъ о городѣ сего имени, въ который онъ заѣхалъ въ своемъ путешествіи изъ Астрахани въ Судакъ, и который, по его словамъ, находился на разстояніи 10-ти дневнаго пути, какъ отъ послѣд-

---

[138]) Библіот. иностр. писат. о Россіи, I, 1 14 и 21.
[139]) Зап. Одесск. Общ. I, 201; ср. III, 293.
[140]) Pilote de la mer Noire, 1859, стр. 112.
[141]) О Славянахъ въ М. Азіи, 80 и зам. 89.

няго города, такъ и отъ Сарая[142]). Дѣйствительно, этотъ городъ Окакъ находился бы на серединѣ разстоянія между Сараемъ и Судакомъ, если-бы онъ занималъ то мѣсто, гдѣ на итальянскихъ картахъ отмѣчено имя Io cacHi или Iocaq, вмѣсто котораго мы по аналогіи съ многими другими именами, имѣли бы полное право читать l'OcacHi или l'Ocaq. Въ пользу мнѣнія, что здѣсь именно находился городъ Окакъ, чрезъ который проѣзжалъ Ибнъ-Батута, можетъ служить и то обстоятельство, что этотъ городъ находился на растояніи дневнаго пути отъ Русскихъ горъ[143]), и что арабскій путешественникъ легко могъ разумѣть подъ этимъ именемъ ту мѣстность, откуда вытекала Русская рѣка, изливавшаяся въ море не въ дальнемъ разстояніи отъ мѣста, названнаго современными съ нимъ Итальянцами Iocachi или Iocaq. По сему самому не могу не признать справедливымъ мнѣніе г. Ламанскаго, что Русскія горы, которыя имѣлъ въ виду Ибнъ-Батута, не могли быть Змѣиныя, но были—Донецкій кряжъ[144]). Съ другой стороны я не могъ убѣдиться въ томъ, будтобы въ этомъ кряжѣ тогда находились серебряные рудники, какъ старался показать г. Ламанскій. Попытку эту я считаю даже лишнею для оправданія словъ Ибнъ-Батуты. Изъ приведеннаго самимъ г. Ламанскимъ мѣста изъ французскаго перевода его сочиненія видно, что онъ вовсе не хотѣлъ сказать, что въ этихъ именно горахъ находились серебряные рудники. Упомянувъ сначала о горахъ Русскихъ, Батута переходитъ къ описанію характера и наружности нашихъ предковъ, не слишкомъ для нихъ лестному, а потомъ уже говоритъ, что у нихъ имѣются серебряные рудники. Стало быть они могли находиться и въ другихъ мѣстахъ обширнаго нашего отечества, изъ котораго, какъ онъ продолжаетъ, привозили саумы, т. е. слитки серебра, служившіе въ немъ для покупокъ и для размѣна. Каждый изъ

---

[142]) Ueber die ehemalige mongolische Stadt Ukek, въ Mém. de l'Ac. Imp. des Sc. de Pétersb. VI Serie, III p. 73—89.

[143]) Defrémery, Fragments etc. p. 129.

[144]) О Славянахъ въ М. Азіи, въ приведенн. мѣстахъ.

этихъ слитковъ вѣсилъ пять унцій, а посему былъ ничто иное какъ старинный нашъ рубль, вѣсившій, какъ извѣстно, отъ 22-хъ до 24-хъ золотниковъ[145]).

Предоставляя оріенталистамъ объяснить значеніе слова «саумъ», въ единственномъ числѣ саума, я замѣчу кстати, что оно вѣроятно находится въ связи съ греческимъ словомъ σῆμα (знакъ), отъ котораго обыкновенно производятъ византійское ἄσημιν или ἄσπρον, серебро[146]). Въ свою очередь монгольское «саума» могло подать поводъ Итальянцамъ, поселившимся на берегахъ морей Чернаго и Азовскаго, принять названіе somma для означенія серебряныхъ слитковъ, которые въ ихъ колоніяхъ понтійскихъ служили мѣриломъ цѣнностей и заключали въ себѣ около 200 аспровъ, хотя, разумѣется, вѣсъ ихъ не вездѣ и не всегда былъ одинаковый. Такъ напр. сомы, бывшіе въ употребленіи въ Каффѣ вѣсили $8^1/_2$ унцій, между тѣмъ какъ тѣ, которые были въ ходу въ Танѣ, имѣли вѣсомъ 45 саджій[147]) равнявшихся $7^1/_2$ венеціанскихъ унцій[148]).

По свидѣтельству Пеголотти, Итальянцы за подобные слитки покупали въ Китаѣ шелковые и другіе товары, которые потомъ развозили въ разныя страны, подобно тому какъ они ихъ съ давнихъ поръ снабжали богатыми произведеніями Индіи.

Складочнымъ мѣстомъ для этихъ товаровъ былъ тогда городъ *Тана*, гдѣ его современникъ Ибнъ-Батута засталъ большое число генуэзкихъ и другихъ купцовъ. Въ числѣ послѣднихъ преобладали, вѣроятно, Венеціанцы, такъ какъ они, по его выѣздѣ изъ Азака получили даже право учредить тамъ постоянную контору по договору, ими заключенному съ ханомъ Узбекомъ въ 1333 году. Изъ Таны предпріимчивые Итальян-

[145]) Карамзинъ, И. Г. Р. IV, примѣч. 250. Ср. Yule, Marco Polo, 2 изд. II, 488.

[146]) Ducange, Glossarium Graecitatis. I, col. 139.

[147]) Pegolotti, Della pratica della Mercatura etc. въ прив. соч. De la Primaudaie стр. 318.

[148]) Bürck: Die Reisen des Ven. M. Polo. Leipz. 1845 стр. 272.

цы проложили себѣ новые пути до столицы Поднебеснаго царства, что имъ не помѣшало заниматься при случаѣ поисками на Каспiйскомъ морѣ, куда проникали тѣмъ же путемъ, которымъ слѣдовали Росы въ приведенномъ походѣ 913 года, какъ оказывается изъ слѣдующихъ словъ современнаго писателя[149]) о подобномъ предпрiятiи состоявшемся въ 1374 году во время войны съ Татарами: Lucchinus Tarigus, Januensis, cum certis aliis, omnes inopes, recesserunt de Caffa cum una fusta armata et intraverunt in flumen Tanai, super quo iverunt usque in illum locum ubi dictum flumen est vicinum flumini Edil per milliaria 60, et ubi de flumen ad flumen per terram portaverunt dictam fustam, et per dictum flumen Edil intraverunt in mare de Bacu, in quo mari multa navigia acceperunt и проч. Хотя послѣ разграбленiя Таны Тамерланомъ сношенiя Итальянцевъ, туда возвратившихся, съ отдаленнымъ Востокомъ не были возстановлены въ прежнемъ объемѣ, но за то коммерческiе ихъ обороты въ этомъ портѣ были поддерживаемы отпускомъ туземныхъ произведенiй въ разныя страны, въ особенности рыбы, пока ихъ поселенiямъ въ южной Россiи не былъ нанесенъ окончательный ударъ утвержденiемъ власти Порты на моряхъ Черномъ и Азовскомъ. Но за то, на этомъ поприщѣ вскорѣ спустя явились новые искатели «добычи и славы», подвигами своими напоминавшiе время, въ которомъ Царьградъ, въ первый разъ, былъ приведенъ въ трепетъ именемъ Русскихъ. Что казаки дѣйствительно гораздо прежде временъ Боплана отправлялись на поиски не только изъ Чернаго моря, но также изъ Азовскаго, явствуетъ между прочимъ изъ подвига, совершеннаго Михаиломъ Черкашениномъ въ 1556-мъ году. Послѣднiй, въ бытность дьяка Ржевскаго предъ крѣпостью Исламъ-керменъ на Днѣпрѣ, проѣхалъ Мiусомъ (т. е. Кальмiусомъ) и моремъ, раззорилъ *Керченскiя мѣста* и явился назадъ счастливо.

---

[149]) Annali di Geogr. II, 2 стр. 239 прив. у De la Primaudaie, l. l. 114 прим. 2.

По мнѣнію Арцыбышева[150]), которое я полагаю весьма вѣроятнымъ, Черкашенинъ былъ тотъ самый атаманъ Михаилъ Есковичъ, который незадолго передъ тѣмъ находился предъ Исламъ-керменемъ, съ своими 300-ми Черкасами Каневскими, если позволено будетъ такимъ образомъ понимать, съ Арцышевымъ, слово Черкасоневскимъ или Черкасъ Невскихъ, которое читается, по лѣтописямъ, въ донесеніи Ржевскаго. Но, въ этомъ случаѣ, ближайшій путь, которымъ атаманъ могъ перебраться съ своими сподвижниками и лодками изъ Днѣпра въ Кальміусъ, пролегалъ, безъ сомнѣнія, вверхъ по Самарѣ и Волчьей, которая, именемъ своимъ, присвоеннымъ ей въ старину Славянами, обязана, быть можетъ, не хищнымъ животнымъ, которыя и нынѣ еще повсюду водятся въ нашихъ степяхъ, но той особенности, что по ней именно соотечественники и, можетъ быть, даже потомки древнихъ Улучей поднимались до *волока*, гдѣ взорамъ ихъ представлялось завѣтное Лукоморье.

---

150) Повѣств. о Россіи, Т. II, кн. IV, стр. 248 и пр. 1502.

VIII.

Обмелѣніе Азовскаго моря[1]).

Въ помѣщенной выше статьѣ «О слѣдахъ древняго рѣчнаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море», я старался доказать, что въ имени *palastra* (pallastra, polastra), отмѣченномъ на картахъ Азовскаго моря, начертанныхъ къ концу среднихъ вѣковъ, скрывается названіе мѣстности, по которой находящаяся къ западу отъ Маріуполя коса называется «Бѣлосарайскою», тогда какъ у итальянскихъ и греческихъ моряковъ она нынѣ еще называется Bolestra[2]).

Здѣсь должна была также находиться гавань *Палестра* (какъ явствуетъ уже изъ большаго сходства сего имени съ именемъ palastra), отмѣченная на западномъ берегу Азовскаго моря въ атласѣ, принадлежащемъ къ сочиненію извѣстнаго путешественника Шардена, который въ самомъ сочиненіи замѣчаетъ, что въ этой гавани останавливались, въ его время (1672), большія суда, которыя по причинѣ мелководія Дона не могли войти въ эту рѣку.

---

[1]) Статья эта была впервые напечатана въ Journal d'Odessa, 19 іюня 1862 года, подъ заглавіемъ: Quelques remarques à propos du rapport d'une commission d'académiciens de St. Pétersbourg sur la prétendue diminution de la mer d'Asof. Затѣмъ помѣщена была въ русск. переводѣ въ V т. Зап. Одесск. Общ. стр. 966—73. Здѣсь къ ней прибавлены отрывки изъ статьи, помѣщенной въ VIII т. Записокъ Одесск. Общ. подъ заглавіемъ: Неудачная осада Азова Турками въ 1641 году, и пр.

[2]) Taitbout de Marigny, The pilot of the Blacksea etc. Constantinople 1850 стр. 108.

Въ одной изъ замѣтокъ, которыя ученый Лангле прибавилъ къ своему изданію сочиненія Шардена (Voyage en Perse, Paris 1811, I, 137) онъ допускаетъ, кажется, тождество гаваней palastra и palestra, говоря, что имя послѣдней встрѣчается въ старинныхъ картахъ, между тѣмъ какъ въ нихъ только отмѣчено первое. Тѣмъ не менѣе онъ говоритъ утвердительно, что гавань Palestra совпадала съ Таганрогскою гаванью, и таково также мнѣніе, недавно высказанное коммисіею, которой С.-Петербургская Академія наукъ поручила обсудить вопросъ о снаряженіи экспедиціи для изслѣдованія причинъ обмелѣнія Азовскаго моря. Донесеніе этой коммисіи, составляющее существенную часть приводимой нами статьи, помѣщено еще на нѣмецкомъ языкѣ въ V томѣ Bulletin Императорской С.-Петербургской Академіи наукъ (стр. 71—150). Затѣмъ одинъ изъ членовъ коммисіи, Бэръ, посѣтилъ Азовское побережье и такимъ образомъ могъ дать прочное основаніе ученымъ своимъ соображеніямъ, сличеніемъ ихъ съ мѣстностью. Къ сожалѣнію результаты изслѣдованія почетнаго члена академіи не были обнародованы, а потому мнѣ неизвѣстно считалъ-ли онъ затѣмъ еще наши опасенія касательно постепеннаго обмелѣнія Азовскаго моря преувеличенными. Между тѣмъ этотъ вопросъ важенъ не только для науки, но также въ отношеніи практическомъ, а потому мнѣ казалось не излишнимъ показать, что коммисія можетъ быть ошибается при опредѣленіи мѣстоположенія Палестры, равно какъ и нѣсколькихъ другихъ пунктовъ Азовскаго прибрежья По крайней мѣрѣ я льщу себя надеждою, что такимъ образомъ содѣйствовалъ бы, по силамъ моимъ, окончательному рѣшенію вопроса, столь тѣсно связаннаго съ благосостояніемъ значительной части здѣшняго края.

Что, во первыхъ, касается *Палестры*, то коммисія, для доказательства, что эта гавань находилась близъ Таганрога, считала достаточнымъ сослаться на карту Шардена и еще болѣе на то, что по его словамъ сказанная гавань находилась въ 20 миляхъ отъ устья Дона и въ 40—отъ крѣпости Азакъ

ыли Азовъ. Но мнѣ кажется, что наши академики менѣе полагались бы на карту и на измѣренія французскаго путешественника, если-бы обратили вниманіе на слѣдующую замѣтку его коментатора: «Все описаніе Азака, или Азова,» говоритъ Лангле 1, p. 136) «не довольно точно. Карта Понта Евксинскаго, начертанная Шарденомъ, столь-же неудовлетворительна. Такъ какъ этотъ путешественникъ никогда не былъ въ Азакѣ, то описаніе сего города составлено имъ по свѣдѣніямъ болѣе или менѣе неточнымъ».

Можетъ быть мнѣ скажутъ, что тѣмъ не менѣе французскій академикъ нисколько не сомнѣвается въ тождествѣ Палестры и Таганрога. Однако, на это возраженіе я могъ бы отвѣчать, что онъ, вѣроятно, не зналъ, что по морскимъ картамъ XIV и XV столѣтій и по свидѣтельству Барбаро[3]), гавань Паластра непремѣнно находилась близъ Маріуполя, т. е. на значительномъ растояніи къ западу отъ Таганрога, потому что въ свою очередь, не имѣлъ точныхъ свѣдѣній о гидрографическихъ отношеніяхъ здѣшняго края. Такъ напр. Лангле могъ не знать обстоятельства, которое намъ нынѣ извѣстно и о которомъ неоднократно упомянуто въ отчетѣ коммисіи, а именно: что вслѣдствіи періодическихъ измѣненій глубины, замѣченныхъ въ различныхъ частяхъ залива Таганрогскаго, онъ можетъ быть почитаемъ нѣкоторымъ образомъ продолже-

---

[3]) Имѣя рыбные заводы въ Босагацѣ на Дону, авторъ «Путешествія въ Тану» заслуживаетъ полнаго довѣрія, когда говоритъ, что этотъ Босагацъ находился въ 40 миляхъ (вверхъ по Дону) отъ Таны (с. IV.) и въ 120 отъ Паластры (с. 11). Но въ этомъ случаѣ Паластра не могла находиться близъ Таганрога, отстоящаго отъ Азова на не болѣе двадцати миль. Напротивъ того, разстояніе 80 миль, отдѣляющихъ, по Барбаро, городъ Тану отъ Паластры, вело бы насъ въ окрестности Маріуполя. Городъ этотъ, въ свою очередь, не многимъ только ближе къ Азову, чѣмъ къ входу Керченскаго пролива, между тѣмъ какъ въ картахъ морскихъ, начертанныхъ соотечественниками и современниками Барбаро, имя Паластры отмѣчено почти на равномъ растояніи отъ Таны и отъ пролива. Такимъ образомъ эти карты, которыя явно далеко превосходятъ карту Шардена своею точностью, представляютъ намъ еще другое доказательство въ пользу мнѣнія, что Палестра должна была находиться гораздо ближе къ Маріуполю, чѣмъ къ Таганрогу.

ніемъ рѣки Дона, а это тѣмъ болѣе, что теченіе въ немъ преобладаетъ, тогда какъ вода въ немъ еще до такой степени имѣетъ качества рѣчной воды, что содержитъ болѣе пресноводныхъ рыбъ, чѣмъ едвали какое-либо другое водохранилище, и что суда запасаются ею для питья.

Если всѣ эти подробности были бы извѣстны Лангле, то онъ, вѣроятно, не удивился бы, какимъ образомъ Шарденъ могъ сказать, что крѣпость Азакъ находилась на растояніи 15 лье отъ Дона, если таковъ былъ смыслъ слѣдующихъ словъ Шардена: «Il y avait autre fois une forteresse à trois lieues du marais, nommée Tana, du fleuve Tanais; elle est aprésent ruinée et ce n'est point Azaq, comme quelques uns le prétendent, qui en est à 15 lieues». Ибо Шарденъ здѣсь можетъ быть хотѣлъ говорить о разстояніи, отдѣлявшемъ Азакъ не отъ Дона, но отъ одного изъ древнихъ городовъ Танаитовъ, названнаго имъ ошибочно Таною, т. е. именемъ венеціанской колоніи, основанной въ 1333 году въ самомъ Азовѣ или весьма не въ дальнемъ отъ него разстояніи.

Какъ бы то ни было, Лангле можетъ быть не сказалъ бы теперь, что ничего не понимаетъ касательно двухъ крѣпостей, которыя Шарденъ помѣщаетъ при устьѣ рѣки, тогда какъ на его картѣ онѣ отмѣчены далеко въ Азовскомъ морѣ bien avant dans la mer d'Azov.

Ибо вмѣсто того, чтобы удивляться видимымъ противорѣчіямъ французскаго путешественника, ученый его соотечественникъ понялъ бы, что Шарденъ, если бы даже сказалъ, что городъ Азакъ отстоялъ въ 15-ти лье отъ Дона, не хотѣлъ дать знать, будто бы этотъ городъ лежалъ внутри края, далеко отъ рѣки (что впрочемъ явствуетъ изъ его карты, гдѣ крѣпость отмѣчена возлѣ самой рѣки, хотя на сторонѣ противуположной той, гдѣ дѣйствительно находилась),—но что онъ лежалъ въ 15 лье отъ устья Дона, къ которому, подобно тому какъ и нынѣ, тогда позволяли себѣ причислить Таганрогскій заливъ, такъ что это устье могло заключаться между косами Бѣлосарайскою и Ейскою. При первой изъ нихъ явно нахо-

дился портъ «Balisira», къ которому, по свидѣтельству очевидца Эвлія-эфенди [4]), весною 1641 года присталъ турецкій флотъ на пути своемъ изъ Анапы къ Азаку (Азову) противъ Донскихъ казаковъ, овладѣвшихъ этою крѣпостью нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ. По словамъ сказаннаго турецкаго туриста здѣсь аммуниція и провизія были нагружены на маленькія суда, называемыя сандалами, саколевами, сарбунами и тунбазами [5]) и отправлены 30 миль далѣе, къ крѣпости Азаку, поелику галеры и чайки, для которыхъ необходимо пять футовъ воды, тутъ не могутъ плавать на глубинѣ, которая не превышаетъ двухъ или трехъ футовъ. Балисера, лежащая на западной оконечности степи Гейгатъ (Дештъ-Кипчакъ другихъ авторовъ) говоритъ онъ далѣе, мѣстность пустынная; но по прибытіи войска и флота много было построено балагановъ для людей и для багажа, такъ что тутъ возникъ большой городъ, какъ бы предмѣстіе Азака. Что и послѣ взятія Турками этой крѣпости обратно (въ 1642 году) бѣлосарайское ихъ поселеніе продолжало существовать, видно изъ того, что въ другомъ мѣстѣ своихъ путевыхъ записокъ (Narrative of travels, etc. I, 93) Эвлія-эфенди помѣщаетъ «Balisira» въ число зависящихъ отъ кафинскаго округа санджакствъ, прибавляя, что оно, подобно другимъ, было управляемо воеводою. Поэтому должно думать, что въ числѣ тамошнихъ жителей уже тогда преобладали Русскіе. Достовѣрно намъ извѣстно, что въ началѣ слѣдующаго столѣтія бѣлосарайское урочище принадлежало Запорожцамъ, замѣненнымъ, по уничтоженіи Сѣчи, выселившимися изъ Крыма Греками, которые построили селеніе Ялту въ недальномъ разстояніи отъ небольшой бухты [6]), съ давнихъ поръ славной по достоинству своей якорной стоянки и гдѣ въ наше время весьма кстати правительство намѣревалось устроить портъ. Другая же изъ помѣщенныхъ на картѣ Шар-

[4]) См. Hammer, Narrative of travels in Europe etc. by Evliya-efendi etc. London II, стр. 59—67.

[5]) Записки Одесск. Общ. Ист. и Древн. VIII стр. 174 прим. 7.

[6]) Григоровичъ. Записка Антиквара и пр. 1874 стр. 5.

дена крѣпостей «bien avant dans la mer d'Azov» должна была находиться близъ Ейска, отстоявшаго дѣйствительно отъ Азова въ 15-ть лье или 60-ть верстъ. Быстрые успѣхи сего города, созданнаго административнымъ геніемъ князя Воронцова, заставляютъ думать, что и въ другія эпохи умѣли пользоваться выгоднымъ его положеніемъ для основанія поселенія на мѣстѣ имъ занимаемомъ. Дѣйствительно мы видимъ, что еще въ среднихъ вѣкахъ этотъ береговой пунктъ обращалъ на себя вниманіе моряковъ. Ибо мы находимъ въ морскихъ картахъ XIV и XV столѣтій около Ейска приписку jacaria (zacharia, caçana, zacaria, rataria, jacharia и cagaria). Въ этихъ же мѣстахъ Лелевель (Géogr. du moyen âge, III и IV p. 200) не безъ основанія, ищетъ крѣпость Askisia, о которой говоритъ Эдриси, замѣчая, что она находилась въ странѣ Алановъ, въ 150 миляхъ отъ города Roussia, т. е. отъ Керчи. Но въ этомъ случаѣ Аланскій же городъ Askala, лежавшій въ 20 миляхъ отъ Аскизіи и въ 6 только отъ моря, находился бы въ окрестностяхъ Азова, а не въ станицѣ Аксайской, какъ думаетъ Лелевель, забывая, что Эдриси тутъ говоритъ не о миляхъ географическихъ, но о миляхъ арабскихъ, изъ коихъ 6 равняются $9^3/_5$ нашихъ верстъ [7]).

Что же касается растоянія 40 миль, отдѣлявшаго, по Шардену, крѣпость Азакъ отъ гавани Палестры, то оно далеко уступаетъ растоянію между посадомъ Азовомъ и Маріуполемъ, доходящему почти до 160 верстъ, или 40 лье. Посему я полагалъ бы, что въ этомъ мѣстѣ, подобно тому какъ и въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія, Шарденъ смѣшалъ французскія мили съ морскими.

Въ этомъ случаѣ оказалась бы, что и первая изъ донскихъ крѣпостей Шардена, отстоявшая не въ 40, но въ 20 только лье отъ Палестры, стало быть столько же отъ Азака, находилась въ окрестностяхъ Таганрога, а именно при устьѣ Міуса, куда на обратномъ пути въ Крымъ изъ Азака татар-

---

[7]) Sprenger, Reiserouten, Vorr. XXVI.

ское войско прибыло послѣ перехода десяти часовъ. При этой рѣкѣ, къ которой Эвлія-эфенди [8]) по разсѣянности примѣняетъ татарское названіе Молочныхъ водъ «Sud», т. е. Сити, находились тогда, по его разсказу, до 70 земледѣльческихъ городовъ и деревень (хуторовъ), принадлежавшихъ Русскимъ, по много пострадавшихъ отъ грабежей крымскихъ татаръ.

Впрочемъ академическая коммисія, не довольствуясь признаніемъ тождества Палестры съ гаванью Таганрогской, полагала еще возможнымъ отыскать тамъ же портъ *Пизанскій* (porto pisano, pixano или pissano), который на картахъ венеціанскихъ дѣйствительно отмѣченъ въ значительномъ разстояніи къ востоку отъ Палестры. По сличенію же этихъ картъ, равно какъ и другихъ морскихъ картъ XIV и XV столѣтій, съ нынѣшними, я предпочелъ бы мнѣніе Тетбу (Atlas de la mer Noire, Odessa, 1850), по которому Пизанскій портъ лежалъ къ востоку отъ Таганрога, на правомъ берегу устья Мертваго Донца, или сѣвернаго рукава Дона. Такимъ образомъ этотъ портъ занималъ бы ту самую мѣстность, въ которой, по разрушеніи царемъ Воспорскимъ Полемономъ древняго милезійскаго поселенія Танаиса, явился другой городъ того-же имени, коего развалины нынѣ еще замѣчаются на серединѣ пути между селеніями Синявкою и Недвиговкою. Эти именно развалины побудили Стемпковскаго (Nouv. Journ. Asiat. 1 p. 55) сказать утвердительно, что здѣсь находился древнѣйшій Танаисъ, несмотря на противное сему свидѣтельство Страбона и Птолемея, по которымъ этотъ городъ явно находился въ дельтѣ, образуемой обоими рукавами Дона. Коммисія, вмѣсто того, чтобы признать ошибочнымъ мнѣніе Стемпковскаго, старается еще подкрѣпить его, ссылаясь на свидѣтельство Леонтьева, тогда какъ послѣ того, что говоритъ этотъ авторъ (Пропилеи, IV), слѣдовало скорѣй съ нимъ согласиться, что древнѣйшій изъ обоихъ городовъ Танаитовъ

---

[8]) Narrative of travels, II стр. 62.

лежалъ въ иномъ мѣстѣ, а именно на правомъ берегу южнаго рукава Дона, при станицѣ Елисаветовской. По крайней мѣрѣ въ числѣ надписей, открытыхъ до нынѣ въ Недвиговкѣ, не встрѣчалась ни одна, которая принадлежала бы времени протекшему до начала нашей эры.

Касательно этого втораго Танаиса, нельзя опредѣлить эпохи, когда онъ пересталъ существовать. Вѣроятно, какъ уже замѣтилъ Леонтьевъ, онъ былъ разрушенъ Гуннами. Кажется однако, если судить по памятникамъ, открытымъ этимъ ученымъ близъ Недвиговки, что послѣ приведенной катастрофы таже мѣстность впослѣдствіи неоднократно снова была обстроена. По сему самому я охотно здѣсь именно искалъ бы городъ *Аскала*, находившійся, по Эдриси, въ 20 миляхъ отъ приморскаго города *Стиберіи* или *Истеберіи*. По тому же автору это былъ цвѣтущій и многолюдный городъ. Его базары были посѣщаемы многими, улицы были широки, дома крѣпко построены, жители же, по большей части, были богатые купцы. Въ пользу мнѣнія, что этотъ портъ совпадалъ съ нынѣшнимъ Таганрогскимъ, могло бы служить то обстоятельство, что къ западу отъ порта Пизанскаго мы находимъ на приведенныхъ картахъ имя cabarda или lo cabarda. Ибо это имя, которое, по Пеголотти (De la Primaudaie, Hist. du commerce au m. âge 1, p. 315) означало также гавань, безъ натяжки можетъ быть примѣнено къ Таганрогу, такъ какъ оно отмѣчено на картахъ въ небольшомъ разстояніи къ востоку отъ fl. rosso, которое совпадало или съ Кальміусомъ или же съ Міусомъ, изливающимся въ море близъ Таганрога и къ западу отъ него.

Наконецъ коммисію можно еще обвинить въ небольшой погрѣшности, когда она заставляетъ Страбона говорить, будто бы островъ Алопекія находился въ 100 стадіяхъ (17 верстъ) отъ *устья Танаиса*, тогда какъ этотъ географъ хотѣлъ сказать, что таково было разстояніе между островомъ и *городомъ*. Подъ этимъ городомъ онъ разумѣлъ древнѣйшій Танаисъ, находившійся вѣроятно въ 20 верстахъ отъ нынѣшняго устья

Мертваго Донца (близъ Синявки), такъ что островъ Алопекія не могъ совпадать съ нынѣшнимъ островомъ Черепахою. Ибо послѣдній лежитъ въ 22 верстахъ отъ устья Донца, т. е отстоитъ отъ милезійскаго Танаиса болѣе 40 верстъ, или 240 стадій.

Итакъ г. Леонтьевъ не ошибся, когда искалъ островъ Алопекію въ самой дельтѣ Дона, и я имѣлъ бы право примѣнить къ этому острову имя magronisi, которое въ картахъ XIV и XV столѣтій помѣщено между именами porto pisano и tana (Азовъ).

Обстоятельство, что, въ этомъ случаѣ, островъ Алопекія находился бы въ небольшомъ разстояніи отъ Недвиговки, не имѣло бы ничего удивительнаго, потому что часть жителей древняго Танаиса, по взятіи сего города Полемономъ, весьма естественно могла поселиться въ ближайшемъ сосѣдствѣ старинныхъ своихъ знакомцевъ не греческихъ (Strabo, XI), обитавшихъ на островѣ.

Мнѣніе, что дѣйствительно этотъ островъ находился въ дельтѣ рѣки, подтверждается еще замѣткою Страбона, что близъ Алопекіи находились еще другіе островки, тогда какъ, по нашимъ картамъ, ихъ вовсе нѣтъ въ сосѣдствѣ острова Черепахи.

Но, въ этомъ случаѣ, оказалось бы, что со временъ Страбона дельта Дона двинулась впередъ къ сторонѣ моря гораздо болѣе, чѣмъ думаетъ коммисія. Это приращеніе дельты къ западу явствуетъ притомъ изъ того, что основаніе ея значительно расширилось въ теченіе вѣковъ. Ибо тогда какъ во времена Страбона разстояніе между обоими устьями составляло 60 стадій или 10 верстъ, Недвиговка отстоитъ въ прямой линіи отъ Азова около 15 верстъ, а протяженіе берега между нынѣшними устьями Дона и Донца доходитъ даже до 18 верстъ [9]).

---

[9]) Helmersen, Greg. Zur Frage über das behauptete Seichterwerden des Asowschen Meers, въ Bull. de l'Ac. des Sc. de St. P. VII, 510—514.

Отважившись на поле предположеній, я пользуюсь представившимся мнѣ случаемъ, чтобы спросить: не совпадаетъ ли нашъ Бѣлосарай или Палестра, по своему мѣстоположенію, съ извѣстнымъ Саркеломъ, или Бѣлою крѣпостью, о которой говоритъ императоръ Константинъ Багрянородный, и которую отыскивали въ разныхъ мѣстахъ по берегамъ Дона или Донца? По крайней мѣрѣ, въ этомъ случаѣ, греческія суда, нагруженныя матеріалами, необходимыми для постройки этой крѣпости, не имѣли бы надобности отправляться далѣе порта, гдѣ во времена Эвлія и Шардена останавливались большія суда, которыя не могли войти въ Донъ. Правда, мы узнаемъ отъ императора (De adm. imp. c. 42), что суда, отправленныя изъ Херсона, до прибытія къ мѣсту своего назначенія, принуждены были предварительно подниматься вверхъ по Танаису. Но неужели не могли они смотрѣть на Керченскій проливъ, какъ на одно изъ устьевъ Танаиса, какъ это часто дѣлали и прежде и послѣ? Или же нельзя ли допустить по крайней мѣрѣ, что и тогда, какъ это дѣлается нынѣ, Таганрогскій заливъ былъ почитаемъ продолженіемъ рѣки?

Вѣроятность гипотезы, мною здѣсь представленной, не уменьшается тѣмъ, что, по замѣчанію же императора, загадочное Атель-Кузу, изъ котораго Мадьяры были изгнаны Печенѣгами, простиралось отъ Днѣстра до Саркела. Къ подтвержденію смѣлаго предположенія касательно положенія этой крѣпости, могло бы даже послужить другое мѣсто (c. 11) приведеннаго сочиненія императора, гдѣ сказано, что Греки нанимали Алановъ съ тѣмъ, чтобы они мѣшали Хазарамъ отправляться въ Саркелъ и Херсонъ. По крайней мѣрѣ вліяніе византійскаго двора удобнѣе могло доходить до окрестностей Маріуполя, нежели до Бѣлгорода на Донцѣ, или же до Качаланской станицы на Дону. Даже въ случаѣ, *еще не доказанномъ*, что Бѣлая гостинница императора была бы тождественна съ Бѣлою Вежою, которою овладѣлъ Святославъ, ничего мнѣ не помѣшало бы полагать, что эта гостинница или крѣпость могла занимать мѣсто нашего Бѣлосарая или Палестры

и совпадать съ городомъ *Хазарія*, отстоявшимъ, по Эдриси[11]) въ 80 верстахъ къ востоку отъ города Кумановъ, названнаго *Чернымъ*, по рѣкѣ, при которой онъ лежалъ. Такимъ образомъ, эта рѣка совпадала бы съ Бердою, въ имени которой отзывается названіе *li porti*, отмѣченное на итальянскихъ картахъ къ западу отъ polonisi, слѣдующее послѣ имени palastra. Слово liporti пропущено въ атласѣ Тетбу. Вотъ почему мы тамъ встрѣчаемъ около нынѣшняго Бердянска слѣдующее болѣе къ западу *Tana di Castori*, явно тождественное съ отмѣченнымъ въ картахъ *lena de cospory* (gospori, costory). Имя это, напоминающее греческое слово Λῆνοί, значущее, по Дюканжу, lacus aquam continentes, помѣстилось бы такимъ образомъ около лимана Молочной, при которомъ, по весьма правдоподобному мнѣнію Лелевеля и Блауа, лежалъ *Бѣлый городъ* Кумановъ, отстоявшій, по Эдриси, въ 50 миляхъ отъ Чернаго и въ 100 отъ Матраки. Поелику же этотъ бѣлый городъ также назывался *Матлука*, то позволено будетъ слышать отголосокъ сего слова въ названіи большой и малой *Уклюки*, изъ коихъ первая изливается въ соименный ей заливъ, тогда какъ другая, съ ней смежная, соединяется съ Молочною. Тогда какъ въ этомъ имени скрывается переводъ татарскаго названія рѣки, т. е. Сить, въ Уклюкахъ отзывается турецкое слово Отлук, значущее луга или пастбища (Blau, l. c.) Слѣдующее къ западу отъ «lena de castori» слово st. giorgi, должно было здѣсь, какъ часто на средневѣковыхъ картахъ, означать проливъ, а именно *Іеническій*, тѣмъ вѣрнѣе, что оно отмѣчено насупротивъ имени *zucolai* или *zalaca*, означавшемъ Арабатскую стрѣлку, которую также имѣлъ въ виду Барбаро подъ своимъ zachala (zagaglia, дротикъ).

Безъ сомнѣнія ее также разумѣлъ Плиній подъ пролегающимъ между Понтомъ и Меотидою Полуостровомъ, кото-

---

[11]) Blau, Ueber Volksthum und Sprache der Kumanen, въ Morgenl. Zeitschrift, 1876, 560 стр. 7 особ. отт.; ср. Lelewel, l. c. «on ne nous reprouvera pas, si nous nous portons avec Khazaria d'Edrisi sur Sarkel».

рый, при длинѣ 67,000 шаговъ (ок. 100 верстъ), имѣлъ не болѣе двухъ югровъ ширины и который онъ называетъ просто *Эіонъ*, берегъ. Съ этимъ полуостровомъ совпадалъ, кажется, и *Zenonis Chersonesus* Птолемея, по которому Сивашъ, (извѣстный еще Страбону подъ названіемъ гнилаго озера *Σαπρὰ λίμνη* и который тогда былъ въ связи съ Понтомъ посредствомъ «Широкаго» устья) называется озеромъ *Bykes*, потому что александрійскій географъ къ нему примѣнилъ турецкое слово Bugas, устье. Подобнымъ образомъ къ Сивашу только можно примѣнить замѣтку Плинія, что озеро *Buges* «manufacto alveo» было въ связи съ Каркинитскимъ заливомъ, «naturali» съ Коретомъ, западнымъ заливомъ Меотиды. Должно думать поэтому, что и императоръ, у котораго столь многія мѣстности южной Россіи являются подъ турецкими ихъ названіями, подъ рѣкою Богу разумѣлъ скорѣй Сивашъ, чѣмъ Бугъ, тѣмъ болѣе что тамъ, гдѣ явно говоритъ объ этой рѣкѣ, онъ, искаженіемъ древняго ея имени, называетъ ее Кубу, т. е. именемъ, въ которомъ стольже легко узнается древнее названіе Буга, какъ другой Гипанисъ узнается въ имени Куфисъ, означавшемъ у него, подобно тому какъ у Ѳеофана и патріарха Никифора,—рѣку Кубань.

IX.

Донесеніе о поѣздкѣ къ устьямъ Буга и Днѣпра въ 1862 году [1]).

Отправившись, по порученію г. президента Общества, посѣтить Черноморскій берегъ между нашимъ городомъ и устьемъ Днѣпра, я не сомнѣвался въ томъ, что мнѣ не удастся представить Обществу отчета съ такими данными, которыя по своему интересу могли бы быть сравниваемы съ блестящими результатами прошлогодняго путешествія г. Юргевича.

Дѣйствительно, при объѣздѣ лимановъ Аджалыкскихъ, Тилигульскаго и Березанскаго, я не успѣлъ отыскать никакихъ слѣдовъ древнихъ жилищъ или другихъ признаковъ, которые могли бы послужить къ пополненію скудныхъ извѣстій, переданныхъ намъ писателями греческими и римскими о поселеніяхъ, существовавшихъ въ древности въ окрестностяхъ сказанныхъ лимановъ, или же къ точнѣйшему опредѣленію ихъ мѣстоположенія, а именно: *Скопулз*, *Одиссоса* или *Ордессуса*, крѣпостцы *Алектора* и гавани Ахейской.

Столь-же мало удалось найти хоть какой-либо памятникъ, съ помощью котораго оказалось бы возможнымъ объяснить имена *mauronero*, *flor de lis* и *barbarese*, представляемыя картами морскими XIV и XV столѣтій на «Золотомъ берегу» Константина Багрянороднаго, вмѣсто вышеприведенныхъ именъ, переданныхъ намъ Плиніемъ, Діономъ, Арріаномъ и безъименнымъ авторомъ перипла Понта Евксинскаго.

---

[1]) Изъ V тома Зап. Одесск. Общества Ист. и Др.

Что неудача въ моей попыткѣ могла произойти отчасти по тому обстоятельству, что упомянутые береговые пункты не имѣли большаго значенія ни въ древности ни въ среднихъ вѣкахъ, подтверждается нѣкоторымъ образомъ данными, которыя мнѣ удалось собрать при посѣщеніи развалинъ Ольвіи, не смотря на богатую добычу, уже извлеченную изъ этой классической почвы изслѣдователями болѣе меня достойными и другими любителями древностей.

Если же нижеслѣдующія извѣстія будутъ признаны не лишенными интереса для науки, то справедливость требуетъ сказать, что я ими преимущественно обязанъ просвѣщенному содѣйствію г. барона фонъ Берга, управляющаго имѣніемъ графа Кушелева Парутино, и завѣдывающаго относящимся къ сему имѣнію урочищемъ *Стомогилъ*, гдѣ какъ извѣстно находилось въ древности благословенное торжище Борисѳенитовъ.

Такъ, во-первыхъ, я обязанъ г. Бергу фотографическимъ снимкомъ греческой надписи, къ сожалѣнію не вполнѣ сохранившейся [2]).

Кусокъ бѣлаго мрамора, съ котораго снята эта надпись, найденъ былъ въ Маѣ мѣсяцѣ текущаго года при разрытіи одного изъ кургановъ ольвійскихъ; камень этотъ затѣмъ доставшійся члену общества г. Бурачкову—имѣетъ въ длину 8 вершковъ, при ширинѣ $7^1/_2$ вершковъ и $1^1/_2$ толщины. Объясненіе надписи сообщилъ Ѳ. А. Струве въ VIII т. Зап. Общества.

Затѣмъ г. Бергъ передалъ мнѣ для Общества двѣ глиняныя трубы древняго водопровода, вырытыя, въ моемъ присутствіи, изъ подъ развалинъ Ольвіи, и находившіяся, по весьма правдоподобному мнѣнію г. Берга, въ связи съ другими подобными же трубами, прежде найденными у подошвы кургана, отстоявшаго отъ рѣки на разстояніи версты. Напротивъ того, открытыя нами трубы, которыми, судя по формѣ одной изъ нихъ, вѣроятно кончался водопроводъ, находились въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ рѣки, близь того мѣста, куда обыкно-

---

[1]) Зап. Одесск. Общ. V, 592.

венно помѣщаютъ древнюю пристань, потому что здѣсь именно, при продолжительномъ сѣверо-западномъ вѣтрѣ, замѣтны въ рѣкѣ большія плиты довольно твердаго известковаго камня, связанныя между собою желѣзными скобами, припаянными свинцомъ. Самому мнѣ посчастливилось видѣть въ этомъ мѣстѣ, обыкновенно покрытомъ волнами, кромѣ другихъ кусковъ разнаго рода камней, нѣсколько обтесанныхъ кусковъ известковаго камня въ $1\frac{1}{2}$ аршина длины и $\frac{1}{2}$ аршина ширины, принадлежавшихъ вѣроятно къ ступенямъ лѣстницы, которая спускалась съ высокаго берега къ рѣкѣ. Итакъ мнѣ кажется, что доходившій до этого мѣста водопроводъ, представившій и намъ еще возможность утолить жажду прекрасною холодною водою à la Diogène, вѣроятно ею снабжалъ въ древности пристававшихъ къ берегу Эллиновъ, которымъ для питья не могла годиться вода изъ Гипаниса, испорченная на четыре дня плаванія «горькимъ ключемъ».

Что сказанный водопроводъ дѣйствительно примыкалъ къ пристани, становится весьма вѣроятнымъ по результату раскопокъ предпринятыхъ въ 1870 году двумя членами Общества въ этой мѣстности, послѣ случайнаго тамъ открытія части колонны, верхній конецъ которой былъ покрытъ мусоромъ въ теченіе вѣковъ, свалившимся съ высокаго берега, усѣяннаго небольшими возвышенностями, образуемыми развалинами древнихъ жилищъ и слывущими въ народѣ подъ названіемъ Стомогилъ. Тамъ удалось тогда открыть, съ помощью 16 рабочихъ, часть другой колонны на разстояніи около 15 саженей отъ первой, и ближе къ берегу Буга; затѣмъ часть обломанной капители, и наконецъ по снятіи плитъ служившихъ фундаментомъ зданія, пять рядовъ большихъ какъ бы полированныхъ плитъ, по двѣ или три въ каждомъ ряду и съ признаками, что онѣ были ступенями лѣстницы; одна изъ этихъ плитъ имѣла даже образованіе угловое, т. е. на двѣ стороны (см. Археол. развѣдка нѣкоторой части Ольвіи, въ VIII т. Зап. Од. Общ. стр. 412).

Наконецъ г. Бергъ мнѣ уступилъ, найденныя въ теченіе года амфорныя ручки съ клеймами, числомъ 20 для

лучшаго ихъ разсмотрѣнія въ Одессѣ. Эти ручки, подобно шести другимъ и одной черепицѣ съ надписью же, мною пріобрѣтеннымъ на мѣстѣ для Общества, могутъ пополнить свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, уже обнародованныя г. Беккеромъ, представляя намъ нѣсколько новыхъ именъ и отличаясь, кромѣ того, нѣкоторыми особенностями отъ ручекъ или ушекъ имъ описанныхъ.

Вотъ списокъ этимъ именамъ и знакамъ, съ подраздѣленіемъ ихъ на классы и съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ примѣчаній, заимствованныхъ изъ статьи, помѣщенной г. Беккеромъ въ Jahrbücher für classische Philologie (Band IV, Heft 3), по копіи этихъ надписей, ему доставленной по возвращеніи моемъ изъ Парутино.

1. Надписи Родосскія.

1. ΕΠΙ...ΜΑΧΟΥΠΑΝΑΜΟΥ

ἐπὶ (Ἀγε)μάχου, Παναμου.

Эта надпись, подобно 9 слѣдующимъ, образуетъ кругъ среди котораго находится balaustium, или цвѣтъ гранатнаго дерева. Имя Ἀγέμαχος, часто встрѣчающееся на родосскихъ ручкахъ, является также на экземплярѣ изъ Александріи въ связи съ именемъ мѣсяца Панамосъ, но безъ balaustium, а потому вѣроятно не въ кругломъ клеймѣ.

2. ƸOIЯOΦOMƸƎΘYONOΓITNA

Ἀντιγόνου, Θεσμοφόριος

Судя по надписи, идущей съ правой стороны вокругъ balaustium, и по формѣ буквъ, эта ручка, подобно тремъ слѣдующимъ, должна быть весьма древняя. Г. Беккеру уже прежде случалось видѣть ручки, въ коихъ имя мѣсяца было поставлено въ именительномъ падежѣ.

3. ΕΠΙΔΑΜΟΚΛΕΥΣΠΑΝΑΜΟΥ

ἐπὶ Δαμοκλεῦς, Πανάμου

Имя Δαμοκλεῦς уже попадалось прежде въ связи съ именемъ другихъ мѣсяцевъ, но безъ balaustium; также, безъ имени мѣсяца, съ головою Геліоса.

4. ΣΥΞΔ. . . . . ΞΩΞΡΞΙΠΞ
ἐπ᾽ ἱερέως . . . . δευς.

Были уже многіе примѣры сокращеннаго ἐπἱἑρέως, вмѣсто ἐπὶ ἱερέως, хотя послѣдняя форма чаще встрѣчается на родосскихъ ручкахъ.

5. ΑΔΙΤΑΨΞΙΛΛΑΞΠΙΞ
ἐπὶ Καλλικράτιδα.

Совершенно походитъ на клеймо, уже описанное г. Беккеромъ въ Jahrbüchere tc. (1 № 22).

6. ΑΡΙΣΤΟΚΛΕΥΣ, 'Αριστοκλεῦς.
7, ΙΠΠΟΚΡΑΤΕΥΣ, 'Ιπποκράτευς.

Имя сіе уже встрѣчается на ручкѣ Ольвійской и на двухъ другихъ изъ Ликіи и Александріи.

8. ΕΠΙ . . . . . . ΠΙΟΥ
9. ΑΙΝΕΑΑΓΡ. ΝΙΟΥ, 'Αινέα 'Αγριανίου
10. ΣΩΤΗΡΙΧΟΥ, Σωτηρίχου.

Это клеймо отличается отъ предыдущихъ только тѣмъ, что въ немъ подъ balaustium еще поставлена звѣздочка.

11. Ручка съ balaustium въ кругломъ клеймѣ, но безъ надписи, если не положить, что она стерлась, какъ думаетъ г. Беккеръ, уже прежде видѣвшій подобный экземпляръ, изъ Ольвіи же.

12. ΖΗΝΟ Ζηνο
ΔΟΤΟΥ δότου

Что эта ручка также должна быть родосская, явствуетъ изъ находящагося на ней клеймѣ съ эмблемою balaustium, хотя она здѣсь поставлена (кажется въ первый разъ) не внутри круговой надписи, но направо отъ имени. Къ родосскимъ надписямъ безъ balaustium принадлежатъ:

13. ΙΜΑ Ιμα.

Подъ этими буквами изображенъ кадуцей въ горизонтальномъ положеніи. Уже попадались другіе экземпляры сего клейма.

14. ΕΠΙ ἐπί
ΑΙΝΗΣΙΔΑΜΟΥ Αἰνησιδάμου
ΘΕΣΜΟΦΟΡΙΟΥ θεσμοφορίου

Въ ручкахъ съ именемъ Αἰνησιδάμου, уже прежде найденныхъ въ Ольвіи встрѣчаются имена другихъ мѣсяцовъ вмѣсто Θεσμοφόριος.

15. . . ΙΥΜΗΔΕΥΣ (Ἀσ) τυμήδευς.
ΣΜΙΝΘΙΟΥ Σμινθίου.

16. ΦΙΛΑΙΝΙΟΥ Φιλαινίου.

Имя сіе уже встрѣчалось какъ съ означеніемъ мѣсяца, такъ и безъ него.

II. Θазовская надпись.

17. ΘΑΣΙΩΝ θασίων

. . . .

Вторая строка стерта; между нею и первою находится звѣзда.

III. Надписи неизвѣстнаго происхожденія.

18. ΕΠΙΔΑ ἐπί Δαί
ΙΜΟΝΟΣ μονος

19. ΜΑΤΡΟ Ματρο
ΒΙΟΥ βίου

20. ΜΟCΧΙ Μοσχί
ΩΝΟC ωνος.

21. ΤΕΛΑ Τελα
ΜΩΝΟC μῶνος

Круглое С и форма буквы ω свидѣтельствуютъ позднѣйшее происхожденіе двухъ послѣднихъ надписей.

22. ΡΑΣΩΝ, Ρασών.

Подъ этими буквами находится, въ горизонтальномъ положеніи, эмблема, въ которой г. Беккеръ узналъ зеркало, принимая родъ крючка, къ нему придѣланнаго предъ буквою Р за Θ, почему и читаетъ Θρασών вмѣсто Ρασών.

23. ΕΠΙΕΡΕΩΣ ’επ’ ἱερέως.
ΑΜΗΤΟΡΟΣ Αμήτορος

24. . . . ΝΕΙΟΣ . . . . νειος.
ΝΟΜΟΙΤΟΣ Νομοίτος.

IV. Надписи съ именемъ Астинома.

25. Α . . . ΝΟΜΟΥΝΤΟ. ἀ(στυ)νομοῦντο(ς).

ΖΗΝΙΟΣΤΟΥ	Ζήνιος τοῦ
ΑΠΟΛΛΟΔΩΡΟΥ	Ἀπολλοδώρου
ΠΡΩΤΟΣ	Πρῶτος

По формѣ буквъ и по ихъ распредѣленію тождественна съ описанною г. Беккеромъ (Mél. I p. 485 № 18). За второй строкою слѣдуетъ направо эмблема, коей значеніе я не могу разобрать. Болѣе всего она напоминаетъ видомъ своимъ верхнюю часть человѣческаго тѣла въ горизонтальномъ положеніи.

. . . .	(ἀστυνομοῦν)
26. ΤΟΣΜΝΗΣΙΚΛΕΟΥ.	τος Μνησικλέου(ς)

Буквы τος вѣроятно, какъ полагаетъ г. Беккеръ, составляли конецъ слова ἀστυνομοῦντος, которое въ этомъ случаѣ, кромѣ послѣдняго склада τος, должно было стоять на второй ручкѣ, потому что никакъ не помѣстилось бы на сохранившейся.

27. ΘΕΑΡΙΩΝΟΣ	Θεαρίωνος
ΑΣΤΥΝΟΜΟ	ἀστυνόμο(υ).
ΣΑΓΑΡΙΣ	Σάγαρις
ΝΟΥΜΝΙΟΥ	Νουμηνίου.

Надпись эта находится не на ручкѣ, но на гладкомъ кускѣ черепицы. На правой сторонѣ клейма изображены виноградный листъ и кисть.

При неоднократномъ посѣщеніи развалинъ Ольвіи я не упустилъ снова разсмотрѣть курганы съ гробницами, мною уже видѣнные нѣсколько лѣтъ тому назадъ, равно какъ и тѣ, которые въ послѣднее только время были разрыты и въ коихъ отчасти ничего не оказалось, кромѣ костей, что заставляетъ думать, что они уже въ старину были обираемы людьми, умѣвшими цѣнить зарытыя въ нихъ сокровища. Въ другихъ, явно еще не тронутыхъ курганахъ, дѣйствительно были найдены разные предметы, какъ то: мраморныя статуи, монеты и т. п., но къ сожалѣнію лучшія изъ этихъ вещей уже были отправлены г. Бергомъ къ владѣтелю имѣнія въ С.-Петербургъ, такъ что намъ за эту потерю остается развѣ то утѣшеніе, что сказанныхъ предметовъ не постигла участь статуи, отправленной

нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ Парутино въ столицу и потонувшей вмѣстѣ съ извощикомъ и конями при переправѣ черезъ Бугъ.

Пожалѣлъ я, видя какимъ поврежденіямъ подверглись могильные курганы, еще прежде открытые Нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ, не уступающихъ керчинскимъ величиною и изящною постройкою, снова засыпаны, или сами обрушились, потому что большія каменныя плиты, изъ которыхъ въ нихъ слагались склепы безъ цемента, разбирались поселянами на разныя постройки.

Изъ окрестностей Ольвіи въ особенности поразилъ меня т. н. *Аджигёльскій городокъ*, какъ великолѣпнымъ своимъ мѣстоположеніемъ на возвышенномъ мысѣ при самомъ впаденіи Буга въ Днѣпровскій лиманъ, такъ и тѣмъ, что признаки древнихъ построекъ явно замѣтны въ этомъ мѣстѣ, отстоящемъ въ 7 верстахъ отъ Парутино внизъ по рѣкѣ. По мнѣнію графа Уварова (Изслѣдованіе о древностяхъ южной Россіи и пр. С. П. 1851 г. стр. 45.) здѣсь должно было существовать древнее укрѣпленіе; но я охотно видѣлъ бы въ этомъ городкѣ, имѣющемъ въ окружности не болѣе 130 саженей, остатки храма съ маякомъ, указывавшимъ путь въ Ольвію древнимъ морякамъ, подобно тому, какъ и нынѣ еще Аджигёльскій мысъ служитъ главнымъ путевымъ знакомъ для судовъ, слѣдующихъ изъ Очакова въ Николаевъ.

Находящееся къ западу отъ мыса озеро Аджигёль, или горькое, именемъ своимъ напоминало мнѣ слѣдующее мѣсто изъ сочиненія Броніовія (Schwandtner, Script. rer. hungar. 1. p. 816): «Adzigoli, ille locus tres fossas celebres, lacus amaros et salsos quamplurimos mari proximos habet, ibique magna vis Kozakorum perpetuo confluit, mutuisque bellis et caedibus frequentissimis concidunt etc.». Но такъ какъ эта мѣстность, по описанію посѣтившаго ее польскаго дипломата, должна была находиться между долиною Тилигула, или *Темною*, [3]).

---

[3]) Dominina Dolnia seu fossa (пишетъ Броніовій), quae maxima et ampleissima lacubus et rivulis frequens est, Berezani lacu angustissimo, ve-

Cacibiei Horodisae, или городищемъ Гаджибейскимъ, находившемся близъ гавани Одесской, то я въ Горькихъ озерахъ Бронiовiя охотнѣе призналъ бы лиманы Аджалыкскiе съ Сичавкою. Не могу также согласиться съ мнѣнiемъ г. Лагуса (Зап. Общ. т. III. стр. 321) будто бы Бопланъ имѣлъ въ виду лиманъ Аджигёльскiй, когда говоритъ, что козаки, возвращаясь изъ поисковъ своихъ на Черномъ морѣ, скрывали свои лодки предъ Турками въ заливаемой моремъ долинѣ, находившейся въ 3—4 миляхъ къ востоку отъ Очакова. Скорѣе мнѣ кажется, что эта долина находилась на Кинбурнской косѣ и вела къ «Прогною», отъ котораго Запорожцы, по Мышецкому (Ист. о каз. Зап. стр. 13), оттягивали свои дубы въ Днѣпръ и такъ мимо Очакова и Кинбурна «проѣзживали, что ихъ никто не видалъ, а и умысловъ никто не узнавалъ.» Зато я не спорю, что лагерь, устроенный Запорожцами для Карла XII, въ трехъ миляхъ предъ Очаковымъ, долженъ былъ находиться недалеко отъ лимана Аджигёльскаго.

Послѣ четырехдневнаго пребыванiя въ гостепрiимномъ, по прежнему, Парутино, я съ двумя спутниками своими (г. Ф. Кальбицомъ и сыномъ моимъ Людовикомъ), переправился черезъ Бугъ и присталъ къ восточному его берегу у деревни Лупаревой балки, близъ Семенова рога или мыса, куда, по Мышецкому (l. l. стр. 2.) переселился, еще въ X столѣтiи, Запорожецъ Семенъ для рыбной ловли, которая и теперь еще здѣсь производится съ большимъ успѣхомъ. Бопланъ (Description de l'Ukranie, Rouen, 1660 p. 26) явно разумѣлъ этотъ мысъ подъ именемъ *Semenwiruk*, полагаемый имъ въ трехъ миляхъ выше Очакова при устьѣ Буга; но я не понимаю какимъ образомъ онъ могъ помѣстить насупротивъ островъ, имѣвшiй въ длину полъ мили и видъ треугольника. Развѣ положить, что онъ подъ

rum profundissimo. . . trajectu superato, Oczacoviam pervenitur. Примѣненное къ Тилигулу названiе Темной долины припоминаетъ имя Кара-урманъ, отмѣченное въ картѣ Риччи Цаннони на восточномъ берегу сего лимана, равно какъ и находящееся въ тѣхъ же мѣстахъ урочище Кара-башъ.

этимъ островомъ разумѣлъ вышеупомянутый береговой край, пролегающій между мысомъ Аджигёль и озеромъ того же имени, и который на картѣ Риччи Цаннони имѣетъ видъ треугольнаго острова.

Отъ Семенова рога мы, чрезъ селеніе Александровку, гдѣ встрѣтили радушный пріемъ въ домѣ управляющаго симъ имѣніемъ, г. Собѣщанскаго, отправились въ мѣстечко Станиславъ, при мысѣ того же имени, названномъ въ древности мысомъ *Гипполаевымъ*, какъ явствуетъ изъ свидѣтельства Геродота. Посему самому нельзя отрицать, что здѣсь именно находился въ глубокой древности храмъ Димитры или Цереры, о которомъ говоритъ этотъ авторъ и который академикъ Кёлеръ хотѣлъ превратить въ храмъ Цибелы, или матери боговъ.

Соглашаясь съ общимъ мнѣніемъ, что этотъ храмъ долженъ былъ находиться въ мѣстечкѣ Станиславѣ, или же въ ближайшихъ его окрестностяхъ, графъ Уваровъ (l. l. стр. 34) сознается, что всѣ его старанія чтобы отыскать слѣды сего зданія остались тщетными. Затѣмъ графъ говоритъ, въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія (стр. 45), къ сожалѣнію неоконченнаго, что къ сѣверу отъ мыса Станиславова, при селеніи Александровкѣ, попадаются Ольвійскія монеты въ большомъ числѣ, равно какъ и различные черепки греческихъ амфоръ и вазъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что графъ здѣсь имѣлъ въ виду мѣстность при самомъ берегу лимана, отстоявшую въ трехъ верстахъ отъ Александровки и въ одной только съ половиною отъ Станислава, и хорошо извѣстную жителямъ какъ селенія, такъ и мѣстечка, подъ именемъ «городка» или городища. Почему же недопустить, что въ немъ именно помѣщался искомый нами храмъ, тѣмъ болѣе, что въ окрестностяхъ мыса нигдѣ болѣе не встрѣчаются слѣды древнихъ построекъ, за исключеніемъ двухъ огромныхъ кургановъ близъ дороги, ведущей изъ Александровки въ Станиславъ, (посему графъ Уваровъ ошибается, говоря, что въ окрестностяхъ сего мыса нѣтъ ни одного кургана). Между тѣмъ городище Александров-

ское, или точнѣе Станиславское, лежащее не въ дальнемъ разстояніи къ югу отъ сказанныхъ кургановъ, не безъ причины такъ названо по сохранившимся въ немъ признакамъ древнихъ жилищъ, какъ можно въ томъ удостовѣриться изъ плана этой мѣстности (см. т. V Зап. табл. 4) начерченнаго, по моей просьбѣ, для Общества, г. подполковникомъ Чирковымъ [4]), учителемъ топографіи при Херсонской гимназіи, съ которымъ мнѣ посчастливилось свидѣться въ самомъ мѣстечкѣ.

Можетъ быть мнѣ скажутъ, что, судя по величинѣ и формѣ городища, въ немъ могъ скорѣе помѣщаться не храмъ, но цѣлый городъ, и что, по свидѣтельству Мешыцкаго (стр. 73) здѣсь дѣйствительно находился въ «старыя времена» городъ Станиславъ, разрушенный Поляками. По тому же автору, близъ него пролегала большая дорога, прозываемая «Королевскій шлягъ», по которой, въ старыя же времена, король польскій шелъ съ своею арміею и при Днѣпрѣ имѣлъ баталью съ Турками и Татарами. По мнѣнію Н. Н. Мурзакевича (1. 1. пр. 102) преданіе это намекаетъ на походъ и пораженіе великаго князя Витольда Эдигеемъ въ августѣ 1399 года. Но мнѣ кажется гораздо правдоподобнѣе, что здѣсь говорится не о несчастномъ для Литовцевъ и для Русскихъ сраженіи при Ворсклѣ, но о побѣдѣ, одержанной Поляками надъ Турками и Татарами, въ 1489 году, *за Бугомъ*, подъ предводительствомъ Іоанна Альбрехта, который здѣсь названъ королемъ, хотя тогда еще былъ только королевичемъ.

---

[4]) Г. Чирковъ, основательно изучившій всѣ особенности береговаго края нижняго Днѣпра, и начертавшій подробную карту его басейна, также прилагаемую къ т. V (см. таб. 5), говорилъ мнѣ, между прочимъ, что при деревнѣ Бѣлозеркѣ, лежащей въ 23 верстахъ ниже Херсона, на Днѣпрѣ, нынѣ еще замѣтна, возлѣ самаго берега рѣки, каменная мостовая въ 5 футахъ ниже горизонта земли. Съ этимъ извѣстіемъ можно соединить сообщенное Мышецкимъ (1. 1. стр. 62) преданіе, что въ этомъ мѣстѣ имѣлся городъ Бѣлозерка, построенный владѣтельницею другаго города сего имени, на лѣвомъ берегу Днѣпра, близъ Каменнаго Затона, по взятіи Мамаемъ сего города, заложеннаго, въ свою очередь, по преданію, нѣмецкимъ народомъ Франковъ, въ коихъ г. секретарь (1. 1. стр. 83.), узналъ Генуэзцевъ.

Какъ бы то нибыло, ничто не мѣшаетъ мнѣ думать, что храмъ Димитры могъ находиться въ древности на томъ самомъ мѣстѣ, около котораго выстроенъ былъ въ послѣдствіи городъ Станиславъ, разрушенный Поляками. По крайней мѣрѣ для празднествъ богини земледѣлія эта мѣстность понравилась бы сыновьямъ Эллады болѣе, чѣмъ гладкая ровная степь въ 8 верстахъ отъ мыса, какъ думаетъ Тетбу, который по сему самому означаетъ вѣроятно ошибочно на своей картѣ (Atlas de la mer Noire, Одесса 1850) мѣсто развалинъ храма.

На обратномъ пути въ Парутино мы заѣхали въ селеніе Кисляковку, гдѣ по мнѣнію графа Уварова, должно было находиться упомянутое въ псефизмѣ Протогена поселеніе Канкитъ и гдѣ найденъ былъ поврежденный барельефъ, пожертвованный нашему Обществу, лѣтъ 15 тому назадъ, покойнымъ Рогаль-Левицкимъ, тогдашнимъ владѣтелемъ Кисляковки. Отъ сына его мы узнали, что въ его имѣніи затѣмъ не было найдено ничего подобнаго, и вмѣстѣ съ нимъ вошли въ церковь, построенную, по словамъ здѣшнихъ старожиловъ, Запорожцами. Изъ статьи преосвященнаго Гавріила, помѣщенной въ Запискахъ Общества (т. II, стр. 157) я потомъ усмотрѣлъ, что церковь эта была заложена въ 1782 году, а затѣмъ, будучи на время упразднена, была возстановлена въ 1810 году. Вмѣсто древностей, о коихъ я завелъ рѣчь съ священникомъ, онъ мнѣ показалъ серебряный крестъ, имѣвшій въ длину около 6 вершковъ, съ надписью, свидѣтельствующей что онъ сдѣланъ былъ въ Тріестѣ въ 1808 году и принадлежалъ фрегату св. Михаилу. Крестъ этотъ найденъ былъ не такъ давно поселяниномъ на берегу Буга, куда вѣроятно попалъ по какому-нибудь несчастію случившемуся съ фрегатомъ, о судьбѣ котораго я впрочемъ тщетно справлялся въ Николаевѣ.

Отправившись далѣе, мы вскорѣ прибыли къ такъ называемой Гетмановой балкѣ и затѣмъ къ мѣсту шведскаго лагеря на *Русской косѣ*, откуда Карлъ XII съ Мазепою и съ

прочими товарищами своего несчастія переправился къ становищу Кинтеміра, находившемуся безъ сомнѣнія близь *Волошской косы*, на противуположной сторонѣ Буга. Не заставши дома владѣльца имѣнія Троицкаго или Русской косы, я не могъ собрать никакихъ новыхъ подробностей объ этой мѣстности, откуда благополучно возвратился въ Парутино.

Разставшись окончательно съ нашимъ Геркуланумомъ въ надеждѣ, что съ открытіемъ университета въ Одессѣ, разольется новый свѣтъ надъ развалинами города, который, въ свое время, также былъ «перломъ» здѣшняго края, мы отправились въ Николаевъ, осмотрѣвъ на пути своемъ мѣста, гдѣ нынѣ еще замѣтны признаки древнихъ жилищъ, именно городища при Чертоватой балкѣ и возлѣ деревни Козырской. Изъ Николаева мы возвратились въ Одессу почтовымъ трактомъ, оставивъ въ сторонѣ селеніе Анчикракъ, куда я сначала думалъ заѣхать для внимательнаго разсмотрѣнія двухъ мраморныхъ львовъ съ вырѣзанными на нихъ, никѣмъ, кажется, еще не разгаданными буквами или знаками,—открытыхъ при разрытіи одного изъ кургановъ 'ольвійскихъ и перевезенныхъ оттуда въ Анчикракъ г. Менцелемъ, прежнимъ управляющимъ обоихъ имѣній графа Кушелева.

Мнѣ именно хотѣлось еще разъ повѣрить снятую нѣсколько лѣтъ тому назадъ копію этихъ начертаній, немного различествующую отъ другой, которую можно видѣть на изображеніи этихъ памятниковъ, приложенномъ къ краткому ихъ описанію, помѣщенному секретаремъ въ III томѣ Записокъ Общества. Но еще въ Ольвіи я узналъ отъ г. Скоробогатаго, тогда управляющаго Анчикракомъ, что оба льва прошлою зимою имъ были отправлены въ С.-Петербургъ для помѣщенія ихъ тамъ въ новостроющемся домѣ владѣльца имѣнія. Если имъ тамъ придется стоять съ наружной стороны сего зданія, на чистомъ воздухѣ, то не подлежитъ сомнѣнію, что пагубнымъ на мраморъ дѣйствіемъ сѣвернаго климата они въ скоромъ времени будутъ обезображены, такъ что находящіеся на нихъ загадочные знаки совершенно, можетъ быть, изчез-

нутъ прежде, нежели успѣютъ обратить на себя вниманіе тамошнихъ ученыхъ. Вотъ почему я, по возвращеніи своемъ въ Одессу, предложилъ Обществу принять находящуюся у меня копію для храненія ее до полученія положительныхъ свѣдений о дальнѣйшей судьбѣ обоихъ львовъ, или же —о настоящемъ значеніи изображенныхъ на нихъ іероглифовъ [5]).

---

[5]) Въ бытность мою въ С.-Петербургѣ въ 1869 году я засталъ старыхъ моихъ ольвійскихъ знакомыхъ на дворѣ дома, принадлежавшаго, сколько мнѣ помнится графу Кушелеву Безбородко, откуда они затѣмъ перенесены были. какъ я съ удовольствіемъ узналъ въ 1876 году изъ письма одного изъ моихъ знакомыхъ, въ Императорскій Эрмитажъ.

X.

Судьбы мѣстности занимаемой Одессою[1]).

Подобно всему сѣверному берегу Чернаго моря, мѣстность составляющая нынѣшнее Одесское градоначальство, до временъ Геродота, покрыта была Киммерійскимъ мракомъ. Даже когда этотъ мракъ началъ разсѣеваться, когда нѣкоторые береговые пункты ясно обозначились въ изящной картинѣ древней Скиѳіи, намъ оставленной «отцемъ исторіи», мы въ трудѣ его не находимъ намека на то, былъ-ли нашъ портъ въ его время доступенъ, или по крайней мѣрѣ извѣстенъ его соотечественникамъ. Развѣ только позволено будетъ заключить изъ его словъ (IV, 17), что въ окрестностяхъ Одессы обитали тогда *Каллипиды*, происходившіе изъ смѣшенія Грековъ съ Скиѳами и съ успѣхомъ занимавшіеся хлѣбопашествомъ и разведеніемъ различнаго рода овощей.

По всей вѣроятности имя сего народа скрывается также въ *Карпидахъ*, которые, по Эфору, жили между Истромъ и Борисѳеномъ, какъ видно изъ свидѣтельства Скимна Хіосскаго (Scymn. Fragm. 102), отъ котораго это извѣстіе заимствовалъ въ свою очередь безъименный авторъ Перипла Понта Евксинскаго (ed. Gail, 208).

Хотя Страбонъ (XII, 14 § 21) считаетъ недостовѣрнымъ то, что Геродотъ и другіе авторы говорятъ о Каллипидахъ, тѣмъ не менѣе Помпоній Мела (II, 1, 7 cf. Solin. c. 20) снова о нихъ упоминаетъ, ставя ихъ жилища между Гипани-

[1]) Впервые напечатано въ I т. Трудовъ Одесск. Стат. Комитета.

сомъ (Бугомъ) и Аксіацесомъ, въ которомъ нельзя не узнать Тилигулъ. Въ странѣ, пролегающей между нимъ и Тирасомъ (Днѣстромъ), жили *Аксіаки*, которые, по тому-же автору, не брали никакихъ мѣръ предосторожности для охраненія своего имущества. Поэтому они, вѣроятно, были разграблены *Гетами*, когда этотъ народъ простеръ свое оружіе надъ берегомъ Чернаго моря до самой Ольвіи. По Діону Хрисостому (см. перев. Борисѳ. рѣчи, 39) городъ этотъ ими былъ завоеванъ 150 лѣтъ до собственнаго его въ немъ пребыванія: посему и должно думать, что здѣшній край подпалъ подъ власть Гетовъ при царѣ ихъ Беребистѣ, который, по Страбону (VII, 3), былъ современникомъ Юлія Цезаря, а по мнѣнію покойнаго предсѣдателя Московскаго Общества Исторіи и Древностей, узнавшаго въ немъ Славянина, собственно назывался Буревичъ, подобно тому, какъ, по Черткову-же [2]), имена самаго славнаго изъ преемниковъ Беребиста, т. е. Децебалъ и Дорпаней, должны были гласить Дикій волъ и Добрій панъ. Безъ сомнѣнія, созвучіе нѣсколькихъ словъ еще не доказываетъ сродства двухъ племенъ; но зато разныя другія обстоятельства, приведеніе коихъ было бы здѣсь неумѣстнымъ, заставляютъ меня, вопреки Шафарику, признать правдоподобнымъ мнѣніе, что Геты или Даки были предками Славянъ.

Плиній (IV, 26), вѣроятно, также имѣлъ въ виду Каллипидовъ, когда говоритъ о *Кробизахъ*, обитавшихъ будто бы также къ востоку отъ Аксіацеса. Ошибка римскаго автора въ этомъ случаѣ могла произойти оттого, что ѳракійскіе Кробизы (именемъ своимъ напоминающіе Несторовыхъ Кривичей), обитали въ небольшомъ разстояніи отъ города Одиссоса (близь Варны) и что другой городъ того-же имени, имъ впрочемъ названный *Ordesus*, находился около устья Аксіацеса, какъ явствуетъ не столько изъ слѣдовъ древняго поселенія, открытыхъ въ селѣ Троицкомъ, или Коблевкѣ [3]), сколько изъ

[2]) О переселеніи Ѳракійскихъ племенъ за Дунай, 15, 92, 93.

[3]) Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн. V, 589. Камень этотъ могъ быть переведенъ въ Коблевку изъ Парутино.

измѣреній Арріана (ed. Gail, 77) и Безъименнаго (ibid. 219), по единогласному свидѣтельству коихъ пристанище для судовъ, именуемое *Одиссосъ*, находилось на разстояніи 80 стадій (ок. 14 верстъ) отъ небольшаго острова, лежавшаго предъ устьемъ Борисоена, т. е. отъ нынѣшняго острова Березани.

Пристанище *Скопулы*, находившееся по Безъименному въ 160 стадіяхъ отъ Одиссоса, всѣ почти изслѣдователи ищутъ возлѣ Дофиновки, при самомъ началѣ Одесскаго залива; но затѣмъ уже расходятся въ мнѣніяхъ. По Стемпковскому [4]), гавань *Истріанъ*, отмѣченная авторами обоихъ перипловъ на разстояніи 250 стадій (ок. 40 верстъ) отъ Одиссоса, совпадала съ портомъ Одесскимъ. Для подтвержденія сего мнѣнія знаменитый нашъ археологъ сослался на различныя древности, какъ-то: вазы, амфоры, чаши и глиняные черепки, найденные на нынѣшнемъ приморскомъ бульварѣ, возлѣ таможни, на театральной площади и т. д. Поелику-же подобные предметы были также открыты и теперь еще встрѣчаются на хуторѣ княгини Жеваховой, на восточной сторонѣ горнаго хребта, отдѣляющаго Куяльникскій лиманъ отъ Гаджибейскаго, то Стемпковскій хотѣлъ сюда помѣстить городъ *Фиска*, упомянутый однимъ только Птолемеемъ (III, 10).

Но такъ какъ ничто не доказываетъ, что этотъ городъ не могъ лежать совершенно въ иномъ мѣстѣ, то г. Беккеръ [5]), съ гораздо большимъ правомъ, ищетъ здѣсь гавань Истріанъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему представляется возможность узнать въ Одесскомъ портѣ гавань *Исіаковъ*, отстоявшую, по Арріану, въ 50 только стадіяхъ (ок. 8 верстъ) отъ гавани Истріанъ, тогда какъ Стемпковскій и Бларамбергъ (Journal d'Odessa 1827 № 2) принуждены были отодвинуть гавань Исіаковъ до Сухаго лимана, за нѣмецкою колоніею Люстдорфъ, гдѣ рѣшительно нѣтъ никакихъ слѣдовъ древняго поселенія. При томъ гавань Исіаковъ находилась по Безъименному, у котораго она

[4]) Изслѣд. о мѣстоположеніи др. греч. посел. на бер. Понта Евкс.

[5]) Записки Одесск. Общ. Ист. III, 202.

называется *Іако*, на разстояніи 300 стадій (ок. 50 верстъ) отъ *Никоніума*, отыскиваемаго только что приведенными изслѣдователями въ Овидіополѣ, хотя, вѣроятно, онъ лежалъ немного ниже между деревнями Отарикомъ и Бузиноватою, гдѣ значительные признаки греческаго поселенія были открыты г. Беккеромъ. Впрочемъ, еслибы Никоніумъ и лежалъ въ предположенномъ Стемпковскимъ и Бларамбергомъ мѣстѣ, то и въ такомъ случаѣ пришлось бы искать гавань Исіаковъ скорѣй въ Одессѣ, нежели при Сухомъ лиманѣ, отстоящемъ отъ Овидіополя не въ 50, но менѣе чѣмъ въ 40 верстахъ.

Правда, по Безъименному разстояніе между гаванями Истріанъ и Исіаковъ составляло не 50, но 90 стадій. Однако, послѣ вышесказаннаго, придется только допустить, что онъ здѣсь отклоняется отъ Арріана по какому-нибудь недосмотру, или же что онъ, какъ полагалъ г. Беккеръ, въ свое измѣреніе включилъ часть Гаджибейскаго лимана [6]), между тѣмъ какъ Арріанъ мѣрилъ прямо разстояніе между обѣими пристанями.

Если-же положимъ, что прямое между ними разстояніе и составляло не 50, но 90 стадій или 12 римскихъ миль, какъ считается у Безъименнаго, то оно составляло-бы 16 ($15^3/_4$) верстъ, а не 12, какъ полагалъ Стемпковскій, въ полной увѣренности, что миля безъименнаго сочинителя Перипла Понта Евксинскаго равнялась нынѣшней нашей верстѣ. Доводами сего убѣжденія служили ему слѣдующія два обстоятельства: 1) пространство берега, заключеннаго между Днѣстромъ и Днѣпромъ составляетъ теперь сто нашихъ верстъ и 2) по измѣренію промежуточныхъ разстояній Безъименнаго, между Борисѳеномъ и Тирасомъ приходится не болѣе 810 стадій, или даже 750, равняющихся ста милямъ.

Дѣйствительно Безъименный считаетъ отъ устья Борисѳена до острова предъ нимъ лежащаго 60 стадій; затѣмъ до

[6]) Что этотъ лиманъ въ старину былъ бухтою, въ которую входили большія суда, явствуетъ изъ находимыхъ въ немъ якоряхъ о четырехъ лапахъ и вѣсомъ до 40 пуд. (О засореніи Одесскаго порта, въ № 67 Одесск. Вѣстн. за 1858 г.) Ниже увидимъ, что пересыпь, нынѣ отдѣляющая этотъ лиманъ отъ моря, быть можетъ, образовалась только въ XIV стол. послѣ Р. X.

Одиссоса 80; до Скопулъ 160; до гавани Истріанъ 90; до гавани Исіаковъ 90; до Никоніума 300; до Тираса 30, итого 810 стадій. Вмѣсто этой суммы Стемпковскій считаетъ только 750, потому что Никоніумъ лежалъ вверхъ по Днѣстру, а не на берегу моря, какъ видно изъ описанія Безъименнаго сочинителя; «слѣдовательно,» говоритъ основатель Керченскаго музея «изъ 810 стадій надлежитъ вычесть тѣ 30, кои сей сочинитель полагаетъ между Никоніумомъ и устьемъ Тираса, и отъ сего устья до гавани Исіаковъ считать только 270, почему и остается 750 стадій или 100 миль на разстояніе между Тирасомъ и Борисѳеномъ».

Подобно Стемпковскому г. Беккеръ думаетъ, что Безъименный, измѣривъ разстояніе между гаванью Исіаковъ и Никоніумомъ, оттуда возвращается назадъ къ восточной оконечности Днѣстровскаго лимана, между тѣмъ какъ авторъ Перипла въ своемъ измѣреніи шелъ впередъ до города *Тираса*, какъ это доказалъ г. Нейманъ. «Мнѣніе г. Беккера,» говоритъ онъ (Die Hellenen im Skythenlande, 359) «которое уже по своей неестественности (Künstlichkeit) возбуждаетъ наше сомнѣніе и предполагаетъ въ Периплѣ, идущемъ сухо и правильно впередъ отъ одного пункта до другаго, непрактическое pêle mêle, —ведетъ къ странному факту, что нѣтъ указанія на мѣстоположеніе самаго главнаго пункта, т. е. города Тираса; что не указано его именно разстояніе какъ отъ Никоніума, такъ отъ башни *Неоптолема*» [7]). Еще болѣе можно

---

[7]) Башня эта, какъ видно изъ свидѣтельства не только Безъименнаго, но и Страбона (VII. 3, § 16), находилась при западной оконечности Днѣстровскаго лимана и могла поэтому занимать мѣсто, гдѣ нѣкоторые слѣды древнихъ построекъ были найдены г. Беккеромъ. Древняя же башня, именемъ своимъ напоминающая нѣкоторымъ сына владѣтеля Понта Ахиллеса, а другимъ полководца понтійскаго же владѣтеля Митридата, была, вѣроятно, ничто иное какъ маякъ, стоявшій при входѣ въ Днѣстровскій лиманъ, гдѣ подобнаго рода зданіе существовало еще въ началѣ XV вѣка, какъ явствуетъ изъ свидѣтельства іеродіакона Зосимы. Прошедши изъ Бѣлграда (Аккермана) 9 верстъ, онъ спустился въ устье Днѣстра, гдѣ стоялъ «столпъ называемый фонарь,» и при которомъ находились «привалы корабельные,» между тѣмъ какъ современные московскому путешественнику итальянскіе моряки подъ именемъ

убѣдиться въ неосновательности мнѣнія г. Беккера, если имѣть въ виду сумму разстояній всѣхъ береговыхъ пунктовъ по измѣреніямъ Безъименнаго. Показавъ, что въ разстояніи между Херсонисомъ и Тирасомъ (3810 стадій или 508 миль) имъ дѣйствительно включены не только всѣ 300 стадій, отдѣлявшія гавань Псіаковъ отъ Никоніума, но еще слѣдующія 30 между этимъ городомъ и Тирасомъ, г. Нейманъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что Безъименному не пришло въ голову возвратиться изъ Никоніума къ восточному устью лимана, и что онъ не забылъ указать на разстояніе, отдѣлявшее главный городъ края отъ сосѣдственныхъ береговыхъ пунктовъ Вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается, что городъ Никоніумъ дѣйствительно находился въ предположенномъ г. Беккеромъ мѣстѣ, отстоящемъ отъ Аккермана въ $5^1/_2$ верстахъ, т. е. около 30 стадій, между тѣмъ какъ разстояніе между нимъ и Овидіополемъ составляетъ около 50 стадій, или 9 верстъ.

Впрочемъ, такъ какъ Никоніумъ, находясь въ 30 стадіяхъ отъ города Тираса, отдѣленъ былъ подобнымъ же пространствомъ отъ восточной оконечности лимана, то и протяженіе берега между нею и устьемъ Днѣпра дѣйствительно равнялось-бы 750 стадіямъ или 100 милямъ Безъименнаго. Съ другой стороны нельзя не согласиться, что прямое разстояніе между устьями Днѣпра и Днѣстра не превышаетъ 100 верстъ или 57 миль морскихъ. Но зато къ нимъ придется непремѣнно прибавить около 30 верстъ, если будемъ мѣрить это разстояніе берегомъ, и сложимъ съ Безъименнымъ частныя разстоянія упомянутыхъ имъ береговыхъ пунктовъ. Такимъ образомъ оказалось-бы, что миля этого автора равнялась-бы не одной верстѣ, а верстѣ и $^3/_{10}$.

Оно и не могло быть иначе, потому что позднѣйшая римская миля, соотвѣтствующая $7^1/_2$ греческихъ стадій [8]) соста-

falconare, отмѣченнымъ на ихъ картахъ, вѣроятно разумѣли т. н. мысъ Балабанъ, т. е. морской берегъ, пролегающій между лиманами Будацкимъ и Бурнасскимъ и открывающійся въ ясную погоду за 12 миль (Лоція Чернаго моря, 436).

[8]) Forbiger, Handbuch der alt. Geogr. I, 555.

вляла 80-ю часть градуса, который, какъ извѣстно, содержитъ въ себѣ около 105 верстъ. Если-же 80 подобныхъ миль равнялись 105 верстамъ, то Стемпковскому слѣдовало замѣнить 100 миль не ста верстами, но по крайней мѣрѣ ста тридцатью.

Нельзя сказать, какая участь постигла всѣ приведенные порты, когда они подпали подъ власть нѣмецкихъ *Готовъ*, въ коихъ знаменитый Гриммъ, ошибаясь подобно Іорданесу, узнавалъ потомковъ Даковъ или Гетовъ. Утвердившись, въ III вѣкѣ нашей эры на сѣверномъ берегу Чернаго моря, Готы, теченіемъ Днѣстра, раздѣлились на *Тервинговъ*, или Западныхъ и на *Грейтунговъ*, или Восточныхъ. Жилища послѣднихъ доходили до Дона, или, по крайней мѣрѣ, до Днѣпра (Amm. Marc. 31, 3), такъ, что имъ принадлежали порты Истріанъ и Исіаковъ, когда они, отобравъ у прибрежныхъ жителей до 2000 (по Зосиму 6000) судовъ, съ устья Днѣстра отправились на морскіе поиски въ Архипелагъ, въ царствованіе императора Клавдія II [9]). Сподвижниками ихъ въ подобныхъ походахъ, часто повторяемыхъ, были *Carpi* [10]), вѣроятно тождественные съ *Карпіанами* Птолемея, равно какъ и съ *Гарпіами* или *Арпіами*, которые, по тому же автору (III, 10), обитали вдоль по морскому берегу между Дунаемъ и Днѣпромъ, стало быть въ тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ предъ ними жили Каллипиды Геродота и Мелы, Кробизы Плинія и Карпиды Скимна и безъименнаго автора перипла.

Когда-же послѣ нашествія Гунновъ на Европу, Готы, за исключеніемъ нѣсколькихъ тысячей, удержавшихся до XVI столѣтія въ горной части Крыма, принуждены были искать себѣ новыя жилища въ трехъ полуостровахъ южной Европы, и когда вслѣдъ затѣмъ быстро возникшее могущество Гунновъ столь-же быстро рушилось, тогда уже на сѣверномъ берегу Чернаго моря явились родственныя племена *Славянъ и*

---

[9]) Treb. Pollio in Claud. c. 6—9; Zos, I, 42—49.

[10]) Jorn, De reb. get. etc. c. 19; Zosimus, l. c.

Антов. Последніе именно, поселившись между Днѣстромъ и Днѣпромъ (Jord. 1 l. c. 5) получили, по Прокопію, отъ императора Юстиніана, въ 545 году, опустѣвшій городъ *Турисъ* съ областью, лежавшей «за» Дунаемъ, (ὑπὲρ ποταμὸν Ἴστρον), съ тѣмъ, чтобы они защищали границу имперіи противъ варваровъ. Хотя Прокопій [11]) и говоритъ, что Турисъ былъ основанъ Траяномъ, но этимъ не мѣшаетъ мнѣ видѣть въ немъ Тирасъ, едва-ли не ими, т. е. Антами, названный *бѣлымъ городомъ*, извѣстнымъ Константину Багрянородному (De adm. imp. c. 37) и переименованнымъ Турками въ Аккерманъ.

Подобнымъ образомъ можно принять Антовъ за предковъ Несторовыхъ *Тиверцевъ* (вар. Тѣверцы, Тиврцы), жилища которыхъ доходили до Днѣстра, или даже, вдоль по морскому берегу до Днѣпра, если только допустить, что лѣтописецъ не хотѣлъ два раза говорить о Днѣстрѣ въ слѣдующемъ предложеніи: «Тиверцы сѣдяху по Днѣстру, присидяху къ Дунаеву; бѣ множество ихъ, сидяху бо по Днѣстру (Днѣпру?) оли до моря, суть гради ихъ до сего дни, да то ся зваху отъ Грекъ Великая Скуфь» (Лавр. л. 4). Въ другомъ мѣстѣ лѣтописецъ (ibid. 12), говоря, что въ войскѣ Олега находились также Тиверцы, прибавляетъ: «яже суть толковини». Если, какъ остроумно догадывался В. И. Григоровичъ, это названіе произошло отъ слова толокъ, то оказалось-бы, что Тиверцы добровольно служили русскому князю, подобно тому, какъ Анты, и передъ ними Тервинги, прежде были союзниками Византійскихъ императоровъ. Если-бы Готы, какъ выше нами уже было замѣчено (стр. 39) дѣйствительно удержались долго еще въ окрестностяхъ Силистріи, то и объяснилось-бы, почему Анты, съ ними смѣшавшись, стали называться Тивѣрцами, т. е. Тервингами, подобно тому какъ задунайскіе ихъ единоплеменники превратились въ Болгаръ, а приднѣпровскіе въ Русь. Также объяснились-бы готскія слова въ древнеславянскомъ языкѣ.

---

[11]) De bello gotth. III, 15; cf. Зап. Одесск. Общ. III, 452.

По Константину Багрянородному (De adm imp. I, 37 c.) береговой край занятый Антами и Тиверцами въ его время назывался *Золотымъ берегомъ*, быть можетъ по своей важности для рыбной ловли, которая по свидѣтельству Нестора, также производилась съ большимъ успѣхомъ въ *Бѣлобережьѣ*, совпадавшимъ съ Золотымъ берегомъ или, по крайней мѣрѣ, составлявшимъ часть его. Нельзя не узнать славянское слово *бѣлобережье* въ имени *barbarese*, или *borbarese*, отмѣченномъ на итальянскихъ картахъ XIV и XV столѣтій около нынѣшняго Березанскаго лимана, подобно тому какъ въ нихъ лиманъ Тилигульскій названъ flor-de-lis, между тѣмъ какъ слѣдующее имя ginestra или zinestra означало мысъ, отдѣляющій Гаджибейскій лиманъ отъ Куяльника, или же одинъ изъ этихъ лимановъ.

Мнѣ уже представился случай (см. выше стр. 81) высказать мнѣніе, что различныя мѣстности, лежавшія на сѣверномъ берегу Чернаго моря, могли быть наименованы итальянскими моряками по растеніямъ, которыя и нынѣ еще въ изобиліи встрѣчаются въ ихъ окрестностяхъ. Впрочемъ я не отрицалъ, и теперь не отрицаю, что другія посторонція обстоятельства могли послужить поводомъ къ примѣненію къ лиманамъ Куяльникскому и Тилигульскому названій, изъ коихъ одно было прозвищемъ англійскихъ королей изъ дома Анжускаго, тогда какъ другое напоминаетъ намъ старинный французскій гербъ. «Но почему» спрашиваетъ извѣстный сотрудникъ Тафеля[12]) «слова, означающія этотъ гербъ, отмѣчены при устьѣ Тилигула по испански? Не находились ли тутъ или церковь или же монастырь? въ Мадритѣ есть церковъ Мадоны того же наименованія; или же не приставали ли тутъ какіе то странствующіе Каталаны?». По Capmany[13]) Каталаны еще въ 1290 году получили отъ императора Андроника II право участво-

[12]) Thomas, Periplus Ponti-Euxini, München, 1864.

[13]) Memorias hist. sobre.... Barcelona, Madrid (4 тома 1779 sq.) II, Docum. 249—301.

вать въ Черноморской торговлѣ, которымъ впрочемъ едва-ли могли пользоваться по причинѣ ревнивости Венеціанцевъ и Генуэзцевъ. Но такъ какъ вскорѣ спустя Роккафорте, одинъ изъ начальниковъ «Великой Компаніи», готовъ былъ сочетаться бракомъ съ сестрою болгарскаго царя Святослава, вдовою Чакáса, сына Ногая [14]), то барцелонскіе моряки легко могли приставать къ берегу Добруджи, тогда именно недоступному для Генуэзцевъ, поссорившихся съ царемъ «Fedixclavus'омъ» [15]). Каталаны, напротивъ того были бы тамъ приняты радушно, такъ какъ ими около сего времени разрушенъ былъ принадлежавшій врагамъ царя (Византійцамъ) военный портъ Stagnera, близъ нынѣшней деревни Инада, на западномъ берегу Чернаго моря. При такихъ обстоятельствахъ, позволено будетъ спросить, неужели устье Дуная, которое уже тогда называлось «георгіевскимъ», обязано этимъ именемъ непремѣнно Генуэзцамъ? По крайней мѣрѣ съ давнихъ поръ «la cruz encarnada de San jorge» красилась въ гербѣ Барцелоны, а затѣмъ уже (1115) была сообщена республикѣ св. Георгія «por el conde de Barcelona Raymund Berenguer III» [16]).

Соглашаясь съ Томасомъ, что слова flor de lis могли быть отмѣчены на средневѣковыхъ картахъ Чернаго моря первоначально Каталанами, Пешель (Ausland 1864 стр. 1030) можетъ быть не ошибается, замѣчая, въ своемъ разборѣ только что приведеннаго труда мюнхенскаго академика, что составители картъ подъ своимъ flor de lis разумѣли ничто иное, какъ магнитный сѣверъ, на томъ основаніи, что на старинныхъ компасахъ изображалась лилія при сѣверной оконечности магнитной стрѣлки. «Изданныя мюнхенскою академіею морскія карты» говоритъ онъ «представляютъ намъ даже розу вѣтровъ съ изображеніемъ лиліи». Тождество сего знака съ гербомъ Франціи подало поводъ нѣсколькимъ зарейнскимъ ученымъ, увлеченнымъ чувствомъ неумѣстнымъ въ дѣлѣ науки, присвоить

---

[14]) Печекъ, Ист. Болгаръ, русск. переводъ.

[15]) Heyd, Le colonie italiani etc. II, 93.

[16]) Capmany, 1. 1. T. 5; cp. Apend. de not. N III, стр. 3.

своему отечеству честь если не изобрѣтенія, то, по крайней мѣрѣ, усовершенствованія компаса. Но такъ какъ родина Медичисовъ также имѣла лилію въ своемъ гербѣ, то Флорентинцы имѣли бы полное право оспаривать эту честь у Французовъ, тѣмъ болѣе, что двуглавый орелъ и крестъ, означавшіе на старинныхъ компасахъ западъ и востокъ, и соотвѣтствующіе эмблемамъ Джибелиновъ и Гвельфовъ, гораздо скорѣе могли быть присоединены къ розовой лиліи соотечественникомъ Данте, нежели кѣмъ либо изъ французскихъ королей. По сему до поры до времени нѣтъ надобности считать невѣроятнымъ преданіе, по которому, около 1300 года нашей эры, компасъ, раздѣленіемъ розы вѣтровъ на 16 румбовъ, былъ улучшенъ Амальфитяниномъ Флавіо Джіоіа [17]). Во всякомъ случаѣ его соотечественники могли первые примѣнить къ Тилигулу тогдашнее названіе магнитнаго сѣвера, такъ какъ они прежде другихъ Итальянцевъ пользовались торговыми льготами въ Константинополѣ (De la Primaudaie, l. l. 32), откуда тѣмъ легче могли добираться до сѣвернаго берега Чернаго моря, что еще на родинѣ своей имѣли случай познакомиться съ нашими Викингами [18]). Предположеніе, что Тиряне южной Италіи могли посѣщать Русское море, не покажется слишкомъ смѣлымъ, если имѣть въ виду, что на картахъ средневѣковыхъ, хранящихся въ Мюнхенѣ, слова porto de Malfitan отмѣчены при Сухумской бухтѣ. Изъ этой приписки можно заключить, что въ сосѣдствѣ древняго Діоскуріаса находилось поселеніе, основанное Амальфитянами; или, по крайней мѣрѣ— что суда, познакомившіе народы Востока съ произведеніями Европы [19]), имѣли пристанище въ тѣхъ же мѣстахъ гдѣ въ послѣдствіи утвердились Венеціянцы и Генуэзцы.

Уже гораздо позже является въ морскихъ картахъ имя *Caczibei* или *Kaczibei*, около того мѣста гдѣ нынѣ красуется

---

17) Jal, Glossaire nautique, Paris, 1848 s. v. Rose de Compas.

18) Muralt, Chron. Byzant. 619 et passim.

19) Guil. Tyr. XVIII, 4, ap. Bongars.

перлъ Новороссійскаго края. По Сарницкому[20]), портъ Качибейскій обязанъ именемъ своимъ татарскому полководцу Качубею, который вмѣстѣ съ другими, Кутлубахомъ и Дмитріемъ, такъ сильно былъ разбитъ Литовцами, въ 1331 году, при устьѣ Днѣпра, что Татары принуждены были бѣжать частью къ Дону, частью-же черезъ Дунай, въ Добруджу.

По приведенному польскому писателю этотъ подвигъ былъ совершенъ великимъ княземъ Ольгердомъ, и таково также мнѣніе Лелевеля[21]), и даже Карамзина. Ибо безъ сомнѣнія нашъ исторіографъ имѣлъ въ виду это событіе, когда говоритъ (изд. Эйнерл. V, 8): «Въ 1363 году онъ (Ольгердъ) пошелъ съ войскомъ къ Синимъ Водамъ (т. е. Синюхѣ, притоку Буга) или въ Подолію, гдѣ кочевали три орды монгольскія; разбивъ ихъ, гнался за ними до самой Тавриды, опустошилъ Херсонъ, умертвилъ большую часть его жителей и похитилъ церковныя сокровища, и съ того времени, какъ вѣроятно, опустѣлъ сей древній городъ, и Татары Заднѣпровскіе находились въ нѣкоторой зависимости отъ Литвы». Затѣмъ Карамзинъ еще прибавляетъ въ выноскѣ (V, 12) «Стрійковскій пишетъ (Хрон. Литвы, кн. XII, гл. 2), что Ольгердъ съ племянниками своими, Александромъ, Константиномъ, Георгіемъ и Өеодоромъ Коріатовичами, близь Синей Воды, въ Подоліи, разбивъ трехъ князей монгольскихъ, Кутлубаха Султана, Качибейкирея и Димейтера Султана (будто въ 1331 году), прогналъ Татаръ въ Крымъ и за Дунай» etc.

Но, не говоря о томъ, что Корсунь былъ уже опустошенъ въ 1223 году правителемъ Синопа Гетумомъ[22]), и что еще не былъ хорошо обстроенъ въ 1333 году, когда въ немъ было устроено католическое епископство[23]), не трудно будетъ намъ доказать, что сынъ Гедимина никогда не былъ въ Кры-

---

[20]) Dlugossi Hist. Pol. 1712, II, стр. 1134.

[21]) Hist. de la Ruthénie et de la Lithuanie, 135.

[22]) Куникъ, въ 2 т. Учен. Зап. Ак. Наукъ, стр. 739.

[23]) Theiner, Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae historiam illustrantia, Romae, I, стр. 3?7.

му и что посему самому неудивительно, что Михаилъ Литвинъ ничего не говоритъ о разграбленіи имъ Херсона, столь краснорѣчиво описанномъ Карамзинымъ!

Еще Тунманъ [24]) былъ увѣренъ, что дѣло это касалось не великаго князя Ольгерда, но полководца того-же имени, посланнаго Витольдомъ, около 1396 года, противъ Татаръ. Дѣйствительно мы узнаемъ отъ Длугоша (XI, 153), Туана (in Pol. Elzev. 241) и самаго Сарницкаго (Dlug. II, 1159), что въ это время Витольдъ, вслѣдствіе счастливаго похода, перевелъ изъ Скиѳіи множество Татаръ въ окрестности Трокъ, гдѣ эту колонію засталъ Гилльберъ де Ланнуа [25]), незабывшій намъ передать, что между ними было много Евреевъ. Если, какъ должно думать, Караиты именно съ этого времени обитаютъ въ Трокахъ, то кажется, что походъ Литовцевъ направленъ былъ въ Крымъ, и предположеніе сіе подтверждается извѣстіемъ, сообщеннымъ Шлёцеромъ. Въ своей исторіи Литвы, описывая дѣйствія Витольда, славный истолкователь Нестора говоритъ [26]), что полководецъ великаго князя, Ольгердъ, разбилъ около Дона трехъ выступившихъ противъ него хановъ: Крымскаго, Кирькельскаго и Манлопскаго.

Нельзя не узнать въ этихъ трехъ ханахъ приведенныхъ выше полководцевъ: Кутлубуха, Качибея и Дмитрія, тѣмъ болѣе, что *Синяя* вода, при которой они претерпѣли пораженіе, не могла не совпадать съ Дономъ, поелику современные нѣмецкіе анналисты [27]), говоря о славной побѣдѣ, одержанной великимъ княземъ Дмитріемъ Іоанновичемъ при этой рѣкѣ въ 1380 году, ее то именно называютъ Синею водою: «Eodem anno Ruteni et Tartari habuerunt conflictum simul prope Bluewater; Ruteni prevaluerunt».

По современнымъ нѣмецкимъ писателямъ, продолжателю Детмара и Руфу [28]), Витольдъ лично участвовалъ въ 1396 г. въ

[24]) Büsching, Erdbeschr. IV, стр. 387.
[25]) Voyages etc, ed. Mons, 25.
[26]) Ср. Кёппенъ, Крымскій Сборн. 310.
[27]) Script. rerum Pruss. III, 114.
[28]) Ibid. 216.

походѣ противъ Татаръ, проникъ до окрестностей Каффы и плѣнилъ многихъ татарскихъ вельможъ: «toch mit dem volke al Tatheren dore lettoe vor Capha unde venk unde slach doet und bedwank se to male. Also makede he vele Tatheren underdanich den Lettowen.... he vingh ock alle de voersten und edele lude, da in dem ryke waren».

Хотя изъ этого еще не слѣдуетъ, что *полководецъ* Витольда Ольгердъ когда либо раззорилъ Херсонъ, то зато несомнѣнно, что туда заставили ходить «великаго князя» Ольгерда въ 1363 году потому только, что въ этомъ самомъ году *Ржевъ* былъ взятъ Литовцами и что, при описаніи этого событія, въ Никоновской лѣтописи читается *Коршева* вмѣсто *Ржева*.

Что-же касается разбитыхъ Витольдомъ или его полководцемъ трехъ хановъ, то ясно, что ханъ Крымскій непремѣнно долженствовалъ быть Кутлабуха, т. е. Кутлубуга [29]), между тѣмъ какъ султанъ Манлопскій, т. е. Мангупскій, могъ называться Дмитріемъ, будучи христіаниномъ. Поэтому оказывается что ханомъ Киркельскимъ не могъ не быть основатель Гаджибея, что не помѣшало-бы намъ видѣть въ немъ нѣкоего Бекъ-Гаджи, начальника племени Суткулъ (Березинъ, l. l. II, 15) или Шюракюль (Зап. Од. Общ. I, 339), которому утвердилъ Тохтамышъ льготы, дарованныя еще Тимуръ Пуладомъ его племени.

По крайней мѣрѣ становища этого племени, которое ханскимъ ярлыкомъ было освобождено отъ всякаго рода податей и повинностей какъ внутри Крыма, такъ внѣ и на мѣстахъ остановки, могли простираться до окрестностей порта Гаджибейскаго.

Впрочемъ кажется, что владѣтель Киркьера Гаджибей, или Бекъ-Гаджи, былъ въ числѣ убитыхъ въ войнѣ съ Витольдомъ, или въ числѣ лицъ отведенныхъ имъ въ Литву. Ибо еще въ 1397 году ханъ Кипчакскій Тимуръ Кутлукъ,

---

[29]) Березинъ, Ханск. Ярлыки, I, пр. 9.

заставившій самаго Тохтамыша искать убѣжище въ Литвѣ, отдалъ Киркьерскую область, сосѣдственную селенію Судакъ, нѣкоему Мухамеду сыну Гаджи-Байрамъ-Ходжа, даровавъ ему льготы въ родѣ тѣхъ, какія начальникъ племени Суткулъ получилъ отъ Тохтамыша (Березинъ, I. I. 10).

Верховная власть Литвы надъ здѣшнимъ краемъ не прекратилась послѣ страшнаго пораженія, нанесеннаго Витольду Эдигеемъ при Ворсклѣ въ 1399 году. Иначе не объяснилось бы, какимъ образомъ Владиславъ II могъ отправить въ 1415 году нѣсколько судовъ, нагруженныхъ хлѣбомъ, изъ порта Качибейскаго въ столицу греческой имперіи, терпѣвшей въ это время большой недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, вслѣдствіе опустошеній окрестностей Константинополя Турками [30]).

Нѣсколько лѣтъ спустя де Ланнуа (I. I. 40), въ путешествіи своемъ изъ Монкастро (Аккерманъ) въ Каффу, засталъ при нижнемъ Днѣпрѣ татарскаго князя, друга и слугу герцога Витольда, равно какъ и большое татарское селеніе, принадлежавшее сказанному Витольду.

Хотя бургундскій рыцарь не говоритъ ни слова о лежавшемъ на его пути замкѣ Гаджибейскомъ, но изъ его молчанія не слѣдуетъ заключать, будто бы этотъ замокъ или городъ тогда уже не существовалъ. Напротивъ того кажется, что имя его встрѣчается въ слѣдующемъ спискѣ замковъ, доставшихся по смерти Витольда преемнику его Свитригайло: Cirkassi, Zwinhorod, Sokolez, Czarnygrod, *Kaczuklenow* и Maiak-karawul [31]).

Если-же въ имени Kaczuklenow позволено будетъ слышать испорченное переписчиками имя нашего Гаджибея, то слѣдовало-бы заключить, что отмѣченный за нимъ въ спискѣ замокъ *Maiakъ* также находился не въ дальнемъ отъ него разстояніи, тѣмъ болѣе, что названіе караулъ, прибавленное къ имени его и значущее по турецки сторожевая башня, позво-

---

30) Cromer, De reb. Pol. XVIII, 279.
31) Kotzebue, Switrigail, 114.

ляетъ думать, что она находилась въ странѣ, въ которой обитали Татары. Если-же отмѣченное въ спискѣ слово karawul вовсе не означало сторожевую башню, но было передѣлано съ турецкаго-же: кара-аулъ (Черный аулъ) или кара-гулъ (Черное озеро), то и въ такомъ случаѣ замокъ Маякскій могъ находиться близъ днѣстровскаго лимана, поелику сѣверо-западная часть его нынѣ еще называется Карагульскимъ заливомъ [32]).

Дѣйствительно мы узнаемъ отъ де Ланнуа, что въ бытность его въ Монкастро, прибылъ туда губернаторъ Подоліи Гедигольдъ, дабы на одномъ изъ береговъ Днѣстра (à l'un des lez du fleuve) соорудить новый замокъ, который сказаннымъ герцогомъ Витольдомъ былъ построенъ менѣе чѣмъ въ одинъ мѣсяцъ, въ пустынномъ мѣстѣ, гдѣ не было ни лѣса ни камней; но сказанный губернаторъ привелъ двѣнадцать тысячъ человѣкъ и четыре тысячи повозокъ нагруженныхъ камнемъ и лѣсомъ.

Безъ сомнѣнія, Броніовій [33]) имѣлъ въ виду этотъ замокъ, когда, сказавши что при устьѣ Днѣстра находились, по Страбону, города Никоніумъ и Офіуса, продолжаетъ: Ex adverso itaque Majaci trajectus, ille Bialogrodo navibus in campum Bialogrodensem et Oczacoviensem superatur. Militem quendam Maiacum ibi fuisse fabulantur; ac in eo loco Nestro trajecto, in ripa lapidei parietes ruinosi et quasi quaedam ruinae apparent; eam ruinam Turrim Neoptolemi fuisse Strabo refert.

Подобно мнимой башни Неоптолема, можетъ быть примѣнено къ Гедигольду упомянутое Броніовіемъ преданіе о пребываніи въ этомъ мѣстѣ воина, коего имя онъ явно смѣшиваетъ съ названіемъ замка, имъ построеннаго.

Даже можетъ статься, что преданіе относится къ самому

---

[32]) Шмидъ. Мат. для Геогр. и Стат. Херс. Губ. I, 206.
[33]) Schwandtner, Script. rer. hung. I, 815.

Витольду, которому, по Сарницкому [34]) принадлежали мостъ и баня, или скорѣе мытница, при Бугѣ. Вѣроятно они находились, какъ думаетъ г. Скальковскій [35]), возлѣ деревень Витовтова брода и Витовти, въ названіяхъ коихъ отзывается языческое имя русско-литовскаго князя Александра. Я увѣренъ даже, что Днѣстровскій лиманъ свое молдавское названіе (lacus Vidovo seu Obidovo, по Бропіовію), скорѣе получилъ въ память этого счастливаго завоевателя, нежели по имени злосчастнаго поэта римскаго, какъ часто полагаютъ, хотя Овидій никогда не бывалъ въ Бессарабіи, Молдоване-же туда переселились не задолго до времень Витольда. Сарницкій разсказываетъ (l. l. s. v. Ovidii lacus), что возлѣ Видова озера находилась крѣпкая стѣна, по которой сказанный князь ѣздилъ въ море, на протяженіи полумили, въ знакъ своего владычества надъ Сарматскимъ моремъ. Такъ какъ въ этомъ мѣстѣ авторъ отличаетъ Днѣстръ отъ лимана, то стѣна сія могла находиться возлѣ того мѣста, гдѣ стояла башня. Можетъ быть она была родъ плотины для облегченія переправы чрезъ плавни между Паланкою и Маяками, во время половодія.

Къ сожалѣнію де Лаппуа не говоритъ на какой именно сторонѣ Днѣстра была построена башня Гедагольдомъ, между тѣмъ какъ изъ словъ Бропіовія также не явствуетъ, на какомъ именно берегу рѣки находились развалины, напоминавшія ему башню Неоптолема. Поэтому можно только догадываться, что онъ имѣлъ въ виду деревню Паланку, гдѣ еще недавно виднѣлись толстыя стѣны круглой башни, между тѣмъ какъ въ Маякахъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ подобной постройки [36]).

---

[34]) Descr. Poloniae s. v. Balneum et Pons Vitoudi.

[35]) Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1845, XI, 177.

[36]) Тоже самое слѣдуетъ теперь сказать о башнѣ паланкской, столь достойной сохраненія какъ памятникъ старины! «Лѣтъ десять тому», говоря словами покойнаго Виктора Ивановича (Григоровичъ. Записка Антиквара 1874. стр. 46), «кто то, чужой селу, взялся строить церковь — при небольшомъ со стороны сельчанъ пособіи. Церковь еще не кончилась, но башня вся ушла на постройки», и проч.

Правда, на картѣ, приложенной у Швандтнера къ сочиненію Бропіовія, башня Неоптолемова отмѣчена на мѣстѣ гдѣ нынѣ стоитъ посадъ Маяки; но зато имя сіе читается на картѣ Рейхерсдорфа, помѣщенной въ томъ-же сборникѣ, на правой сторонѣ Днѣстра около Паланки, откуда легко могло быть переведено на противуположный берегъ жителями туда переселившимися, подобно именамъ другихъ бессарабскихъ селеній, встрѣчающимся также на лѣвомъ берегу, напр.: Рашковъ въ Подоліи, противъ Ваду или Стараго Рашкова въ Бессарабіи; городъ Дубоссары и селеніе Старые Дубоссары; тираспольскаго уѣзда селенія Слободзея и Бессарабское того-же имени; тираспольскаго-же уѣзда село Чобручи, выстроенное Некрасовцами насупротивъ села того-же имени, лежавшаго, по книгѣ Большему Чертежу (1838, стр. 103) въ 20 верстахъ ниже Тегинья (Бендеръ). Къ сожалѣнію чертежъ прерывается въ этомъ мѣстѣ: «А ниже Тубарчи 20 верстъ, въ старомъ чертежѣ подпись свалилась». Должно однакожь замѣтить, что русскіе бѣглецы, переселившись въ 1791 году изъ за Дуная въ Маяки, могли себѣ построить часовню изъ камня татарской мечети и изъ развалинъ другихъ зданій [37]).

Если-же Витольдъ, кромѣ замка при нижнемъ Днѣстрѣ, могъ имѣть мостъ и мытницу около Богополя и Николаева, то позволено будетъ отыскать замокъ Sokolez не въ деревнѣ Соколовкѣ (Кіевской губ.), но въ нынѣшнемъ Вознесенскѣ, гдѣ при Запорожцахъ была переправа чрезъ Бугъ, называвшаяся Соколовская, или Соколы [38]).

Наконецъ упомянутый въ спискѣ замокъ *Czarnygrod* могъ занимать мѣсто Очакова, названнаго Татарами *Каракерманъ* [39]) т. е. Чернымъ городомъ. Вотъ почему я не сомнѣваюсь, что Кёппенъ (I. I. 316) ошибся полагая, что авторъ книги вышедшей въ 1630 году подъ заглавіемъ: Russia seu

[37]) Зап. Одесск. Общества, II, 193.

[38]) Скальковскій, Ист. Новой Сѣчи, изд. втор. II, 32.

[39]) Зап. Од. Общ. I. 384.

Moscovia itemque Tartaria etc., имѣлъ въ виду не Очаковъ, но заливъ Некрополы, т. е. Акмечетскій, когда на 233-й стр. говоритъ: extra vero peninsulam usque ad Borysthenis ripas habent (Татары) *Nigropolim* ac alias, nullius tamen momenti, civitates.

Что дѣйствительно Очаковъ вмѣстѣ съ Хаджибеемъ могъ быть уступленъ, по смерти Витольда, Владиславомъ Свитригайлѣ явствуетъ изъ слѣдующихъ условій, состоявшихся между братьями въ Луцнѣ, въ 1431 году;

«Przezeto my król wyżei urmiankowany zamki i miasta nazvane Kaminiec, Smotrycz, Czerwongrod etc. Równiez wyżei rzezony w k. S. trymać zamkii miasta następne: Braclaw, Socolez, Zwinigrod, Koczubinyow, Daszkow, oraz inne okoliczne zamki» etc. [40]).

Сравнивая этотъ списокъ съ вышеприведеннымъ, мы усматриваемъ, что замокъ Kaczuklenow дѣйствительно былъ Гаджибейскій, и что вмѣсто Czarnygrod во второмъ спискѣ отмѣченъ Daszkow.

Оба имени, подобно Маякамъ, также упомянуты въ спискѣ городовъ и замковъ, жалованныхъ Сигизмунду I крымскимъ ханомъ въ 913 году по смерти Магомета [41]). Такъ въ одномъ мѣстѣ этого ярлыка читается: Хачибеевъ и Маякъ зъ водами и зъ землями: ино почонши отъ Киева и Днепромъ и до устья etc; а въ другомъ: Ябу городокъ, Балыклы, Караулъ чорный, городъ Дашовъ и т. д. [42]).

---

[40]) Danyłowicz, Skarb. Dipl. I, 123.

[41]) Такъ какъ Магометъ скончался десять лѣтъ послѣ бѣгства его изъ Мекки въ Медину, то 913 г. по его смерти соотвѣтствовалъ 923 году геджры. Въ это время ханомъ крымскимъ былъ Мухаммедъ-Герай, наслѣдовавшій отцу своему въ 920 году обыкновенной магометанской эры, т. е. 1514 нашей эры. Если-же, какъ сказано въ Сборникѣ князя Оболенскаго (I, 109), грамота жалована была Менгли-Гераемъ, то должно думать, что переводчикъ началомъ эры магометанской полагалъ смерть пророка, совпадавшую съ началомъ эры іездедгерской, которая также нынѣ еще въ употребленіи на Востокѣ.

[42]) Сборн. кн. Оболенскаго, № 1, 88.

Такъ какъ въ оригиналѣ недостаетъ вѣроятно запятыхъ, то мы имѣемъ право ихъ переставить и читать это мѣсто слѣдующимъ образомъ: *Ябу* городокъ, Балыклый караулъ, чорный городъ Дашовъ. Такимъ образомъ мы себѣ можемъ воображать что тутъ ханъ имѣлъ въ виду: становище Ямболукской или Джамболукской орды; сторожевую башню Балыклы, соотвѣтствующую безъ сомнѣнія упомянутому Сарницкимъ замку Балуклея при устьѣ Чичаклея въ Бугъ [43]) и Черный городъ Дашовъ.

Во всякомъ случаѣ Михаилъ Литвинъ [44]) свидѣтельствуетъ что Очаковъ также назывался Dassow.

Быть можетъ городъ такъ былъ названъ по имени старосты Перемышла Дашко, который, вмѣстѣ съ княземъ Василіемъ Острожскимъ, обратился къ хану Узбеку еще въ 1341 году съ тѣмъ, чтобы онъ ихъ освободилъ отъ ига Казиміра III, и быть можетъ тогда же переселился въ страну, которая зависѣла отъ орды [45]).

Выше Очакова находился, по Михаилу же, замокъ *Tyahinia*, коего развалины нынѣ еще видны между Херсономъ и Бериславомъ при деревнѣ Тягинкѣ на берегу Днѣпра. По преданію [46]) замокъ этотъ былъ построенъ Генуэзцами, а потомъ, безъ сомнѣнія, возстановленъ Татарами послѣ изгнанія первыхъ съ береговъ Чернаго моря. Ибо польскій король Іоаннъ Альбрехтъ пишетъ брату своему Александру осенью 1492 года, что «царь Перекопскій Менд̀ли-Кгерей вытягнулъ съ Перекопа со всѣми моцами своими, а тягнетъ до того замку своему, который того лѣта минулаго оправилъ на сей сторонѣ Днѣпра съ помощью царя турецкаго, именемъ *Тягинэ*, а того не вѣдаемъ, гдѣ ся тотъ паганинъ маетъ обернуть на которую сто-

---

[43]) Descr. Pol. s. v. Capczaklei.

[44]) De moribus Tartarorum etc, въ Архивѣ ист. и юрид. свѣдѣній и Калачова, кн. II, ср. Tauryka (Нарушевича) 1787 стр. 100.

[45]) Карамзинъ, И. Г. Р. IV, 351.

[46]) Мышецкій, Ист. о Казакахъ Запорожскихъ, 72, пр. 101.

рону[47])». Безъ сомнѣнія Менгли-Герай имѣлъ въ виду сію же крѣпость, когда въ маѣ того же года на предложеніе воевать Польшу, сдѣланное ему въ Киркьерѣ русскимъ посломъ Колычевымъ, изъяснился въ слѣдующихъ словахъ: «А что ми было на королеву землю ратью итти, и язъ нынче здумалъ такъ: есть на королевой землѣ ниже Тавани на той сторонѣ Днѣпра городище надъ Нѣпромъ, и язъ пошелъ тотъ городъ дѣлати со всѣми людьми» etc[48]).

По сему тѣ ошибаются, кто по примѣру Карамзина (VI, 146) полагаютъ, что ханъ въ этомъ случаѣ хотѣлъ говорить объ Очаковѣ. Подобнымъ образомъ Черкасскій воевода Богданъ раззорилъ въ слѣдующемъ году не Очаковъ, но замокъ Тягинскій, къ великой досадѣ хана, истратившаго 150,000 алтынъ на строеніе онаго (Карамзинъ, VI, 152) Грамоту свою къ государю, которому сообщилъ это непріятное извѣстіе, онъ оканчиваетъ слѣдующими словами: «Да еще на Нѣпрѣ того города не нарядимъ, сей Литовской землѣ недружбу крѣпко нельзя довести. Такъ вѣдай, какъ тотъ нашъ городъ на Нѣпрѣ доспѣти, его помощникъ будетъ, братъ мой; ты вѣдаешь нашего да и твоего брата моего дѣла здѣлати; только того городка на Нѣпрѣ не здѣлаемъ»[49]).

Нельзя сказать въ какомъ году Сигизмундъ лишился Очакова, потому что современныя извѣствія, касающіяся до сего города, отрывисты и сбивчивы. Такъ сказано въ книгѣ Крымскихъ посольствъ (Зап. Од. Общ. V, 236 sqq.), что казанскій царь Шигъ-Айдаръ, въ 1523 году, съ Нагайцами и Мангитами, разоривъ укрѣпленія Перекопа, оттуда посылалъ двоекратно небольшіе отряды къ Очакову. Затѣмъ говорится, что оставленный Магметъ-Гиреемъ въ Крыму Остафій Дашковичъ, ушедши оттуда къ себѣ въ Черкасы и собравъ нѣсколько лю-

---

47) Акты относ. къ Ист. Зап. Рос. I, 122, ср. Арцыбышевъ, Пов. о Россіи II, кн. 4, 247 пр. 1500: санчаки Очаковскій и Тягинскій, подъ 1556 годомъ.

48) Зап. Од. Общ. V, 213.

49) Ibid. V, 218, 9.

дей, пожегъ и разорилъ укрѣпленія городовъ Очакова и Ислама [50]).

Можетъ быть атаманъ Евстафій Дашковичъ, котораго Днѣпровскіе казаки считаютъ своимъ Ромуломъ [51]), былъ еще тогда союзникомъ Крымскимъ, а не только дотолѣ, какъ выражается Карамзинъ, въ той увѣренности, что Очаковъ Дашковичемъ тогда былъ отнятъ у хана. По крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ непонятно какимъ образомъ русскій посланникъ Иванъ Брюховъ, въ слѣдующемъ году, по выѣздѣ своемъ изъ Перекопа могъ получить извѣстіе, что польское войско изъ 80,000 состоящее, пришедъ къ Очакову, разорило оный, по потомъ оттуда отправилось къ Бѣлгороду. Наконецъ мы не понимаемъ, по какимъ «невѣдомымъ обстоятельствамъ» крымскій царь Сеадетъ-герай принужденъ былъ, въ 1528 году, дать возмутившемуся противъ него племяннику своему Исламъ-гераю въ удѣлъ городъ Очаковъ, гдѣ и жилъ онъ съ Остафьемъ Дашковичемъ, присланнымъ къ нему для вспоможенія отъ польскаго короля, имѣя при себѣ только съ небольшимъ тысячу человѣкъ [52]).

Краткія извѣстія о судьбахъ Очакова въ XVI столѣтіи, заимствованныя изъ отечественныхъ нашихъ актовъ, можно немного пополнить тѣмъ, что о немъ говорятъ Кромеръ и баронъ Герберштейнъ. Такъ первый (l. l. 458), описывая событія случившіяся въ царствованіе Сигизмунда I, въ число трехъ несчастій ставитъ пораженіе, нанесенное Николаю Сѣневскому, котораго называетъ vir in primis strenuus, предъ Очаковымъ, между тѣмъ какъ авторъ Комментаріевъ [53]), сказавъ, что за Черкасскомъ болѣе не было христіанскихъ жилищъ, присовокупляетъ, что въ сорока миляхъ отъ сего города лежалъ Оча-

[50]) Крѣпость эта находилась недалеко отъ Каховки; развалины ея видѣли Михаилъ Литвинъ и Бопланъ. Первый называетъ се Тованъ. а второй Aslan gorodiske при каналѣ Таванъ.

[51]) Карамзинъ, VII. 45 и 78.

[52]) Книга Крымск. Пос. № 6,167—200 ср. Зап. Од. Общ. V, 255.

[53]) Starczewski, Hist. Ruth. script. ext. I, 70,

ковъ, castrum et civitas quam Tauricae rex non ita diu Poloniae regi ademptam possidebat. Hanc nunc Turcus tenet.

По Сарницкому [54]) Очаковъ прежде принадлежалъ Сѣневскимъ и Язловецкимъ, которымъ также были пожалованы земли надъ Чернымъ моремъ близь порта Качубей, какъ видно изъ любопытнаго для насъ декрета Владислава III, 1442 г., о которомъ упоминаетъ извѣстный Чацкій [55]). Королевскіе комиссары доказывали, что Гаджибейскія пересыпи (przecypisca) не могутъ принадлежать Язловецкимъ, ибо о томъ ничего не сказано въ жалованной грамотѣ, «пересыпи же слишкомъ уже сто лѣтъ какъ море тамъ пересыпало». Язловецкіе не позволяли тамъ ставить королевской стражи, какъ на землѣ не принадлежавшей ихъ князю. Но приговоръ Владислава рѣшилъ это дѣло въ пользу королевскую, на томъ основаніи что все, что море унесло у другихъ, то къ его владѣнію присовокупило: quid mare abstulit aliis, Nostro vero dominio adjunxit.

Вѣроятно замокъ Гаджибейскій отнятъ былъ Татарами у Сигизмунда въ то самое время, когда онъ лишился Очакова. По крайней мѣрѣ видно изъ договора заключеннаго въ 1540 году между королемъ и ханомъ Сагибъ-Гераемъ, что Гаджибей тогда уже принадлежалъ Татарамъ. Ибо по 4-й и 5-й статьямъ сего договора ханъ позволяетъ купцамъ королевскимъ и литовскимъ брать соль въ Kaczibnewie и вывозить ее оттуда куда хотятъ съ уплатою установленныхъ пошлинъ; вмѣстѣ съ тѣмъ ханъ обѣщаетъ вознаградить людей королевскихъ за обиды могущія имъ быть причиняемы въ Гаджибеѣ [56]).

Правда, этимъ же договоромъ король признанъ ханомъ спокойнымъ владѣтелемъ Кіева, Луцка и многихъ другихъ мѣстъ, въ числѣ коихъ встрѣчается также Kaczibeja-most.

---

[54]) Descr. Pol. apud. Dlugoss. l. c.

[55]) O Litewskich i Polskich prawach, II, 185, прив. у Скальковскаго, Опытъ стат. оп. Новор. края I, 18.

[56]) Daniłowicz. l. l. 312.

Но вышеприведенныя статьи договора показываютъ, что этотъ мостъ не могъ находиться въ сосѣдствѣ замка того же имени, а потому мнѣ кажется, что его должно искать при какой нибудь изъ рѣкъ, протекавшихъ на пути, ведущемъ къ Гаджибею изъ Украины. Такъ какъ главная изъ этихъ рѣкъ есть Бугъ, то я полагалъ бы, что мостъ Kaczibejow могъ находиться при замкѣ Capczaclei, коего развалины еще замѣтны были во времена Броніовія (l. l. 814) при устьѣ Чичаклея въ Бугъ, т. е. въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ находилась башня Balyklei Сарницкаго. Также могло статься, что мостъ этотъ находился при переправѣ Соколиной, или же наконецъ, что онъ былъ тотъ самый, коего постройку Сарницкій приписалъ Витольду.

Подобно замку Capczadei, городище Гаджибейское [57]) представляло только кучу развалинъ, когда, въ 1578 году, мимо его проѣзжалъ посланникъ Стефана Баторія на пути своемъ изъ долины Барабоя [58]) къ Тилигулу, названному имъ Domnina Dolnia [59]), т. е. Темною долиною. Впрочемъ кажется, что соляной промыселъ по прежнему производился и подавалъ поводъ къ частымъ спорамъ на берегахъ лимановъ Гаджибейскаго и Аджалыкскихъ. Ибо польскій дипломатъ не забылъ замѣтить, что между городищемъ и Темною долиною находились, возлѣ морскаго берега, соляныя озера и что въ этой мѣстности, названной имъ Adzigoli съ турецкаго слова, значущаго «горькое озеро», постоянно происходили драки между казаками.

Безъ сомнѣнія, не одинъ только соляной промыселъ въ это время оживлялъ и обагрялъ кровью окрестности Гаджибея. Они также славились богатою рыбною ловлею, которая производилась, по Боплану (Описаніе Украйны) съ особеннымъ ус-

---

[57]) Cacibei Horodisze, quasi territorium collapsum.

[58]) Съ турецкаго Бурю-богазъ, волчье горло, почему и Броніовій могъ сказать: Deinum vero Beribonium, alias Licastenum Collum lupinum appellant.

[59]) См. выше, стр. 153. Съ Тилигула Броніовій, мимо Березани, прибылъ въ принадлежавшій тогда уже Туркамъ Очаковъ, «oppidum ignobile» съ небольшимъ каменнымъ замкомъ.

пѣхомъ въ лиманѣ Куяльникскомъ (Iezioro kujalik). Если-бы можно было вѣрить тому, что онъ въ семъ отношеніи говоритъ по наслышкѣ, то въ этомъ лиманѣ водились тогда короны и щуки неимовѣрной величины, для ловли коихъ приходили къ берегамъ его цѣлые караваны, изъ мѣстъ отстоящихъ на 50 миль и болѣе. Впрочемъ, изъ приведенныхъ свидѣтельствъ можно заключить, что Куяльникскій лиманъ еще былъ въ связи съ моремъ въ то время, когда оно «пересыпало» устье лимана Гаджибейскаго. Дѣйствительно послѣдній нынѣ отдѣленъ отъ морскаго берега большимъ пространствомъ, тогда какъ между Куяльникомъ и моремъ находится самый узкій песчаный перешеекъ.

Спутники Карла XII, подробно записавшіе все, что имъ казалось достойнымъ вниманія во время извѣстнаго странствованія шведскаго короля съ окрестностей Ольвіи до Бендеръ, ничего не говорятъ о замкѣ Гаджибейскомъ. Молчаніе ихъ заставляетъ насъ думать, что онъ тогда еще не былъ возобновленъ, а это тѣмъ болѣе, что на картѣ Чернаго моря, приложенной ко 2-му тому сочиненія Витсена [60]), на мѣстѣ нынѣ занимаемомъ Одессою только приписано: Ghogia Bej Limani al Haven of Baay. Если-же въ этомъ мѣстѣ снова водворилось-бы поселеніе въ промежуткѣ времени протекшемъ съ тѣхъ поръ когда бурмистръ Амстердамскій собиралъ матеріалы своего труда—до того славнаго дня, когда вѣнценосный другъ его поразилъ шведскаго героя, то послѣдній навѣрно добрался бы до самаго Гаджибея, когда въ бѣгствѣ своемъ дошелъ до нынѣшней Пересыпи. Между тѣмъ мы узнаемъ по маршруту несчастныхъ Шведовъ, составленному генераломъ Адлерфельдомъ [61]), что они въ этомъ именно мѣстѣ удалились съ морскаго берега и направили путь свой чрезъ Kurkahan, т. е. Курчуганъ (Шмидъ, 1. 1. 221) или Кучурганъ къ Бендерамъ.

---

[60]) Noord en Oost Tartaryen.

[61]) Зап. Од. Общ. III, 336.

Невѣроятно однако, чтобы, при мѣстныхъ особенностяхъ Гаджибея, онъ постоянно могъ оставаться въ такомъ жалкомъ положеніи, въ какомъ находился во время Великой Сѣверной войны, и которое едвали могло измѣниться къ лучшему въ тѣ лѣта, когда Сѣверный Евгеній найжесточайшимъ образомъ мстилъ Портѣ за унизительныя условія Прутскаго міра и дозволилъ Запорожцамъ «для пользы службы» безнаказанно чинить поиски надъ Татарами какъ врагами отечества [62]).

Дѣйствительно мы узнаемъ изъ «меморіала» Запорожца Семена Галицкаго, обнародованнаго г Скальковскимъ [63]), что тридцать лѣтъ послѣ Бѣлградскаго мира казаки могли попалить большое число хатъ въ селѣ Хаджибеѣ и забрать въ его ближайшихъ окрестностяхъ лошадей болѣе 20,000, рогатаго скота болѣе 1,000, овецъ 4,000 и 180 верблюдовъ. Паланку-же, въ томъ селѣ имѣющуюся и въ которую часть жителей убѣжали, не могли штурмовать, потому что въ ней было довольно пушекъ.

Въ слѣдующемъ году (1770), какъ видно изъ другаго

---

[62]) Слѣдующій отрывокъ изъ дневника графа Миниха (Hermann, Beiträge z. Gesch. d. Russ. Reichs, p 201) къ сожалѣнію, подобно дневнику де Ланнуа, до сихъ поръ не переведеннаго на русскій языкъ, тогда какъ наши періодическія изданія надѣляютъ насъ ежемѣсячно переводами плохихъ французскихъ и англійскихъ романовъ—можетъ служить примѣромъ съ какими бѣдствіями для края сопряжены были его дѣянія. Сказавъ, что русскія войска, 5 іюня 1736 года, безъ всякаго сопротивленія овладѣли Козловомъ, главнокомандующій продолжаетъ: Городъ этотъ, названный Турками и Татарами Козлеве, имѣлъ болѣе 5,000 каменныхъ домовъ, множество мечетей и церквей и лежитъ въ видѣ амфитеатра при отличномъ портѣ. Самое значительное и красивое зданіе въ городѣ была большая каменная мечеть, убранная внутри многими колоннами и пилострами изъ бѣлаго мрамора и украшенная куполомъ крытымъ свинцомъ. Она прежде была греческая церковь, построенная, судя по характеру архитектуры, во времена Константина Великаго или вскорѣ спустя. Городъ былъ окруженъ съ сухопутной стороны высокою стѣною съ четыреугольными башнями и рвомъ, вырытымъ въ скалѣ; за городомъ-же были фруктовые сады и дачи... О богатствѣ жителей 500 лѣтъ не видавшихъ непріятеля, можно было судить по добычѣ, которая была такъ значительна, что войско не могло все увести съ собою, а потому многое было сожжено или оставлено подъ развалинами домовъ.

[63]) Ист. Новой Сѣчи, III, 86.

меморіала (ibid. 61), предавши огню мѣстечко Аджидеръ (Овидіополь), казаки снова явились предъ крѣпостью аджибейской и овладѣли ея форштатомъ, гдѣ, равно какъ и въ другихъ сосѣднихъ селахъ, ясыру и добычи не мало получили. Отъ самой-же крѣпости, по ея «весьма изъ каменя оградою укрѣпленія», должны были отступить, потерявъ атамана Шапарца и 10 человѣкъ кромѣ 27 раненныхъ.

Приведенные документы свидѣтельствуютъ, что тому назадъ около ста лѣтъ Гаджибей не только былъ населенъ, но также довольно хорошо укрѣпленъ.

Благодаря указаніямъ г. Скальковскаго (l. l. II, 294, 5), мы можемъ опредѣлить годъ, въ которомъ постройка этой крѣпости была начата. По крайней мѣрѣ я вполнѣ увѣренъ, что почтенный авторъ исторіи Новой Сѣчи совершенно правъ, когда относитъ къ Гаджибею извѣстіе сообщенное войсковымъ толмачемъ Ивановымъ касательно постройки крѣпости Ени-Дуни въ 1764 году. Возвращаясь во свояси изъ Каушанъ лѣтомъ сего года, Ивановъ доноситъ своему начальству, что въ 50 верстахъ отъ Очакова при морѣ, по направленію къ Бѣлгороду, дѣлалась крѣпость наименованная Ени-Дуни, т. е. Новый Свѣтъ. Прежде тамъ было селеніе именуемое Куджабей; «оная-же крѣпость зачалась дѣлаться сего года съ весны, а дѣлаютъ ту крѣпость Волохи, на которую возятъ камень изъ степи, съ рѣчекъ и балокъ околичныхъ».

Напрасно ссылаясь, для опроверженія мнѣнія г. Скальковскаго, на карту Риччи Цаннони, въ которой крѣпость Ени-Дуни (Ieni-duni) отмѣчена при Тилигульскомъ лиманѣ. Ибо въ этомъ случаѣ она находилась-бы въ 25 тогдашнихъ верстахъ отъ Очакова, а не въ 50, тогда какъ таково именно разстояніе между этою крѣпостью и Гаджибеемъ. При этомъ нужно только бросить взглядъ на карту Риччи, чтобъ убѣдиться въ томъ, что онъ, помѣщая Ени-Дуни при Тилигулѣ, скорѣй могъ ошибиться, нежели Ивановъ, который только хотѣлъ сказать, что крѣпость, строившаяся въ селѣ Гаджибейскомъ

Турками была названа Ени-Дуни. Ибо весьма естественно, что Татары продолжали означать крѣпость именемъ села, а Русскіе не могли не слѣдовать ихъ примѣру, чѣмъ объясняется почему къ турецкому имени Гаджибей на приведенной картѣ прибавлено ничего незначущее Vozia, побудившее Тунмана (l. l. 388) сказать, что Wozia было мѣстечко, лежащее насупротивъ Гаджибея. Далѣе не подлежитъ сомнѣнію, что пять только лѣтъ послѣ начатія постройки крѣпости Ени-Дуни, въ селеніи Гаджибеѣ дѣйствительно уже была крѣпость, которая существовала пока не была взята бригадиромъ де-Рибасомъ въ 1788 году. Между тѣмъ основатель Одессы во время своего перехода изъ подъ Очакова до Куяльника никакой крѣпости на пути своемъ не встрѣчалъ, столь-же мало какъ и Запорожцы, которые въ 1769 и 70 годахъ не могли взять Гаджибейскій замокъ, а въ тоже время безпрепятственно переправлялись черезъ Тилигулъ равно какъ и черезъ Березань. Здѣсь они даже овладѣли селомъ Аджи-Гассанъ, стоявшимъ надъ моремъ на западной сторонѣ лимана (Скальковскій, l. l. III, 32) т. е. на мѣстѣ теперешней деревни Адзіатки, которая, какъ я узналъ положительно отъ прежняго ея владѣльца, покойнаго тестя моего Ф. М. де-Рибаса, именемъ своимъ обязана сказанному селу Аджи-Гассанъ; между тѣмъ какъ отмѣченная на картѣ Риччи Цаннони при Березани-же крѣпость Гассанъ-паша находилась подъ самымъ Очаковымъ [64]).

Наконецъ мы узнаемъ изъ переписки кошеваго съ комендантомъ бендерскимъ Карломъ Каменцемъ (Скальковскій, Опытъ Хоз. Стат. II, 468), что замокъ Ени Дунья въ Хаджибейской бухтѣ былъ взятъ Русскими въ іюлѣ 1774 года, т. е. предъ заключеніемъ Кучукъ-Кайнарджискаго мира, по которому Очаковская область была возвращена Портѣ. Дотолѣ командовалъ въ Гаджибейскомъ замкѣ поручикъ Веделлинъ.

Что-же касается приведеннаго села Аджи-Гассанъ, то оно долженствовало быть не маловажнымъ, поелику казакамъ

---

[64]) Планъ Очаковск. граж. въ V т. Зап. Од. Общ.

въ немъ досталось «получить въ добычь овецъ тысячь пять, рогатаго скота 600, муловъ 50 и разнаго багажу не малое число». Теперь тамъ, какъ я самъ испыталъ, трудно, даже по открытому листу, получить пару коней.

Но вотъ еще примѣръ ироніи судьбы: Пять лѣтъ послѣ разграбленія Аджи-Гассана казаками, имъ самимъ пришлось искать убѣжище въ его сосѣдствѣ, по случаю уничтоженія ихъ сѣчи генераломъ Тёкели въ 1775 году.

Въ Одессѣ сохранилось преданіе (Скальковскій, I. I. 198), что Запорожцы, «которые тогда убирались подъ Турка» къ Тилигулу, тамъ не успѣли, но поселились у подошвы Гаджибейской крѣпосцы, въ т. н. нынѣ карантинной балкѣ и послѣ основали предмѣстье нашего города—Пересыпь.

Но такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что наши удальцы, предпочитавшіе необузданную свободу милой родинѣ, не отступили-бы ни за какія блага отъ вѣры своихъ предковъ, то и должно думать, что большая часть изъ Гаджибея перенесла свои пенаты въ другія мѣста прежде или послѣ Ясскаго мира. Ибо мы усматриваемъ изъ вѣдомости, представленной священникомъ Романомъ Ивановымъ архіепископу Екатеринославскому и Херсонскому Амвросію, что въ 1793 году село Аджибей имѣло жителей не болѣе 22 мужчинъ и 6 женщинъ православнаго исповѣданія [65]).

[65]) Приложеніе № 15 къ статьѣ Ханская Украйна, помѣщенной въ № 6 Херсонск. Епархіальн. Вѣдомостей, за 1860 годъ.

XI.

О поселеніяхъ итальянскихъ въ Газаріи. Топографическія и историческія замѣтки [1]).

Прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, я считаю себя обязаннымъ поблагодарить г. Гейда, профессора и библіотекаря въ Штутгартѣ, за тѣ полезныя указанія, которыя я нашелъ въ прекрасномъ разсужденіи его, помѣщенномъ въ нѣмецкомъ журналѣ (Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft; Tübingen, 1862 и 1863, т. XVIII и XIX), подъ заглавіемъ: Die italienischen Handelscolonien am Schwarzen Meer, и представляющимъ ясную и подробную картину исторіи поселеній, основанныхъ Пизанцами, Венеціанцами и Генуэзцами на берегахъ морей Чернаго и Азовскаго въ теченіе второй половины среднихъ вѣковъ.

Разсужденіе это, по предмету своему, находится въ связи съ рядомъ другихъ статей г. Гейда, напечатанныхъ въ томахъ XIV по XVIII того же періодическаго изданія и заключающихъ въ себѣ исторію: 1) начатка итальянскихъ колоній въ Византійской имперіи, 2) этихъ же колоній въ Греціи во время Латинской имперіи, 3) колоній въ Палестинѣ, Сиріи и Малой Арменіи, 4) въ Греціи при первыхъ трехъ Палеологахъ и 5) при четырехъ послѣднихъ императорахъ этой династіи.

Хотя всѣ эти статьи также отличаются богатствомъ матеріаловъ и счастливыми соображеніями автора, тѣмъ не ме-

[1]) Изъ «Трудовъ I-го археологическаго съѣзда въ Москвѣ», съ дополненіями изъ статьи, помѣщенной въ Запискахъ Имп. Акад. Наукъ въ С.-Пб., (VII Série, Tome X, № 9. S. P. 1866).

нѣе я обращусь къ нимъ въ такихъ только случаяхъ, когда въ нихъ разбираются вопросы касающіеся исторіи Черноморскихъ колоній Итальянцевъ. Что же касается вышеприведеннаго труда г. Гейда объ этомъ предметѣ, то я намѣренъ взять его въ основаніе для настоящаго опыта моего. Но такъ какъ я имѣлъ возможность пользоваться разными грамотами и другими источниками, недоступными г. Гейду, то мнѣ представлялся неоднократно случай, пополнить, подтвердить или же оспаривать сказанное г. Гейдомъ.

Къ числу періодическихъ изданій, которыми я въ этомъ отношеніи пользовался, относятся предъ прочими «Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей», издаваемыя только на русскомъ языкѣ и которыя по сему самому мало имѣютъ читателей внѣ предѣловъ нашего отечества. Въ особенности V томъ этихъ записокъ, вышедшій послѣ появленія сочиненія г. Гейда, содержитъ въ себѣ нѣсколько статей весьма важныхъ для исторіи здѣшняго края въ послѣдней половинѣ среднихъ вѣковъ.

Къ нимъ принадлежатъ между прочимъ: Замѣтки касательно города Сугдеи, записанныя на старый греческій синаксаръ, относящіяся къ XII—XIV столѣтію и сообщенныя съ переводомъ архимандритомъ Антониномъ; Уставъ генуэзскихъ поселеній въ Газаріи 1449 года, сообщенный княземъ М. С. Воронцовымъ, и снабженный переводомъ и коментаріемъ г. Юргевичемъ. Г. Гейдъ имѣлъ подъ рукою только извлеченія изъ этого документа, сообщенныя г. Канале въ его книгѣ: Della Crimea. Въ V томѣ еще напечатана весьма интересная статья г. Юргевича о генуэзскихъ надписяхъ въ Крыму.

Изъ прочихъ русскихъ книгъ, которыми я пользовался, не могу не упомянуть здѣсь «Крымскій Сборникъ», въ которомъ покойнымъ академикомъ Кёппеномъ были разъяснены результаты его разслѣдованій и остроумныя его соображенія по поводу древностей Тавриды.

Мнѣ также посчастливилось пользоваться собраніемъ картъ Чернаго моря, принадлежащимъ Одесскому Обществу и

въ которомъ имѣются нѣкоторыя компасовыя карты XIV столѣтія, которыхъ г. Гейдъ кажется не имѣлъ подъ рукою.

Наконецъ его сіятельство, графъ С. Г. Строгоновъ, предсѣдатель И. Археологической Коммиссіи въ Санктпетербургѣ, снабдивъ меня средствами предпринять путешествіе по южной Россіи, доставилъ мнѣ счастливый случай и возможность посѣтить тѣ мѣстности, гдѣ нѣкогда процвѣтали богатыя поселенія основанныя Итальянцами на нашихъ берегахъ, — что было необходимо для рѣшенія топографическихъ вопросовъ.

Въ то время, когда городъ Салерно сдѣлался средоточіемъ, гдѣ арабская образованность столкнулась съ западноевропейской, сосѣдній съ нимъ городъ Амальфи посредничалъ въ торговлѣ между магометанами и христіанами. Съ одной стороны африканскіе и сицилійскіе Арабы привозили туда свои товары, съ другой Амальфитяне знакомили Востокъ съ произведеніями Европы: Amalphitani primi merces peregrinas, quas Oriens non noverat, ad supradictas partes, lucri faciendi gratia, inferre tentaverunt [2]). Еще доступнѣе были для нихъ греческіе порты, поелику до XI вѣка они были подданными Византійской имперіи, откуда еще въ X в., подобно Венеціанцамъ, привозили въ Италію между прочимъ пурпуровыя тканки [3]).

Даже послѣ занятія ихъ города Рожеромъ II въ 1131 г. и удара, имъ потомъ нанесеннаго Пизанцами (1134), Амальфитяне продолжали торговыя сношенія съ Константинополемъ, гдѣ поселеніе ихъ было смежно съ пизанскимъ еще въ 1192 году, какъ свидѣтельствуетъ списокъ принадлежащихъ Пизанцамъ жилищъ (Heyd, D. Anfänge d. ital. Handelscolonien

---

[2]) Guill. Tyr. XVIII, 4 ap. Bongars 1.

[3]) Luitprandi legat. ap. Pertz, III, 359.

etc. въ Zeitschrift für d. gesammte Staatswiss. XIV, 658), и гдѣ еще во время Латинской имперіи они имѣли церкви и монастыри.

Имѣвъ случай познакомиться съ Варяго-Русскими еще на родинѣ своей [4]), они едва ли не прежде другихъ Итальянцевъ посѣщали Черное море, служившее звеномъ, соединявшимъ болѣе или менѣе ославянившихся русскихъ викинговъ съ потомками норманскихъ ихъ родичей, переселившимися въ Апулію, откуда они, при Робертѣ Гвискарѣ († 1085) и энергическомъ сынѣ его Боэмундѣ, грозили даже Константинополю въ то самое время, когда Давидъ Игоревичъ завладѣлъ греческимъ городомъ Олешьемъ, при устьѣ Днѣпра [5]).

Точно такимъ же образомъ походъ, предпринятый Владиміромъ Ярославичемъ противъ Константина Мономаха, въ которомъ по Кедрину (I, 551) участвовали и Норманны, совпадалъ по времени съ сраженіемъ при Островѣ (1043) во Ѳракіи, въ которомъ участвовали апулійскіе Норманны, какъ союзники возставшаго противъ императора полководца Маніака [6]). Смерть сего полководца въ этомъ сраженіи была, быть можетъ, одною изъ причинъ, побудившихъ Русскихъ возвратиться изъ Воспора Ѳракійскаго, гдѣ они были встрѣчены магистромъ Василіемъ Ѳеодорокапомъ (въ іюнѣ), который прежде (въ февралѣ) заставилъ Маніака удалиться изъ Бара въ Диррахіумъ.

Подобно Русскимъ, Норманны служили въ корпусѣ Варанговъ, или гвардіи императорской, какъ напр. Гаральдъ [7]), который, по преданію, добычу, имъ пріобрѣтенную во время нахожденія въ греческой службѣ, послалъ въ Голмгардъ (Новгородъ) къ своему другу Ярославу, предпринялъ потомъ странствованіе въ Іерусалимъ и послѣ многихъ приключеній воз-

---

[4]) Muralt, Chronogr. Byz. 619 et passim.

[5]) Карамзинъ, изд. Эйнерлинга, II, 57.

[6]) De la Primaudaie, Les Arabes en Sicile, etc. 1868, p. 283.

[7]) Hopf, Gesch. Griechenl. въ Allg. Encycl 1 sect. LXXXV, 147.

вратился на родину своихъ предковъ чрезъ Константинополь и по Черному морю.

Симъ путемъ русскіе паломники въ свою очередь отправлялись въ Святыя мѣста [8]), гдѣ даже по завоеваніи ихъ крестоносцами игуменъ Даніилъ засталъ еще много знатныхъ Новгородцевъ и Кіевлянъ, которые, безъ сомнѣнія, подобно ему самому, пользовались благорасположеніемъ короля Балдуина и нормандійскихъ его союзниковъ.

Въ своихъ запискахъ Даніилъ совершенно умалчиваетъ о Латинахъ, поглощенный, какъ думаетъ Стасюлевичъ [9]), своею религіозною цѣлью. Но быть можетъ нашъ благочестивый монахъ и потому ничего не говоритъ о дѣяніяхъ ихъ въ Палестинѣ, что онѣ уже были хорошо извѣстны его соотечественникамъ.

Этими сношеніями, быть можетъ, объясняется чудо, совершившееся въ Кіевѣ во время перенесенія мощей св. Николая изъ Ликіи въ Бари (1087), приписываемаго Карамзинымъ (II, 104), властолюбивымъ замысламъ папы Урбана II, котораго нельзя не узнать въ Германѣ русской легенды.

Сношенія эти намъ также объясняютъ, почему жившій при дворѣ Рожера II арабскій географъ Эдриси могъ собрать столь подробныя свѣдѣнія о земляхъ, прилежащихъ морямъ Черному и Азовскому, которое, подобно первому, ему извѣстно подъ именемъ Русскаго, и также какъ я старался доказать (см. выше. О древ. рѣчн. пути), у него скрывается подъ именемъ «озера Терми или Тума», подобно тому, какъ оно у Рубруквиса [10]), называется marecandis, вмѣсто: mare Tanaïs.

Что Эдриси почерпалъ свои извѣстія изъ итальянскихъ источниковъ, видно, между прочимъ, изъ формы, подъ которой являются у него имена прибрежныхъ пунктовъ Крыма, напр. славнаго тогда уже города Сугдел, или Судакъ, который у

[8]) Карамзинъ, изд. Эйнерл. II, 86.
[9]) Ист. Средн. Вѣковъ, III, 1 стр. 322.
[10]) Recueil de Voyages etc. IV, 216.

него называется Солтадія, явно съ итальянскаго — Солдадія. Замѣтимъ здѣсь кстати, что въ одной изъ морскихъ картъ, номенклатура коихъ была недавно обнародована Томасомъ [11]), на восточномъ берегу Чернаго моря является около нынѣшняго Сухума имя p. de malfitan. Правда, карта эта была начертана только въ 1519 году; но такъ какъ Амальфитяне тогда съ давнихъ поръ уже лишились всякаго значенія въ торговомъ отношеніи, то нельзя не согласиться съ издателемъ, который въ упомянутомъ имени находитъ подкрѣпленіе мнѣнія, что Амальфитяне первые изъ итальянскихъ моряковъ, были знакомы съ нашимъ моремъ.

Во всякомъ случаѣ подданные Рожера Сицилійскаго были бы приняты владѣтелями Кіева съ такимъ же радушіемъ, какое тамъ встрѣчали Венеціанцы, быть можетъ еще прежде Амальфитянъ поселившіеся въ Константинополѣ, откуда не замедлили принять дѣятельное участіе въ торговлѣ съ Россіею.

Изъ Слова о Полку Игоревѣ видно, что они въ XII вѣкѣ занимали непослѣднее мѣсто въ числѣ чужестранцевъ, проживавшихъ въ Кіевѣ: «ту Нѣмцы и Венедицы, ту Греци и Морава». Считаю себя обязаннымъ указать здѣсь на мнѣніе г. Гейда [12]), будто бы я напрасно привелъ этотъ стихъ въ доказательство, что венеціанскіе гости тогда уже проживали въ Кіевѣ. На основаніи нѣмецкаго перевода сего стиха, г библіотекарь считаетъ себя въ правѣ сказать утвердительно, что авторъ Слова только говоритъ, что извѣстіе о подвигахъ Святослава проникло «ins Ausland, zu den Griechen, den Venetianern» и пр. Но для рѣшенія вопроса, кто изъ насъ лучше понялъ мысль поэта, г. Гейдъ долженъ былъ предварительно доказать, что нарѣчіе «ту» встрѣчающееся два раза въ томъ стихѣ непремѣнно относилось къ времени, а не къ мѣсту. Правда, мнѣніе г. Гейда раздѣляютъ также нѣкоторые изъ нашихъ историковъ

---

[11]) Peripl. Ponti Eux. München, 1864.

[12]) Gesch. des Levantehand. I стр. 328, пр. 1.

и беллетристовъ, въ томъ числѣ князь Вяземскій [13]), по которому пѣвецъ Игоревъ весьма вѣроятно имѣлъ въ виду евреевъ-торговцевъ и поэтовъ, какъ распространителей славы Святослава и упрековъ Игорю въ Венеціи. При всемъ уваженіи воззрѣній князя, такъ долго и съ такимъ усердіемъ пытавшагося объяснить себѣ всѣ загадочныя мѣста въ древнемъ нашемъ эпосѣ, я въ этомъ случаѣ не могу съ нимъ согласиться, не сомнѣваясь, что нашъ великій исторіографъ не на угадъ изъ приведенныхъ словъ поэта вывелъ заключеніе, что иностранцы, *бывшіе въ Кіевѣ*, славили побѣду Святославову (Карам. III, стр. 124).

Ясно, что Венеціанцы, если только тогда уже посѣщали Кіевъ, туда пріѣзжали т. н. Греческимъ путемъ Константина Багрянороднаго и Нестора, т. е. вверхъ по Днѣпру, послѣ совершеннаго ими плаванія по западному берегу Чернаго моря.

Но въ этомъ случаѣ они должны были имѣть право останавливаться въ извѣстныхъ портахъ, лежавшихъ на ихъ пути. Дипломъ императора Алексія III 1199 г. [14]) показываетъ, что право это имъ было дѣйствительно предоставлено, ибо приведенный дипломъ подтверждаетъ привилегіи, по которымъ Венеціанцы могли производить торговлю во всѣхъ провинціяхъ имперіи, и упоминаетъ даже, въ числѣ другихъ, городъ Анхіалъ, нынѣшній Ахіоли, между Бургасомъ и Варною. Напрасно г. Гейдъ [15]), увлеченный Тафелемъ и Томасомъ, допускаетъ возможность, что портъ Анхіалскій только по ошибкѣ попалъ въ договоръ, вмѣсто «Бранхіалъ», главнаго города въ южной Ѳракіи. Г. Гопфъ (l. c. 174) также высказывается въ пользу сего мнѣнія, хотя самъ (не много выше, 151) включилъ Анхіалъ при Понтѣ въ число портовъ, которые по договору 1199 года были открыты Венеціанцамъ. И дѣйствительно, я не вижу, почему симъ послѣднимъ не могло быть

[13]) Замѣчанія на Слово о плъку Игоревѣ. С.-П. 1873 стр. 247.

[14]) Tafel und Thomas, Urk. z. Handelsgesch. Venedigs I, 246 и сл.

[15]) Le col. comm. degli Italiani al Mar. Nero II, 2.

дано право посѣщать Анхіалъ, когда ихъ соперникамъ Генуэзцамъ, по договору съ императоромъ Мануиломъ 1170 года, открыты были всѣ черноморскіе порты, за исключеніемъ Керченскаго (Rossia) и Таманскаго (Matarcha), которые тогда уже были подвластны Половцамъ Вѣроятно Византійцы не хотѣли допустить къ нимъ Итальянцевъ, чтобы не лишиться монополіи по торговлѣ рыбою, которою тогда, какъ и теперь, изобиловало Азовское море, равно какъ и рѣки, въ него изливающіяся.

Торговыя сношенія между нашимъ отечествомъ и республикою св. Марка не могли не возрастать послѣ основанія, при ея содѣйствіи, Латинской имперіи, такъ какъ венеціанскій флагъ съ тѣхъ поръ преобладалъ на Черномъ морѣ. При важности сего моря въ торговомъ отношеніи, мнѣ сначала показалось, что Венеція не могла не воспользоваться столь благопріятнымъ случаемъ для утвержденія своей власти на его берегахъ. Поэтому я осмѣлился выступить съ мнѣніемъ [16]), что нѣкоторые береговые пункты могли быть упомянуты въ числѣ мѣстностей, ей доставшихся по акту раздѣла имперіи и отчасти оставленныхъ неопредѣленными Тафелемъ и Томасомъ.

Но во второмъ изъ писемъ на мое имя, помѣщенныхъ въ бюллетеняхъ С.-П. Академіи наукъ (IV, 578 598), г. Гейдъ показалъ, что моя гипотеза не имѣла прочнаго основанія, такъ что мнѣ развѣ только остается то утѣшеніе, что я далъ поводъ ученому библіотекарю Штутгартскому новыми доводами и соображеніями подкрѣпить прежнее мнѣніе противъ моихъ возраженій и дополненій.

Такъ г. Гейдъ указываетъ (стр. 585) на дополнительную статью къ договору, отысканную имъ въ сборникѣ Мураторн (Ant. med. aevi, IV, 223 и сл.), котораго, къ сожалѣнію, еще недостаетъ въ нашей библіотекѣ. Изъ этой статьи явствуетъ, что доставшіеся Венеціанцамъ: Gallipolis, Munti-

---

[16]) См. мою статью Notices... sur la Gazarie въ X т. Mém de l'Acad. de S. Pétersbourg.

nianae и Sigopotamos были смежны съ надѣленными крестоносцамъ: Plagia, Potamia и Sestos Такимъ образомъ опредѣляется мѣстоположеніе и значеніе загадочнаго «de muntinianis» договора, которое Тафель и Томасъ предлагали читать: demum Timanis, хотя съ припискою: Locus nobis incognitus, scriptione, ut patet, corrupta, что и побудило меня предложить чтеніе demum Tanais.

Измѣненіе сіе г. Гейдъ считалъ бы извинительнымъ, если бы подъ доставшимся Венеціанцамъ «emporium Sagudai» можно было разумѣть городъ Sugdaia (Soldaia, Sudak), какъ я старался показать. Но и тутъ г. Гейдъ не соглашается со мною, но приводитъ весьма уважительныя причины въ пользу мнѣнія Тафеля и Томаса, по которымъ этотъ «locus incognitus» доженъ былъ находиться гдѣ то около Пропондиты; «онъ имѣлъ брата по имени», прибавляетъ г. Гейдъ, «въ упомянутомъ Анною Комниной (ed. Par. 464) Σαγουδάοις κωμόπολις близъ Никеи».

Быть можетъ это «большое село» обязано своимъ именемъ «Сугадатамъ», которые, вмѣстѣ съ другими Славянами, были переселены Юстиніаномъ II изъ окрестностей Θессалоники въ окрестности Никеи [17]). Но такъ какъ родичи этихъ Сагудатовъ, или Сакулатовъ, еще гораздо позже упоминаются въ прежнихъ своихъ жилищахъ при Воспорѣ Θракійскомъ [18]), то г. Гейду дана была возможность искать у нихъ именно доставшійся Венеціанцамъ портъ Сагудайскій.

Проходя молчаніемъ замѣтку мою, что доставшееся Венеціанцамъ «Chotriki» (съ варіантами: Chotrici, Corici, Coltrichi) могло совпадать съ городомъ Chostrici (Castrici, Castri), гдѣ впослѣдствіи была важная генуэзская контора близь Варны, (Heyd, въ нѣм. изд. 717), или же съ отмѣченнымъ на картѣ Весконте (1318) «Cetrici», близь имени Laviza (рѣки Камчіи), г. Гейдъ также не берется опре-

---

[17]) Const. Porphyr. De them. III, 9; Theoph. I, 557; Leo Gramm. ed Bonn. 163; Cedrenus, 771.

[18]) Schafarik, Slav. Alterth. II, 222—3.

дѣлить значеніе помѣщенныхъ въ договорѣ именъ: «Lazu et Lactu». Тѣмъ не менѣе онъ считаетъ ошибочнымъ мое мнѣніе, что въ нихъ намъ представляются искаженныя Итальянцами турецкія названія Днѣпра и Буга, т. е. Узу или Азу и Аксу, оставляя ихъ значеніе неопредѣленнымъ.

Что Венеціанцы во время Латинской имперіи не переставали плавать вверхъ по Днѣпру, видно изъ того, что несмотря на разрушеніе Кіева Монголами въ 1240 году, Плано Карпини, нѣсколько лѣтъ спустя, засталъ тамъ венеціанскихъ купцовъ, и безъ всякаго сомнѣнія къ нимъ принадлежали по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ проживавшихъ въ Кіевѣ чужестранцевъ, которые были обложены данью Изяславомъ Мстиславичемъ Галицкимъ въ 1234 году. Точно такимъ же образомъ, какъ уже замѣтилъ г. Гейдъ [19]), мы должны считать ихъ соотечественниками тѣхъ купцовъ константинопольскихъ, съ которыми Рубруквисъ познакомился въ Солдайѣ или Судакѣ, гдѣ по его же свидѣтельству Русскіе вымѣнивали драгоцѣнные мѣха и другіе товары на бумажныя и шелковыя издѣлія, пряные коренья и другія произведенія востока.

Что Венеціанцы дѣйствительно принимали участіе въ этихъ оборотахъ во время Латинской имперіи, явствуетъ изъ того, что около 1255 года, когда дядя и отецъ знаменитаго Марко Поло прибыли въ Судакъ, старшій братъ ихъ имѣлъ уже тамъ купеческую контору [20]). Хотя, послѣ возстановленія Греческой имперіи, Генуэзцамъ удалось исключить своихъ соперниковъ отъ права посѣщать Черное море договоромъ, заключеннымъ въ Нимфеонѣ (1261); но уже четыре года спустя, императоръ возвратилъ Венціанцамъ это право (Heyd, l. l. 24), которымъ они не замедлили воспользоваться, чтобы снова посѣщать Судакскій портъ, куда въ 1278 году положено было послать консула для завѣдыванія всѣми дѣлами республики въ Газаріи [21]).

---

[19]) D. ital. Handels-Colonien z. Zeit des lat. Kaiserth. 33.

[20]) Le livre de Marco Polo, ed. Pauthier I, 17.

[21]) Canale, Della Crimea, II, 441.

Безъ сомнѣнія, Венеціанцы еще до того посѣщали также Азовское море, куда, по свидѣтельству Рубруквиса, мелкія суда были отправляемы изъ Матриги для покупки сушеной рыбы у прибрежныхъ жителей. Рыбнымъ промысломъ занимались тогда съ успѣхомъ русскіе люди, которые на своихъ баркахъ перевезли самаго посланника чрезъ Донъ, на восточной сторонѣ котораго были расположены ихъ жилища въ мѣстности, гдѣ рѣка имѣла ширину Сены въ Парижѣ.

Не должно поэтому смѣшивать сіе селеніе съ другимъ русскимъ же селомъ, casal de rossi, которое, по картамъ слѣдующаго вѣка, находилось къ югу отъ устья Дона, на морскомъ берегу, и въ свою очередь не имѣло ничего общаго съ русскимъ городомъ Арабовъ, упомянутымъ (см. выше стр. 122) въ грамотѣ императора Мануила 1170 года. Городъ этотъ находился, по Эдриси [22]), въ 40 только миляхъ отъ Солдаи, отдѣленъ былъ отъ Матархи разстояніемъ 27 миль, а посему не могъ лежать около Азова, какъ полагалъ г. Гейдъ [23]), но явно совпадалъ съ Керчью.

Каботажныя суда, посѣщая Азовское море, могли въ немъ останавливаться во портѣ *Пизанскомъ*, который, судя по морскимъ картамъ, долженъ былъ находиться около Недвиговки, гдѣ и теперь еще видны не уступающіе ольвійскимъ слѣды города Танаисъ, возникшаго по разрушеніи, около 100 г. до Р. Х., древнѣйшей милезійской колоніи сего же имени, лежавшей, по всей вѣроятности (см. мои Notices), близъ Елисаветинской станицы, въ дельтѣ Дона.

Нельзя сказать, когда именно былъ основанъ портъ Пизанскій, отмѣченный на картѣ 1318 года и слѣдовательно тогда уже Пизанцами посѣщаемый, изъ чего разумѣется не слѣдуетъ, что онъ имъ тогда принадлежалъ. Что Пизанцы еще гораздо раньше посѣщали, если не Азовское море, то по крайней мѣрѣ Черное, видно изъ извѣстія о несчастной для нихъ

---

[22]) Trad. p. Jaubert, II, 359 и 401.

[23]) Die Anfänge der ital. H. C., въ приведенномъ Сборникѣ, XIV, 695.

битвѣ съ Генуэзцами на высотѣ Судака въ 1277 году [24]), равно какъ изъ того, что еще въ 1248 году Плано-Карпини засталъ въ Кіевѣ пизанскихъ купцовъ.

Дѣйствительно Венеціанцы не могли не допустить туда прежнихъ своихъ союзниковъ, когда не мѣшали даже вѣчнымъ своимъ соперникамъ, т. е. Генуэзцамъ, поселиться въ Кіевѣ и даже въ Крыму, гдѣ они утвердились еще во время Латинской имперіи, какъ доказалъ г. Гейдъ вопреки обыкновенному мнѣнію, что они основали поселеніе свое въ Кафѣ или Каффѣ въ 1266 году. Въ пользу своего мнѣнія г. Гейдъ приводитъ между прочимъ и то обстоятельство, что Кафинцы послали въ 1289 году три корабля на помощь Триполису въ Сиріи противъ Сарацынъ, что они едва-ли могли бы сдѣлать, если допустить, что поселеніе ихъ вовсе не существовало за 23 года передъ тѣмъ.

На вопросъ мой, не была ли приведенная экспедиція наряжена жителями Каифы, города сосѣдственнаго Триполису и иногда также называемаго Каффа [25]), г. Гейдъ отвѣчаетъ отрицательно въ первомъ письмѣ своемъ (I. l. 577), приводя причины, побудившія его [26]), остаться при прежнемъ мнѣніи, что корабли, шедшіе на помощь Триполису, были отправлены изъ нашей Каффы, хотя слишкомъ поздно, потому что до ихъ прибытія на мѣсто, городъ уже былъ взятъ Сарацынами.

Перевѣсъ Генуэзцевъ на Черномъ морѣ былъ одною изъ причинъ войны, которая вскорѣ спустя возгорѣлась между ними и Венеціанцами. Хотя предпріятіе сихъ послѣднихъ противъ Перы, гдѣ находилась главная контора Генуэзцевъ, не удалось, но зато адмиралъ ихъ Джіованни Соранцо успѣлъ пробраться въ Черное море и овладѣть Кафою, которая была имъ разорена (1296). Лишь только, по возстановленіи «вѣчнаго» мира между обѣими республиками въ 1299 году, городъ началъ снова обстраиваться, какъ на него напалъ сынъ

[24]) Caffari, ed. Pertz, p. 285,

[25]) Lib. jur. reip. Genuens, I. 941;

[26]) Ann. Iannens, y Pertz. XVIII, 324.

хана Токтагу и разграбилъ окрестности его подъ предлогомъ, что Генуэзцы продавали мусульманамъ татарскихъ невольниковъ. Наконецъ устрашенные жители спаслись (20 мая 1308 г.) на корабли и только по смерти хана возвратились, съ согласія его наслѣдника Узбека (1313—1341), въ сожженный ими самими городъ [27]). Но тутъ генуэзкое правительство приступило къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ, чтобы возстановить свою колонію и упрочить ея благосостояніе на будущее время. Еще въ 1313 году былъ учрежденъ для сей цѣли комитетъ, состоящій изъ 8 т. наз. Sapientes, подъ названіемъ Officium Gazariae, кругъ дѣятельности котораго не долженъ былъ ограничиваться однимъ Крымомъ, но обнимать и прибрежныя земли, за нимъ лежавшія. Статуты, изданные этимъ комитетомъ въ 1316 году, или т. н. Imposicio Officii Gazariae, остались въ силѣ, съ малыми измѣненіями, до 1449 года, въ которомъ изданъ былъ новый Уставъ, въ первый разъ обнародованный по рукописи, хранящейся въ Генуѣ, въ V томѣ Записокъ Одесскаго Общества, съ переводомъ на русскій языкъ и съ дѣльными примѣчаніями г. профессора Юргевича.

По распоряженіямъ сказаннаго комитета всѣ суда должны были, на пути своемъ мимо Кафы, заѣзжать туда для уплаты пошлины, соразмѣрной цѣнности груза или состоянія находившихся на нихъ купцовъ; запрещено было Генуэзцамъ проводить болѣе трехъ сутокъ въ Судакѣ, и перезимовывать или селиться въ Тапѣ, или Азовѣ. Денежные штрафы, взимаемые за нарушеніе этихъ и другихъ подобныхъ распоряженій, должны были служить для постройки публичныхъ зданій и укрѣпленій Кафы. На основаніи обнародованной у Дюбуа (Atlas, S. II, pl. 31) надписи на камнѣ, который хранится въ Ѳеодосійскомъ музеѣ, г. Гейдъ (Le col. comm. II, 36) допускаетъ, что одна изъ башенъ кафинскихъ была построена еще при папѣ Климентѣ V (1305 — 1314), хотя, съ свойственною ему прозорливостью, прибавляетъ въ выноскѣ, что одинъ только ясно означенный

[27]) Contin. della Cronaca di J. da Varagine etc. Genova; 1876 стр. 11.

въ надписи годъ (1308) не позволяетъ ему согласиться съ предположеніемъ Дюбуа, что башня эта была построена не при Климентѣ V, а при Климентѣ VI, такъ какъ сей послѣдній, какъ видно изъ Райнальда подъ 1345 годомъ, принималъ дѣятельное участіе въ судьбѣ Кафы (Le col. ital. II, 36). Между тѣмъ г. Гейдъ, если бы только ему былъ доступенъ V т. Записокъ Одесскаго Общества, могъ бы убѣдиться изъ статьи г. Юргевича «О Генуэзскихъ надписяхъ въ Крыму», что башня эта была дѣйствительно построена «crucis in augmentum» на иждивеніе Климента VI, потому что въ надписи отмѣченъ вовсе не 1308, а 1348 годъ (ср. Heyd, Gesch. des Levanteh. II, 198).

Изъ другой надписи, помѣщенной въ VII томѣ тѣхъ же Записокъ, мы усматриваемъ, что въ Кафѣ была еще древнѣйшая башня, построенная въ 1341 году, во время консульства Іоанна «de Scaffa», до сихъ поръ не упомянутаго въ спискѣ консуловъ кафинскихъ. Къ числу ихъ я охотно прибавилъ бы Ademari [28]), если бы мнѣ позволили съ нимъ отождествить главнаго начальника, котораго Ибнъ-Батута засталъ въ Кафѣ и котораго онъ называетъ Адамадиръ, т. е. именемъ весьма мало подходящимъ къ имени Димитрій, которымъ его хочетъ замѣнить Дефремри (II, 357). Ибнъ-Батута изъ Кафы отправился въ Тану, куда прибылъ, по мнѣнію г. Гейда [29]), въ 1334 году. Но я покажу ниже, что Батута долженъ былъ туда пріѣхать по крайней мѣрѣ тремя годами раньше, такъ что его Адамадиръ могъ быть консуломъ кафинскимъ или въ 1330 или 1331 году. Въ спискѣ консуловъ не отмѣчены имена лицъ, занимавшихъ эту должность въ означенныхъ годахъ. Такъ какъ арабскій путешественникъ засталъ не только своихъ единовѣрцевъ въ Кафѣ, но еще свидѣтельствуетъ, что тамъ была тогда мечеть съ минаретомъ, то кажется, что въ числѣ постоянныхъ жителей города были и Татары. Должно быть они въ послѣдствіи лишились сего права, поелику, по договору 1380

---

[28]) Not. et extr. XVII, 2. стр. 110, срав. Cantac. I, 8: Kaphon Demar.

[29]) Le col. comm. II, 50, пр. 4.

года (Зап. Од. Общ. V, 831) имъ дозволено было селиться внѣ стѣнъ города, въ его предмѣстьяхъ. Подъ конецъ однако имъ снова, повидимому, не запрещалось имѣть жительство въ самомъ городѣ, поелику въ Уставѣ 1449 года (ibid. 763) сказано, что обитавшіе въ городѣ Татары не должны были состоять подъ вѣдомствомъ Титана (Titanus seu Vicarius Canlucorum), т. е. Тудуна ханскихъ подданныхъ, какъ уже замѣтилъ г. Юргевичъ. Быть можетъ этотъ сановникъ занималъ упомянутое въ Уставѣ 1316 года[30]) «palacium Sadoni», находившееся внѣ стѣнъ Кафы подобно дому, принадлежавшему нѣкогда, по мнѣнію г. Юргевича (l l. 712), нѣкоему Викентію де Камалія. Замѣчу однако кстати, что загадочныя слова въ Уставѣ «a domo quondam viaisse[31]) de Camalia» могли также означать кварталъ, населенный простолюдинами. По крайней мѣрѣ Іоаннъ Мариньола (ed. Мейнертъ, 83) говоритъ, что подъ именемъ «камалловъ» разумѣли въ его время евреевъ и мужиковъ, а въ особенности тѣхъ, которые носили тяжести, а ихъ то именно должно было находиться не малое число въ городѣ, въ гавани коего арабскій современникъ епископа бизиньянскаго насчитывалъ до 200 кораблей.

При такомъ развитіи торговли Кафы, неудивительно, что еще въ 1318 году папа Іоаннъ XXII учредилъ въ ней особенную епархію, назначивъ въ нее епископомъ францисканца Джиролама, одного изъ монаховъ, отправленныхъ въ Газарію еще Климентомъ V. Въ епархію сію были включены земли, лежащія между Сараемъ и Варною, какъ г. Гейдъ (Le col. comm. 37) теперь готовъ читать со мною упомянутое въ буллѣ «Varea», отождествленное имъ прежде съ Берое (Верея) близь Филиппополя. Въ пользу мнѣнія, что въ буллѣ говорится о Варнѣ, служитъ то, что въ этомъ городѣ мы встрѣчаемъ вскорѣ спустя венеціанскаго консула въ лицѣ Marco Leonar-

---

[30]) De la Primaudaie I. l. 364.

[31]) Впрочемъ ср. «quondam cojaisse», родственникъ Дм. Палеол.. въ Atti, VI, 650.

do, препроводившаго письмо царя Александра къ дожу А. Дондоло

До 1318 года Кафа принадлежала къ епархіи Cambaliensis. т. е къ Пекинской (Ханъ-балыкъ), но не къ Балаклавской (Чембало, Cimbalum отъ Симболонъ), хотя, какъ явствуетъ изъ одного мѣста у Ваддинга, приведеннаго Кунстманомъ [32], католическая миссія существовала также въ Балаклавѣ еще въ 1311 году:

Зато не подлежитъ сомнѣнію что въ послѣдствіи, какъ увидимъ ниже, превращали неоднократно, по недоумѣнію, епископовъ балаклавскихъ въ архіепископовъ пекинскихъ, подобно тому какъ и солдайскихъ переводили въ Султанію, куда дѣйствительно былъ назначенъ въ 1318 году архіепископомъ *Франко изъ Перуджіи*, которому вмѣстѣ съ тѣмъ поручено было заботиться о католической церкви во владѣніяхъ Chaydo и царей Эѳіопіи и Индіи, т. е. Абхазіи и Кавказа, какъ я старался доказать [33]).

Такъ какъ этотъ архіепископъ былъ смѣненъ въ 1323 году и получилъ другое назначеніе, то я охотно видѣлъ бы въ немъ доминиканца же *Франческо изъ Камерино*, который въ 1323 году былъ назначенъ архіепископомъ въ Воспорѣ, отличившись предварительно распространеніемъ католицизма въ Газаріи и въ смежныхъ съ ней странахъ.

Во всякомъ случаѣ никто, кромѣ перваго архіепископа воспорскаго, не могъ посвятить Филиппу VI мемуаръ о пути, ведущемъ въ Святыя мѣста, поелику читается въ современной рукописи (Le Quien, l. l. 1364), что компилаторомъ (ср. d'Avezac l. l. 19) сего мемуара былъ «un sage prélat qui fut jadis de l'ordre des Prêcheurs et qui est à-présent (1333) archevêque en l'empire de Constantinople et ez marches de là».

Владѣтелемъ Воспора или Керчи, «города богатаго и многолюднаго», былъ тогда Милленъ, усердный приверженецъ ка-

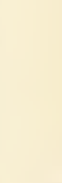
---

[32]) Hist. Pol. Blätter, 1856, II, 708.

[33]) О странств царя пресвитера Іоанна, въ Зап. Новор Универс. т. V.

толицизма, какъ видно изъ письма папы 1333 года къ зихійскому князю Верзахту [34]), съ изъявленіемъ благодарности за его усердіе въ пользу католицизма и въ коего столицѣ Матригѣ Климентомъ V былъ поставленъ архіепископомъ францисканецъ Іоаннъ «изъ туземцевъ», съ суфраганами in civitatem Sybensem (Сора?) и въ vicum Lucucensem (Iocici, на современныхъ картахъ).

Что впрочемъ владѣтель керченскій, подобно таманскому, былъ только вассаломъ Узбека, явствуетъ, между прочимъ, изъ того, что губернаторъ крымскій Толактимуръ могъ предложить Венеціанцамъ поселиться въ Воспорѣ на тѣхъ условіяхъ, на какихъ Генуэзцы владѣли Кафою, т. е. за уплату 3-хъ процентовъ съ привозныхъ товаровъ.

Должно думать, что Венеціанцы не оставили воспользоваться этимъ предложеніемъ, поелику сохранилось извѣстіе, что купцы венеціанскіе изъ *Пантикапеи* посѣщали Тану въ 1344 году (Canale, II, 458). Соглашаясь съ г. Гейдомъ, что отмѣченное на морскихъ картахъ имя pondico, есть ничто иное, какъ сокращенное имя древней столицы Воспора, тѣмъ болѣе, что на картѣ 1351 года читается pondicopera, вмѣсто pondico, я однако не думаю, что это имя означало древнюю гавань Пантикапеона, въ противуположность новой, т. е. нынѣшней керченской. Напротивъ того, по сличеніи извѣстій у Страбона съ средневѣковыми и нынѣшними картами, я вполнѣ убѣдился въ тождествѣ древней гавани пантикапейской съ нынѣшней керченской, равно какъ и въ томъ, что подъ своимъ pondico итальянскіе моряки разумѣли развалины древняго Мирмикіона, приписывая ихъ Пантикапеи, о мѣстоположеніи которой даже Палласъ не имѣлъ еще точнаго понятія Честь рѣшенія сего вопроса принадлежитъ Французу де-Брюксу.

Венеціанцы тѣмъ болѣе должны были дорожить новымъ своимъ поселеніемъ при Воспорѣ Киммерійскомъ, что имъ меж-

---

[34]) Mosheim, Hist. Tart. eccles. 163.

ду тѣмъ удалось утвердиться въ Танѣ по договору, заключенному съ Узбекомъ въ 1333 году [35]).

Впрочемъ тутъ, какъ показалъ г. Гейдъ (Le col. comm. II 52), ихъ упредили Генуэзцы, и вотъ почему Ибнъ-Батута ихъ именно упоминаетъ только въ числѣ народовъ, которые посѣщали Азакъ ради торговли.

Я сначала отнесъ пребываніе арабскаго Марко Поло въ этомъ городѣ къ 1334 году, такъ какъ онъ оттуда отправился въ Судакъ, куда по мнѣнію Гейда (Le col. com. 118), мною принятому [36]), прибылъ въ томъ же 1334 году. Но дѣло въ томъ, что Батута [37]), отправившись уже оттуда въ Константинополь, тамъ еще засталъ «стараго» императора, подъ которымъ долженъ былъ разумѣть умершаго въ 1332 году Андроника II, дѣда Андроника III, а не отца, какъ онъ говоритъ по недоумѣнію, поелику сей послѣдній, т. е. Михаилъ IX, скончался еще въ 1320 году. Если же арабскій путешественникъ (441) своего «стараго» императора называетъ не Андроникомъ, но Георгіемъ (Djirdjis), то это переименованіе легко объяснилось бы тѣмъ, что отказавшійся отъ престола императоръ тогда уже былъ монахомъ, если бы только позволено было допустить ошибки со стороны тѣхъ авторовъ [38]), по которымъ монашеское имя императора было Антоній.

Какъ бы то ни было, нельзя винить Ибнъ-Батуту въ неточности за то, что онъ ничего не говоритъ о факторіи венеціанской въ Азакѣ, такъ какъ она только возникла по выѣздѣ его изъ этого города.

Смежность этой факторіи съ генуэзской подала вскорѣ спустя поводъ къ спорамъ, для предупрежденія которыхъ на будущее время венеціанскій сенатъ поручилъ уже въ 1340 году своему консулу хлопотать о дозволеніи выбирать себѣ для жительства мѣсто, находившееся въ ближайшемъ разстояніи

[35]) Hammer. Gesch. des Ott. Reichs. II 665 и Canale, II, 474.
[36]) Пут. Шильтбергера въ Зап. Новор. Унив. т. I.
[37]) Французскій переводъ II, 427.
[38]) Ср. Rehm. Gesch. d. M. A. IV, 3. p. 245.

отъ моря: che i mercanti e fedeli Veneti della Tana abbiano a abitare dal lato sinistro della strada che si dice il Bazar sino a san Francesco, venendo della marina sino al termine del mare (Canale, II, 449).

Изъ этихъ словъ профессоръ Юргевичъ [39]) заключаетъ что Тана лежала на берегу моря, въ углу, образуемомъ впаденіемъ лѣваго рукава Дона, и что поэтому общепринятое мнѣніе о тождествѣ сего города съ нынѣшнимъ Азовомъ, или древнимъ Азакомъ восточныхъ писателей, оказывается несправедливымъ.

Соглашаясь съ г. профессоромъ, что прежній Азакъ совпадалъ съ нынѣшнимъ, т. е. съ Азовомъ, я потому именно долженъ считать ошибочнымъ мнѣніе, что Тана находилась въ иной мѣстности. По крайней мѣрѣ тождество итальянскаго поселенія съ тогдашнимъ Азакомъ явствуетъ, между прочимъ, изъ свидѣтельствъ діакона Игнатія и Нѣмца Шильтбергера. Извѣстно, что по словамъ спутника митрополита Пимена, во время его пребыванія въ Азовѣ, городъ этотъ принадлежалъ Фрязамъ и Нѣмцамъ (Русск. Ист. Сборн.), между тѣмъ какъ Шильтбергеръ (изд. Neumann, 106) прямо говоритъ, что Азакъ у христіанъ назывался Alathena, т. е. alla Tana

Что городъ Азакъ, или Тана, непремѣнно занималъ мѣсто позднѣйшаго Азака, или Азова, тому служитъ доказательствомъ свидѣтельство турецкаго туриста Эвліи эфенди (англ. переводъ Гаммера), который описываетъ, какъ очевидецъ, осаду Турками сей крѣпости въ 1641 году. Такъ онъ въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ, гдѣ распространяется о военныхъ дѣйствіяхъ осаждающихъ, говоритъ: «огонь снова начался и городскіе дома рушились; но стѣны, крѣпко построенныя Генуэзцами, все еще держались». Въ другомъ мѣстѣ, сказавъ, что Турки, по занятіи въ слѣдующемъ году оставленнаго казаками Азака, приступили къ перестройкѣ укрѣпленій, продолжаетъ: «въ теченіе мѣсяца двѣ башни, превосхо-

---

[39]) Зап. Од. Общ. V, 835, 836.

дившія твердостью прежнія генуэзскія башни, были окончены» и проч.

Обстоятельство, что нынѣ не видно слѣдовъ этихъ башенъ и другихъ памятниковъ, которые напоминали бы намъ столь славное въ свое время торжище Венеціанцевъ и Генуэзцевъ, не можетъ служить подпорою мнѣнія г. Юргевича, какъ потому, что подобные слѣды не были найдены ни въ какой другой мѣстности въ дальнѣйшемъ или ближайшемъ разстояніи отъ Азова, такъ и по той причинѣ, что нигдѣ итальянскій городъ не подвергался бы до такой степени разрушенію, какъ въ этомъ самомъ Азакѣ, или Азовѣ, неоднократно раззоряемомъ и вновь выстроенномъ, разумѣется, съ помощью прежнихъ полуразвалившихся зданій, и два раза даже систематически срытомъ, подобно Люксембургу.

Удивительно ли послѣ этого, что тутъ именно Тана должна была испытать справедливость изреченія поэта. Etiam periere ruinae!

Притомъ мы узнаемъ отъ очевидца, столь-же добросовѣстнаго, какъ и свѣдущаго, т. е. отъ вице-адмирала Крюйса [40]), что въ концѣ XVII столѣтія можно было видѣть еще въ Азовѣ генуэзскія надписи на воротахъ и стѣнахъ церквей, въ числѣ коихъ въ 1641 году сильно пострадали церкви Іоанна Предтечи и Николая Чудотворца [41]), по тѣмъ не менѣе возобновленныя существовали въ 1697 году [42]).

По выпискѣ изъ бумагъ, хранившихся въ упраздненной крѣпости св. Димитрія Ростовскаго, сообщенной мнѣ г. секретаремъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, оказывается, что по возвращеніи Русскими Азова Туркамъ, высланный оттуда въ 1714 году тамошняго монастыря іеромонахъ Гавріилъ, съ чудотворнымъ образомъ Іоанна Предтечи и церковною утварью, переселился въ «Траншементъ» (на Васильев-

---

[40]) См. Samml. Russ. Gesch. II, 85.

[41]) Арцыбышевъ, Повѣсть о Россіи VI, 480.

[42]) Статст. Шейна въ VII т. Зап. Общ. Одесск. Ист. и Древн.

скихъ буграхъ при рѣкѣ Донѣ, въ 7 верстахъ выше стараго Черкасска)

Если-же, подобно башнямъ Генуэзцевъ, укрѣпленная контора ихъ соперниковъ находилась въ нынѣшнемъ посадѣ Азовѣ. то и должно думать, что проектъ венеціанскаго сената касательно переселенія оной на берегъ моря никогда не былъ приведенъ въ исполненіе. Дѣйствительно, море и морской берегъ неупоминаются при обозначеніи мѣстности, которая уступлена была Венеціанцамъ новымъ ханомъ Джанибекомъ два года спустя, т. е. 1342 года [43]). Но и тутъ имъ не пришлось ужиться, по случаю убіенія однимъ изъ ихъ согражданъ по имени Чиврано, нѣкоего Татарина Хозамиръ. Соотечественники сего послѣдняго воспользовались этимъ случаемъ, чтобы разграбить имущество не только Венеціанцевъ, но и Генуэзцевъ. По изгнаніи всѣхъ Италъянцевъ изъ Таны, раздраженный ханъ даже вознамѣрился прервать всѣ сношенія съ ними и тѣмъ побудилъ ихъ соединиться противъ общаго врага.

Два раза, въ 1344 и 1345 годахъ, Татары пытались овладѣть Каффою, но не имѣли успѣха и война ихъ съ обѣими республиками продолжалась до 1347 года, въ которомъ Венеціанцы рѣшились заключить частный миръ съ Джанибекомъ, чѣмъ и побудили Генуэзцевъ послѣдовать ихъ примѣру. Обѣимъ республикамъ было снова дано право селиться въ Танѣ, гдѣ именно Венеціанцамъ было уступлено пространство въ 100 шаговъ въ длинѣ, при 70 въ ширинѣ, лежавшее не при морѣ, но при рѣкѣ, sulla riva del fiume [44]).

На первый случай это небольшое пространство долженствовало быть для нихъ достаточнымъ, по причинѣ страшной чумы 1348 года, свирѣпствовавшей въ Танѣ съ такою силою, что изъ 5 человѣкъ одинъ только оставался въ живыхъ (Sainte-Marie de Mévil, Caffa etc. 14), что впрочемъ не помѣшало Джанибеку завладѣть тамошними магазинами генуэз-

[43]) Hammer. l. l. II, 666; Canale. II. 475—477.
[44]) Hammer, Gold. Horde. 517—519; Canale II, 469—471.

скими въ 1349 году, быть можетъ (см. м. Notices, 42) вслѣдствіе интригъ Венеціанцевъ, соединившихся въ это время съ императоромъ Іоанномъ Кантакузеномъ и съ королемъ арагонскимъ Петромъ IV, «ad confusionem, destructionem et exterminium finale» своихъ соперниковъ [45]). Цѣль эта однако не была достигнута, и въ мирѣ, заключенномъ въ 1355 году, было только положено, чтобы обѣ стороны обязались не посѣщать Тану въ теченіе трехъ лѣтъ. Такъ по крайней мѣрѣ читается въ источникахъ, приведенныхъ Гейдомъ (Le col. comm. II, 111), тогда какъ по рукописи, на которую ссылается Гопфъ [46]), это обязательство относилось вообще къ Крыму. Но едва ли тутъ татарское имя полуострова не поставлено самимъ профессоромъ кёнигсбергскимъ вмѣсто перваго имени. Иначе непонятно, какимъ образомъ татарскій намѣстникъ Крыма, Рамаданъ, могъ отрыть для Венеціанцевъ, по договору 2-го марта 1356 года, портъ Provato или Provanto, отмѣченный въ картѣ 1436 года на южномъ берегу къ западу отъ Каффы, и соотвѣтствующій вѣроятно нынѣшней бухтѣ Коктебель, представляющей удобную стоянку для судовъ.

Два года спустя, договоръ этотъ былъ утвержденъ Котлогъ-Темиромъ, преемникомъ Рамадана, который, кромѣ Прованта, уступилъ Венеціанцамъ еще гавани Солдайскую и Caliera, или нынѣшній Отузъ, судя по имени Caletra, Calitera, отмѣченномъ на итальянскихъ картахъ въ его окрестности.

Еще до того, по истеченіи приведеннаго выше перемирія, т. е. въ 1358 году, сынъ и убійца Джанибека Бердибекъ позволилъ Венеціанцамъ возвратиться въ Тану и занять то небольшое пространство, которое имъ уступлено было въ 1347 году [47]), но въ слѣдующемъ столѣтіи было расширено во всѣ стороны [48]).

---

[45]) Secreti 13 fol. 69, 81, 96 у Гопфа, l. c. 447.
[46]) Commemoriali V, fol. 352.
[47]) Hammer, G. H. 519 и Canale II, 471—473.
[48]) Heyd, Le col. comm. II, 410.

Не трудно составить себѣ понятіе о высокомъ коммерческомъ значеніи Таны. Итальянцамъ тамъ представлялась удобная пристань для покупки свѣжей или соленой рыбы у туземцевъ, которую потомъ они могли продавать съ большимъ барышемъ въ Константинополѣ и на Западѣ: вмѣстѣ съ тѣмъ имъ были открыты ворота для торговыхъ сношеній съ внутренней Азіей. Изъ Таны они въ нѣсколько дней, вверхъ по Дону и внизъ по Волгѣ, могли добираться до Астрахани, и оттуда въ Персію Каспійскимъ моремъ, на южномъ берегу котораго собирали отличный шелкъ (seta ghella—Гиланъ).

До какой степени всѣ берега Каспійскаго моря вскорѣ спустя были извѣстны итальянскимъ морякамъ, можно видѣть изъ составленныхъ для нихъ картъ Пицигановой (1367) и Каталанской (1375), которыя вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ послужить для рѣшенія разныхъ спорныхъ и запутанныхъ вопросовъ, касающихся тогдашней топографіи края, который теперь, какъ и во времена великаго царя македонскаго, обращаетъ на себя вниманіе образованнаго міра.

Приведенныя карты также свидѣтельствуютъ, что чрезъ Туркестанъ тогда уже пролегалъ путь не только въ Индію, но и въ Китай, что впрочемъ подтверждается подробнымъ описаніемъ сего пути у Пеголотти [49]). Пребываніе его въ Левантѣ совпадаетъ, по времени, съ основаніемъ итальянскихъ поселеній въ Танѣ, и должно думать, что съ этого только времени торговыя ихъ сношенія съ Китаемъ оживились. О нихъ еще не упоминаетъ Санудо, въ своемъ сочиненіи «Secreta fidelium crucis», обнародованномъ между годами 1306—1313 съ тѣмъ, чтобы, въ интересахъ христіанства, западные Европейцы перестали покупать индійскіе товары въ Александріи и тѣмъ лишили султановъ египетскихъ главнаго источника ихъ доходовъ. Для сей цѣли онъ совѣтуетъ Итальянцамъ проложить себѣ другой путь во внутреннюю Азію чрезъ Малую Арменію, и невѣроятно, чтобы онъ, въ своемъ усердіи для пute-

---

[49]) Ср. De la Primaudaie, Etudes sur le commerce etc. 155 и слѣд.

ресовъ всего христіанства, хотя и зналъ о новомъ пути въ Индію и Китай чрезъ *Тану*, но нарочно прошелъ его молчаніемъ только потому, что симъ путемъ пользовались въ его время не его соотечественники Венеціанцы, но ихъ соперники Генуэзцы (ср. Heyd, Gesch. des L. H. II 183).

Кромѣ Таны и порта Пизанскаго, разные береговые пункты Азовскаго моря были посѣщаемы итальянскими моряками, по свидѣтельству Пеголотти, и карты, для нихъ составленныя, представляютъ намъ по обоимъ берегамъ много именъ, отчасти донынѣ неразгаданныхъ. Объясненіе другихъ представляетъ менѣе трудностей, не только потому, что въ нихъ отзываются имена, которыми и теперь еще означаются мѣста, ими занимаемыя на картахъ, но и по той причинѣ, что о нихъ также упоминается въ другихъ источникахъ.

Такъ, отмѣченное на западномъ берегу *palastra*, отстоявшее, по Барбаро, въ 80 миляхъ отъ Таны, явно Бѣлосарайская коса, названная Шарденемъ Palestra, турецкимъ туристомъ XVII вѣка Эвлія-эфенди Balisera и теперь еще итальянскими и греческими моряками называемая Bolestra.

Подобнымъ образомъ отмѣченное около нынѣшняго Маріуполя имя *locachi* или *locaq* указываетъ намъ мѣсто, гдѣ находился городъ Укекъ, или Укакъ, чрезъ который проѣзжалъ Ибнъ-Батута на пути своемъ изъ Астрахани въ Судакъ, и который, вопреки мнѣнію Френа [50]), не имѣлъ ничего общаго, кромѣ имени, съ городомъ Укекъ, посѣщеннымъ отцомъ и дядею Марко Поло и совпадавшимъ съ «городищемъ» Увѣшинскимъ Книги Большему Чертежу и съ нынѣшнимъ селомъ Увѣкомъ въ Саратовскомъ уѣздѣ. Не по ошибкѣ этотъ городъ на монетахъ и у восточныхъ писателей названъ Укекъ вмѣсто Увекъ, какъ увѣряетъ г. Артемьевъ [51]), на томъ основаніи, что онъ носитъ это имя у писателей XVI вѣка и нынѣ еще въ народѣ.

---

[50]) Mém. de l'Ac. des Sc. de S. P. VI Série, III, 73—89.

[51]) Саратовская губ. 1862. XXVI.

Что то и другое въ настоящемъ случаѣ ничего не доказываетъ, тому можетъ служить примѣромъ имя «Азовъ». Иначе пришлось бы также допустить, что имя этой крѣпости Турками только по ошибкѣ превращено было въ «Азакъ».

Отмѣченное на восточномъ берегу, около нынѣшняго Копыля, имя *copa или locopa*, показываетъ намъ гдѣ мы должны искать поселеніе того же имени, или Copario, въ которомъ Генуэзцы имѣли консула и откуда вывозили рыбу въ столь огромномъ количествѣ, что въ Константинополѣ опасались быть изнуренными голодомъ, когда имъ въ военное время не была доставляема рыба съ береговъ Меотиды и устьевъ «Кубани», а не озера Копаисъ въ Віотіи, какъ пишетъ Кёлеръ въ знаменитомъ своемъ разсужденіи о Тарихосѣ [52]), не подозрѣвая, какъ уже замѣтилъ г. Гейдъ (Staats-w. Zeitschrift. XVII, 489) что Никифоръ Григора (ed. Bonn. 1, 417) подъ своимъ Λίμναι Κωπαΐδες и т. д. разумѣлъ Кубанскій лиманъ, такъ какъ онъ вообще не гонится за точностью въ правописаніи чужестранныхъ собственныхъ именъ. Изъ устава 1449 года мы еще усматриваемъ, что кромѣ рыбы и икры, Генуэзцы вывозили изъ Копаріи невольниковъ (capita), вымѣниваемыхъ ими на другіе товары у владѣтелей Зихіи, именно на рубахи (raubas seu boccasinos), которыя по сему самому сдѣлались мѣриломъ цѣнностей у Черкесовъ [53]).

Къ сѣверу отъ Копыля, при заливѣ Ахтарскомъ, мы встрѣчаемъ на нѣкоторыхъ картахъ имя *bagtary*, явно тождественное съ *Bata, или Batiario*, гдѣ, по уставу 1449 года, Генуэзцы имѣли не консула, но президента, т. е. комендантa, какимъ тогда могъ уже быть «johannes bozius», который отнялъ въ 1455 году, «castrum batiarii», у законнаго его владѣтеля [54]) «illario marini».

Тогда какъ около сего времени Генуэзцы содержали консула въ Керчи (Vosporo), они въ Тамани (Matrega) имѣли

[52]) Mem. de l'Ac. de S. P. VI, 1, p. 376, note 288.
[53]) De la Primaudaie, l. l. 236. cp. Heyd, Gesch. des L. H. II. 692.
[54]) Atti della Soc. Lig. di storia patria, VI, 356 № 61.

только президента, что заставляетъ думать. что городъ этотъ состоялъ, по прежнему. подъ властью своего собственнаго князя.

Еще въ 1457 году таманскій князь *Захарій Гуйгурсисъ* увѣдомлялъ великаго князя Іоанна Васильевича, что онъ ему писалъ уже два раза изъ Копаріи и Каффы, и въ тоже время, сказавъ, что на пути своемъ въ Россію онъ былъ ограбленъ воеводою Степаномъ, просилъ его, чтобы онъ къ нему послалъ хоть одного человѣка, съ которымъ могъ бы къ нему пріѣхать [55]). Поэтому я осмѣлился спросить [56]) «не былъ ли этотъ князь однофамилецъ съ упомянутымъ въ генуэзской грамотѣ 1446 года *Simone de Guizolfi* «un giorno signore de Matrega», тогда какъ по Гейду [57]), слово signore здѣсь просто означало консула.

Къ счастью, я теперь въ состояніи представить доказательства, что предположеніе мое, сколь-бы оно ни казалось смѣлымъ, было совершенно справедливо

Что Симоне де Гизольфи дѣйствительно былъ не консуломъ, но владѣтелемъ Матреги, явствуетъ изъ договора, имъ заключеннаго въ 1424 году съ Генуэзцами, при посредничествѣ брата своего Іоанна Галеаццо [58]). Еще въ 1419 году онъ женился на «Bichacanon», или Bicha-khanim, какъ думаетъ Desimoni (ibid 185), по которому она была дочерью какого то хана черкесскаго, или же татарскаго.

По моему же мнѣнію эта дама могла называться, не Бихаханимъ, но Bicha-khatun и могла быть дочерью грузинскаго вельможи Бека II († 1391), правителя Самцке и Кларжета [59]).

Во всякомъ случаѣ, тогдашній владѣтель Матреги принадлежалъ къ фамиліи извѣстнаго посланника ильхановъ Аргуна и Газана, отправленнаго въ западную Европу и названнаго

---

[55]) Зап. Од. Общ V, 275.

[56]) Notices conc. la Gazarie, въ Mém. de l'Ac. des Sc. de S. P. VII Sér. X, № 9.

[57]) Le col. comm II, 17.

[58]) Atti della Soc. Lig. V, стр. 259.

[59]) Brosset, Hist. de la Géorgie, II, 206.

въ папскомъ письмѣ 1289 года «nobilis Biscarellus de Gisulfo, civis Jannensis», тогда какъ въ письмѣ 1290 года онъ названъ Bascarellus, а въ письмѣ англійскаго короля Эдуарда I къ Газану—Buscarellus de Guissurfo [60]).

Безъ сомнѣнія, этотъ Баскареллъ, Бискареллъ или Бускареллъ былъ одно и тоже лицо съ упомянутымъ въ генуэзскихъ документахъ Гизольфи «dominus a Busquarel», который, по смерти своей, случившейся въ 1317 году, оставилъ сына Аргуна, такъ названнаго вѣроятно по илхану того же имени, верховному владѣтелю Грузіи. Притомъ его посланникъ въ монгольскомъ письмѣ его къ королю французскому Филиппу Красивому означается только имeнами «Mouskaril Kourdji», или Kourtchi. Нельзя не согласиться съ французскимъ переводчикомъ сего письма [61]) въ тождествѣ именъ Mouskaril съ Бискарелломъ папскаго письма; но такъ какъ послѣдній въ ней названъ гражданиномъ генуэзскимъ, то знаменитый академикъ думаетъ, что въ монгольскомъ письмѣ могла быть рѣчь о двухъ посланникахъ: Mouskaril et Kourdji, т. е. о Бискареллѣ и о Грузинцѣ. По моему-же мнѣнію илханъ могъ считать гражданина Гизольфи за Грузинца, потому что его застал въ Грузіи, чѣмъ и объяснилось бы сходство именъ Mouskaril и «Matsqoueril», неоднократно встрѣчаемое г. Броссе [62]) въ грузинскихъ лѣтописяхъ и означавшее, по его выраженію, «или епископа, или же коменданта». Впрочемъ могло статься, что къ имени посланника было прибавлено слово «kuridschi», потому что онъ состоялъ въ службѣ у обоихъ хановъ въ качествѣ тѣлохранителя [63]).

Какъ бы то ни было, намъ теперь извѣстно, что въ 1446 году, когда скончался «Simon olim dominus Matrece», опе-

---

[60]) Atti и пр. IV, 3 p. CCIV и V.

[61]) A. Rémusat, Mém. s. les rel. diplom. des princes chrétiens avec les rois de Perse p. 113.

[62]) Hist. de la Géorgie, 1, 321.

[63]) Hammer, Ilchane, II, 2:3; cp. Heyd, Beiträge zur Gesch. des Levantehandels im XIV J. H. Stuttgart, 1877, стр. 10.

куны его племянниковъ, «filiorum quondam Vincentii», поднесли каффинскому консулу живаго сокола въ знакъ ихъ зависимости отъ «Великой Общины», что впрочемъ не помѣшало владѣтелямъ Тамани быть данниками какихъ-то татарскихъ династовъ, отца, сына и внука, именуемыхъ «Janibech», «Costumych» и «Cadibeldi», изъ коихъ послѣдній изгналъ изъ Матреги (на время) въ 1457 году внука Симоне Захарія.

Изъ письма сего послѣдняго (Sacharias de guixulfis: Atti и пр. IV, CCLVII) къ протекторамъ банка св. Георгія, отъ 12 Августа 1482 года, мы между прочимъ узнаемъ что онъ, по взятіи его замка (lo mio castello de la Matrega) Турками, хотѣлъ перебраться въ Геную, но, будучи на пути своемъ ограбленъ воеводою валахскимъ (т. е. Молдавскимъ) Стефаномъ, принужденъ былъ возвратиться на островъ Тамань (campagna in Insula nostra Matrice), гдѣ искавшіе у него убѣжища готскіе князья до такой степени его раззорили, что онъ принужденъ былъ просить «Протекторовъ» банка прислать ему 1000 червонцевъ.

Получилъ ли онъ эти деньги или нѣтъ, намъ неизвѣстно, но зато не можемъ усомниться въ его тождествѣ съ княземъ таманскимъ Захаріемъ Гуйгурсисомъ, который пять лѣтъ спустя жаловался Іоанну Васильевичу на жестокое съ нимъ обхожденіе того же воеводы Стефана.

Если же въ письмѣ московскаго великаго князя Захарія названъ Евреяниномъ [64]), тогда какъ Захарій Гизольфи явно былъ христіаниномъ, то придется тутъ допустить ошибку писца, происшедшую отъ того, что великій князь видѣлъ въ Захаріѣ Гуйгурсисѣ Иверіянина или Иверійца, или потому, что фамилія его съ давнихъ поръ пользовалась правомъ гражданства въ Грузіи, или же по той причинѣ, что тамошніе цари съ давнихъ поръ считались верховными владѣтелями всего Кавказскаго края, со включеніемъ Зихіи.

---

[64]) Зап. Од Общ. V, 272.

По Уставу 1449 года Генуэзцы также не имѣли консула, но президента въ *Мапъ или Мапаріо*, т. е. въ Анапѣ, какъ видно изъ картъ, которыя представляютъ намъ много именъ на восточномъ берегу Чернаго моря и тѣмъ свидѣтельствуютъ, что берегъ этотъ былъ хорошо извѣстенъ Итальянцамъ.

Главнымъ же центромъ торговыхъ ихъ сношеній съ туземцами былъ *Savastopoli*, совпадавшій какъ по имени, такъ и по мѣстоположенію своему, съ крѣпостью Севастополисъ, построенной Римлянами въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ главною милезійскою колоніей Діоскуріасъ, развалины которой до нынѣ не отысканы, хотя, подобно развалинамъ Ольвіи, Пантикапеона и другихъ городовъ, не могли не сохраниться въ нѣдрамъ земли или—надъ нею Причина та, что по одному созвучію ихъ думали найти при мысѣ Искуріи, вмѣсто того чтобы искать древній город въ средне-вѣковомъ Савастополи, находившемся недалеко отъ нынѣшняго Сухумъ-кале, возлѣ турецкой крѣпости того же имени. Генуэзцы тутъ имѣли консула, изъ коихъ древнѣйшій, безъименный, упоминается подъ 1354 годомъ, но онъ вѣроятно имѣлъ предшественниковъ, поелику латинскій епископъ находился въ этомъ городѣ около 1330 года, какъ видно изъ письма тамошняго епископа Петра къ архіепископу кэнтрбюрійскому, которому жалуется на производящуюся въ этомъ портѣ торговлю невольниками [65]). Савастополь былъ разрушенъ въ 1451 году высадившимися на берегъ Турками [66]) и въ 1455 году Абхазами (Atti VI, 317); тѣмъ не менѣе генуэзское поселеніе въ этомъ городѣ продолжало существовать по крайней мѣрѣ до 1473 года, въ которомъ тамъ еще былъ генуэзскій консулъ.

Должно думать, что и въ другихъ пунктахъ восточнаго берега были генуэзскія поселенія, какъ потому, что народное преданіе имъ приписываетъ сооруженіе разныхъ зданій, развалины которыхъ донынѣ тамъ сохранились, такъ и по той при-

---

[65]) Heyd, Le col. comm. II, 62.
[66]) Brosset, H. de la Géorgie, 1, 684.

чинѣ, что еще во времена Броніовія (1. 1. 12) горцы хорошо помнили, что ихъ предки вліяніемъ Генуэзцевъ были обращены въ христіанство.

Что они еще въ XVI столѣтіи посѣщали эти мѣста, явствуетъ изъ того, что нынѣ еще въ православной часовнѣ въ Пицундѣ можно видѣть генуэзскій колоколъ, на которомъ изваяны: ликъ Богоматери, Вероника съ убрусомъ, епископъ съ латинской митрою и 1529 годъ.

Гораздо важнѣе восточнаго берега былъ для итальянскихъ купцовъ южный берегъ Чернаго моря, на которомъ они прежде всего встрѣчали большой городъ *Трапезунтъ*, служившій въ теченіе многихъ столѣтій съ одной стороны посредникомъ торговли Византійцевъ съ Арменіей и Персіей, а съ другой— складочнымъ мѣстомъ для произведеній европейскаго сѣвера, туда доставляемыхъ изъ крымскихъ портовъ.

Еще важнѣе стали торговые обороты Трапезунта съ тѣхъ поръ, когда онъ сталъ столицею особой имперіи, и къ сему періоду относятся всѣ данныя, которыя итальянскіе и греческіе источники намъ представляютъ касательно участія Венеціанцевъ и Генуэзцевъ въ трапезунтской торговлѣ.

Лежащій къ западу отъ Трапезунта городъ Самсунъ, древній Амисосъ, тогда, какъ и теперь, славился торговыми своими оборотами и посѣщаемъ былъ купцами египетскими и сирійскими, которые оттуда переправлялись въ Каффу. Самсунъ, или *Simisso* Итальянцевъ, собственно состоялъ изъ двухъ городовъ, на разстояніи выстрѣла изъ лука одинъ отъ другаго, магометанскаго и христіанскаго. Генуэзцы поселились въ послѣднемъ еще до 1317 года, потому что въ этомъ году они тамъ уже имѣли консула, и о немъ говорится также въ декретѣ 1398 года, по которому назначеніе его должно было послѣдовать уже не въ Каффѣ, но въ Officium Gazariae въ самой Генуѣ.

По мнѣнію г. Гейда (Le col. comm. II, 88) Генуэзцы тамъ держались до 1461 года, въ которомъ Магометъ II положилъ конецъ владычеству христіанъ на сѣверномъ берегу Малой

Азіи Но съ этимъ мнѣніемъ я не могу согласиться, такъ какъ въ Уставѣ 1449 года не упоминается болѣе о тамошнемъ ихъ консулѣ. Вѣроятно Генуэзцы были изгнаны изъ Симиссо въ 1419 году, по взятіи Магометомъ 1-мъ той части города, которая принадлежала невѣрнымъ [67]). Въ это время Шильтбергеръ находился еще въ Азіи и зналъ, кажется, что Генуэзцы тогда именно должны были выбраться изъ города: ибо говоря, что Итальянцы изъ Генуи (die wahlen von Genau) владѣли имъ во время Баязита, онъ хотѣлъ, вѣроятно, дать знать, что за тѣмъ ихъ уже тамъ не было. Въ 1404 году, когда мимо его проѣзжалъ Клавихо [68]), одинъ изъ тамошнихъ замковъ принадлежалъ еще Генуэзцамъ, другой Мусульману Chalabi т. е. сыну Баязита Челеби или принцу Сулейману († 1410: ср. Atti IV, pag. CXVI).

Имѣя въ виду выгодное въ торговомъ отношеніи положеніе *Синопа* между Константинополемъ и Трапезунтомъ, безопасность его гавани, легкость сообщеній съ Судакомъ и Каффою, богатую рыбную ловлю въ его окрестностяхъ и багатство ихъ въ металлахъ, нельзя не удивиться, почему онъ не игралъ важной роли въ торговлѣ Итальянцевъ съ Левантомъ, и почему о тамошнихъ ихъ поселеніяхъ сохранилось мало извѣстій, а именно, что Венеціанцамъ тамъ принадлежала церковъ Св. Маріи, и что Генуэзцы тамъ имѣли консуловъ въ 1429 и 1449 годахъ. Но дѣло въ томъ, что эмиры синопскіе изъ рода Сельджуковъ занимались въ большемъ размѣрѣ морскими разбоями и такимъ образомъ скорѣй препятствовали, чѣмъ благопріятствовали торговлѣ Итальянцевъ. Такъ напр., сынъ одного изъ этихъ эмировъ (Zalabi de Sinopi filius) въ 1313 году явился съ десятью галерами на рейдѣ Каффинскомъ и тамъ забралъ много генуэзскихъ судовъ «et multos bonos homines interfecit» [69]).

---

[67]) Hammer, Hist. de l'emp. Ott. II, 180 и 372.

[68]) Historia del Gran Tamorlan и пр. Madrid, 1782 стр. 82.

[69]) Continuaz. della Cronaca di J. da Varagine и пр. Genova, 1876 стр. 12

Зато Генуэзцамъ принадлежало къ западу отъ Синопа важное поселеніе въ *Samastri*, древнемъ Амастрисѣ. нынѣ Амассера, коего стѣны и башни, по сохранившимся на нихъ гербамъ и надписямъ, нынѣ еще свидѣтельствуютъ, что онѣ были построены Генуэзцами. Нельзя сказать, когда и по какому случаю они утвердились въ этомъ городѣ состоявшемъ (Phrantzes, 82) около конца XIV столѣтія подъ властью турецкаго эмира Диноса. Еще въ 1398 году Генуэзцы тамъ имѣли консула и вскорѣ спустя Клавихо, остановившимъ тамъ, во время путешествія своего къ Тамерлану, называетъ его генуэзскимъ городомъ (l. l. стр. 80). Консулы назначались самою метрополіею, но подчинялись каффинскимъ, какъ видно изъ устава 1449 года.

Переходя отъ южнаго берега Чернаго моря къ западному, мы оставляемъ въ сторонѣ южную его часть, принадлежавшую Византійцамъ, и обращаемся прямо къ большей, сѣверной части, подвластной царямъ болгарскимъ. Первое извѣстіе о сношеніяхъ съ ними Генуэзцевъ представляетъ намъ распоряженіе Officium, a Gazariae 22 марта 1316 года, по случаю разграбленія ихъ купцовъ во владѣніяхъ царя Святослава, который въ этой грамотѣ называется Fedixclavus (у Византійцевъ Σφεντισλάβος), imperator et dominitor Burgarie и imperator de Zagora. По отказѣ сего царя вознаградить генуэзскихъ купцовъ за понесенные ими убытки и наказать виновныхъ, Officium запретило первымъ посѣщать Болгарію подъ какимъ бы то ни было предлогомъ.

Неизвѣстно, было ли это запрещеніе снято еще при Святославѣ († 1323), но достовѣрно, что затѣмъ еще совершались грабежи, убійства и насилія со стороны туземцевъ; притомъ и тутъ Генуэзцамъ пришлось состязаться съ Венеціанцами, которымъ царь Іоаннъ Александръ предоставилъ въ 1352 году разныя льготы, въ томъ числѣ право пріобрѣсть покупкою кварталъ для постройки церкви и магазиновъ въ *Варнѣ*, или быть можетъ, въ ближайшемъ ея сосѣдствѣ, въ *Кострицѣ*, на мѣстѣ нынѣшней деревни того же имени,

гдѣ сохранились развалины и гдѣ по свидѣтельству Серры [70]) Генуэзцы также имѣли поселенія. Что они въ послѣдствіи снова водворились въ этихъ мѣстахъ видно изъ договора, заключеннаго 27 мая 1387 года въ Перѣ ихъ подестою Gior. de Mezano съ посланниками Costa и Solpani отъ имени «dominus Juanchus, filius bonae memoriae magnifici domini Dobordize».

Сильвестръ де Саси, обнародовавшій этотъ договоръ [71]), старался доказать [72]), что Juanchus былъ одно и тоже лицо съ нѣкоимъ «Januka-Bau», который былъ комендантомъ города Софіи, когда его осадили Турки въ 1382 году. Показавъ неосновательность сего мнѣнія, г. Гейдъ (Le col. 95; ср. нѣмецкое изд. 715), въ свою очередь, основываясь на томъ, что въ другой генуэзской грамотѣ говорится о войнѣ съ владѣтелемъ Dobordiza въ 1375 году, и что, по Энгелю, болгарскій берегъ къ сѣверу отъ Варны былъ въ 1388 году подъ властью нѣкоего Dobritza-oglu, узналъ въ немъ сына болгарскаго деспота Добротича, заимствовавшаго быть можетъ свое имя у Добруджи [73]).

Приведеннымъ договоромъ сынъ его обѣщалъ возвратить Генуэзцамъ похищенныя имущества ихъ согражданъ, обитавшихъ въ его владѣніяхъ, и защищать ихъ на будущее время. Для сей цѣли они должны были имѣть своего консула и получить кварталъ, гдѣ могли построить рядъ лавокъ (logia) и церковь; но едва ли они успѣли воспользоваться этими льготами, такъ какъ нѣсколько лѣтъ спустя Болгарія была вся покорена Турками, чѣмъ и прекратились вѣроятно всѣ сношенія Генуэзцевъ съ береговымъ краемъ къ югу отъ Дуная.

Къ сѣверу отъ него бургундскій рыцарь Гилльберъ де

---

[70]) Storia di Genova, IV, 56.

[71]) Not. et extr. XI, 65—71.

[72]) Mém. de l'Ac. d. Jnscr VII, 292—343.

[73]) См. мою статью въ Ж. М. Н. Просв. 1877 сент. стр. 62 съ сл.

Ланнуа [74]) засталъ въ 1421 году генуэзскую колонію въ Аккерманѣ или *Монкастро*, гдѣ по нынѣ сохранилась цитадель, которую обыкновенно считаютъ твореніемъ Генуэзцевъ, что не подлежало бы сомнѣнію, если бы гербъ, который и теперь еще можно видѣть надъ воротами внутренней части крѣпости, былъ дѣйствительно гербомъ фамиліи Доріа [75]). Другихъ слѣдовъ господства Генуэзцевъ въ Аккерманѣ не сохранилось; греческая же надпись, которая прежде тамъ находилась на стѣнѣ наружной крѣпости и теперь хранится въ музеѣ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. свидѣтельствуетъ, что эта крѣпость была построена при Стефанѣ, безъ сомнѣнія четвертомъ воеводѣ сего имени, или Великомъ, царствовавшемъ съ 1458 по 1504 годъ. Извѣстно, что онъ послѣ побѣды, одержанной имъ при Розбоени въ 1476 году надъ Турками, въ ожиданіи съ ихъ стороны [76]) новыхъ нападеній спѣшилъ опоясать укрѣпленіями Аккерманъ, равно какъ и Килію, или *Ликостомо*, развалины которой видны противъ нынѣшняго города того же имени, или Киліанова.

Изъ неизданнаго Cartulario di Caffa [77]) явствуетъ, что въ Ликостомо находился въ 1382 году генуэзскій консулъ Петръ Эмброне.

Что-же касается извѣстія, переданнаго молдавскимъ старостою путешественнику аббату Восковичу (см. Heyd, 717), что онъ видѣлъ въ Сучавѣ, древней столицѣ Молдавіи, болѣе 30 церквей съ генуэзскими надписями и замокъ съ генуэзскимъ гербомъ, то невѣроятно, чтобы Генуэзцы могли поселиться въ городѣ, столь отдаленномъ отъ моря; по сему самому я не думаю, что они имѣли поселеніе въ Сорокахъ, хотя преданіе имъ приписываетъ сооруженіе красиваго замка о пяти башняхъ, тамъ сохранившагося, но съ воротъ котораго снята къ сожалѣнію надпись, прежде тамъ находившаяся.

[74]) Voyages etc. ed. Mons, 31.
[75]) Мурзакевичъ, О Генуэзск. посел. въ Крыму, 88.
[76]) Палаузовъ. Рум. княж. 1859, p. 74.
[77]) Belgrano, въ Arch. stor. III, sér. II, p. 1 p. 109.

Зато можемъ сказать утвердительно, что Генуэзцы имѣли поселенія при нижнемъ Днѣпрѣ, около Алешекъ, или Олешья нашихъ лѣтописцевъ, по имени котораго рѣка на многихъ картахъ XIV столѣтія называется: fl. de ellexe, l'ellexe, elese и erese, вмѣсто fl. Гoso, подъ какимъ она значится въ другихъ. Ибо здѣсь явно находилось *castrum illicis*, построенное четырьмя братьями, Генуэзцами Сенарега, или купленное ими у Татаръ, съ тѣмъ, чтобы оно служило убѣжищемъ для христіанъ, желавшихъ избѣгнуть преслѣдованій первыхъ. Изъ документовъ, помѣщенныхъ въ VI томѣ «Atti della Società Ligure di Storia Patria», оказывается, что замокъ былъ у нихъ отнятъ измѣнически подданными молдавскаго князя Петра (dominus Velacscie inferioris et mocastri). Въ этихъ же мѣстахъ долженъ былъ находиться «*castrum MeruALDI Spinula* in partibus ilicis» (Atti, V, 248), но гдѣ именно, не берусь рѣшить; замѣчу только, что преданіе приписываетъ Генуэзцамъ сооруженіе замка, коего развалины нынѣ еще видны при деревнѣ Тягинкѣ, не много выше Херсона, на правомъ берегу Днѣпра [79])

После мира 1355 года Генуэзцы также не замедлили возвратиться въ Тану, по примѣру Венеціанцевъ, съ которыми продолжали быть въ дружескихъ сношеніяхъ, какъ видно изъ переписки дожей обѣихъ республикъ въ 1361 году [80]). Выраженія преданности, которыми отличаются въ особенности письма дожа генуэзскаго, объясняются отчасти опасностью, грозившей тогда именно ихъ поселеніямъ въ Газаріи со стороны малоазіятскихъ Турокъ [81]). Притомъ они должны были желать, чтобы Венеціанцы имъ не помѣшали пользоваться для распространенія своего могущества въ Крыму, безпорядками, которые господствовали въ Золотой ордѣ по смерти Бирдибека.

---

[79]) Ист. о Казак. Запорожск. изд. Одесск. Общ. Ист., 72 пр. 100.
[80]) См. ст. г. Волкова въ IV т. Зап. Од. Общ. 219 и сл.
[81]) Heyd, col. comm. it. II, 145.

Дѣйствительно имъ удалось въ 1365 году овладѣть Солдаею съ 18 селеніями, простиравшимися «a Cosio usque ad Osdaffum», какъ читается въ документѣ 1381 года, въ которомъ онѣ поименованы и отчасти легко узнаются (Atti V, стр. 254).

Деревни эти хотя затѣмъ снова были отняты у Генуэзцевъ извѣстнымъ Мамаемъ, но были возвращены имъ опять по договору 1380 года, заключенному каффинскимъ консуломъ Giannone del Bosco съ владѣтелемъ солкатскимъ отъ имени хана кипчакскаго. Договоръ этотъ съ уйгурскаго языка (lingua ugaresca) переведенъ былъ въ 1383 году на итальянскій языкъ, по распоряженію консула Meliaduce Cattaneo, и дошелъ до насъ въ двухъ рецензіяхъ, до такой степени различествующихъ, что согласовать ихъ между собою до нынѣ не удалось. Такъ въ рукописи, обнародованной де Саси [82]), правителемъ Солката является то «Jharcasso segno», т. е. Tchercas-begh, то «lo segno Zicho», что и заставляетъ думать издателя, что въ договорѣ имя перваго иногда замѣняется его званіемъ: «scheich», съ чѣмъ согласенъ г. Гейдъ (L. H. II, 207). По моему же мнѣнію, переводчикъ, говоря здѣсь объ одномъ и томъ же лицѣ, называетъ его то его именемъ Черкасъ-бекъ, то черкаскимъ бекомъ, «lo zicho segno», переводя его имя посвоему.

Но, какъ бы то ни было въ другой рукописи тогоже, повидимому, договора, изданной Оливьери [83]) владѣтелемъ Солката названъ уже не Jharcasso segno, ни lo segno zicho, но «Ellias fiio de Inach Cottoloboga». Этотъ Кутлубуга явно одно и тоже лицо съ намѣстникомъ крымскимъ того-же имени въ царствованіе Джанибека [84]) и быть можетъ также съ Кутлубугою, который въ 1380 году былъ посланъ Тохтамышемъ въ Литву, чтобы извѣстить Ягайлу о восшествіи своемъ на престолъ [85]).

---

[82]) Not. et extr. XI, 52—55.
[83]) Carte e chronache manoscr. 72.
[84]) Makrizi, trad. p. Quatremère II, 2, 315.
[85]) Ярлыкъ Тохтамыша къ Ягайлу, Казань, 1850 стран. 55.

Въ этомъ случаѣ слѣдовало бы думать, что сынъ его только во время его отсутствія исправлялъ должность намѣстника Крымскаго, поелику Кутлубуга по возвращеніи своемъ изъ Литвы, снова является эмиромъ Солкатскимъ. Ибо въ договорѣ, имъ заключенномъ съ Генуэзцами въ 1387 году [86]), онъ кромѣ договора, заключеннаго Эліасомъ въ 1380 г., утверждаетъ еще и договоръ, имъ самимъ заключенный отъ имени Тохтамыша съ каффинскимъ консуломъ Бартоломео де Якопо, который, занимая это мѣсто въ 1365 г., былъ вторично консуломъ въ 1382 г [87]).

Если же оказалось бы, что въ 1380 году были заключены два договора, т. е. что договоръ заключенный Черкасъ-бекомъ былъ подтвержденъ въ томъ же году сыномъ Кутлубуги, Эліасомъ, то я въ первомъ подозрѣвалъ бы сына Джанибека, Черкесъ-бека, который по Хондемиру, былъ возведенъ на ханскій престолъ ок 1360 года, и вѣроятно царствовалъ еще около 1367 года, судя по словамъ «casa de jarcasi» на картѣ братьевъ Пицигани, отмѣченнымъ на правомъ берегу нижней Волги.

Наши лѣтописи не упоминаютъ о ханѣ Черкесъ-бекѣ; но сохранились монеты, выбитыя съ его именемъ въ Астрахани въ 1375 году При безначаліи, господствовавшемъ въ Ордѣ между 1360—80 годами, легко могло статься, что онъ, по

---

[86]) Mém. et extr. XI. 62.

[87]) Подъ договоромъ Черкасъ-бека, обнародованнымъ де Саси, поставлено послѣднее число шабана, т. е. 28 ноября 1380 г. и это самое число мы встрѣтили подъ договоромъ Эліаса по Оливіери; но тутъ то именно должна быть ошибка, которая объясняется слѣдующимъ отрывкомъ изъ письма г. Десимони (секретаря Генуэзскаго историческаго общества), отъ 1 сентября 1870 года: j'ai consulté dernièrement les papiers diplomatiques des Archives revennes de Turin à Gênes et je crois avoir trouvé la clef de l'énigme Le fait est qu'il y a deux parchemins de la même nature et de la même année; l'un où le seigneur de Sorcat est nomme Ihancassio, tandis que dans l'autre Ellias Bey paraît, comme tel. Mais si l'année est la même, le mois ne l'est pas: la charte de Ihancassio est du mois de Schaban: celle d'Ellias du mois de Solcada, de manière qu'elle a été écrite plus de deux mois après la première. De plus elle, c. à d. celle d'Ellias, est ratifiée par lui, tandis que celle de Ihancassio n'a pas cette formalité.

низверженіи его съ престола, спасся въ Крымъ и тамъ удержался до паденія Мамая, который, въ свою очередь, послѣ пораженій, ему нанесенныхъ въ 1380 году Дмитріемъ Донскимъ и Тохтамышемъ, искалъ убѣжища въ Каффѣ, но по преданію тамъ былъ убитъ два года спустя.

Но какое бы ни было отношеніе между Черкасъ бекомъ и Эліасомъ, владѣтель Солката отказался въ 1380 году не только отъ упомянутыхъ селъ судакскихъ, но и отъ всѣхъ деревень, населенныхъ христіанами и лежавшихъ на южномъ берегу между Солдаею и Чембало въ Готіи, которая впрочемъ, если я не ошибаюсь, de facto уже принадлежала Генуэзцамъ, поелику дожъ Габріело Адорно (1363—70) согласился допускать венеціянскія суда къ тамошнимъ портамъ (Зап. Од. Общ. IV 227).

По приведенному документу 1381 года, каждая изъ этихъ деревень, имена коихъ сохранились донынѣ съ малыми измѣненіями, состояла подъ вѣдомствомъ своего «proplo» (proto), а всѣ вмѣстѣ—подъ викаріемъ «riperiae marinae Gotiae» Въ военномъ отношеніи край этотъ былъ подчиненъ особенному начальнику (capitaneus), и кромѣ того, были учреждены особенныя консульства въ четырехъ изъ приведенныхъ деревень, а именно: въ Гурзуфѣ (Gorzovii), Партенитѣ (Pertinice), Ялтѣ (Jalite) и Алуштѣ (Lusce).

Вѣроятно, всѣ эти мѣста были отняты Генуэзцами не у Татаръ, но у Грековъ, вмѣстѣ съ Чембало или Балаклавою.

По Броневскому [38]), крѣпость эта имъ досталась безъ боя въ слѣдствіе неспособности и гордости греческихъ владѣльцевъ (duces), которымъ принадлежала эта часть Тавриды.

Къ числу ихъ долженъ быть отнесенъ Алексій, которому передались Балаклавцы, возмутившіеся въ 1433 году противъ Генуэзцевъ, и который въ ихъ грамотахъ и лѣтописяхъ называется «dominus de Lotodero, signor del Teodoro» etc.

---

[38]) Schwandtner, Script. rer. hung. I, 821.

Изъ надписи 1427 года на камнѣ, находящемся въ имѣніи Сабли близъ Симферополя, которая была обнародована, между прочимъ, Кёппеномъ (Кр. Сборн. 218) и Дюбуа (1, 1), видно, что этотъ Алексій владѣлъ не только городомъ Θеодоро, но считалъ себя также владѣтелемъ «морскаго берега», явно южнаго берега Крыма.

Что же касается города Θеодоро, то послѣ доказательствъ, мною уже приведенныхъ [89]), придется согласиться, что онъ совпадалъ съ Мангупомъ, а не съ Инкерманомъ, какъ, по примѣру Тунмана, полагали прежде и теперь еще г. Гейдъ считаетъ возможнымъ, хотя невѣроятнымъ.

Въ обоихъ городахъ, въ особенности въ Инкерманѣ или Каламитѣ, какъ онъ назывался у Итальянцевъ, сохранились слѣды прежняго ихъ величія. Подобно всему Ираклійскому полуострову, Каламита принадлежала владѣтелямъ Θеодоро, поелику мы узнаемъ изъ генуэзскихъ актовъ, что по взятіи обратно Балаклавы Карломъ Ломеллино, посланнымъ изъ Генуи съ войскомъ въ 1434 году, Алексій задумалъ тамъ устроить гавань, что насъ не удивитъ, если припомнимъ, что еще въ XVII столѣтіи суда доходили до Инкермана.

Въ 18 деревняхъ судакскихъ, равно какъ и въ Готіи и въ окрестностяхъ Чембало, главное занятіе жителей тогда, какъ и теперь, состояло въ винодѣліи; Балаклавцы кромѣ того занимались весьма успѣшно рыбною ловлею и принимали также участіе въ торгѣ невольниками, который вообще производился въ большомъ размѣрѣ Итальянцами въ Каффѣ и Танѣ, какъ показалъ г. Гейдъ (Gesch. d. L. H. II стр, 543—550) вопреки мнѣнію г. Канале, который иногда отвлекается отъ истины своимъ желаніемъ выставить хорошую сторону соперничества между морскими республиками въ тогдашнемъ Восточномъ вопросѣ.

Изъ нихъ Генуэзская, въ ожесточенной борьбѣ, открывшейся въ 1378 году съ Венеціанцами за островъ Тенедосъ, уже успѣла совершенно изгнать послѣднихъ изъ Черноморья,

---

[89]) Notices etc.; ср. Heyd Gesch. des L. H. II, стр. 215.

когда дѣла приняли другой оборотъ вслѣдствіе страшнаго пораженія генуэзкаго флота при «Chioggia», такъ что въ мирѣ, заключенномъ въ Туринѣ въ 1381 году, Генуэзцы должны были довольствоваться тѣмъ, что Венеціанцы обязались не посѣщать Тану въ теченіе двухъ лѣтъ.

По окончаніи этой войны, Генуэзцы обратили все свое вниманіе на лучшее устройство колоніальнаго своего государства въ Газаріи.

Такъ, положено было въ 1398 году, чтобы всѣ тамошніе чиновники назначались каффинскимъ консуломъ, вмѣстѣ съ попечительнымъ совѣтомъ и синдикаторами, на половину изъ Генуэзцевъ, на половину изъ граждань Каффы. Officium Газаріи предоставило себѣ только назначеніе консуловъ въ Каффу, Челбало, Солдаю, Тану, Симиссо и Іамастри, хотя всѣ они въ извѣстныхъ отношеніяхъ подчинены были консулу каффинскому, который, какъ главный начальникъ всѣхъ генуэзскихъ колоній, иногда получалъ гордый титулъ консула «totius maris majoris» [90]).

По мѣрѣ возрастающей важности Каффы, какъ центра всѣхъ понтійскихъ колоній Генуэзцевъ, они продолжали снабжать этотъ городъ новыми укрѣпленіями. Такъ съ 1384—86 года, при консулахъ Джіакомо Спинола, Піетро Казани и Бенедетто Грималъди, даже предмѣстья были ими окружены. Слѣды этой стѣны и нынѣ еще замѣтны; изъ башень же сохранились только нѣкоторыя, а именно — приведенная выше башня Климента и двѣ другія, гдѣ стѣна примыкала къ морю. Гораздо величественнѣе развалины крѣпости Судакской, построенной на скалѣ, которая, круто поднимаясь съ моря, на противуположной сторонѣ образуетъ родъ террасы, которая окружена стѣною съ 10 башнями и покрыта развалинами церквей и другихъ зданій.

Хотя Солдая досталась Генуэзцамъ въ 1365 году, тѣмъ не менѣе они только двадцать лѣтъ спустя приступили къ приведенію сего города въ лучшее оборонительное положеніе.

---

[90]) Heyd, Le col. comm. II, 130.

Такъ по крайней мѣрѣ должно думать по сохранившимся въ немъ надписямъ, изъ коихъ древнѣйшая находится на башнѣ, построенной въ 1385 году во время управленія консула Торсело, какъ его называютъ Канале и Юргевичъ, а не Горзево, какъ читали его имя Кёппенъ, Мурзакевичъ, Дюбуа и др.

Другой камень съ надписью, найденный г. Юргевичемъ возлѣ судакской церкви, и хранящійся теперь въ музеѣ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, находился на башнѣ, построенной въ 1414 году. Слова надписи «hedificio tota facta» относятся, по мнѣнію г. Юргевича, ко всей крѣпости и означаютъ окончаніе ея постройки. Дѣйствительно всѣ прочія надписи на стѣнахъ и башняхъ, по большей части также открытыя г. Юргевичемъ (см. Зап. Од Общ. V), свидѣтельствуютъ, что всѣ постройки были сдѣланы между годами 1385 и 1414.

Нельзя сказать, когда именно Генуэзцы начали укрѣплять Балаклаву.

На одномъ изъ камней съ надписями, снятомъ съ тамошнихъ башень Піэмонтезцами въ 1855 году и хранящемся теперь въ генуэзской ратушѣ, читается 1467 годъ, тогда какъ на другомъ камнѣ отмѣченъ 1354 годъ, быть можетъ какъ думаетъ г. Десимоне (въ письмѣ отъ 9 ноября 1870 года), по ошибкѣ. Но зато мы узнаемъ изъ третьей надписи, незамѣченной генераломъ Ламармара и открытой г. Юргевичемъ на стѣнѣ церкви Двѣнадцати Апостоловъ вблизи крѣпости (Зап. Од. Общ. V, 175), что въ ней уже былъ генуэзскій консулъ въ 1357 году, почему и должно думать, что Формалеони [91]) не ошибается, когда говоритъ, что Джанибекъ, послѣ неудачной осады Каффы въ 1345 году, обратился противъ Балаклавы, откуда Генуэзцы должны были удалиться, такъ какъ еще не успѣли укрѣпить этотъ городъ надлежащимъ образомъ. Посему самому кажется, что они имъ завладѣли не задолго предъ тѣмъ

Имѣя въ виду что еще въ 1333 году было учреждено католическое епископство въ незначительномъ, судя по выра-

---

[91]) Navig. del mar Nero etc. XXI.

женію буллы, тогда городѣ Херсонѣ «въ Готіи», должно думать, что Лекіенъ и другіе писатели не знаютъ епископовъ *Cembalo'скихъ* только потому, что они ихъ превращали въ архіепископовъ *Chanbalik'скихъ* (Пекинскихъ).

Едва ли туда уже могъ добраться францисканецъ Вильгельмъ, назначенный въ 1370 году Урбаномъ V архіепископомъ «Cambaliensis» и викаріемъ «regionis Cathaye»[92]), вмѣсто Петра, переведеннаго ex ecclesia Cambaliensi ad Saraiensem in Tartaria.

Въ это время католическіе миссіонеры уже не были бы приняты въ Китаѣ, гдѣ туземная династія Минъ, въ 1368 г., низвергла монгольскихъ Юэнъ и перенесла столицу въ Нанкинъ изъ Пекина, который уже не означался монгольскимъ его именемъ «Ханбалу» или Ханбаликъ, т. е. Царьградъ.

Напротивъ того Генуэзцы тогда уже владѣли, какъ выше было показано, не только городомъ Чембало, но всѣмъ южнымъ берегомъ Крыма или Готіею, въ которой по сему самому католическіе священники не были бы лишними, и которая въ папской канцеляріи легко могла быть смѣшиваема съ Китаемъ по той причинѣ, по которой Шильтбергеръ ее называетъ Kuthia[93]), т. е. по армянской формѣ имени Готіи (Dulaurier, Bibl. arm. 398). По сей же причинѣ въ папской буллѣ 1253 года страна «Cotharum» замѣняетъ страну «Gothorum» буллы 1247 г. между тѣмъ какъ Плано Карпини (ed l'Avezac, 320) превращаетъ въ «Cathos» тотъ же самый народъ, который польскій его спутникъ называетъ «Goti» (ibid), ставя ихъ жилища къ югу отъ Команіи.

Во всякомъ случаѣ уже не въ Пекинъ, но только въ Балаклаву могъ быть посланъ въ 1427 году, доминиканецъ Яковъ, поелику ему предоставили ecclesiam parochialem s. Laurentii Caphae... per ipsum unà cum ecclesia Gambalien quae inter Infideles et Tartaros constitit[94]).

---

[92]) Le Quien III, 1108—10.

[93]) См. Зап. Новор. Унив. I.

[94]) Le Quien, III, 1351.

Туда также долженъ былъ отправиться въ 1429 году папскій легатъ Николай изъ Тиволи, а вовсе не въ Китай, какъ воображалъ Марчеллино де Чивета[95]), потому только, что Мартынъ V ему поручилъ побывать in Caffen, Chien, Metellin, Sollagen, Cimbalien et Samastrien, ac in terra Pera, Constantinopolis dioecesis.

Въ Балаклаву наконецъ были отправлены разные другіе монахи, которыхъ Лекіенъ превращаетъ въ архіепископовъ ханбаликскихъ, напр. «Александръ de Caffa *episcopus* Cymbaliensis», котораго папа рекомендовалъ въ 1462 году «protectoribus... s. Georgii urbis Januensis».

Дѣйствительно Балаклава состояла тогда уже подъ вѣдомствомъ комитета т. наз. протекторовъ знаменитаго банка св. Георгія, которому, по завоеваніи Турками Константинополя, Генуэзская республика уступила всѣ свои черноморскія колоніи, въ надеждѣ, что эта богатая корпорація устранитъ опасность, ей грозившую послѣ утвержденія власти Порты по обѣимъ сторонамъ Ѳракійскаго пролива.

Но еще до того времени, когда Турки овладѣли входомъ въ Черное море, разныя бѣдствія постигали итальянскія колоніи въ Газаріи.

Такъ надъ ними обрушились, еще предъ концемъ XIV столѣтія, пагубныя слѣдствія борьбы Тохтамыша съ Тамерланомъ. Извѣстно, что послѣдній, послѣ пораженія, нанесеннаго хану Кипчакскому въ 1395 году, овладѣлъ между прочими городами и Таною, откуда жители отчасти успѣли спастись на корабли, коихъ, къ счастію, тогда довольно было въ гавани. Но зато остальные, кромѣ мусульманъ, были плѣнены, и дома ихъ разграблены и разрушены.

Изъ грамотъ, сообщенныхъ Капале (II, 462—7), мы усматриваемъ, что Венеціанцы издерживали большія суммы для возстановленія стѣнъ и замковъ своего квартала, разрушенныхъ

---

[95]) Ср. Kunstmann, Die Kenntniss Indiens, 12.

Тамерланомъ, а что Генуэзцы въ семъ отношеніи отъ нихъ не отставали, узнаемъ мы изъ Устава 1449 года, гдѣ назначается особая сумма для исправленія стѣнъ, построенныхъ братомъ Самуиломъ Террано [96]). Но не такъ легко было возвратить Танѣ прежнее ея значеніе для всемірной торговли, поелику, послѣ разрушенія Сарая и Астрахани, товары индійскіе и китайскіе снова стали доставляться къ сирійскимъ портамъ, такъ что Тана осталась только центромъ торговли азовскою рыбою. Еще въ 1403 году Клавихо видѣлъ въ Константинополѣ 6 судовъ венеціанскихъ, шедшихъ изъ Таны, и хотя за тѣмъ обитавшіе тамъ Итальянцы много страдали отъ набѣговъ Татаръ въ 1410 году, Турокъ въ 1415 и снова Татаръ въ 1418 году, при чемъ до 640 однихъ венеціанскихъ купцовъ лишились жизни (Heyd, Le col. comm II, 142), тѣмъ не менѣе они, подобно генуэзскимъ, не переставали туда возвращаться какъ видно изъ свидѣтельствъ де Ланнуа, Шильтбергера и Барбаро (ср. Atti VI, стр. 541).

Хотя въ настоящее время признана неосновательность преданія, по которому Тамерланъ простеръ свое оружіе до Крыма [97]), тѣмъ не менѣе вредныя слѣдствія его борьбы съ Тохтамышемъ и тамъ обнаружились, когда, послѣ окончательнаго пораженія сего послѣдняго, одинъ изъ его сыновей искалъ убѣжища въ Каффѣ. Радушный пріемъ, ему оказанный жителями, былъ причиною опустошенія окрестностей ихъ города полчищами Эдигея (Clavijo, l. l. p. 197—9), игравшаго тогда въ Ордѣ ту же самую роль, которую прежде игралъ Мамай.

Еще гораздо опаснѣе были для итальянскихъ поселеній въ Газаріи враждебныя дѣйствія Гаджи-Герая, успѣвшаго, по смерти неумолимаго врага Тохтамышева рода, основать независимое ханство въ Крыму. Послѣ тщетныхъ стараній усмирить его уступчивостью и подарками, Каффинцы обратились къ своей метрополіи съ требованіемъ помощи. Исполненіе сего

---

[96]) Зап. Од. Общ. V, 807.

[97]) Bizarus, Hist. reip. Gen. IX, 200.

требованія возложено было на Карла Ломеллино, успѣвшаго только что завоевать обратно Чембало. Но въ этотъ разъ ему не посчастливилось. Приставши къ берегу въ Каффѣ и отправившись оттуда внутрь края, онъ претерпѣлъ рѣшительное пораженіе въ окрестностяхъ Солката. Большая часть его войска была истреблена, самъ онъ съ немногими добрался до Каффы, откуда не замедлилъ возвратиться въ Генуу.

По свидѣтельству Лаоника Халкокондилы (ed Bonn. 284), генуэзскія поселенія въ Крыму приведены были тогда въ большую противъ прежняго зависимость отъ Татаръ, чѣмъ и объясняются различныя мѣры предосторожности, которыя мы встрѣчаемъ въ колоніальномъ уставѣ 1449 года. Такъ какъ любопытный этотъ документъ уже обнародованъ съ дѣльными примѣчаніями г. Юргевича[98]), то мы здѣсь коснемся только нѣкоторыхъ пунктовъ, относительно которыхъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ г. профессора.

Такъ какъ въ Уставѣ говорится о пушкарѣ (bombarderius) въ одной только Балаклавѣ, а вовсе о нихъ не говорится въ числѣ воиновъ гарнизона Каффы и Солдаи, то г. Юргевичъ полагаетъ, что въ этихъ крѣпостяхъ тогда вовсе не было пушекъ, и что по сему самому въ Уставѣ не могло быть рѣчи о приготовленіи и запасѣ пороха и ядеръ. Кажется однако, что эти именно предметы подразумѣвались подъ военными припасами, о коихъ упоминается въ статьѣ: «De conservandis munitionibus comunis» (V, 723).

По сему самому я полагаю, что огнестрѣльныя оружія могли встрѣчаться въ числѣ тѣхъ паръ «armorum», которыя главные каффинскіе чиновники должны были приносить въ даръ общинѣ «cum fada una» на каждую пару (V, 651), вмѣсто чего г. Юргевичъ предлагаетъ читать: cum spada una, съ однимъ мечомъ.

Всѣ эти припасы и оружія должны были запираться тремя ключами и храниться, первые въ «sababraria», или въ

---

[98]) Зап. Од Общ. V, 629—837.

арсеналѣ, какъ г. Юргевичъ переводитъ это слово; но я предпочелъ бы видѣть въ немъ означеніе пороховаго погреба, потому что слово это напоминаетъ мнѣ имя св. Варвары, S-a Barbara, покровительницы артиллеристовъ, между тѣмъ какъ въ Уставѣ арсеналъ называется «darsena» (р 675).

Касательно же башни «stantalis», гдѣ должно было храниться оружіе, и которая, по г. Юргевичу, могла быть посвящена св. Виталію, я спросилъ бы: не находилась ли она возлѣ казармы, stantia, съ итальянскаго «stanza, luogo stantiale»?

Изъ Устава мы усматриваемъ, что въ Каффѣ и въ другихъ городахъ находились, кромѣ стрѣлковъ (balistarii) и другихъ наемниковъ, еще разные полицейскіе служители, въ томъ числѣ аргузіи (argusii, arguxii, orgusii), напоминающіе мнѣ испанскихъ алгузиловъ, такъ названныхъ по арабскому слову: аргузилъ (Jal, Dict. naut.), означавшему надзирателей надъ галерными невольниками. Въ 1449 году было положено чтобы въ Каффѣ было на лицо 20 аргузіевъ, въ Солдаѣ 8 и въ Чембало 4. Каждый изъ нихъ получалъ по 120 аспровъ мѣсячнаго жалованья, за что, кромѣ своей лошади, долженъ былъ имѣть оружіе, щитъ и «cabaricho» (tabaricho), или плашъ (tabarro), какъ думаетъ г. Юргевичъ, или же, быть можетъ, чепракъ.

Вѣроятно эти наѣздники были изъ Черкесовъ, поелику они въ Уставѣ также называются казаками, а подъ послѣдними тутъ нельзя разумѣть ни русскихъ, ни татарскихъ.

По преданію, сохранившемуся у кавказскихъ Черкесовъ, ихъ предки нѣкогда обитали въ Крыму; о пребываніи же казаковъ въ окрестностяхъ Сугдеи въ 1308 году читается въ одной изъ приписокъ синаксаря (Зап. Од. Общ. V № 161).

Что крѣпость эта около половины слѣдующаго столѣтія все еще не лишилась прежняго значенія, видно, между прочимъ, изъ письма, адресованнаго 1 ноября 1455 года протекторами банка св. Георгія къ папѣ Калисту IV съ тѣмъ, чтобы онъ, въ интересахъ всего христіанства, возбудилъ за-

падныхъ Европейцевъ къ защитѣ черноморскихъ владѣній ихъ вѣрителей: Et ne quis putet forsitan pro vili plebecula verba facere, habet Ponticus ille Angulus Imperium Trapezuntinum claris urbibus frequens; habet Capham non ambitu quidem moenium, sed populorum multitudine Constantinopoli facile praeferendam; habet Soldiam, habet Cembalum, haud contemnenda oppida [99]).

Впрочемъ и Банкъ съ своей стороны дѣлалъ все отъ него зависящее для обезпеченія своего колоніальнаго государства противъ властолюбія Порты и жертвовалъ огромныя суммы для покрытія возрастающаго годъ отъ году дефицита въ бюджетѣ Газаріи, для снабженія ея городовъ новыми укрѣпленіями и для отправленія имъ въ пособіе ратниковъ сухимъ путемъ и моремъ. Но корабли, посылаемые для сей цѣли изъ Генуи, рѣдко успѣвали пробираться чрезъ проливы по обѣимъ сторонамъ Мраморнаго моря, между тѣмъ какъ дальный путь и другія обстоятельства затрудняли пересылку въ Крымъ сухопутнаго войска. Поэтому жители Каффы обратились къ польскому королю Казиміру IV и набрали въ 1465 году, съ его согласія, 500 Малороссіянъ. По рукописи, хранящейся въ библіотекѣ графа Пржездецкаго въ Черноостровѣ [100]), начальникъ сего отряда былъ житель каффинскій, по имени Галеаццо, при которомъ еще находились семь Генуэзцевъ. Миновавъ городъ Брацлавъ, гдѣ люди сего отряда произвели безпорядки, они были настигнуты при Бугѣ литовскимъ гарнизономъ и истреблены за исключеніемъ начальника, его соотечественниковъ и пяти Русскихъ, которымъ удалось пробраться до Каффы.

Вскорѣ послѣ того Магомедъ II, раздраженный противъ Генуэзцевъ за ихъ неумѣстныя требованія относительно ихъ колоніи въ Галатѣ, овладѣлъ ихъ поселеніями на южномъ берегу Чернаго моря и около того же времени положилъ конецъ

---

[99]) Rainald, Ann. Eccl. an. 1455; привед. у Oderico, Lettere ligustiche, 190.

[100]) Зап. Од Общ. I, 513.

эмирату Синопскому и имперіи Трапезунтской. Тѣмъ не менѣе Генуэзцы удержались въ Крыму, обязавшись платить султану дань и стараясь избѣгнуть новыхъ съ нимъ столкновеній.

Но Магомедъ, не довольствуясь этимъ, искалъ только повода совершенно изгнать ихъ изъ Черноморья. Поводъ этотъ поданъ былъ Эминекъ-бейемъ, занимавшимъ нѣсколько лѣтъ должность тудуна.

Этотъ «Vicarius Canlucorum» былъ отставленъ въ слѣдствіе интригъ каффинскаго консула Габеллы и другихъ членовъ колоніальнаго управленія сыномъ Гаджи-Герая Менгли-Гераемъ, который, по смерти отца въ 1456 году, низвергъ съ престола старшаго брата съ помощью Каффинцевъ. Но эти сношенія его съ невѣрными не нравились Татарамъ и увеличили число приверженцевъ Эминека, который не только явно возсталъ, но еще обратился къ султану съ требованіемъ пособія, въ чемъ ему не было отказано.

Весною 1475 года великій визиръ Кедукъ-Ахмедъ-паша явился въ Черномъ морѣ съ большимъ флотомъ и съ десантнымъ войскомъ. Прибывши на высоту Каффы, Турки высадили свою артиллерію и начали бомбардировать городъ со всѣхъ сторонъ. Въ невозможности противостоять непріятелю, жители рѣшились сдаться на условіяхъ, которыя однако были нарушены Турками.

Вмѣсто подробностей этой катастрофы всѣмъ извѣстныхъ представлю здѣсь отрывокъ изъ письма, написаннаго очевидцемъ на кораблѣ въ виду Константинополя, куда онъ былъ отправленъ изъ Каффы съ другими плѣнными (Canale, Della Crimea, III, 346).

Сказавъ, что Турки 31 мая вступили въ переговоры съ Татарами въ портѣ *Посидиніа*, отстоявшемъ на семь миль отъ Каффы, авторъ письма передаетъ намъ, что въ слѣдующій день высадилось 1000 человѣкъ кавалеріи «a Santa-Maria di mezzo a vospro», вѣроятно вмѣсто di mezzo di a vespro. По разстоянію, въ которомъ Посидинія находилась отъ Каффы,

она должна была находиться при двухъ-якорной бухтѣ, также названной Tekie или Porto-Genovese, или же, еще вѣроятнѣе, далѣе къ западу у Кокъ-тебеля. Въ этомъ случаѣ Посидипія совпадала бы съ приведеннымъ выше портомъ Прованто и оказалось бы, что Perfidima (pecfidima etc.), отмѣченное въ картахъ на этомъ же мѣстѣ, попало въ нихъ по ошибкѣ вмѣсто Posidinia.

Церковь же Богоматери, возлѣ которой высадились Турки, находилась, по мнѣнію г. Вильнёва, бывшаго директора Θеодосійскаго музея, внѣ стѣнъ города возлѣ карантина, и совпадала бы поэтому вѣроятно съ церковью св. Маріи, два раза упомянутой въ Уставѣ 1316 года.

Въ немъ во первыхъ читается, что близь Каффы была мѣстность «quae est ab illo loco in quo consuevit esse palatium Sadoni (см. стр. 203) eundo versus Bissane[101]), usque in mare et a dicto palatio redeundo versus ecclesiam, quae consuevit appellari Sanctae Mariae, usque ad fossatum factum extra murum de Caffa et usque ad fossatum veterum versus dictam ecclesiam Sanctae Mariae».

Консулъ имѣлъ право давать въ наемъ это пространство Грекамъ, Армянамъ и другимъ христіанамъ «qui non sunt Januenses, vel dicti seu appellati Januenses».

Въ другой статьѣ говорится, что базаръ находился «extra Caffa versus viam de Solcati, eundo videlicet a fossato veteri, quod consuevit esse a balneo Pal-Oani versus ecclesiam Sanctae Mariae[102]) et ab infra usque in mare»

Во всякомъ случаѣ мѣсто десанта находилось недалеко отъ города, поелику Турки могли его окружить въ тотъ же самый день, когда пристали къ берегу.

---

[101]) Можетъ быть мѣсто, гдѣ стояли барки, служившія для гонки; ср. Jal. l. c. v. Bissona. Уставомъ 1449 года положено было издерживать для сей цѣли ежегодно 630 аспровъ и покупку куска багрянаго атласа въ 7 пикъ, т. е. приблизительно столько же аршинъ: pecia una zentimi carmosili piche septem (см. Зап. Од. Общ. V, 710).

[102]) Ср. Зап. Од. Общ. V, 705: S. M. de Bazali.

Далѣе читается въ письмѣ, что по взятіи города, а именно 7 и 8 іюня, всѣ Валахи, Поляки, Русскіе, Грузинцы, Черкесы и вообще христіане, за исключеніемъ Латинянъ, были ограблены, окованы, и проданы какъ невольники.

Изъ всѣхъ народовъ, которые имѣли представителей въ Каффѣ, при взятіи сего города, первое, безъ сомнѣнія, мѣсто послѣ Итальянцевъ занимали Армяне, имѣя тогда 29 церквей въ городѣ и 10 въ предмѣстьяхъ[103]). Тѣмъ не менѣе авторъ не ставитъ ихъ въ своемъ спискѣ христіанскихъ жителей Каффы. Молчаніе его подтвердило бы, въ случаѣ надобности, выше приведенное мнѣніе, что большая часть армянскихъ жителей Каффы состояла изъ католиковъ.

Наконецъ авторъ письма еще передаетъ намъ, что Турки еще не успѣли овладѣть сильною крѣпостью Готію и Ѳеодори, гдѣ находился, съ 300 Валахами «il signor della Gotia», явно потомокъ того Алексія, владѣтеля Ѳеодори, котораго возмутившіеся въ 1433 году Балаклавцы избрали начальникомъ и которымъ въ 1427 году былъ построенъ дворецъ, коего развалины донынѣ видны въ Мангупѣ (см. выше).

Кажется однако, что и эта крѣпость держалась не долго, ибо мы узнаемъ изъ другаго источника, что вскорѣ по взятіи Каффы Турки овладѣли ею вмѣстѣ съ Готіею[104]), чѣмъ и подтверждается извѣстіе у Гаммера (Hist. de l'emp. Ott.), что Турки овладѣли Мангупомъ и найденныя тамъ драгоцѣнныя вещи отправили въ Константинополь.

Еще до взятія Ѳеодори они уже овладѣли прочими итальянскими колоніями, равно какъ и Таною, подпавшей ихъ власти спустя мѣсяцъ по взятіи Каффы, какъ мы узнаемъ изъ приведеннаго письма, написаннаго въ августѣ 1475 года.

Между тѣмъ какъ авторъ сего письма съ товарищами злосчастія ожидалъ рѣшенія судьбы своей въ каналѣ Константинопольскомъ, другіе изъ подобныхъ имъ жертвъ вѣроломства

---

[103]) По рукописи. привед. въ Ѳеодос. журн. Радуга, 1860, № 11, стр. 172.
[104]) Hist. pol. Constant. ed Bonn. 45... *τοὺς Θεοδώρους, τὴν Γοτθίαν* и т. д.

Турокъ, овладѣвъ кораблемъ, который ихъ велъ туда же, направили свой путь къ Аккерману, гдѣ однако были ограблены и прогнаны тамошнимъ губернаторомъ (Heyd, Le col. comm. II, 161).

Вѣроятно они тогда уже пробрались въ Килію, гдѣ пристали къ берегу [105]) и гдѣ, если вѣрить автору румынскаго романа [106]), молодые Итальянцы радушно были приняты самымъ княземъ Стефаномъ.

Отъ нихъ, прибавляетъ авторъ въ выноскѣ, ведутъ свой родъ многія изъ нынѣшнихъ молдавскихъ фамилій, какъ-то Розетти, Негри, Конти и др.

По Гаммеру, спасшіеся изъ Каффы Итальянцы дѣйствительно были приняты въ Киліи Стефаномъ, у котораго султанъ, тщетно потребовавъ ихъ выдачи, велѣлъ отнять Аккерманъ. Но мы уже видѣли, что вскорѣ послѣ того городъ этотъ снова принадлежалъ Молдаванамъ, у которыхъ, подобно Киліи, былъ уже отнятъ Баязетомъ II въ 1484 г., при содѣйствіи Менгли-Гирея, который привелъ ему на помощь 50,000 Татаръ, за что получилъ въ награду отъ султана золотой колпакъ и другіе богатые дары.

Съ утвержденіемъ владычества Порты надъ сѣвернымъ берегомъ Понта, нашъ край лишился прежняго своего значенія въ торговомъ отношеніи, и только по мѣрѣ того, какъ сталъ переходить въ составъ Россіи, пробуждался отъ вѣковаго усыпленія, которое впрочемъ было слѣдствіемъ не одного только варварства и безпечности Турокъ, но и того обстоятельства, что геніемъ Колумба и Гамы были проложены новые пути для всемірной торговли.

Но такъ какъ въ этомъ отношеніи непремѣнно послѣдуетъ рѣшительный переворотъ съ открытіемъ пароходства по Суэзскому каналу и по окончаніи строящихся желѣзныхъ дорогъ для соединенія Черноморья съ Закавказскимъ и Зааральскимъ краемъ, то можно надѣяться, что нашъ гостепріимный

---

105) Engel, Gesch. d. Ung. R. IV, 2 стр. 141.

106) Asaky, Nouv. hist. de la Moldo-Roumanie, Yassy, 1859, стр. 136

Понтъ въ скоромъ времени снова будетъ звеномъ, соединяющимъ отдаленный востокъ съ образованными народами запада.

А вмѣстѣ съ тѣмъ и изслѣдованія, касающіяся состязанія морскихъ державъ Италіи за торговое наслѣдство Милезійцевъ, болѣе нынѣшняго окажутся достойными вниманія современниковъ.

XII.

О родствѣ Гетовъ съ Даками, сихъ послѣднихъ съ Славянами и Румыновъ съ Римлянами [1]).

До временъ Геродота обширное пространство земли, населенное въ настоящее время преимущественно Румынами, было покрыто мракомъ неизвѣстности. «Отецъ исторіи», оставившій намъ столь же подробное, какъ и мастерски начертанное изображеніе современнаго ему состоянія Новороссійскихъ степей, только мимоходомъ упоминаетъ о странѣ, лежащей къ западу отъ Днѣстра, между этою рѣкою, нижнимъ Дунаемъ и Карпатами.

По его взгляду восточная часть этой страны, заключающая въ себѣ соединенныя княжества и Бессарабію, входила еще въ составъ Скиѳіи, будучи орошаема притоками Истра — Пиретомъ, Тіарантомъ и протекавшими между ними Араромъ, Напарисомъ и Ордиссомъ, въ коихъ нельзя не узнать Прутъ, Алуту, Серетъ, Яломицу и Аржисъ. За Алутою, т. е. въ Трансильваніи и Венгріи, находились жилища Агаѳирсовъ, по обѣимъ сторонамъ «золотоносной» рѣки Марисъ, явно соотвѣтствующей нынѣшнему Марошу, до впаденія въ Тису, равно какъ и нижнему теченію сей послѣдней. Агаѳирсы принадлежали къ великому ѳракійскому племени, если позволено будетъ судить, не по ихъ языку, намъ неизвѣстному, но по обычаямъ ихъ, которые впрочемъ представляли нѣкоторыя отличительныя черты, какъ то: общность женъ и приведенное

---

[1]) Изъ VI тома Записокъ Одесск. Общества Исторіи и Древностей.

Аристотелемъ (Probl. XIX. 28) обыкновеніе сохранять въ памяти законы тѣмъ, что ихъ распѣвали.

Съ другой стороны не должно забывать, что Геродотъ приводитъ преданіе, по которому они были одинакаго происхожденія съ Скиѳами, и преданіе сіе получаетъ нѣкоторую подпору отъ извѣстій, что царь ихъ, по имени Спаргапейѳъ, умертвилъ хитростью скиѳскаго царя Аріапейѳа, (IV, 78) и что другой скиѳскій царь назывался Иданоирсъ (127).

Во всякомъ случаѣ Нибуръ (Kl. Schriften I, 377) уже слишкомъ поступаетъ произвольно, когда отождествляетъ Агаѳирсовъ съ Гетами, которые, при Геродотѣ, еще не обитали на сѣверной сторонѣ Дуная, но къ югу отъ этой рѣки по обѣимъ сторонамъ Балкана и при берегѣ Чернаго моря между Месемвріею и Бабадагской областью, которая тогда принадлежала къ Скиѳіи, такъ какъ устья Дуная еще находились въ предѣлахъ этой страны.

Геты отличались отъ прочихъ Ѳраковъ мужествомъ, съ которымъ противустояли, хотя тщетно, персидскому царю Дарію I, во время его перехода чрезъ ихъ страну. Тутъ же мы ихъ еще встрѣчаемъ, во время пелопоннезской войны, въ числѣ воиновъ царя ѳракійскаго Ситалка, союзника Аѳинянъ (Thuc. II, 29), равно какъ при македонскомъ царѣ Филиппѣ II, которому представились игравшіе на лирѣ посланники гетскаго царя Коѳеласа, съ предложеніемъ супругу Олимпіады руки царской дочери. Хотя Филиппъ дѣйствительно вступилъ въ брачный союзъ съ гетской царевною, тѣмъ не менѣе кажется, что ея соотечественники, тѣснимые съ одной стороны Скиѳами которые отъ Сарматовъ должны были бѣжать изъ нашихъ степей, а съ другой—усилившимися на западѣ Трибаллами (Древлянами?), начали около того же времени перебираться черезъ Дунай, вытѣсняя въ свою очередь Агаѳирсовъ, коихъ жилища позднѣйшими писателями помѣщаются ближе къ сѣверу при рѣкѣ Хезиносѣ [2]), въ которой Маннертъ угадалъ западную Двину.

---

[1]) Marc. Heracl. y Müller, Fragm. hist. graec. I, 559.

По крайней мѣрѣ извѣстно, что юный Александръ, послѣ неудачной попытки овладѣть островомъ Певки, т. е сѣверною частью Бабадагской области (см. выше стр. 48) переправился тутъ же черезъ Дунай и разрушилъ городъ Гетовъ, который долженъ былъ находиться въ окрестностяхъ Картала. Жители бѣжали въ степи Буджака, прозванныя Страбономъ (VII 3, § 14) «пустынею Гетовъ», куда по кончинѣ Александра проникъ прежній его полководецъ, ѳракійскій царь Лизимахъ (въ 292 г.), но со всѣмъ своимъ войскомъ былъ взятъ въ плѣнъ гетскимъ царемъ Дромихетомъ, котораго владѣнія находились по обѣимъ сторонамъ Дуная. Если Лизимахъ, какъ должно думать, для возвращенія свободы не скупился въ платежѣ выкупныхъ денегъ, то и объясняется почему золотыя его монеты иногда открываются въ Бессарабіи.

Лишь только минула опасность, грозившая Гетамъ со стороны Македонянъ, какъ имъ пришлось бороться съ Кельтами, которые еще до временъ Александра проникли до сѣвернаго берега Адріатическаго моря (Arr. Exp. Alex. I, 4). Затѣмъ они, утвердясь въ Понноніи, чрезъ Ѳракію и Македонію, проникли въ Грецію, опустошая все на пути своемъ, доколѣ не были разбиты при Дельфахъ соединенными силами Пелопоннеза и Эллады. Частью они тогда переселились въ Азію, гдѣ около половины Фригіи по ихъ имени была названа Галатіею; частью возвратились во свояси; остальные наконецъ удержались лѣтъ съ 66 (278—214) во Ѳракіи, гдѣ имя главнаго ихъ города сохранилось въ названіи «Туловско поле», примѣняемомъ къ котловинѣ, въ которой лежитъ Казанлыкъ [3]).

Нѣкоторые писатели желали ихъ выдать за тѣхъ Галатовъ, о которыхъ припоминаетъ знаменитая надпись въ честь Протогена, найденная въ развалинахъ Ольвіи. Въ этой надписи, хранящейся въ Черниговской губерніи, въ имѣніи Стольномъ, говорится о бѣдственномъ положеніи города Борисѳенеп-

³) См. статью Преказчъ S. B. der K. boehm. Gesellsch. der Wissensch. (4 дек. 1876).

товъ, тѣснимаго съ одной стороны Өисаматами, Скиөами и Савдаратами, а съ другой Галатами. Къ сожалѣнію ученые до нынѣ расходятся въ мнѣніяхъ о времени, къ которому относится эта надпись. По Кёлеру[4]), она была составлена въ царствованіе Августа; Бёкъ[5]) относитъ ее къ 2-й или 1-й половинѣ втораго столѣтія до Р. Х; Шафарикъ[6]), по примѣру Нибура[7]), къ времени 2-й пунической войны, а Рёслеръ[8]), по примѣру Шмита[9]) даже къ первой половинѣ III вѣка до Р. Х.

«Но» говоритъ осторожный Укертъ (Skyth стр. 47), «ничего не позволяетъ думать, что Галаты уже тогда простерли свое оружіе такъ далеко къ С. В. и вообще за Дунай», и вѣроятно не ошибается, когда въ Галатахъ псефисмы узнаетъ Бастарновъ, которые, около половины II вѣка, господствовали между Карпатами и устьями Дуная и коихъ Цейсъ (Die Deutschen etc. 61) безъ основанія считаетъ Германцами, тогда какъ Дифенбахъ (Celt. II, 285) уже рѣшительно ошибается, когда въ приведенныхъ Галатахъ предполагаетъ Киммеріанъ, до-толѣ удержавшихся будто-бы въ окрестностяхъ Ольвіи: ибо, въ этомъ случаѣ, пришлось бы также допустить, что скирскіе ихъ товарищи также были старожилами въ нашихъ степяхъ.

Савдараты, упомянутые въ псефисмѣ, вмѣстѣ съ Скиөами и Өисаматами, и болѣе нигдѣ, быть можетъ попали на памятникъ по ошибкѣ рѣзчика, вмѣсто Савроматовъ.

Съ вышеупомянутыми Бастарнами, по которымъ Карпаты были названы бастарнскими Альпами, Геты должны были бороться съ перемѣннымъ счастіемъ; въ одной изъ этихъ войнъ гетскій царь Оролесъ побѣжденныхъ своихъ подданныхъ заставилъ, въ наказаніе, исправлять обязанности у нихъ обыкно-

---

[4]) Zwei Aufschr. der St. Olbia, S. P. 1822.
[5]) C. I. G. II, 123.
[6]) Sl. Alt. I. 397.
[7]) Kl. Schriften. I, 387.
[8]) Die Geten etc. въ S. B. d. Wiener Ak. 1863. p. 175.
[9]) D. olb. Psephisma, въ Rh. Mus. 1836, стр. 273 съ сл.

венно возлагаемыя на женъ, до тѣхъ поръ, пока не успѣютъ отличиться подвигомъ воинскимъ [10]).

Что подъ этими Гетами разумѣются именно тѣ, которые жили къ сѣверу отъ Дуная, видно уже изъ того, что историкъ Юстинъ ихъ называетъ Даками, т. е. именемъ, которымъ другіе писатели хотя и означаютъ Гетовъ, но только тѣхъ, которые обитали на лѣвомъ берегу Дуная [11]).

Послѣдніе, ослабленные внѣшними войнами и безначаліемъ, около половины I столѣтія до Р. Х стали сильнѣе прежняго при царѣ своемъ Биребистѣ, покорившемъ всѣ почти сосѣдственные народы; перешедши чрезъ Дунай [12]) онъ содѣлался опаснымъ Римлянамъ смѣлыми набѣгами на Македонію и Иллирію

При Беребистѣ Геты по всей вѣроятности простерли свое оружіе до Ольвіи, такъ какъ они, по Діону Хризостому (Orat. Borysth.), владѣли этимъ городомъ за 150 лѣтъ до его времени.

Юлій Цезарь, у котораго р. Истръ впервые является подъ именемъ Данубія, хотѣлъ было воевать съ Биребистомъ, но былъ убитъ, и прежде чѣмъ Августъ началъ войну съ царемъ дакійскимъ, сего послѣдняго постигла участь Цезаря. Государство его раздробилось на четыре части, которыя по сему уже не могли противустоять Римлянамъ: Элій Каттъ перевелъ 50,000 Гетовъ на южный берегъ Дуная, и также не малое число ихъ должно было находиться среди 100,000 плѣнныхъ, переведенныхъ изъ-за Дуная въ Мизію Тиб. Пл. Сильваномъ, побѣдителемъ царей дакійскихъ, по извѣстной надписи (Orelli, I. L. Coll. p. 183), почему и Діонъ Кассій (LI, 22) имѣлъ право сказать, что Даки обитали по обѣимъ сторонамъ Истра.

Обстоятельства перемѣнились въ ихъ пользу при слабомъ и жестокомъ Домиціанѣ, такъ что онъ подъ конецъ принужденъ былъ заключить съ царемъ Децебаломъ постыдный

---

[10]) Justin. XXXII, 3, 16.

[11]) Zeuss. Die Deutschen etc. 260; cf. Roesler, Das Vorrömische Dacien, въ Sitz.-Ber. d. Wiener Akad., XLV p. 315.

[12]) Strabo, VII, 3 § 11.

для имперіи миръ По сему самому война съ Даками должна была снова возгорѣться по восшествіи на престолъ «лучшаго» изъ римскихъ императоровъ. Послѣ огромныхъ приготовленій Римляне переправились чрезъ Дунай двумя отрядами, изъ коихъ первый состоялъ подъ личнымъ начальствомъ Траяна. Къ двумъ отрядамъ присоединился за тѣмъ третій, подъ К Лузіемъ, который и овладѣлъ дакійскою столицею Сармицегетузою. Самъ Децебалъ, послѣ многихъ пораженій, наконецъ долженъ былъ смириться. Въ столицѣ поселился римскій гарнизонъ, и императоръ съ тріумфомъ возвратился въ Римъ Вскорѣ однако новыя враждебныя дѣйствія Децебала заставили Траяна спѣшить оттуда къ Дунаю, надъ которымъ сирійскимъ Грекомъ Аполлодоромъ строился знаменитый каменный мостъ, коего развалины еще замѣтны между башнею Турну-Северинулъ, близъ Чернеца въ Валахіи, и сербскимъ городомъ Кладова, на правомъ берегу.

Побѣдивъ своего соперника съ помощью Язиговъ, Буровъ и другихъ племенъ, Траянъ не довольствовался празднованіемъ побѣды великолѣпными играми и пирами, продолжавшимися 123 дня, но успѣлъ увѣковѣчить память о ней знаменитою колонною, воздвигнутою въ Римѣ, равно какъ и основаніемъ города Никополя, видимаго и досселѣ въ развалинахъ при деревнѣ Никюби, на р. Янтрѣ, между Систовомъ и Терновомъ.

Затѣмъ многіе римскіе колонисты изъ разныхъ угловъ имперіи переведены въ Дакію, превращенную въ провинцію границы которой Птолемей опредѣляетъ (III, 7) такъ: на сѣверъ (отъ Дакіи) Сарматія; на З. Язиги Метанасты (переселившіеся въ Венгрію съ сѣвернаго берега Чернаго моря); на Ю. и В. отдѣлена отъ Мизіи Истромъ и Гіеразомъ, (по всей вѣроятности Серетъ), противъ Дипогетіи. Въ другомъ мѣстѣ александрійскій географъ (III, 5) говоритъ, что Сарматія граничила на югѣ съ землею Язиговъ (черноморскихъ), отъ южной оконечности сарматскихъ горъ до предгорья Карпатовъ, подъ 46 гр. долг. и 48 гр. 30 мин. шир., равно какъ и съ прилежащей къ нимъ Дакіею, подъ той-же параллелью до

устья Борисѳенеса, подъ 57 гр. 30 мин. долг. и 48 гр. 30 мин. шир. Страну, лежавшую къ югу отъ этой линіи, нѣкоторыми относимую къ Сарматіи и заключавшую въ себѣ «пустыню Гетовъ» Страбона, т. е. Буджакъ или южную Бессарабію, онъ причисляетъ къ Мизіи (II^г, 10) и показаніе его подтверждается греко-латинскою надписью (см. выше стр. 3).

Многіе изъ прежнихъ жителей Дакіи, пережившіе паденіе самостоятельности родины, мало по малу превратились въ Римлянъ; другіе, предпочитавши свободу отечеству, выселились [13]), но куда именно? намъ стольже мало извѣстно, какъ и дальнѣйшая ихъ судьба и языкъ, которымъ они говорили.

Кромѣ небольшаго числа названій растеній, на дакійскомъ языкѣ, сохранилось нѣсколько личныхъ и топографическихъ именъ, какъ дакійскихъ, такъ и гетскихъ, хотя между этими именами не встрѣчается ни одного общаго обоимъ народамъ, почему и нѣтъ возможности съ помощью ихъ узнать что нибудь объ отношеніи, которое существовало между обоими языками.

Списокъ этимъ именамъ прибавленъ Рёслеромъ къ статьѣ, имъ помѣщенной въ Запискахъ Вѣнской Академіи подъ заглавіемъ: Dacier und Romänen [14]) и можетъ послужить, хотя и не къ рѣшенію вопроса о тождествѣ Гетовъ съ Даками, то по крайнѣй мѣрѣ для изслѣдованія происхожденія каждаго изъ этихъ народовъ.

Но такъ какъ трудъ Рёслера недоступенъ нѣкоторымъ нашимъ читателямъ, то мнѣ кажется не лишнимъ помѣстить здѣсь копію его списка приведенныхъ именъ.

I. Дакійскія имена растеній.

По странной игрѣ случая, до насъ доходили только наименованія самыхъ нѣжныхъ и непрочныхъ произведеній естественныхъ.

---

[13]) Dio Cass LI, 23, LXIII, 13, 14, 30; Eutr. VIII, 3, 6; Flor. III, 4.
[14]) S. B. d. phil.-hist. Classe LIII, 9—93.

Большая половина этихъ словъ встрѣчается въ сочиненіи «Περὶ ὕλης ἰατρικῆς», приписываемомъ Діоскориду и обнародованномъ, между прочимъ, у Кюна: Medicor. Graecor. Opera. Lipsiae, 1830. Изъ этой книги они были помѣщены Гриммомъ въ его «Geschichte d. deutschen Sprache» (втор изд. 142 —150); предварительно онъ выражается такимъ образомъ (стр. 141):

Діоскоридъ, уроженецъ Аназарба въ Киликіи, жилъ въ первой половинѣ I столѣтія, почти въ одно время съ Плиніемъ, коего Historia Naturalis явилась однако, кажется, послѣ книги Діоскорида При императорѣ Клавдіѣ Діоскоридъ былъ въ Италіи, за тѣмъ вѣроятно въ Галліи, Испаніи, Карѳагенѣ и Египтѣ, поелику у него отмѣчены имена растеній галльскія, иберійскія, кельтскія, пуническія и египетскія.

Діоскоридъ не сообщаетъ намъ именъ британскихъ и германскихъ, почему и должно думать, что онъ не бывалъ въ странахъ, гдѣ могъ познакомиться съ этими именами. Напротивъ того онъ былъ знакомъ съ Дакіею и нѣтъ причины утверждать, что дакійскія имена растеній прибавлены къ его труду послѣ покоренія этого края Римлянами при Траянѣ. Почему же римскіе путешественники не могли въ I вѣкѣ посѣщать Дакію, чрезъ Паннонію или Иллирію? Развѣ заключить по нѣкоторымъ почти чисто латинскимъ названіямъ, выдаваемымъ за дакійскія, что они туда были введены Римлянами только во II вѣкѣ. Впрочемъ, если даже всѣ дакійскія названія травъ были бы позднѣйшія вставки въ книгу Діоскорида, то и въ такомъ случаѣ они не лишены интереса для языкознанія. Правда и то, что названія эти являются часто искаженными отъ переписчиковъ и само собою разумѣется, что даже тамъ, гдѣ это не случалось, ихъ объясненіе сопряжено съ большими трудностями, потому что народныя названія растеній и животныхъ, подобно всѣмъ собственнымъ именамъ, касаются глубокой древности, и что по сему самому значеніе ихъ едва-ли можетъ быть разгадано въ языкѣ новомъ, хорошо извѣстномъ, и тѣмъ паче въ древнемъ, неизвѣстномъ.

1) βλῆτον, Ῥωμαῖοι βλίτουμ, Δάκοι βλής.

2) ἀναγαλλίς ἄῤῥην, χελιδόνιον, Γάλλοι σαπάνα, Δάκοι κερκεραφριών. Var. Γάλλοι κέρκερ, Δάκοι τοῦρκ.

3) χελιδόνιον μέγα. Ῥωμαῖοι φάβιουμ, Γάλλοι θῶνα, Δάκοι κρουστάνη.

4) κενταύριον, Ῥωμαῖοι φευριφούγιαμ, οἱ δέ αὖρα μουλτιράδιξ, Δάκοι τουλβηλά.

5) δίψακος, Ῥωμαῖοι λάβρουμ Βένερις, οἱ δέ κάρδουμ Βένερις, Δάκοι σκιαρή.

6) ἠρύγγιον, Ῥωμαῖοι καπίτουλουμ κάρδους, οἱ δὲ καρτεραί, Δάκοι σικουπνοέξ.

7) θύμος, Ῥωμαῖοι θούμουμ, Δάκοι μόζουλα.

8) ἄνηθον τὸ ἐσθιόμενον, οἱ δὲ πολγίδος ... Δάκοι πόλπουμ.

9) ἀρτεμισία, Ῥωμαῖοι οὐαλέντια, οἱ δὲ σερπύλλουμ, οἱ δὲ ἕρβα ῥέγια, οἱ δὲ ῥαπίουμ, οἱ δὲ τερτανάγετα, Γάλλοι πονέμ, Δακοι ζουόστη.

10) ὄρμινον ἥμερον, Ῥωμαῖοι γεμινάλις, Δάκοι ὄρμια.

11) λιθόσπερμον, Ῥωμαῖοι κολούμβαμ, Δάκοι γονολῆτα.

12) ὀνοβρυχίς, Ῥωμαῖοι ὀπακά, οἱ δὲ βριχιλλατά, οἱ δὲ λόπτα οἱ δὲ ἰουγκινάλεμ, Δάκοι ἀνιασσεξέ.

13) χαμαίπιτυς, Ῥωμαῖοι κυπριποῦμ, Δάκοι δοχελᾶ.

14) λειμώνιον, Ῥωμαῖοι οὐεράτρουμ νίγρουμ, οἱ δὲ τιντιννάβουλουμ τέῤῥαι, Γάλλοι ἰουμβαροῦμ, Δάκοι δάκινα.

15) ξυρίς, Ῥωμαῖοι γλαδίολουμ, οἱ δὲ ἶριμ ἀγρέστεμ, Δάκοι ἄπρους.

16) ἄγρωστις, Ῥωμαῖοι γράμεν, οἱ δὲ ἀσιφόλιουμ, οἱ δὲ σαγγουινάλεμ, οἱ δὲ οὐνίολαμ, Ἰσπανοὶ ἀπαρία, Δάκοι κοτίατα.

17) βάτος, Ῥωμαῖοι σέντις, οἱ δὲ ῥούβουμ, οἱ δὲ μόρα βατικάνα, Δάκοι μαντεῖα.

18) πεντάφυλλον, Ῥωμαῖοι κιγκεφόλιουμ, Γάλλοι πεμπέδουλα, Δάκοι προπεδουλά.

19) τράγιον, τραγόκερως, Ῥωμαῖοι κορνουλάκα, οἱ δὲ βιτουένσα, Δάκοι σαλία.

20) ὑοσκύαμος, Ῥωμαῖοι ἰνσάνα δεντάρια, Γάλλοι βιλινουντία Δάκοι διέλεια.

21) στρύχνον ἁλικάκαβον, 'Ρωμαῖοι βισσικάλις, οἱ δὲ ἀπολλινάρις μίνωρ, οἱ δὲ ὀψάγινεμ, Δάκοι κυκωλίδα (Var. κοικοδιλά).

22) ἀκαλύφη, οἱ δὲ κνίδη, 'Ρωμαῖοι οὐρτίκα, Δάκοι δύν.

23) ποταμογείτων, 'Ρωμαῖοι βῆναι φόλιουμ, οἱ δὲ ἐρβάγω, οἱ δὲ γλαδιατώριαμ, Δάκοι κοαδάμα, Γάλλοι ταυρούκ.

24) ἀστὴρ ἀττικός, οἱ δὲ βούφθαλμον, 'Ρωμαῖοι ἰγγυτάλις, Δάκοι ραθίβιδα.

25) βούγλωσσον, 'Ρωμαῖοι λογγαίβουμ, οἱ δὲ λίγγουα, βόβουμ, Δάκοι βουδάλλα. Var. βουδάθλα.

26) κατανάγκη, 'Ρωμαῖοι ἔρβα φιλικλά οἱ δὲ δατίσκα, οἱ δὲ 'Ιόβις μάδιους, Δάκοι καροπίθλα.

27) ἀδίαντον, 'Ρωμαῖοι κιγκινάλις, οἱ δὲ τέρραι καπίλλους, οἱ δὲ σουπερκίλιουμ τέρραι, Δάκοι φιθοφθεθελά.

28) ἐλλέβορος μέλας, 'Ρωμαῖοι βεράτρουμ νίγρουμ οἱ δὲ σαράκα, Δακοι προδίορνα.

29) ἀκτῆ, οἱ δὲ δένδρον ἄρκτου, οἱ δὲ ἥμερον, 'Ρωμαῖοι σαμβούκουμ, Γάλλοι σκοβιὴν, Δάκοι σέβα

30) χαμαιάκτη, οἱ δὲ ἕλειος ἀκτῆ, οἱ δὲ ἀγρία ἀκτῆ, 'Ρωμαῖοι ἔβουλουμ, Γάλλοι δουκωνὲ, Δάκοι ὄλμα.

31) κολοκυνθίς, 'Ρωμαῖοι κουκούρβιτα σιλβάτικα, Δάκοι τουτάστρα. Var. τρουτράστα; по Гримму (560), вмѣсто троυτάστρα.

32) ἄμπελος μέλαινα, οἱ δὲ βρυωνία μέλαινα, οἱ δὲ βουκράνιον, 'Ρωμαῖοι ὀβλαμήνια, οἱ δὲ βατανούτα, οἱ δὲ βετισάλκα, Δάκοι πριαδήλα, οἱ δὲ πεγρίνα.

Нѣкоторыя изъ этихъ именъ сохранились, вмѣстѣ съ другими, въ позднѣйшей компиляціи изъ Діоскорида и Плинія, приписываемой Апулею (Apulejus Madaurensis) и подъ заглавіемъ «de herbarum virtutibus» помѣщенной въ сочиненіи: Medici antiqui, Ven. 1547 p. 112 съ слѣд. Parabilium medicament. Norimb. 1788. p. 127—350.

Вотъ эти имена, изъ коихъ тѣ только здѣсь представляются за №№, которыхъ не достаетъ выше:

33) Arnoglosson, arnion, cynoglosson, Galli Tardos, Lotios, Daci Simpeax.

Pentaphyllon, pentadactilon, Galli pompedulon, Daci propedula, alii drocila, Itali quinquefolium.

Hyoscyamos, alii adamantem, Galli dellinuntiam, Daci dicliam.

Artemisiam Graeci Toxatin appellant . . Galli Ponem, alii Titumen, Daci Zyred, alii Zuosten, Itali serpillum maius.

34) Aristolochiam, Graeci Ararezam vocant, Itali malum terrae, Daci Absynthium rusticum, alii Scardian.

Graeci Dicea, alli Stricionon.—Itali Apollinarim, Daci cycolida. Var. colida (Grimm, Gesch d. d. Sp. 2 изд. стр. 559, сравн. Diefenbach. Orig. Eur. 259)

35) Græci quidam Chamaemilon, alii Parthenion, Itali bene olentem, Daci amalustam, Campani amolaciam.

36) Chamæleonem quidam Græcorum nominant, alii Crocodrillon . . . Itali Labrum Veneris, Daci scithen—Chamæpityn — Itali Ibicam, alii Cypressum nigram — Daci dochela

Est et Centaurea minor a Græcis Elleborites vocata; Daci stirsozila, Itali febrifugiam.

37) Græce Prosopites aut Prosopes vocata est, Itali personatiam, Galli betilolen, Daci riborasta.

38) Græci Bryoniam Chelidonion—Itali uvam taminiam, Vitem albam—Daci dochlea appellavere.

A Græcis dicitur Batos sive Butosdæa—Itali Senticem, alii Moram silvaticam, Daci mantiam.

39) A Graecis dicitur Myriophyllos—et Chiliophyllos, Itali millefolium, alii Supercilium Veneris—Daci Diodela.

Ebulum Grœci Chamaeacten dicunt, Galli Ducone, Daci olma.

40) Græci eam dicunt Cissos Melas, Galli Bolus sellon, Daci Arborriam, Itali Hederam nigram.

41) Græci dicunt Andrachne—Daci Lax, Itali Portulacam

II. Личныя имена гетскія и дакійскія.

Они собраны Рёслеромъ изъ разныхъ источниковъ, которые имъ же указаны въ ссылкахъ.

Изъ гетскихъ именъ имъ приведены: Astraeus, у Фотія 166 и 366, явно въ греческой формѣ; Cothelas, у Горація Od III, 23 и Флора II, 2, 28; Дарух у Діона Кассія, 51 26; Dicomes, у Плутарха, Ant. 64; Dromichaetes, Gebeleizis; Meda у Satyr. frag; изд. Müller; ср. Μηδοσάδης, ѳракійское имя у Ксенофонта, Anab, VII, 1, 5; Roles у Діона 51, 26; Seuthes, у Поліена 7, 25, имя чисто ѳракійское; Tiris, ibid. 4, 46, тождественное съ ѳракійскимъ именемъ Τήρης, у Ѳукидида и др.; Zamolxis, Zyraxos, у Діона 51, 26.

Имена дакійскія: Balamua, ср. Ackner und Müller, Die röm. Inschr. in Dacien, 1865 № 867; Barcathes, ibid.; Bicilis, у Діона 68, 14; Blavus, Askner u. Müller, l. c.; Boerebistes (Byrebistes etc.), Briebelu, Ackner u. Müller; Comosicu, у Іорнанда гл. XI; Cotiso = ѳракійскій Cotys, Daga у Muratori, 1039, 3; Decaeneus, у Діона, Страбона, Іорнанда (Diceneus); Decebalus, Diegis у Діона, ср. ѳракійское имя Diegylis, у Страбона, Діодора и Валерія Максима (Diogyris); Drigisas у Muratori, l. c.; Diurpaneus (Dorpaneus); Duras; Natoporus, у Muratori; Pieporus ibid.; Oroles, у Юстина, м. б. ὁ Ρώλης Діона; Scorylo Frontin. Strateg. = Corillus у Іорнанда гл. 12; Sigavus, въ надписи изъ римскаго періода у Акнера, 1857; Sitalcus, у Іорнанда, ср. Σιτάλκης Ѳукидида, 2, 97; Susagus, Plin, Epist. 10, 16; Vezinas, Dio Cass. 67, 10 и Zanis «Decebali filius» у Акнера и Мюллера 867.

III. Географическія имена.

Изъ гетскихъ сохранились не многія, не представляющія аналогіи съ сохранившимися дакійскими. Рёслеръ приводитъ слѣдующія: Ciris, у Діона 51, 26; Cogaeonus, у Геродота, IV, 95; Genucla у Діона; Helis у Діодора, 21, 12

и имена рѣкъ: Oescus, у Прокопія, Aed. 4, 6; Utus, у Плинія; 3, 26, Escamus, ibid.; Jeterus, ibid 3, 29. ср. Athrys Геродота; Panysus, у Плинія и Птолемея III, 10, 8; Lyginus, Arrian, Exp. I, 3; Cebrus и Pingus, Plin. III, 26.

Птолемей передалъ имена многихъ племенъ и городовъ дакійскихъ, но до нынѣ не удалось опредѣлить мѣста, занимаемаго дѣйствительно тѣми и другими.

Къ племенамъ дакійскимъ онъ причисляетъ: Albocenses, Anarti, Bies, Burdeenses, Caucoenses, Ciagisi, Cistoboci, Cotenses, Piefigi, Potulatenses, Predavenses, Ratacenses, Saldenses, Senses, Teurisci.

Изъ именъ городовъ, имъ упомянутыхъ, многіе оканчиваются на «дава»; таковы: Acidava, Arcidava, Buridava, Capidava, Carsidava, Clepidava, Comidava, Docidava, Marcodava, Netindava, Patridava, Petrodava, Piroboridava, Rhamidava, Rusidava, Sagudava, Sandava, Singidava, Tamasidava, Zargidava, Ziridava.

Вотъ еще имена явно дакійскихъ городовъ, съ ихъ варіантами: Acmonia, Ακμωνία Ptol III, 8, 10; Agnavis, Agnavia Tab. Peut.; Ahihis, Aixi, Priscian; Amutria Tab. Peut. Ἀμούτριον Ptol. III, 8, 10; Apulum; Arcinna, Ἄρκινα, Ptol. III, 8, 10; Berzovia, Berzobis: Priscian l. c. Drubeta, Drubetit, Tab. Peut, Drobeta: Not. dign., Gagana: Tab. Peut, Germigera, Not. dign. Lederata, Tab. Peut. Proc. De aedif. 4, 6; Lizisis; Masclianа, Tab. Peut. Napoca; Paloda; Paralissum; Pelendova, Tab. Peut; Pinum; Sornum; Stenarum; Tapae, Dio C. 67, 6; Tiasum; Tierna, Dierna, Tsierna, Cernensium colonia, Dinierna у Арнета и Бёкинга, 503; Tibiscum; Zarmizegethusa, Zarmigethusum, Zarmisetusa, Zamursagethusa, все варіанты; у Ульпіана De censib. Sarmizegethusa, у Акнера 94; Sarmategte, въ Tab. Peut; Zermizirga и Zurobara.

Къ дакійскимъ именамъ рѣкъ могутъ быть причислены: Almus, Tab. Peut, ponte Almi; Aluta, pons Alitti, ibid. Ister, qui lingua Bessorum Hister vocatur, Іорд. гл. XII;

Hierasus, Ptol. III, 8, 4; Maris у Геродота, Marisius у Страбона, Marisio у Geogr. Raven., Μορῆσος у К. Б., De adm. imp. 40; Pathisus, Plin IV, 26, Parthiscus Ammian, 17, 13, Tisa, Tisia, Geogr. Rav., Tisianus: Iorn., Τίτζα Const. Porph. Sargetia: Dio Cass., Sargentius, Sargentia у Цецеса. Tiarantus у Геродота, Tibiscus, Tibisia Geogr. Rav.).

Основываясь на томъ, что въ Дакіи недостаетъ ѳракійскихъ сложныхъ именъ на «bria» и «para,» и находя, что встрѣчающееся тамъ окончаніе топографическихъ именъ на «dava» не имѣетъ ничего общаго съ ѳракійскимъ «dama», Мюлленгофъ (Geten, у Эрша и Грубера) склоняется къ мнѣнію, что и гетскій языкъ существенно различался отъ дакійскаго. Но нельзя не согласиться съ Рёслеромъ (Dac. u Rom. стр. 38), когда онъ замѣчаетъ, что берлинскій академикъ напрасно ссылается на обстоятельство, которое могло быть слѣдствіемъ простой случайности. «Если бы напр.» говоритъ, онъ, «изъ швабскаго діалекта сохранились имена нѣкоторыхъ мѣстностей, оканчивающіяся на heim или на weiler, а изъ саксонскаго—только такія на rode и leben, то было бы ошибочно заключать изъ этого, что между нарѣчіями обѣихъ областей не могло быть родства. При томъ придатокъ «dava» не былъ совершенно чуждъ на южной сторонѣ Дуная; мы имѣемъ Thermidava въ Далмаціи (Ptol. II, 17), Quimedava въ Дарданіи (Proc. l. c. IV, I), Desudaba въ Медики (Liv. 44, 25)».

И такъ будемъ, до времени, держаться мнѣнія Страбона о сродствѣ языка гетскаго съ дакійскимъ, тѣмъ болѣе, что религіознымъ и политическимъ устройствомъ, равно какъ и нравами и обычаями своими, позднѣйшіе Даки припоминаютъ намъ древнѣйшихъ Гетовъ, тогда какъ различія между ними въ частностяхъ легко объясняются дѣйствіемъ времени и мѣстныхъ особенностей на характеръ и на обстановку всѣхъ народовъ, какому-бы племени они не принадлежали.

О религіи, религіозныхъ учрежденіяхъ и ихъ вліяніи мы имѣемъ больше извѣстій о Гетахъ, чѣмъ о Дакахъ; но за то качества сихъ послѣднихъ подробнѣе описаны древними авто-

рами; многія же частности относятся къ обоимъ въ одинаковой мѣрѣ.

Какъ у Гетовъ, такъ и у Даковъ встрѣчаемъ то одного царя, то—нѣсколькихъ; власть ихъ болѣе или менѣе ограничивалась вдохновленнымъ жрецомъ, каковымъ былъ предъ прочими миѳическій Замолксисъ, представитель бога Гебелейзиса, у Геродота IV, 95), или Декеней, совѣтникъ Биребиста, у Страбона (VII 3 § 5).

Оба народа были весьма набожны. Геты вѣрили въ безсмертіе души, по свидѣтельству Геродота, тогда какъ у Даковъ была секта полистовъ или плистовъ, родъ коммунистовъ, по Іосифу Флавію (Ant. Jud. XVIII, 1, 5), который ихъ сравниваетъ съ Эссеянами, вѣрившими въ безсмертіе. Благочестивыми своими жрецами они напоминаютъ ѳракійскихъ благочестивыхъ капнобатовъ и ктистовъ, которые, по Страбону (VII, 3, § 3), не имѣли женъ и почитались какъ святые. Жертвоприношенія людскія, бывшія еще въ обычаѣ у Гетовъ, до Геродота, замѣстились потомъ у нихъ, подобно какъ и у Даковъ, вопрошаніями оракула бога войны Замолксиса, и другихъ боговъ.

Въ вооруженіи и въ военномъ дѣлѣ замѣчаемъ нѣкоторое различіе между Гетами и позднѣйшими Даками. Первые были отличные ѣздоки и ловко стрѣляли изъ лука; въ рукопашномъ бою главнымъ оружіемъ былъ ножъ, въ родѣ короткой сабли. Даки же, кромѣ того, употребляли мечи, булавы, молотки и щиты. Войско ихъ состояло преимущественнѣе изъ пѣхоты; одежда также была удобнѣе чѣмъ у Гетовъ: по у обоихъ были въ употребленіи портки, которые потомъ у нихъ позаимствовали понтійскіе Греки. Даки еще носили короткія туники съ поясомъ и шапки, вмѣсто коихъ знатные надѣвали родъ шляпы. Жены ихъ носили длинныя рубашки съ рукавами и платокъ на головѣ (ср. изображенія на колоннѣ Трояновой, у Черткова, «О переселеніи ѳракійскихъ племенъ» и проч.).

Часть населенія у обоихъ народовъ жила въ городахъ, коихъ, какъ мы видѣли, было много въ Дакіи, если судить

по названіямъ тѣхъ городовъ, которые тамъ существовали еще въ римскомъ періодѣ.

Если же до сихъ поръ вопросъ о тождествѣ Гетовъ съ Даками не могъ быть рѣшенъ окончательно, то не удивительно, что ученые еще гораздо болѣе расходятся въ мнѣніяхъ касательно происхожденія послѣднихъ, признавая въ нихъ, по очереди, Германцевъ, Кельтовъ, Литовцевъ, Славянъ, или причисляя ихъ къ особенной, такъ называемой «ѳракійской вѣтви» индо-европейскаго племени.

Въ прошломъ столѣтіи разные писатели склонялись въ пользу германскаго происхожденія Даковъ, основываясь преимущественно на Іорнандѣ, который въ извѣстномъ своемъ сочиненіи De rebus gestis Getarum s. Gothorum выдаетъ своихъ готскихъ современниковъ за потомковъ древнихъ Гетовъ, единственно по причинѣ случайнаго подобозвучія именъ обоихъ народовъ, и временнаго пребыванія Готовъ въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ прежде обитали Даки. Хотя за тѣмъ многими учеными было показано, что мнѣніе епископа равеннскаго, въ вопросахъ такого рода, не имѣло значенія, тѣмъ не менѣе гипотеза его нашла защитника въ знаменитомъ Яковѣ Гриммѣ, который въ прибавку къ тому открылъ въ позднѣйшихъ Датчанахъ потомковъ Даковъ. Но какъ неосновательность его доводовъ, послѣ ихъ опроверженія г. Куникомъ (Krit. Bem. и пр. въ Bull. hist. phil. d. l'Ac. d. S. P. VII. № 18—23), признана въ ученомъ мірѣ, то полагаю излишнимъ здѣсь о нихъ распространяться, тѣмъ болѣе, что самъ авторъ, хотя и считаетъ Нѣмцевъ прямыми потомками Гетовъ, тѣмъ не менѣе не только допускаетъ самую тѣсную связь между сими послѣдними и Литовцами (Gesch. d. d. Spr. второе изд. стр. 119), но и приводитъ примѣры, могущіе служить опорою мнѣнію другихъ ученыхъ, напр. барона Экштейна (ср. Magazin Pittoresque, févr. 1868 p. 71), что гетскій языкъ именно сохранился въ Литвѣ. Такъ напр. Гриммъ готовъ отождествить гетское божество Gebeleizis съ литовскою богинею богатства Gabjauja (стр. 131) и показываетъ, что имена гетскія разныхъ расте-

ніи удобнѣе объясняются изъ литовскаго, чѣмъ изъ нѣмецкаго, какъ то: χρουστάνη (chelidonion, schwalbenkraut), явно соотвѣтствующее скорѣе (стр. 142 и 559) литовскому kregž-dėles или kregždynė, отъ krgžde, (ласточка), нежели готскому слову «hruzdo», которое имѣло-бы одинаковое значеніе, еслибы только когда либо было въ употребленіи, въ чемъ еще можно сомнѣваться. (Grimm, l. c. 142). Затѣмъ, отчаиваясь объяснить дакійское слово δουχελᾶ (cypripus) изъ нѣмецкаго, авторъ, сравниваетъ его съ литовскимъ; dagys, dagillelei, (терпъ, терновая трава); κοτίατα (gramen) напоминаетъ ему готское qivata (vivum gramen), но также литовское kotas (stengel am kraut); διέλεια (hyoscyamos); не встрѣчая и тутъ подходящаго нѣмецкаго слова, авторъ приводитъ литовское dilgele (крапива) и т. д.

Мнѣніе о кельтскомъ происхожденіи Даковъ не заслуживаетъ, чтобы мы на немъ остановились, поелику оно отчасти основано на подобозвучіи именъ, быть можетъ, чисто случайномъ, частію же на сходствѣ друидизма съ религіозными постановленіями и обрядами Даковъ. Указываютъ также (Magazin Pittoresque l. c.) на то обстоятельство, что укрѣпленія особаго рода, которыя, по описанію Цезаря, исключительно строились въ Галліи, были одинаковы съ тѣми, которыя намъ представляются на колоннѣ Трояновой и что оружія обоихъ народовъ были однѣ и тѣже. Такъ, между прочимъ, Фр. Мюллеръ [15]) въ пользу родства Кельтовъ съ Даками приписываетъ особое значеніе топорамъ, найденнымъ въ большомъ числѣ, вмѣстѣ съ другими бронзовыми вещами, въ Трансильваніи, и совершенно похожими на подобнаго рода оружія, открываемыя въ странахъ, гдѣ нѣкогда обитали Кельты. Но едва ли эти оружія когда либо принадлежали Дакамъ, такъ какъ между ними не находился приведенный мечъ «gladius incurvus,» характеристическое ихъ оружіе, и было-бы странно, когда бы

[15]) Die Bronze-Alterthümer in Siebenbürgen (Archiv des Vereins f. siebenb. Landeskunde 1858).

оно у нихъ выдѣлывалось только изъ желѣза и исчезло въ слѣдствіе окисленія. Поэтому Рёслеръ (стр. 34) предпочетъ бы отнесть приведенныя бронзы какому нибудь изъ подчиненныхъ Дакамъ народовъ, но не имъ самимъ.

По моему же мнѣнію топоры скорѣе могли принадлежать народу жившему прежде Даковъ въ Трансильваніи, а именно Агаѳирсамъ, которые, вѣроятно, подобно скиѳскимъ ихъ сосѣдямъ, не умѣли еще обработывать желѣзо.

Отвергая, по справедливости, всякую связь между Гетами или Даками и Чудью, Шафарикъ [16]) причисляетъ первыхъ подобно Трибалламъ, Агаѳирсамъ и Кровизамъ, къ ѳракійскому племени, которое однако, по его мнѣнію, не имѣло ничего общаго съ Славянами, обитавшими къ сѣверу отъ нихъ по обѣимъ отлогостямъ Карпатовъ.

Напротивъ того Чертковъ (l. c.) позднѣйшихъ Славянъ считаетъ за потомковъ приведенныхъ ѳракійскихъ народовъ, мало по малу переселившихся съ праваго берега Дуная на лѣвый, и мнѣніе это старается подкрѣпить смѣлыми выводами, основанными частью на подобозвучіи собственныхъ именъ, частью же на сходствѣ, по видимому поразительномъ, оружій, орудій, жилищъ и нарядовъ русскихъ съ подобными имъ предметами, изображенными на Траяновой колоннѣ. Но такъ какъ всѣ эти предметы были признаны похожими на соотвѣтствующія имъ кельтскія древности (см. выше), да притомъ, принадлежности и бытъ каждаго народа въ теченіе вѣковъ подвергаются измѣненіямъ, то они, безъ другихъ доказательствъ, пока еще не могутъ рѣшить вопросъ о тождествѣ Славянъ съ Даками.

Еще менѣе Черткова, другіе славянологи, писавшіе прежде и послѣ него, успѣли дать твердую опору гипотезѣ о славянскомъ происхожденіи Гетовъ и Даковъ.

Такъ напр. Катанчичъ [17]) въ пользу сего мнѣнія приводитъ мнимое родство гетскаго языка съ греческимъ, основы-

[16]) Slav. Alterth., I стр. 243,714,
[17]) Istri accolae, II, стр. 284.

валсь, совершенно не кстати, на нѣкоторыхъ стихахъ у Овидія (Tristia, V, 2, 68 и V, 7, 51), относящихся вовсе не къ Гетамъ, но къ греческимъ колоніямъ на западномъ берегу Чернаго моря, какъ то: Grajaque quod Getico victa loquela sono est, и in paucis remanent Grajae vestigia linguae. Столь же удачно Катанчичъ производитъ имена Гетовъ и Даковъ съ славянскаго: Djete quippe vox usque hodie apud Illyrios usitata adolescentem notat (ibid.). Daco casu vocandi honoratiorem quemvis et graviorem virum adpellamus.

Но если подобная простота извинительна у писателя XVIII вѣка, при тогдашнемъ состояніи сравнительной лингвистики, то спрашивается, что намъ подумать о Мицкевичѣ, когда онъ, въ своихъ чтеніяхъ о славянской литературѣ (III, стр. 68 нѣмецкаго перевода), превращетъ Мёзію или Мизію въ страну «мужей» славянскихъ, Паннонію —въ панство, Лидянъ въ «людей», тоже разумѣется изъ Славянъ, а въ имени Ѳраковъ слышитъ намекъ на свойственную имъ предъ прочими Славянами склонность къ дракѣ.

Даже Лелевель [18]) не успѣлъ дать прочнаго основанія фантазіямъ польскаго поэта-историка, когда выводитъ родство Гетовъ съ Славянами преимущественно изъ замѣченнаго имъ сходства нравовъ и религіозныхъ понятій обоихъ народовъ, поелику, какъ выше замѣчено, въ этихъ отношеніяхъ другіе ученые замѣчали подобное же сходство Гетовъ съ Кельтами.

Уже въ новѣйшее время болѣе серьезные доводы въ пользу славянскаго происхожденія Даковъ были приведены Мюлленгофомъ [19]). Между прочимъ онъ выражается слѣдующимъ образомъ:

«Первый звукъ въ имени дакійскаго города Δίερνα у Птолемея, Tierna на таблицѣ Пейтингера, Tsierna въ надписи у Муратори, Zerne въ дигестахъ—былъ вѣроятно «tsch» (ч.); если же рѣка Серетъ названа Геродотомъ Τιαραντός (Tiaran-

[18]) Czesc balwochwalcza Slawian i Polski. Posen, 1865; ср. рецензію Массіена де Шерваль въ Athénaeum français.

[19]) Ersch u. Gruber. Encycl. Geten, стр. 464 съ слѣд.

тосъ Геродота не Серетъ, но Алута), Птолемеемъ Ἱερασός, Амміаномъ Gerasus, то всѣ они явно только пытались передать намъ звукъ французскаго j (ж), польскаго ź, чешскаго ž; ибо g поставлено у Амміана вмѣсто j, а spiritus asper есть греческое добавленіе, вызванное созвучіемъ съ ἱερός. Такъ напр. Germigera у Космографа Равеннскаго соотвѣтствуетъ Птолемеевой Ζερμίζιργα.

Производная же форма αντός, asus въ Tiarantus, Ierasus, равно какъ и окончаніе въ Κοτήνσιοι, Βουριδεήνσιοι, Σήνσιοι и другія имена въ Дакіи, равно какъ и Οἰτήνσιοι, Ὀβουλήνσιοι при Гемѣ, Ναρήνσιοι въ Иллиріи—у Птолемея, (тогда какъ Плиній пишетъ Naresii), указываетъ на носовое ą - ę - какъ напр. въ польскомъ. Носовое ą подтверждается также именемъ рѣки Iantrus, Iatrus, Ieterus, Athrys. Если при томъ взять во вниманіе имя мѣстности Πάρτισκον, у Птолемея, при Тисѣ и колебавіе при наименованіи сей рѣки, называемой Tisia у Іорнанда и у Космографа, тогда какъ Плиній ее называетъ Pathissus, Амміанъ—Parthiscus; если къ тому еще имѣть въ виду имена городовъ Patavissa, Paloda и Parolissus въ Дакіи, то позволено будетъ думать, что Даки, по крайней мѣрѣ, имѣли сложныя слова, подобно славянскимъ Pořeči, Pomori, Polabany, Podgoritza etc. Быть можетъ и Naроса составлено такъ какъ náměsti.

«Можетъ быть», прибавляетъ Рёслеръ (Dac. и Rom. стр. 37) «и имя Ister, которымъ означался Дунай лишь въ нижнемъ теченіи своемъ, между Дакіею и Мизіею, находится въ связи съ славянскими рѣчными названіями Bistriz, Bistriza, Wisterniza etc».

Позволяю себѣ съ своей стороны замѣтить, что и славянскимъ ученымъ слѣдовало бы сдѣлать еще разъ тщательную ревизію дошедшихъ до насъ дакійскихъ словъ, сравниваемыхъ Гриммомъ въ одно и то же время съ нѣмецкими и литовскими, между тѣмъ какъ литовскій языкъ, находясь въ родствѣ болѣе съ славянскимъ, чѣмъ съ нѣмецкимъ, все таки не составляетъ звена, соединяющаго ихъ между собою [20])

---

[20]) Diefenbach, Orig. Eur. 357; ср. Grimm, стр. 712.

По этой то причинѣ, кажется, самъ Гриммъ, при объясненіи приведенныхъ словъ изъ литовкаго или нѣмецкаго, неоднократно считалъ нужнымъ искать ихъ значеніе въ языкѣ славянскомъ. Сказавъ, напр. предварительно (стр. 141), что, по его мнѣнію, имя упомянутаго Діономъ гетскаго царя Ῥώλης вѣроятно искаженіе имени дакійскаго царя Oroles, о которомъ говоритъ Юстинъ, онъ, подобно Черткову (l. c. 19, 89), узнаетъ въ этомъ имени славянское слово «орелъ», которое дѣйствительно въ немъ яснѣе отзывается, чѣмъ литовское названіе царя-птицы «errelis», или же древне-нѣмецкое «ara», «aro», къ которому Гриммъ охотно прибавилъ бы букву l: da auch unsere Sprache gern mit l ablautet.

Даже при отождествленіи «неоцѣнимаго» (Grimm, l. c. 559) *κρουστάνη* у Діоскорида съ литовскимъ названіемъ хелидоніума, отъ вниманія Гримма не ускользнуло, что у Славянъ крастелемъ, корастелемъ, называется, хотя и не ласточка, но другая перелётная птица. Не мѣшало-бы прибавить, что по имени этой птицы древлянскій городъ Коростень могъ быть названъ столь же правдоподобно, какъ упомянутый Геродотомъ (I, 57) ѳракійскій городъ Κρηστών, отъ гетскаго *κρηστή*, *κρουστή*, ласточка—и аистъ (Grimm, l. c. 555 и 544).

Такимъ же образомъ Гриммъ слышитъ въ дакійскомъ названіи ѳиміама «*μόζουλα*» отголосокъ польскаго названія сего растенія: macierzanka, macierza dusze, и припоминаетъ наше слово пріятельница, (prijatelnitscha, вмѣсто prijatelnitza), при отыскапіи значенія дакійскаго имени растенія *πριαδήλα*, хотя предпочитаетъ въ немъ узнавать древне-нѣмецкое «friudila», amica, и пр.

Мацеіовскій, разбирая въ свою очередь имена всѣхъ растеній, переданныя намъ Діоскоридомъ [21]) чтобы показать, что Даки были предками Полянъ, слышитъ отголосокъ дакійскаго названія дикаго винограда, *πριαδήλα*, въ старославянскихъ словахъ прати или же прѣти (стр. 35).

---

[21]) Maciejowski, Geto-Daki и проч. Warszawa, 1855.

Онъ же удачнѣе, сколько мнѣ кажется, сравниваетъ (стр. 31) дакійское названіе «σέβα» съ сербскимъ зоба, и указываетъ на сходство этихъ словъ съ польскимъ и чешскимъ названіемъ того же растенія: bez (бузина ср. Даль, Толк. Словарь). Гриммъ хотя и замѣчаетъ, что сербское зова (zova), sambucus nigra, какъ по формѣ, такъ и по значенію, близко походитъ на себа Діоскорида, тѣмъ не менѣе старается согласовать это слово не только съ кельтскимъ названіемъ бузины scobien, но и съ нѣмецкими названіями разныхъ другихъ растеній (стр. 149).

Въ такихъ обстоятельствахъ нельзя не пожалѣть о томъ, что онъ не счелъ нужнымъ прибѣгнуть къ помощи и славянскаго языка при объясненіи «каждаго» изъ названій дакійскихъ, оставленныхъ намъ Діоскоридомъ.

Такъ напр. нѣмецкій авторъ отождествляетъ дакійское названіе чемерицы «προδίορνα» съ готскимъ fropjarna, «могущимъ означать растеніе, развивающее умъ», хотя знаетъ, что это растеніе славянскимъ своимъ названіемъ обязано тому обстоятельству, что оно сильно дѣйствуетъ на носовые нервы, деретъ т. ск. или продираетъ нюхающаго. Названіе чемерицы онъ производитъ отъ слова cmyr, czmér, значущаго, по чешски и по польски «kriebeln in kopf was dem niesen vergeht» (покалываніе въ головѣ, предшествующее чиханію) По Мацеіовскому (31) это растеніе было названо προδίορνα, потому что расширяло źrenicy, «czyli przez jéj przedzieranie». Можно также сравнивать польское названіе октября «paździer-nik», происходящее по Гримму (стр. 68) «von der flachsbereitung» (отъ чесанія льна).

Сравнивши дакійское слово «κοαδάμα», означавшее какое то водяное растеніе, съ древне-нѣмецкимъ hodma (облако) и съ литовскимъ kodis, (кружка для воды), Гриммъ (стр. 147) сознается, что этимъ сравненіемъ мало выиграно (das sind ganz dünne Fäden), а затѣмъ спрашиваетъ: не лучше ли было бы указать на имя города бесскаго: Uscudama? Прибавимъ съ своей стороны, что, въ этомъ случаѣ, мы могли бы указать

на мѣстечко Кодыма, при рѣкѣ того-же имени, рѣзко отличающейся отъ прочихъ степныхъ рѣкъ Новороссійскаго края обиліемъ водъ и песчанистымъ свойствомъ своей долины [22]) и напоминающей намъ Птолемеево озеро Амадока, такъ названное, по Цейсу (l. c 697), — Даками, которымъ также присвоиваетъ (699) названіе Карпатовъ, тогда какъ Шафарикъ въ немъ узнаетъ славянское слово хрибъ, хребетъ, и тѣмъ даетъ намъ право видѣть въ Карподакахъ Зосимы (IV, 34) славянскихъ горцевъ, или Гораловъ, Кораллов Страбона (VII, 5, § 13), Аппіана (Mithr. 69) и Овидія (Pont. IV, 2, 37 и 8, 83).

О дакійскомъ названіи Діоскоридова Apollinaris «κοκωλίδα», или colida, Гриммъ замѣчаетъ только (стр. 147), что оно, вѣроятно, ничто иное, какъ подражаніе латинскаго слова cuculus, по нѣмецки kukuskraut, nachtschatten. Но такъ какъ, по Дифенбаху (l. c 259), это растеніе у Словенъ называется травою sv. Apolónije, то слѣдовало указать (если даже, какъ должно думать, «colida» описка)—на славянское божество Коляда, или же на растеніе куколь, въ древне-славянскомъ kokoliça.

Наконецъ прекрасное растеніе ἀστὴρ ἀττικός, которое Даками было называемо «ῥαδίβιδα», а Гримму напоминаетъ древне-нѣмецкое radibid, tempus consultandi, видомъ своимъ могло обрадовать нашихъ предковъ столько-же какъ и Нѣмцевъ. Мацеіовскому (стр. 28) ῥαδίβιδα напоминаетъ славянскія слова: радити и бѣда.

Признавая своихъ соотечественниковъ за потомковъ Даковъ, Гриммъ слышитъ отголосокъ нѣмецкихъ словъ въ первой только половинѣ именъ городовъ Аргидава, Нентидава, Маркодава, и Сингидава; въ окончаніи же дава узнаетъ латинскую форму имени Dacus, т. е. Davus. Но не говоря о томъ, что окончаніе это иногда встрѣчается въ словахъ славянскихъ, имена городовъ Буридава, Пироборидава, Сандава,

[22]) Шмидтъ, Матер. для Геогр. и Стат. Херс. губ. I. стр. 161.

Руспдава и др. столько же звучатъ по славянски, какъ Нентидава, или Нетнидава и др. по нѣмецки.

Въ пользу своего мнѣнія Гриммъ (119 и 131) считаетъ весьма важнымъ, что у прусскихъ Латышей польскіе, т. е. Самогеты, или Жмудь, называются Gudas или Guddas, и что въ имени гетскаго пророка Замолксиса или Салмоксиса, отзывается литовское szalmas, нѣмецкое helm.

Но такъ какъ это послѣднее слово въ древне-нѣмецкомъ нарѣчіи гласило schelm (Bergmann, Les Gètes, втор. изд. стр. 191), то мы имѣли бы также право привести въ пользу славянскаго происхожденія Гетовъ наше слово шлемъ, имѣющее одинакое значеніе съ нѣмецкимъ helm.

Что же касается литовскихъ именъ Самогеты и Гудасъ, то Шафарикъ (l. l. II, 466 и др.) показалъ, что они рѣшительно ничего не доказываютъ въ пользу предположеннаго Гриммомъ родства Гетовъ съ Готами.

Послѣдніе также, вопреки его мнѣнію, не имѣли ничего общаго съ «готскими» жрецами, которые, по Іорнанду (гл. X), назывались благочестивыми (illi (sacerdotes) qui Pii vocabantur) и въ коихъ нельзя не узнать «гетскихъ» πολισταί Іосифа Флавія и κτίσται Страбона.

Соглашаясь съ Рёслеромъ (Das vorr. Dacien, стр. 368, пр. 29), что оба автора говорятъ объ одномъ и томъ же классѣ людей, я потому именно не могу раздѣлять его мнѣніе, что тотъ и другой передали намъ только греческій переводъ туземнаго названія этихъ жрецовъ. Напротивъ того я думаю, что одно изъ этихъ названій должно считать за туземное. Если положить съ Гроскурдомъ (Strabons Erdbeschr. I, стр. 523, пр. 1), что такимъ было слово «ктисты», не смотря на греческую его форму, то мы имѣли бы право слышать въ немъ, съ Чертковымъ (l. c. 93), славянское слово «чистые». Разумѣется, въ этомъ случаѣ пришлось бы допустить, что ктисты Страбона называются у Іосифа уже не πολισταί [23]), но πλεῖστοι

[23]) Conditores, cp. ed. Dindorf. Par. 1845, стр. 695.

какъ читается въ прежнихъ изданіяхъ, которымъ, безъ сомнѣнія, не слѣдуетъ всегда предпочитать безусловно новѣйшія.

По крайней мѣрѣ, если бы меня заставили выбрать одно изъ противуположныхъ мнѣній касательно народности Гетовъ или Даковъ, то я считалъ бы правдоподобнѣйшимъ мнѣніе Черткова и Мюлленгофа, и видѣлъ бы въ обоихъ народахъ предковъ тѣхъ Славянъ, которые въ V и VI столѣтіяхъ изъ-за Дуная часто нападали на Византійскую имперію и которыхъ Ѳеофилактъ Симокатта (ed. Bonn. 119.) могъ, по справедливости, называть Гетами. Если же Генезій (ibid. 33) не ошибся, различая послѣднихъ отъ Славянъ, то онъ подъ своими Гетами могъ только разумѣть Готовъ, которыхъ также Марцеллинъ [24]) подъ тѣми же Гетами скорѣй могъ имѣть въ виду, чѣмъ Гунновъ Прокопія, то есть хаканскихъ Болгаръ, какъ полагалъ Гопфъ [25]), доказывая, что Фалльмерайеръ ихъ смѣшалъ съ Аварами Эвагрія.

Во всякомъ случаѣ Несторъ, говоря о борьбѣ ихъ съ Волохами, подъ послѣдними скорѣй имѣлъ въ виду Италійцевъ временъ Траяна, нежели, какъ утверждаетъ Рёслеръ (Dac. u. Rom. стр. 50 пр. 2), нашествіе Лонгобардовъ, жившихъ въ Панноніи въ VI столѣтіи нашей эры, или же воинственныя движенія Галловъ въ IV вѣкѣ до Р. Х., какъ полагаетъ Раулинсонъ (Hist. of. Herod. III, стр. 156 пр. 8), и какъ всѣми силами старается доказать Шафарикъ.

Не говоря о томъ, что упомянутые набѣги Галловъ IV и даже III вѣка едва ли касались Трансильваніи, не могу считать основательнымъ мнѣніе Шафарика, по слѣдующимъ причинамъ:

1) Нѣмцы въ настоящее время не Французовъ, но Итальянцевъ, называютъ Вельшами, потому что предки ихъ подъ именемъ walah, wälsche, чужестранцы, разумѣли обитателей

---

[24]) Roncali, Vetust. lat. scriptt II, 303 et passim.
[25]) Allg. Encycl. LXXXV, 78.

всѣхъ покоренныхъ ими римскихъ провинцій, а не одной только Галліи.

2) Англосаксонскіе монахи, по сей именно причинѣ, жителей Франціи называли «Gal-walas», antiquo vocabulo quasi Gallos Romanos [26]).

3) Славяне, познакомившіеся въ Римлянами при посредствѣ Германцевъ и называющіе нынѣ не Французовъ, но Италіянцевъ, Волохами или Влахами, приняли сіе имя отъ Нѣмцевъ еще до временъ Нестора [27]), и затѣмъ уже имъ также стали означать народъ, который самъ себя называетъ Румынскимъ, т. е. Римскимъ, и говоритъ языкомъ гораздо ближе подходящимъ къ итальянскому, чѣмъ къ какому нибудь другому языку, не исключая древне-кельтскаго.

Притомъ авторъ «Славянскихъ древностей» хотя и узнавалъ Кельтовъ въ Несторовыхъ Влахахъ, тѣмъ не менѣе допускаетъ, что Славяне подъ послѣднимъ именемъ разумѣли также Римлянъ, переселившихся въ Дакію, а по сему самому приходитъ къ заключенію, что лѣтописецъ нашъ, безъ сомнѣнія, смѣшалъ различныя преданія, сохранившіяся у Дунайскихъ Славянъ (Slav. Alt. I, 229—237), и такимъ образомъ сваливаетъ на Нестора свою собственную вину.

Признавая, подобно Шафарику (l. l. 32 и др.), нынѣшній валахскій или румынскій языкъ за одну изъ вѣтвей латинскаго, я отнюдь не согласенъ съ мнѣніемъ тѣхъ писателей, которые, по неумѣстному, въ дѣлѣ строгой науки, патріотическому влеченію, хотятъ непремѣнно видѣть въ нынѣшнихъ Румынахъ, обитающихъ на сѣверной сторонѣ Дуная, прямыхъ потомковъ римскихъ колонистовъ, переселенныхъ Траяномъ въ Дакію, хотя не отрицаю, что число ихъ должно было значительно возрасти въ теченіе около двухсотъ-лѣтней зависимости этой провинціи отъ Римской имперіи.

Но зато не думаю, чтобы много оставалось Римлянъ на

[26]) Thierry, Conq. de l'Anglet. I, 153.

[27]) Schafarik, I, 229; ср. Jireček, Die Wlachen und Maurowlachen и пр. Prag, 1879.

сѣверной сторонѣ Дуная, послѣ того, когда «возстановитель имперіи» Авреліанъ уступилъ Дакію варварамъ, переведши оттуда войска и провинціаловъ (Fl. Vopiscus, Aurel.) изъ городовъ и селеній (Eutrop. 9, 15) въ средину Мизіи, гдѣ была учреждена новая провинція подъ именемъ Дакіи. Во всякомъ случаѣ, если даже допустить, что нѣкоторые изъ прежнихъ жителей остались тогда въ Траяновой Дакіи, то можно быть увѣрену, что они не могли сохранить свою народность долгое время въ странѣ, въ которой, послѣ нашествія Гунновъ на Европу, въ продолженіи пяти столѣтій смѣнялись, среди безпрерывной борьбы, Готы, Вандалы, Гунны, Гепиды, Славяне, Лонгобарды, Авары и Мадьяры.

Въ Авреліановой Дакіи, напротивъ того, равно какъ и въ прочихъ провинціяхъ Восточной имперіи, гдѣ также находились римскія общины въ большемъ или меньшемъ числѣ, онѣ, подобно албанскимъ и еврейскимъ, должны были тѣмъ легче сохранить свою народность, среди греческихъ и славянскихъ своихъ согражданъ, что при византійскомъ дворѣ и въ провинціальной администраціи долго еще преобладалъ латинскій элементъ. Нынѣ даже, въ разныхъ частяхъ Балканскаго полуострова, въ Болгаріи, Сербіи, Македоніи, Ѳессаліи и Эпирѣ, обитаетъ нѣсколько сотъ тысячъ т. н. Куцо-валаховъ, которые говорятъ языкомъ весьма близко подходящимъ къ румынскому и самихъ себя называютъ Румынами (Roesler, Dac. u. Rom 59). У византійскихъ писателей они подъ именемъ Влаховъ являются не раньше временъ Алексія Комнина (Anna Comn V, 5), что и заставляетъ думать, что это прозваніе къ нимъ также перешло отъ Нѣмцевъ, хотя не прямо, но при посредствѣ Славянъ, подобно тому, какъ они отъ сихъ послѣднихъ заимствовали имена Россовъ, Варяговъ и Колбяговъ, (Датчанъ?), и даже самихъ Нѣмцевъ стали означать славянскимъ ихъ именемъ. По хрисовулу Алексія I, 1088 года, въ пользу монастыря св. Іоанна на островѣ Патмосѣ [28]) импе-

[28]) Аѳинскій журн. Пандора 1865 г. приведени. Гопфомъ, въ энциклоп. лекс. Эрша и Грубера, LXXXV, 149.

раторская гвардія состояла тогда изъ контингентовъ: Ῥώσσων, Βαράγγων, Κουλπίγγων, Ἰγγλίνων, Φράγγων, Νεμίτζων, Βουλγάρων, Σαρακηνῶν, Ἀλανῶν, Ἀβασγῶν.

Подобно тому какъ и теперь, обитавшіе въ тѣ времена въ предѣлахъ имперіи Влахи были большею частію пастухи, изъ коихъ однако иногда собирали рекрутъ для императорскаго войска; одинъ изъ ихъ начальниковъ въ войнѣ съ Куманами назывался Пудиласъ (Anna Comn. VIII, 3). Затѣмъ они упоминаются въ царствованіе Мануила I (1143—1180); они берутъ въ плѣнъ (1185) бѣжавшаго предъ Нормандійцами изъ Константинополя императора Андроника (Nicet. Chon. p. 171); подъ начальствомъ Леона Ватацеса значительный отрядъ Влаховъ вторгается въ Венгрію, по свидѣтельству Киннама (VI, 3), который прибавляетъ, что ихъ считали сосѣдями Итальянцевъ, т. е. Римлянъ, и ихъ родство съ сими послѣдними было извѣстно позднѣйшему Халкокондилу (De rebus Turcicis, II, ed. Bonn. 77—78). Размножившись болѣе и болѣе, они отчасти кочевали во Ѳракіи между Гемомъ и Дунаемъ; другіе странствовали со стадами по отлогостямъ Пинда. Во время Веньямина Тудельскаго, часть Ѳессаліи именовалась Влахіею [29]. Никита (p. 841) знаетъ гористую часть Ѳессаліи подъ названіемъ Великой Влахіи и говоритъ о тамошнемъ владѣтелѣ, подъ которымъ однако не должно разумѣть туземнаго князя, но франкскаго завоевателя, графа Бартольда фонъ Катценэлленбогенъ (Allg. Enc. l. c. 165).

Влахи, обитавшіе между Гемомъ и Дунаемъ, мало по малу смѣшались съ ославянившимися Болгарами, которые со временъ Василія II находились въ весьма жалкомъ положеніи. Соединившись съ турецкими Куманами, оба народа возстали противъ Византійцевъ при императорѣ Исаакѣ Ангелѣ (1185—1195) подъ предводительствомъ двухъ братьевъ изъ Болгаръ, Петра и Асѣня, и послѣ переворотовъ военнаго счастія, успѣли отложиться отъ имперіи. По убіеніи обоихъ, младшій братъ ихъ

---

[29]) Tafel, De Thessalonica etc. 467—520.

Іоаннъ продолжалъ успѣшно войну съ Алексіемъ III (1195—1203), вступилъ въ сношенія съ папою Иннокентіемъ III и даже папскимъ легатомъ былъ коронованъ въ Терновѣ за нѣсколько мѣсяцевъ предъ изгнаніемъ Алексія крестоносцами изъ Константинополя. Болгаро-валахское царство держалось при слабой Латинской имперіи, и при Палеологахъ продолжало существовать, не смотря на внутреннія смуты и набѣги Монголовъ, до самаго 1388 года, въ которомъ подпало власти Турокъ.

Въ началѣ борьбы Болгаръ съ Греками могли совершиться, какъ думаетъ Рёслеръ (Dac. u. Rom. 71), первые переходы Румыновъ съ южнаго берега Дуная на сѣверный. Принуждаемые неоднократно искать убѣжище у половецкихъ своихъ союзниковъ, которые, какъ показалъ Бѣляевъ (Зап. Одесс. Общ. III, 37), около этого времени многочисленнѣйшими ордами разсыпались по западному берегу Днѣпра и далѣе за Днѣстръ до Дуная, многіе Валахи съ своими семействами оставались охотно въ тамошнихъ злачныхъ степяхъ, столь пригодныхъ для любимаго ими кочеваго образа жизни.

Когда въ первой трети XIII столѣтія Половцы, разбитые Монголами, стали перебираться въ Венгрію и Трансильванію, Валахи послѣдовали ихъ примѣру. По крайней мѣрѣ имя ихъ въ мѣстныхъ грамотахъ не упоминается раньше 1222 года (Roesler, l. c. p. 57). Если же затѣмъ, судя по другимъ грамотамъ (напр. Белы IV, 1237 года), орденъ Іоаннитовъ владѣлъ Куманіею съ Валахскою областью Литира (ibid. 72), то это только подтверждаетъ гипотезу о постепенномъ, мирномъ ихъ переходѣ съ южнаго берега на сѣверный. Подобное переселеніе Валаховъ въ Мармарошъ случилось, по достовѣрному извѣстію, при венгерскомъ королѣ Ладиславѣ IV, въ томъ же 1284 году, въ которомъ императоромъ Андроникомъ изданъ былъ приказъ, чтобы жившіе около Константинополя Валахи переселились въ Малую Азію. Легко могло статься, что они, если не всѣ, то нѣкоторая часть тогда же рѣшились выбрать изъ двухъ золъ меньшее и переселились въ страну, гдѣ обитали ихъ братья, вмѣсто того, чтобы переплыть въ со-

сѣдство сельджукскихъ Турокъ, непримиримыхъ враговъ христіанства.

Изъ Мармароша послѣдовало затѣмъ, (1359) заселеніе княжествъ, именно Молдавіи съ Бесарабіею, гдѣ они смѣшались съ обитавшими тамъ Русскими, которыхъ мало по малу успѣли олатинить (Dlugosz IX, 1122). Неудивительно, что они тамъ застали много Русскихъ, поелику весь край до Прута и даже до Серета прежде принадлежалъ къ Галицкому княжеству, и такъ какъ еще гораздо позже въ числѣ русскихъ городовъ упоминаются [30]): Дрествинъ, Бѣлгородъ, Черпъ, Аскій торгъ, Романовъ торгъ, Немечь, Сочава, Середъ, Баня и др.

Даже по основаніи княжества Молдавскаго, русскіе купцы не переставали посѣщать эти города ради торговли [31]).

Выводы, извлеченные здѣсь изъ показаній современниковъ, подтверждаются еще разными другими соображеніями.

Если напр. положить, что Румыны дѣйствительно оставались постоянно въ древнихъ своихъ жилищахъ къ сѣверу отъ Дуная, то мы были бы въ правѣ ожидать, что тамъ должны сохраниться кое какіе слѣды ихъ пребыванія. Неужели въ языкѣ ихъ не отразилось бы вліяніе другихъ народовъ, которые, по очереди, въ теченіе столѣтій, господствовали въ ихъ родинѣ? Неужели, вопреки разрушающему дѣйствію времени, въ позднѣйшихъ географическихъ именахъ не отзывался бы отголосокъ римскихъ названій? По крайней мѣрѣ подобное явленіе представляютъ намъ прочія романизованныя страны, въ которыхъ римскій элементъ остался преобладающимъ. Сколь насильственнымъ и глубокимъ не было бы на него вліяніе чужихъ элементовъ, тѣмъ не менѣе они подъ конецъ имъ поглощались или изгонялись, бывъ малочисленнѣе и менѣе развиты. Такъ случилось во Франціи, Испаніи, Италіи и частью въ Англіи. Это испытали Франки, Вестготы, Свевы, Вандалы, Остготы, Лонгобарды. Частныя различія въ процессѣ смѣше-

---

[30]) П. С. Р. Лѣтоп. VII. 24).
[31]) Акты отн. къ ист. Зап. Росс. I, 30.

нія Германцевъ съ Римлянами постоянно отражались въ измѣненіяхъ языка, настоящаго хранилища грамотъ относительно хода сего процесса; въ этомъ архивѣ ничего не пропадаетъ; каждое нѣмецкое слово, новые идіотизмы романскихъ народныхъ языковъ, все это памятники древнихъ смѣшеній народовъ. Такъ, въ языкахъ испанскомъ и итальянскомъ встрѣчаемъ много германскихъ словъ и выраженій; еще болѣе ихъ представляетъ намъ языкъ французскій. Владычество Арабовъ, долгое ихъ пребываніе на Пиренейскомъ полуостровѣ увѣковѣчено въ арабскихъ словахъ испанскаго языка; основаніе кельтское и нынѣ еще до извѣстной степени замѣчается во французскомъ

Итакъ валахскій языкъ долженъ былъ также сохранить слѣды историческаго процесса, пережитаго Румынами, если не въ отношеніи къ грамматикѣ, то по крайней мѣрѣ въ лексикальномъ. Поелику же переселеніе народовъ, кончившееся во Франціи въ V столѣтіи, въ Италіи въ VI, въ Испаніи въ VIII, продолжалось до XIV вѣка при нижнемъ Дунаѣ, да при томъ новые пришельцы тутъ чаще смѣнялись, то и должно было послѣдовать на этомъ поприщѣ весьма пестрое смѣшеніе языковъ. Дѣйствительно, съ давнихъ поръ эта сильная смѣсь валахскаго языка съ чужими словами была замѣчаема всегда съ удивленіемъ.

Но какія именно чужестранныя слова мы встрѣчаемъ въ валахскомъ языкѣ? Если станемъ придерживаться обыкновеннаго мнѣнія, что Валахи никогда не оставляли древнихъ жилищъ своихъ въ Дакіи, то мы должны расчитывать на сильный контингентъ германскихъ словъ въ ихъ языкѣ. Вѣдь Готы и Гепиды довольно долго господствовали въ Трояновой Дакіи.

Между тѣмъ въ валахскомъ языкѣ не только не встрѣчаемъ болѣе германизмовъ, чѣмъ въ другихъ романскихъ языкахъ, но ихъ въ немъ совсѣмъ нѣтъ. Небольшое число нѣмецкихъ словъ, представляемыхъ намъ лексикономъ, принадлежатъ новѣйшему времени и заимствованы изъ саксонскаго діалекта Трансильваніи.

Затѣмъ слѣдовало-бы ожидать, что намъ представится много словъ турецко-татарскихъ. Въ теченіе столѣтій въ древней Дакіи или въ ея сосѣдствѣ кочевали Печенѣги, Узы (Торки), Куманы (Половцы), и съ ними Румыны должны были, по крайней мѣрѣ, находиться въ многократныхъ сношеніяхъ, слѣды которыхъ должны были сохраниться въ ихъ языкѣ тѣмъ вѣроятнѣе, что валахскому языку вовсе не свойственно отвращеніе къ усвоенію себѣ иностранныхъ словъ. Между тѣмъ нельзя указать на существованіе въ немъ подобныхъ словъ, хотя мы въ состояніи обсудить этотъ вопросъ, поелику до насъ достигъ довольно полный словарь куманскаго языка, относящійся къ XIV вѣку. Нужно только сличить столбцы этого Lexicon Comanicum съ румынскимъ словаремъ, чтобы убѣдиться, что между ними нѣтъ почти ничего общаго. Правда, нынѣшній валахскій языкъ содержитъ въ себѣ разныя турецкія формы и слова. Но эти тюркизмы относятся къ нынѣшнему турецкому языку, смѣси древне-тюркскаго, персидскаго и арабскаго, и являются въ валахскомъ языкѣ только съ тѣхъ поръ, когда владычество Порты утвердилось на нижнемъ Дунаѣ.

Итакъ тѣ именно языки, которые, до XIII столѣтія, господствовали къ сѣверу отъ нижняго Дуная, вовсе не имѣли вліянія на валахскій языкъ. Но еще страннѣе, по видимому, то, что языкъ этотъ подвергался преимущественно вліянію тѣхъ языковъ, которые были въ употребленіи исключительно на южной сторонѣ Дуная. Не говоря объ отоманскомъ языкѣ, о которомъ уже было упомянуто, и коего вліяніе начало обнаруживаться не ранѣе XV столѣтія, валахскій языкъ представляетъ намъ значительное число болгаро-славянскихъ и греческихъ словъ, суффиксовъ и формъ. Правда, что, по Шафарику (II, 199), Славяне до своего перехода въ Мизію и Ѳракію, обитали (въ VI вѣкѣ) въ Дакіи, что она затѣмъ входила въ составъ перваго болгарскаго царства подъ названіемъ Задунайской Болгаріи, и что болгарскіе цари часто туда переводили изъ Мизіи плѣнныхъ Славянъ для заселенія пустопорожняго края. Но по сему именно естественнѣе предпо-

ложить, что упомянутое смѣшеніе валахскаго съ болгарскимъ послѣдовало на югъ отъ Дуная, гдѣ преобладали Славяне и слѣдовательно могли скорѣе имѣть вліяніе на своихъ валахскихъ сосѣдей, чѣмъ переселенные на сѣверный берегъ Дуная ихъ соотечественники, не говоря о томъ, что послѣдніе тамъ, вѣроятно, не застали Валаховъ. Неоднократно было уже замѣчаемо, что въ румынскихъ государствахъ, возникшихъ въ XIV столѣтіи на сѣверъ отъ Дуная, всѣ высшія должности именовались славянскими названіями, какъ то: банами, великими дворниками, постельниками, ключарями, стольниками, коморниками, пахарниками. Являются бояры совѣта, исправники и другіе чиновники—все славянскіе. Отъ кого-же, если не отъ болгарскихъ царей, князья румынскіе могли заимствовать этотъ славянскій придворный штатъ?

«Развѣ правдоподобнѣе», спрашиваетъ г. Рёслеръ (77), «что они его приняли отъ бѣдныхъ, разъединенныхъ славянскихъ селеній на сѣверной сторонѣ Дуная?»

Мы уже имѣли случай замѣтить, что тамъ, даже послѣ монгольскаго нашествія существовали не только деревни, но и города, населенные Русскими.

Всетаки нельзя не согласиться съ г. Рёслеромъ, что не отъ нихъ, но отъ болгарскаго двора, вышеприведенныя должности перешли въ Молдавію и Валахію (Schafarik, II, 206).

Съ другой стороны, разныя латинскія слова въ нынѣшнемъ болгарскомъ языкѣ, свидѣтельствуютъ, что Болгары были въ сношеніяхъ съ народомъ, обитавшимъ къ югу отъ Дуная и говорившимъ романскимъ діалектомъ.

Греческіе элементы въ языкѣ Румыновъ также указываютъ на долговременную ихъ связь съ народомъ, говорившимъ по гречески, поелику изъ эллинизмовъ меньшая часть можетъ быть отнесена къ придворной жизни фанаріотскихъ господарей XVII вѣка: грецизмы эти тѣмъ чаще встрѣчаются, чѣмъ продолжительнѣе были сношенія съ Византіею: вотъ почему ихъ гораздо болѣе въ македоно-валахскомъ нарѣчіи, чѣмъ въ сѣверномъ, не такъ долго подверженномъ вліянію греческаго языка.

Пытались иногда объяснить албанскія слова въ валахскомъ языкѣ инымъ образомъ, чѣмъ сосѣдствомъ обоихъ народовъ въ средніе вѣка Полагали, что дакійское основаніе сохранилось въ нынѣшнемъ валахскомъ языкѣ, что Даки и Иллиріяне говорили однимъ и тѣмъ же языкомъ и что отъ этого языка произошелъ нынѣшній албанскій языкъ.

«Новогреческій языкъ» говоритъ Миклошичъ [32]) «представляетъ особенности, которыя не могутъ быть объяснены изъ эллинскаго; болгарскій и частью сербскій заключаютъ въ себѣ загадки, которыя не могутъ быть рѣшаемы изъ языковъ славянскихъ. Въ румынскомъ мы находимъ явленія, которыя не имѣютъ ничего общаго съ латинскимъ. Особенности эти, свойственныя языкамъ Балканскаго полуострова, могутъ быть приписываемы элементу автохтонскому и служить подпорою мнѣнію, что этотъ элементъ въ сущности тождественъ съ нынѣшнимъ албанскимъ».

Хотя мнѣніе это, высказанное еще Туиманомъ, нашло защитника въ ученомъ, который въ этомъ случаѣ долженъ быть почитаемъ судьею весьма компетентнымъ, тѣмъ не менѣе можно еще усомниться въ близкомъ родствѣ Иллиріянъ съ Ѳраками и слѣдовательно также Албанцевъ съ Даками.

Къ счастію нѣтъ надобности въ предстоящемъ изслѣдованіи рѣшать предварительно этотъ спорный и трудный вопросъ. Онъ можетъ быть оставленъ въ сторонѣ, а тѣмъ не менѣе прочія соображенія, только что представленныя, не теряютъ своей силы.

Поэтому до поры до времени можно придерживаться мнѣнія, что нѣкоторыя изъ особностей валахскаго языка перешли къ нему тогда, какъ Румыны были сосѣдями Шкипетаровъ.

Заимствовавъ изложенное здѣсь мнѣніе о судьбахъ тѣхъ именно потомковъ древнихъ Римлянъ, которые болѣе прочихъ

[32]) Das slav. Element im Rumunischen, стр. 5.

намъ близки по своему языку, по жилищамъ своимъ и по религіи, да притомъ съ нами связаны отчасти узами политическими,—преимущественно изъ трехъ, часто мною упомянутыхъ статей г. Рёслера, я считаю себя обязаннымъ представить здѣсь и тѣ положенія, которыми авторъ резюмируетъ, къ концу своего труда (стр. 98), результатъ критической дѣятельности своей относительно началъ исторіи и языка валахскихъ.

1) Римляне изгнали Даковъ изъ родины ихъ и заселили завоеванный край совершенно снова. При продолжающейся враждѣ между римскою провинціею дакійскою и обитавшими внѣ оной свободными Даками, смѣшеніе сихъ послѣднихъ съ Римлянами не могло состояться.

2) При недостаткѣ памятниковъ дакійскаго языка, до сихъ поръ не указаны остатки его въ румынскомъ: доказательствомъ въ ихъ пользу не можетъ служить сходство съ албанскимъ, поелику сходство сего послѣдняго (иллирійскаго) съ дакійскимъ (ѳракійскимъ) можетъ быть слѣдствіемъ общаго индо-европейскаго ихъ родства.

3) Валахи называютъ себя Румынами (Rumâni), потому что были подданными римской, т. е. византійской имперіи, подобно тому, какъ и Ново-греки и Болгары называютъ себя Ромеями (Ῥωμαῖοι).

4) Они суть потомки многочисленныхъ римскихъ колонистовъ, переведенныхъ изъ Траяновой Дакіи въ Авреліанову, разъединенныхъ переселеніями народовъ и заброшенныхъ по всему пространству восточной и средней частей Балканскаго полуострова. Должно различать двѣ вѣтви: сѣверную и южную. Родиною первой была Болгарія и оттуда заселены были Трансильванія, Валахія и Венгрія. Жилища южной вѣтви находятся и теперь еще въ Македоніи и Ѳессаліи. Сѣверная вѣтвь болѣе южной смѣшалась съ Славянами по причинѣ продолжительнѣйшей и теснѣйшей связи съ Болгарами.

5) Римская культура совершенно исчезла въ Траяновой Дакіи. Такъ какъ тамъ не осталось Римлянъ, то и ни одинъ изъ значительныхъ въ то время городовъ не сохранилъ своего

имени. Всѣ главныя мѣста въ Валахіи, Банатѣ и Трансильваніи основаны въ послѣдствіи, но не Румынами, которые ихъ не означали новыми именами, но довольствовались употребленіемъ прежнихъ, переводя или произнося ихъ по своему. Это мы усматриваемъ, между прочимъ, изъ сохранившихся древнихъ именъ нѣкоторыхъ рѣкъ. Румынскія названія Oltu, Temesiu, Maresiu, вмѣсто Aluta, Tibiscus, Marisius, явно заимствованы изъ мадьярской ихъ формы. Подобныхъ явленій мы не встрѣчаемъ въ другихъ романизованныхъ странахъ: Италіи, Франціи, Испаніи. Даже въ Англіи, Швейцаріи и южной Германіи не замѣчаемъ столь рѣзкаго прекращенія связи съ прошедшимъ временемъ. И въ этихъ странахъ многія топографическія имена явно происхожденія римскаго.

6) Трансильванія и Дунайскія княжества не суть романскія страны, но были отчасти только романизованы, и то весьма поздно. Это явленіе отдѣляется промежуткомъ тысячелѣтнимъ отъ эпохи, когда Римляне выбыли изъ этихъ странъ.

7) Въ слѣдствіе пребыванія Валаховъ на югѣ отъ Дуная, языкъ ихъ стольже мало смѣшался съ элементами германскими, какъ и съ куманскими или печенѣжскими.

8) Кочевой образъ жизни и незамѣченное появленіе Валаховъ въ областяхъ уже устроенныхъ въ гражданскія общества объясняетъ, почему до послѣдней трети XVIII столѣтія права ихъ не были опредѣлены въ Трансильваніи.

9) Переселеніе Валаховъ (на сѣверъ отъ Дуная) изъ греческой имперіи объясняетъ, почему они среди народовъ, исповѣдающихъ католицизмъ, придерживаются православія и постоянно оставались въ тѣсной связи съ Константинополемъ и Аѳонскою горою.

10) Обратное переселеніе Валаховъ въ частностяхъ мало извѣстно, поелику оно было постепеннымъ передвиженіемъ къ сѣверу странствующихъ пастуховъ: незамѣтное въ своихъ началахъ, оно продолжалось мирнымъ и тихимъ образомъ. Тѣмъ не менѣе переселеніе ихъ въ Трансильванію и Княжества было

по своимъ слѣдствіямъ важнѣйшимъ событіемъ въ исторіи народа Румынскаго.

Разумѣется, что положенія эти, основанныя на солидныхъ доказательствахъ, сильно потрясли шаткія подпоры румынской исторіографіи, а по сему самому не могли не произвесть большаго раздраженія по сю и ту сторону Алуты. Зато теорія Рёслера, подробнѣе имъ затѣмъ изложенная въ его Romänische Studien (1873), нашла многихъ приверженцевъ въ ученомъ мірѣ внѣ соединенныхъ княжествъ, и только въ послѣднее время явились противники оной, не въ одной Румыніи, но и въ собственномъ его отечествѣ. Къ нимъ принадлежалъ J. Jung въ сочиненіи (Römer und Romanen, 1877), слишкомъ расхваленномъ извѣстнымъ берлинскимъ географомъ Кипертомъ (Lehrbuch der alten Geographie, 1878 стр. 337), который главнымъ аргументомъ противъ гипотезы Рёслера, послѣ совпаденія области нынѣшняго румынскаго языка съ предѣлами царства и провинціи Дакіи, считаетъ то обстоятельство, что мадьярское слово «déak für lateinisch» свидѣтельствуетъ, что во время завоеванія края Мадьярами романизованные его обитатели все еще назывались Даками.

Къ сожалѣнію преждевременная смерть даровитаго грацскаго профессора († 1874) лишила насъ возможности узнать былъ-бы онъ принужденъ сознаться, что приведенными неопровержимыми (?) доказательствами Киперта былъ рѣшенъ окончательно спорный между ними вопросъ. Въ такомъ только случаѣ, я съ своей стороны считалъ бы весьма правдоподобнымъ мнѣніе, что по выходѣ главной массы Валаховъ [33]) въ Авреліановую Дакію, небольшая часть ихъ соотечественниковъ удержалась въ прежнихъ своихъ жилищахъ въ Траяновой (Ср. Rösler, Romän. Studien, стр. 202, прим. 1).

---

[33]) Olah у Мадьяровъ, у которыхъ Итальянцы называются Olasz,

2007051309